

ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МГУ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА
МГУ

Под редакцией С.П. Карпова

[83]

СЕРИЯ III
INSTRUMENTA STUDIORUM
(27)

Редакционный совет:

академик РАН, д. и. н., проф. С.П. Карпов (сопредседатель);
д. иск., проф. И.И. Тучков (сопредседатель);
д. и. н., проф. Л.С. Белоусов; д. и. н., проф. Н.С. Борисов;
д. и. н., проф. Л.И. Бородкин; д. и. н., проф. А.Г. Голиков;
д. и. н., проф. С.В. Девятов; д. и. н. А.Р. Канторович;
д. и. н., гл. н. с. Л.В. Кошман; академик РАН, д. и. н., проф. Ю.С. Кукушкин;
д. и. н., проф. Л.С. Леонова; к. и. н. Н.В. Литвина; д. и. н., проф. Г.Ф. Матвеев;
д. и. н., проф. С.В. Мироненко, д. и. н., член-корр. РАН Е.И. Пивовар;
д. и. н., проф. А.В. Подосинов; д. фил. н., проф. О.В. Раевская;
к. и. н., доц. Ю.Н. Рогулев; д. и. н. С.Ю. Сапрыкин; д. и. н.,
проф. В.В. Симонов; д. иск., проф. В.В. Седов; к. и. н., доц. О.В. Солопова;
д. и. н. А.А. Талызина; д. и. н., проф. Д.А. Функ

МОСКВА
2016

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ
КАФЕДРЫ
ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ

Выпуск IV

OPVSCVLA CATHEDRAE
LINGVARVM
ANTIQVARVM

Fasc. IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2016

ББК 63.3
УДК 93/99
Т 78

*Печатается по решению Ученого совета
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
от 3 июня 2016 г. (протокол № 4)*

Рецензенты:

д. и. н., заведующий кафедрой истории древнего мира исторического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова С.Ю. Сапрыкин
д. и. н., заведующий отделом полевых исследований Института
археологии РАН, проф. А.А. Масленников

Редакционная коллегия:

д. и. н. А.В. Подосинов (ответственный редактор),
к. и. н. А.В. Мосолкин, к. ф. н. Е.В. Приходько, к. и. н. И.Ю. Шабага

Т 78 Труды кафедры древних языков. Вып. IV / Отв. редак-
тор А.В. Подосинов. — М.: Издательство «Индрик», 2016. —
336 с. — (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 83;
Сер. III. Instrumenta studiorum: 27).

ISBN 978-5-91674-404-0

Настоящий сборник научных статей, подготовленный сотрудни-
ками кафедры древних языков исторического факультета МГУ, по-
священ различным проблемам классической филологии, античной
истории, культуры, географии и этнографии, средневековой литера-
туры. В книге впервые публикуются переводы некоторых древне-
греческих, латинских, византийских и ирландских сочинений. Тра-
диционно в сборник включены некоторые учебно-методические раз-
работки, связанные с преподаванием древнегреческого и древнеев-
рейского языков, а также латинской эпиграфики.

Для историков и филологов, преподавателей и студентов вузов,
а также для всех, интересующихся античной культурой.

**ББК 63.3
УДК 93/99**

ISBN 978-5-91674-404-0

© Исторический факультет МГУ, 2016
© Коллектив авторов, 2016
© Издательство «Индрик», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск трудов Кафедры древних языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова¹ выходит накануне большой даты в истории кафедры — она была создана на истфаке почти 80 лет назад, в 1937 году; ею руководил известный ученый, чл.-корр. АН СССР, проф. Николай Иванович Новосадский. В 1949 году работа кафедры после некоторого перерыва возобновилась.

Возраст кафедры почтенный, но ее состав постоянно пополняется молодыми сотрудниками, вносящими в работу кафедры юношеский задор, максимализм и энергию. Радует также, что совместный труд давно служащих нашему делу сотрудников кафедры и только приступающих к работе дает хороший шанс постоянно оставаться в творческом поиске, сохраняя все лучшее, что было наработано.

Несмотря на всяческие пертурбации в университетском образовании, связанные с переходом на Болонскую систему и выработкой новых образовательных стандартов, руководству факультета удается отстаивать достаточное количество часов для занятия древними языками со студентами кафедр древней истории, средних веков и истории церкви. Отличное владение древнегреческим и латинским языками является необходимым условием будущей профессиональной состоятельности студентов этих профилей, о чем с такой страстностью пишет в своем почти манифесте, публикуемом в начале тома, сотрудник кафедры *А.В. Белоусов*.

Преподаватели кафедры в силу своего профиля — языки и история — часто работают на стыке этих двух дисциплин (если их вообще можно разделять). Поэтому публикуемые здесь труды имеют как филологическую, так и историческую направленность. При этом археология, эпиграфика, этнология, философия также становятся частью наших исследований, как видно из Содержания тома.

В списке древних языков, которым обучают на нашей кафедре, появился древнееврейский язык, его преподает молодой сотрудник

---

¹См. предыдущие выпуски: Труды кафедры древних языков (К 50-летию кафедры) / Отв. ред. И.С. Чичуров. СПб., 2000 (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 15; Сер. III. Instrumenta studiorum: 6); Труды кафедры древних языков (К 75-летию исторического факультета МГУ и 60-летию кафедры). Вып. II / Отв. ред. А.В. Подосинов. М., 2009 (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 44; Сер. III. Instrumenta studiorum: 18); Труды кафедры древних языков. Вып. III / Отв. ред. А.В. Подосинов. М., 2012 (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 53; Сер. III. Instrumenta studiorum: 24).

кафедры *А.О. Корчагин*. В разделе «Учебно-методические материалы» он публикует авторскую Программу курса «Древнееврейский язык», помогающую построить оптимальную схему преподавания, а в разделе «Статьи» — свою научную работу «О древнееврейском термине פְּזֻז в 6-й главе 1-й книги Царств и о его трактовке в Септуагинте», показывающую, какие интересные результаты можно получить, владея древнееврейским, древнегреческим и латинским языками.

История, археология и этнология являются составными частями статьи *А.В. Подосинова* «К внешнему облику скифов в Афинах и в Северном Причерноморье». В статье исследуется вопрос о том, отражают ли костюм и внешний облик «варварских» персонажей, изображенных на аттических вазах VI–V вв. до н. э., образ этнических скифов (как часто думают) и как с этим «скифским» образом коррелируют их изображения на памятниках Северного Причерноморья.

Историографии сложнейшего вопроса о хронологии написания Аристотелем своих трудов посвящена статья *Е.Г. Парфеновой* «Эволюция философских взглядов Аристотеля и относительная хронология его сочинений (Анализ основных концепций)». Читатель получает полное представление о тех баталиях, которые историки философии ведут уже пару столетий вокруг этого запутанного и архиважного вопроса.

Небольшая заметка *Г.С. Великова* «Культ Ахилла Понтарха у Максима Тирского (Or. 9.7 Trapp)» исследует один текст Максима Тирского о культе Ахилла на Черном море в сопоставлении с известиями об этом удивительном феномене у других античных авторов — Флавия Филострата, Арриана и др.

В статье «Оракул по пяти астрагалам из города Адады в Писидии» *Е.В. Приходько* продолжает свое исследование теории и практики оракулов в Древней Греции. В этой области автор является признанным авторитетом, исследуя оракульные памятники и тексты не только по публикациям, но и в ходе собственных полевых исследований. Статья — это также публикация греческого текста оракула с русским переводом и подробным комментарием.

А.В. Мосолжин в статье «Легенда об Энее» (автор называет ее «эссе») анализирует смысл легенды, отраженной в архаических, в основном, эпических и иконографических источниках, а также последовательность построения сюжетной линии, известной нам из поздних источников и сильно отличающейся от, так сказать, «пра-Энеиды». Основатель Рима Эней и герой «Илиады» Эней оказываются двумя различными персонажами.

Наконец, *И.Ю. Шабага* в статье «Константин и Максенций: методы политической борьбы» прослеживает перипетии борьбы Константина с одним из его противников в Западной части империи — императором Максенцием. Автор подробно анализирует методы борьбы: переговоры, заключение политических союзов и политических браков, уничтожение памяти о политическом противнике, использование убеждений подвластного населения, манипуляции памятью умерших императоров, апелляции к происхождению противника.

В разделе «**Переводы, публикации, комментарии**» сотрудники кафедры *И.И. Анжьев* и *И.В. Кувшинская* помещают избранные места из подготавливаемого ими к печати перевода замечательного латиноязычного памятника «Золотая легенда», составленного в середине XIII в. доминиканским монахом Иаковом Ворогинским и оказавшего «беспрецедентное», как пишут авторы, влияние на культуру западного Средневековья. Многолетняя работа авторов над переводом «Золотой легенды» завершится вскоре изданием всего памятника, а в этом томе они сочли уместным опубликовать три части огромного (ок. 50 а. л.) произведения: «Об Адвенте Господнем», «О Благовещении Господнем» и «О Святой Марии Магдалине».

Украшением сборника трудов кафедры являются прекрасные переводы *О.В. Смыка* из византийской поэзии (Алексея Комнина, Константина Манасси, Мануила Фила). Малоизвестные русскому читателю, практически никогда не переводившиеся на русский язык, эти тексты в переводах О.В. Смыка дают хорошее представление об уровне поэтической культуры и талантах византийских интеллектуалов и дарят современному читателю незабываемое эстетическое удовольствие.

Известный специалист по древнеирландскому языку, литературе и истории, сотрудник кафедры *Н.Ю. Живлова* публикует никогда не переводившуюся на русский язык ирландскую сагу «Гибель Ниалла Девяти Заложников» — важный источник по средневековой истории Ирландии.

Как всегда, книга содержит раздел «**Учебно-методические материалы**», в котором публикуются программы и методические тексты, позволяющие студентам и преподавателям находить оптимальные методы изучения и преподавания различных дисциплин, в основном филологических.

О Программе курса «Древнееврейский язык» *А.О. Корчагина* уже говорилось выше.

И.Ю. Шабага помещает здесь свои «Сводные аналитические таблицы по древнегреческому языку», которые продолжают ее раз-

работки в изучении древнегреческого языка, начатые в прошлых томах «Трудов кафедры».

Этот раздел завершается программой «Введение в римскую эпиграфику», составленную А.В. Белоусовым, который не только является эпиграфистом, активно публикующим античные надписи, но и преподает этот предмет на филологическом и историческом факультетах университета.

Наконец, в разделе «**In memoriam**» мы публикуем статью известного филолога-классика М.Н. Славятинской, написанную ею специально для нашего тома и названную «Слово о счастливом человеке: Елена Васильевна Федорова (24.08.1927 — 18.05.2015)». В статье рассказывается о жизни и творчестве бывшей сотрудницы кафедры, проф. Елены Васильевны Федоровой, которая скончалась весной прошлого года. Автор высоко оценивает профессиональные и человеческие качества коллеги, с которой ее связывала многолетняя дружба. В качестве приложения републикуется небольшая статья Е.В. Федоровой «Имеет ли миф об Аргонавтах реальную основу?» и помещается список книг, ею написанных и опубликованных (список насчитывает 44 книги!).

Хочу сказать, что меня также много лет связывали дружеские отношения с Еленой Васильевной, она дарила мне свои книги, рассказывала о своей прославленной семье, я посещал ее блестящие лекции по истории античного искусства. Память о ней сохранится надолго у меня и — я уверен — у всех, кто знал Елену Васильевну.

Представляя читателям новый том «Трудов кафедры», надеюсь, что, как и предыдущие тома, он найдет своих благодарных читателей как среди специалистов, так и всех, интересующихся древними языками и античной и средневековой историей и культурой.

Март 2016 г.

Зав. кафедрой древних языков
исторического факультета МГУ
д. и. н. А.В. Подосинов

А.В. Белоусов

**НУЧЧО ОРДИНЕ О ПОЛЬЗЕ БЕСПОЛЕЗНОГО:
«НЕНАУЧНАЯ» РЕЦЕНЗИЯ***

Τηλικοῦτον μέντοι φρόνημα καὶ βάθος ψυχῆς καὶ τοσοῦτον ἐκέκτητο θεωρημάτων πλοῦτον Ἀρχιμήδης, ὥστ' ἐφ' οἷς ὄνομα καὶ δόξαν οὐκ ἀνθρωπίνης, ἀλλὰ δαιμονίου τινός ἔσχε συνέσεως, μὴθὲν ἐθελῆσαι σύγγραμμα περὶ τούτων ἀπολιπεῖν, ἀλλὰ τὴν περὶ τὰ μηχανικὰ πραγματείαν καὶ πᾶσαν ὄλως τέχνην χρείας ἐφαπτομένην ἀγεννή καὶ βάνασσον ἠγησάμενος, <εἰς> ἐκεῖνα καταθέσθαι μόνα τὴν αὐτοῦ φιλοτιμίαν, οἷς τὸ καλὸν καὶ περιττὸν ἀμιγῆς τοῦ ἀναγκαίου πρόσεστιν, ἀσύγκριτα μὲν ὄντα τοῖς ἄλλοις, ἔριν δὲ παρέχοντα πρὸς τὴν ὕλην τῆ ἀποδείξει, τῆς μὲν τὸ μέγεθος καὶ τὸ κάλλος, τῆς δὲ τὴν ἀκρίβειαν καὶ τὴν δύναμιν ὑπερφυῆ παρεχομένης.

Plut. Marcel. XVII.5-7

Имя Нуччо Ордине, одного из самых влиятельных специалистов по итальянскому Ренессансу, широко известно в академическом мире Европы и США: профессор в университете Калабрии, преподающий также в качестве *visiting professor* во множестве самых знаменитых центров мировой учености (l'ÉNS, l'ÉNESS, l'Université Paris-IV, Warburg Institute, Max-Planck-Institut für Wissenschaftsgeschichte, Yale University), он является, вероятно, самым авторитетным знатоком творчества Джордано Бруно и издателем его сочинений у *les Belles Lettres*. Отечественный читатель, не чуждающийся интеллектуального чтения, смог познакомиться с трудами Нуччо Ордине благодаря изящному переводу А.А. Россиуса одного из главных сочинений итальянского ученого «Граница тени. Литература, философия и живопись у Джордано Бруно»¹.

Книжечка, о которой пойдет речь в этой как бы «рецензии», впервые вышла в свет в 2013 г. в Италии², и в том же году у *les Belles*

---

*Я благодарю за ценные для меня замечания и комментарии своих друзей Е.Н. Андрееву и Г.С. Беликова, любезно прочитавших первый вариант этой заметки.

¹*Ordine N. Граница тени. Литература, философия и живопись у Джордано Бруно / Пер. с итальянского А.А. Россиуса. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, «Академия исследования культуры», 2008.*

²*Ordine N. L'utilità dell'inutile. Manifesto. Milano: Bompiani, 2013.*

Lettres вышел ее французский перевод. В 2014 г. появилось новое расширенное издание, французский вариант которого, вышедший в течение того года уже четвертым тиражом, лежит сейчас передо мной³.

Кому-то, возможно, покажется смешным и наивным подзаголовок «Манифест», особенно тем, кто считает, будто уже взгромоздился на трон своего как бы «Знания», облекшись в картонную порфиру «квалифицированного специалиста», и будто он уж точно все знает и ему нечему больше учиться, а подавай лишь смиренных учеников ему, ложному и пустому самопровозглашенному (пусть и не вслух) владыке Знания. На деле же подобного рода циничное отношение к сочинениям, посвященным тому, зачем мы вообще собираемся в университеты и академии, зачем мы вообще посвятили свою жизнь науке и с какой целью, — лишь еще один горький симптом болезни, поразившей европейское и отечественное общество. Эта болезнь превратила, по словам Н. Ордине, Европу в театр, где на сцене всего два персонажа: должники и кредиторы (р. XI)⁴, и его сочинение, которое он сам называет «памфлетом», посвящено именно напоминанию всем нам о том, в чем действительная ценность, ценность, не измеряемая звонкой монетой, ценность, по природе чуждая какому-либо барышу, единственная ценность и настоящая польза литературы, искусства и науки. Нам, безусловно, все это тысячу раз известно, но нам свойственно также постоянно забывать об этом, убирать на задний фон сознания в суете повседневности, увлекаясь тем, как же оправдать перед налогоплательщиком тот факт, что профессор университета занимается выяснением того, как употребляются Эхилом греческие частицы, сколько лет длилась неизвестная никому война, случившаяся три тысячи лет назад, какого роста был Одиссей и куда это он там плавал. Добавь еще сюда то, что поэт должен писать стихи, которые должны хорошо раскупаться, а художник писать правильные картины, чтобы покупатель (часто это — Государство) захотел их купить. Именно этому обществу, частью си-

³Ordine N. L'utilité de l'inutile. Manifeste. Suivi d'un essai d'Abraham Flexner / Traductions de Luc Hersant et Patrick Hersant. 4e tirage de la nouvelle édition augmentée. Paris: Les Belles Lettres, 2014. 228 p.

⁴Cf.: «Bien sûr, dans notre monde dominé par l'*homo oeconomicus*, il n'est pas facile de saisir l'utilité de l'inutile et, surtout, l'inutilité de l'utile (combien de biens de consommation non nécessaires nous sont-ils vendus comme utiles et indispensables). Il est pénible de voir des êtres humaines, ignorants de la désertification croissante du monde de l'esprit, se consacrer uniquement à l'accumulation de l'argent et du pouvoir. Il est pénible de voir triompher, à la télévision et dans les autres médias, une nouvelle image de la réussite, incarnée par l'entrepreneur qui parvient à construire un empire fondé sur l'escroquerie ou par le politicien impuni qui humilie tout un Parlement en faisant voter des lois *ad personam*» (p. XIX-XX).

стемы которого является каждый из нас, обществу купли-продажи, обществу, в котором Государство само является всего лишь купцом и чьим-то там бизнес-партнером и совсем не стремится заботиться о настоящем (не оцениваемом в валюте) здоровье общества, — именно этому обществу посвящена книга Н. Ордине, который напоминает нам о том, зачем на самом деле, будучи еще девочками и мальчиками, мы выбрали мехмат, филфак или истфак.

Сочинение итальянского ученого — это не монография и не ученый трактат, это — флорилегий, сборник свидетельств и документов о пользе бесполезного, объединенных в три раздела: *Полезная бесполезность литературы, Университет-фирма и студенты-клиенты, Владение убивает: dignitas hominis, любовь, истина*. Книга заключается аннотированной библиографией и увенчивается приложением: статьей Эбрехема Флекснера «О пользе бесполезного знания»⁵. Первая часть содержит двадцать шесть, великолепно комментируемых автором книги, свидетельств самых разных писателей и мыслителей (Данте и Петрарка, Фостер Уоллес и Джим Хокинс, Шекспир и Бокаччо, Платон и Аристотель, Монтень и Кант, Овидий и Леопарди, Бодлер и Лорка, Сервантес и Дикенс, Ионеско и Кальвино, Какудзо и Чжуан-цзы, Овидий и Хайдеггер и проч.), которые все в унисон говорят о выборе «быть», а не «иметь» и о том, что настоящие литература, искусство и философия возникают не по специальному заказу, не из жадности наживы, о том, что истинная жизнь духа рождается (еще по Аристотелю) из непрактичного удивления и детского любопытства, которые и делают нас теми, кто мы есть.

С первой частью теснейшим образом связана часть вторая, в которой говорится об академических и учебных заведениях в современном мире. Речь идет о том, что Университет стараются изо всех сил сделать очередной компанией, бизнес-центром, фирмой, «оказывающей образовательные услуги», где клиентом является студент, а «клиент всегда прав»⁶ в независимости от обстоятельств. Он прав даже тогда, когда вообще не имеет среднего образования.

---

⁵ *Flechner A. The Usefulness of Useless Knowledge // Harper's Magazine. October 1939. P. 544–552. В книге Н. Ордине см. pp. 191–221.*

⁶ «Comme l'a souligné Simon Leys dans une leçon sur la décadence du monde universitaire, les étudiants de certaines facultés canadiennes sont désormais considérés comme des «clients». Et l'on aboutit au même constat quand on lit la fine enquête qui a été menée sur la fonctionnement de l'une des plus importantes universités privées au monde: Harvard. En effet, comme Emmanuel Jaffelin l'indique dans *Le Monde* daté du 28 mai 2012, les relations entre les professeurs et les étudiants de cette université semblent être essentiellement fondées sur une sorte de «clientélisme»: «En payant très cher son inscription à Harvard, l'étudiant n'attend pas seulement de son professeur qu'il soit savant, compétent et performant: il attend qu'il soit soumis, puisque le client est roi» (p. 81–81). Стоит отметить, что такого рода отношения между преподавателем и студентом ак-

Что и говорить? Уверен, что большинство моих коллег, тех, кому по службе выпало счастье учить первокурсников, согласится со мной в том, что, по сути, с каждым годом нам приходится учить все более элементарным школьным вещам совершенно замечательных девушек и юношей, которым современное отечественное (и западное тоже) среднее образование не дало необходимой основы для нормальной учебы в Университете. Причем чем более невежествен студент, тем выше у него сознание своих «клиентских» прав в отношении Университета-фирмы и отдельного преподавателя-подателя образовательных услуг.

Чем более Университет становится похож на купеческую контору, тем больше преподаватель бюрократизируется. Тут как на производстве: весь день у станка, а ночью или на выходных, будь любезен, составь массу бумаг и заполни вот эту папку формуляров, не забудь также сделать *абсолютно то же самое* в электронном виде, закачай в интернет, пошли по почте, распечатай и отнеси на подпись, а потом еще поставь там тридцать две печати. Потом следует самому же бегать с этими бумагами и файлами между часто разбросанными по всему мегаполису конторами и проч. и проч. Естественно, выжить в таком бизнес-плане обычному ученому практически невозможно, он или начинает становиться настоящим фирменным бюрократом или с ним случается что похуже. В любом случае ему становится не до Науки. Какая тут наука, если производственный план надо выполнять?! То же самое происходит, по словам Н. Ордине и в Европе, и в Америке⁷.

Я бы все же отметил, что в Европе (по крайней мере, во Франции, Германии и Италии, где пока еще не совсем выжжено напалом классическое образование в лицеях и гимназиях⁸) ситуация лучше со средним образованием, а также с возможностью (на соревновательной основе) получить и отличное университетское на-

---

тивно развиваются и даже приветствуются и у нас, особенно в государственных вузах, основу которых составляет экономический компонент.

⁷ «Quant aux professeurs, ils se transforment de plus en plus en modestes bureaucrates au service de la gestion de ces exploitations commerciales universitaires. Ils passent leurs journées à remplir des dossiers, à faire des calculs, à produire des rapports pour des statistiques (parfois inutiles), à tenter d'apurer les comptes de budgets toujours plus maigres, à répondre à des questionnaires, à préparer des projets pour obtenir des subsides misérables et à interpréter des circulaires ministérielles confuses et contradictoires. L'année universitaire s'écoule rapidement, au rythme d'un inlassable métronome bureaucratique qui règle le déroulement de toutes sortes de conseils (conseil d'administration, conseil de la faculté, conseil de doctorat, conseil du département) et celui des interminables réunions générales» (p. 83-84).

⁸О печальном положении классических языков в среднем образовании в Европе см. у Н. Ордине pp. 102-109.

учное образование. В лучшие университеты Франции (например, в *École normale supérieure*) или Германии невозможно поступить, не имея за плечами приличного лица или гимназии. Причем речь идет не только о естественных факультетах, но и о гуманитарных. Мы же берем в гуманитарии вообще всех и любых, а потом удивляемся тому, что представители естественных и точных наук относятся к нам, мягко говоря, снисходительно. Тому две причины, по моему мнению: гуманитарное варварство, которое будущие физики наблюдают в школе, и сами эти варвары, которым мы же выдаем дипломы филологов, историков и философов. Будущий гуманитарий должен знать хоть что-то специальное, хоть что-то универсально надежное в науках о духе, подобно тому как будущий математик должен иметь представление о математике при поступлении в вуз. Именно поэтому должны существовать особые льготы для абитуриентов, окончивших классические гимназии, которых у нас две или три на всю страну и которые находятся под постоянной угрозой уничтожения со стороны государства. И университеты должны всячески поддерживать эти гимназии и сами создавать такие классические средние учебные заведения при университетах.

Вопрос о том, зачем будущему историку XXI века латынь или греческий, может задать только варвар, оценивающий все знания в меру их практической, утилитарной пользы. Да ни зачем! Упражнения в классических языках учат юношу или девушку читать. А что такое историко-филологические науки как не искусство медленного чтения? Далее, они учат строгости и отучают от беспашашного понимания и толкования источников. Затем, латинский и греческий учат тому, что древняя литература — это не обезличенная кипа газет, обезличенная самим названием «источники», а поляна совершенно индивидуальных *художественных*, в первую очередь, произведений, понимание чего и делает из юноши будущего гуманитария, ученого, который, в отличие от естествоиспытателя, стремится не к изучению отношений безымянных переменных, а к познанию констант. Цезаря или Герцена никак не превратишь в x или y , и именно здесь нива историка: установление правды о конкретных лицах, событиях и вещах. Изменяя константам, мы рискуем превратиться в сегодняшних «мудрецов», свысока учащих «геополитике», борьбе интересов и проч.

Недавно А.И. Иванчик напомнил нам всем высказывание Ганса-Йоахима Герке: «Хорошая история — это филология»⁹. Фраза, ска-

---

⁹ Иванчик А.И. Антиковедение в России: проблемы развития в современных условиях. См.: <http://racs.igh.ru/Antikovedenie.pdf>.

занная таким авторитетным историком, может шокировать нашего историка, который лишился органической связи с филологией в 30-е гг. прошлого столетия. Тем не менее, в этой фразе сказано главное: хорошее историческое исследование рождается из чтения, из «любовного изучения» источников, как говорил М.И. Ростовцев, который и сам писал: «Я пытался и пытаюсь быть историком древности, понимание которой основано и зиждется на археологии и классической филологии»¹⁰. Филология так же необходима будущему историку, как и будущему филологу — история, поскольку все это — одна наука, историко-филологическая наука. Без любви к чтению, без постоянного ежедневного чтения *в оригинале* древних авторов, без ежедневного осмысления их грамматики¹¹ и мысли невозможно никакое настоящее ни историческое, ни филологическое исследование. В нашу эпоху по миру бродят толпы «исследователей», которые за постдок или постоянную позицию в каком-нибудь теплом месте готовы заниматься любым проектом и часто даже таким, о котором сами прежде не думали. Образовательный и академический рынок настолько извращает природу научного дерзновения, что появилось много людей, которые на полном серьезе верят, что сперва шествует *research*, а уже потом — чтение. Складывается сообщество специалистов, считающих, что сначала надо насочинять идеи, а потом методично «подгоняют» античные источники под свои априорные изобретения. Было время, когда сперва читали, а потом уже печатали *Lesefrüchte*, теперь же сперва придумывают «плоды», а потом, пользуясь какой-то «методологией»¹² приклеивают к ним *Lese*.¹³

¹⁰Ростовцев М.И. Странички воспоминаний // Никодим Павлович Кондаков. 1844–1924. К восьмидесятилетию со дня рождения. Прага, 1924. С. 23–26 (цит. по: *Зуев В.Ю.* М.И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман. М., 1997. С. 53). Сравни: «Любовь как ответственная воля к пониманию чужого — это и есть та любовь, которой требует этика филологии», — писал С.С. Аверинцев («Похвальное слово филологии»), и можно добавить, что для чистого историка это еще более справедливо.

¹¹Вспомним скалигеровское: «Utinam essem bonus grammaticus!».

¹²Карл Лере в «Десять заповедей классического филолога» записал и такую: «Методологию науки не поминай всуе», а теперь на некоторых факультетах желторотый студент должен авторитетно вещать о «методологии» прямиком за «актуальностью», суть которой (наряду с «новизной») (часто только «в отечественном антиковедении», например) только и обсуждают на некоторых предзащитах и защитах. Это еще один пример современной травести на нынешней академической сцене. Хотел бы я посмотреть на Петрарку или Эразма, когда бы их спросили об актуальности, новизне и методологии...

¹³Из такого подхода и рождается та безумная печатная вакханалия, ежегодно вываливающая на рынок сотни оxfordских, гарвардских, лейденских монографий размером с бетонную плиту и содержанием на ученическую тетрадку. Этот неимо-

Против подобного рода академического шарлатанства и травести выступает и Нуччо Ордине в своем манифесте. Причем он пишет, разумеется, не только о положении в гуманитарных науках, но и в естественных и точных, напоминая нам, к примеру, слова Анри Пуанкаре (р. 122): «Несомненно, вам неоднократно задавали вопрос: для чего нужна математика? Не являются ли все эти тонкие построения, которые мы полностью черпаем из своего ума, искусственным плодом нашей прихоти? Я должен установить различие между людьми, задающими подобные вопросы. Люди практические требуют от нас только способов наживы денег. Эти люди не заслуживают ответа. Скорее следовало бы их спросить, для чего накапливают они богатства и нужно ли тратить время на их приобретение и пренебрегать искусством и наукой, которые только и делают наш дух способным наслаждаться, *et propter vitam vivendi perdere causam*¹⁴». Да, да, математика для Пуанкаре нужна для наслаждения. И именно для этого нужны филология и история. Занятие наукой, если оно происходит по приказу и ради какой-то внешней «практической» цели — это предательство. Предательство человеком самого себя. У многих из нас являются перед глазами коллеги, чьей участью стало, так сказать, быть «учеными по неволе», которым уже поздно искать другой путь, а путь науки был выбран когда-то в юности случайно или из каких-то других (часто не лишённых прагматики) целей...

Н. Ордине напоминает нам всем удивительный факт, достойный того, чтобы упомянуть о нем и здесь. Знаменитый французский писатель Виктор Гюго выступает 10 ноября 1848 г. в Учредительном собрании с речью, суть которой в том, что если общество находится в состоянии кризиса, то государство должно увеличивать расходы на культуру и образование вместо того, чтобы, наоборот, их уменьшать (р. 90): «[...] *il faudrait multiplier les écoles, les chaires, les bibliothèques, les musées, les théâtres, les librairies; il faudrait multiplier les maisons d'études, pour les enfants, les maisons de lecture pour les homes; tous les établissements, tous les asiles où l'on médite, où l'on s'instruit, où l'on apprend quelque chose, où l'on devient meilleur, en un mot; il faudrait faire pénétrer de toutes parts la lumière dans l'esprit du peuple, car c'est par les ténèbres qu'on le perd*». Хотел

верный вал продукции часто заставляет отечественного специалиста преклоняться почти с религиозным трепетом перед Вязуэллом и Бриллем, вынуждая его считать, что Лоуб может заменить Тойбнера, а новенькая английская книжка с остроумным названием старую латинскую диссертацию неизвестного ему Рункена. Здесь лишний раз стоит помнить о том, что служило стимулом ученого тогда, а что — сейчас.

¹⁴*Iuv.* VIII. 83–84.

бы я, чтобы такой же честный защитник Отечества и блестящий оратор оказался бы однажды и у нас в Думе...

В общем, в этой второй части книги, наиболее актуальной для людей университетских, собраны многочисленные жемчужины и мысли, и правды относительно сути Университета, его положения в современном мире, о науке и о научном призвании. Я предлагаю читателю прочитать их все самому, ибо, поверьте, это того стоит и немало пробуждает от уже ставшей привычной «догматической дремоты», которая дарит лишь сумрачные сны, где смешиваются и меняются местами добро и зло.

Третья часть книги Н. Ордине посвящена вообще теме «иметь»: страсти обладания и ложным представлениям об обладании истинной и любовью. Сперва автор касается ключевой для человека нового времени темы *dignitas hominis*, где, опираясь, в частности, на переписку Гиппократы и Демокрита, показывает, что истинное достоинство человека находится по ту сторону страсти наживы и корыстолюбия, что, на самом деле, само желание обладать чем-либо преуменьшает человеческую ценность и значение. В высшей степени убивают это достоинство страсти владеть истиной (особенно высшей) и владеть возлюбленным. Ордине напоминает нам, что человек есть лишь усилие, постоянное усилие к истине, что тот, кто объявляет себя собственником истины, в действительности даже не приблизился к ней. Быть близким к истине значит оставить истине ее бытие, позволить ей быть самой и при этом стремиться к ней. Как говаривал один грузинский философ: «Нельзя спать на вчерашней добродетели!». Так же и человеческое достоинство осуществляется и свершается лишь в постоянном усилии приблизиться к правде, не притязая на владение ею в последней инстанции. К этому близко и понимание того, что обладание в любви убивает любовь. Превращая возлюбленного в свою собственность, мы превращаем Личность в вещь, а это катастрофически уничтожает любовь Я и Ты, выставляя на первый план Собственника и нивелируя Ты к объекту обладания. Любовь — это когда Я рядом (перед) Ты, а потому Я-с-Тобой — это непрерывное усилие Быть, а не казаться.

Книга Нуччо Ордине — это воистину флорилегий и антология, чудное собрание неложных искр человеческого духа, напоминающее нам о том, *кто* мы есть на самом деле и *что* мы делаем. Прочитав свою заметку еще раз, я заметил (и потом это подтвердили коллеги), что «рецензия» получилась пестрой и сумбурной. Пусть так. В конце концов, важно, чтобы по этой заметке было видно, что маленькая книжечка может вызывать на свет не просто рядовую научную рецензию, а действительный душевный отклик.

А.О. Корчагин

О ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОМ ТЕРМИНЕ $\square\psi\aleph$
В 6-й ГЛАВЕ I КНИГИ ЦАРСТВ
И О ЕГО ТРАКТОВКЕ В СЕПТУАГИНТЕ

В 5-й главе I книги Царств (в еврейской традиции — I книга Самуила) повествуется о том, что филистимляне украли у израильтян Ковчег Завета и отнесли его в свои владения. Однако за это филистимлян постигла страшная кара: у них по всему телу образовались наросты. В следующей, 6-й главе филистимляне спрашивают своих жрецов, что нужно сделать для того, чтобы страшная эпидемия прекратилась. Жрецы советуют им отослать Ковчег Завета обратно в Израиль, однако не отсылать его пустым, но принести при этом жертву повинности — пять золотых изваяний наростов и столько же золотых изваяний мышей¹.

Данную жертву можно рассматривать как компенсацию Израилю за причиненный ущерб. С другой стороны, золотые изваяния наростов и мышей можно трактовать и как votivные предметы. Широко известен тот факт, что у многих народов в древности существовал обычай, состоящий в принесении для исцеления от болезней или после исцеления в качестве жертвы изваяний тех частей тела, которые были поражены болезнью. Например, в Греции широко практиковалось приношение подобных глиняных изваяний в честь Асклепия. Вероятно, и у филистимлян, которые были, по всей вероятности родом с острова Крит (древнееврейское название острова — Кафтор, например — Втор. 2:23)², существовали подобные обычаи. Количество золотых предметов, которые должны были принести филистимляне, связано с числом главных филистимских городов, которых также было пять: Ашдод (в Синодальном переводе — Азот), Газа, Ашкалон (в Синодальном переводе — Аска-

---

¹ Цар. 6:4.

² О происхождении филистимлян существует множество гипотез, однако критская версия — самая распространенная, см., например, одну из последних работ — Yasur-Landau B. *The Philistines and Aegean Migration in the Late Bronze Age*. Cambridge; New York, 2010. Филистимляне часто отождествляются с жившим на Крите племенем пеласгов (греческое $\rho\acute{\epsilon}\lambda\alpha\sigma\upsilon\omicron\iota$ и древнееврейское ‘могут’ могут быть обозначением одного и того же этнонима).

лон), Гат (в Синодальном переводе — Геф) и Экрон (в Синодальном переводе — Аккарон)³.

Принесение в жертву пяти золотых наростов кажется понятным и логичным. Но для чего в качестве votivных предметов упомянуты мыши? Это отдельная и очень интересная проблема. Как предполагает Боднер в современном научном комментарии к I книге Царств, разносчиками эпидемии были грызуны. Это могли быть мыши или чумные крысы⁴. Интересно отметить, что в Септуагинте, греческом переводе Ветхого Завета (далее — LXX) говорится, в отличие от древнееврейского Масоретского текста, не только о наказании филистимлян наростами, но и о нашествии мышей. В 1 Цар. 6:1 в LXX сказано: *καὶ ἐξέζεσεν ἡ γῆ αὐτῶν μύας* («и наполнилась их земля мышами»). Возникает вопрос: упоминалось ли нашествие мышей в не дошедшем до нас Протомасоретском Vorlage, с которого делался перевод LXX? Данный вопрос дискуссионен. Можно предположить, что мыши могли упоминаться в Протомасоретском тексте. Однако, вероятно, там о них не говорилось, но подразумевалось, что именно мыши — разносчики болезни, а LXX в свою очередь лишь конкретизировала древнееврейский текст для того, чтобы было легче понять, зачем филистимлянам нужно было изваять золотые фигуры мышей. Отметим, что в LXX также сказано, что наростами были поражены седалища филистимлян (в LXX 1 Цар. 5:9 — *καὶ ἐλάταξεν αὐτοὺς εἰς τὰς ἕδρας αὐτῶν*), о чем не говорится в Масоретском тексте.

Принесение в жертву золотых наростов и мышей в данном контексте названо жертвой повинности. В Масоретском тексте здесь использовано слово **חַטָּאת**; оно встречается 48 раз. Первое значение слова — «вина, провинность, проступок». Оно родственно арабскому существительному 'im («грех, проступок»), которое встречается и в доисламской поэзии, и в Коране⁵. Долгое время считалось, что подобный корень есть в эфиосемитских языках. Но сейчас соотношение амхарского ḥašämä и тигре ḥašämä («проступок») с рассматриваемым древнееврейским корнем вызывает большие споры⁶. Однако слово **חַטָּאת** в значении «вина, проступок» в Ветхом Завете встречается редко. Например, слово в этом значении можно обнаружить в Пс. 34:21–22. В Масоретском тексте Ветхого Завета зафиксирован также глагол состояния («быть виновным»).

³1 Цар. 1:17.

⁴Bodner K. 1 Samuel. A Narrative Commentary. Phoenix, 2009. P. 57.

⁵Ringgren H. Sin and Forgiveness in the Koran // Temenos. 1966. 2. P. 101–103.

⁶Kellermann D. **חַטָּאת** // Theological Dictionary of the Old Testament / Ed. G.J. Botterwick, H. Ringgren, H.-J. Farby. Vol. I. Grand Rapids, 1974. P. 429.

В Масоретском тексте слово קָטֹבֶה употребляется чаще всего в специфическом значении, как *terminus technicus* для обозначения так называемой «жертвы повинности». Детали принесения этой жертвы рассматриваются в 5-й и 7-й главах книги Левит. Наряду с жертвой за грех ( ) жертва повинности относилась к разряду искупительных жертвоприношений, совершаемых во имя прощения совершенных человеком проступков. В отличие от жертвы за грех, приносимой после совершения тяжелых проступков, жертва повинности приносилась во имя искупления незначительных грехов, часто совершенных по неведению. В качестве жертвенного животного выбирался обычно овен, не имеющий порока⁷. Жертвенное животное закалывалось там же, где закалывались жертвы всесожжения. Кровью жертвенного животного окроплялся алтарь, у животного изымались жир, почки и сальник на печени, после чего они сжигались на алтаре, а остальная часть животного шла в пищу священнику⁸. Таким образом, ритуал жертвы повинности был схож с ритуалом жертвы за грех. В книге Левит подчеркивается, что эти две жертвы — одного порядка⁹. Однако, в отличие от жертвы за грех, при принесении жертвы повинности жертвователь часто выплачивал еще и 20%-ный налог (по-древнееврейски — חֲמִישִׁית , буквально — «пятая часть», в LXX — $\epsilon\lambda\iota\lambda\epsilon\upsilon\tau\tau\omicron\nu$) тому человеку, против которого он согрешил¹⁰. Некоторые считают, что термин קָטֹבֶה в качестве обозначения жертвоприношения берет начало из общеханаанского культа. Так, в 1964 г. Келлерманн высказал гипотезу, согласно которой встречающееся в угаритских текстах из Рас-Шамры слово ʾm родственно древнееврейскому קָטֹבֶה ¹¹. В угаритских текстах вышеупомянутое слово обозначает жертвоприношение овец и лошадей. Однако не все согласны с гипотезой Келлермана. В частности, фон Зоден считает, что слово ʾm было заимствовано в угаритский из хурритского языка¹².

В большинстве контекстов Библии древнееврейский термин обозначает жертву повинности (так — в Синодальном переводе, в Вульгате — *sacrificium pro delicto*, в английских переводах — *guilt offering, trespass offering*, в немецком Лютеровском переводе — *Schuldopfer* и т. д.). Рендторфф предлагает вариант перево-

⁷Лев. 5:15.

⁸Лев. 7:1–6.

⁹Лев. 7:7.

¹⁰Лев. 5:16–24.

¹¹*Kellermann D.* Asham in Ugarit? // *Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft.* 76. Berlin, 1964. P. 319–322.

¹²*Soden W. von.* Kleine Beiträge zum Ugaritischen und Hebräischen // *Vetus Testamentum. Supplementum.* 16. Leiden, 1967. S. 294.

да *Schulddarbringung*¹³. Ряд исследователей, основываясь на том, что необходимым элементом жертвы повинности являлась 20%-я компенсация ущерба, предлагают переводить термин как «жертва возмещения»¹⁴ (в переводе Российского Библейского Общества 2011 г. — «возместительная жертва»).

В рассматриваемом же нами контексте термин קָרָבָן употребляется в необычном значении. Хотя в I книге Царств говорится о жертвенных дарах, данная жертва отличается от иудейского животного жертвоприношения, обозначаемого термином קָרָבָן . В рассматриваемом контексте говорится о приношении золотых предметов. 6-я глава I книги Царств — единственное место в Библии, где קָרָבָן используется для обозначения языческих жертвоприношений. Однако употребление термина קָרָבָן здесь является правомерным, поскольку, как уже было сказано выше, иудейская жертва повинности включала в себя 20%-ную компенсацию ущерба. В рассматриваемом контексте речь также идет о возмещении филистимлянами ущерба за украденный ими Ковчег Завета. Интересно также заметить, что в 6-й главе I книги Царств говорится именно о **пяти** золотых наростах и **пяти** золотых мышьях по числу главных филистимских городов. Таким образом, данное приношение может рассматриваться как 20%-ный налог Израилю от каждого из городов. Впрочем, это наблюдение можно рассматривать лишь в качестве гипотезы.

Вместе с тем, как было отмечено, иудейская жертва повинности была приносима за мелкие проступки, в отличие от жертвы за грех (זָבַח־עֹלָה), приносимой за серьезные правонарушения. Но кража Ковчега Завета не может рассматриваться как мелкий проступок, являясь серьезным преступлением: это не просто кража, но еще и святотатство. Почему в таком случае для обозначения тяжкого преступления используется слово קָרָבָן , а не זָבַח־עֹלָה ? Дело в том, что, как полагают некоторые исследователи, в частности Херрманн, термины קָרָבָן и זָבַח־עֹלָה по сути дела синонимичны, то есть словом קָרָבָן мог обозначаться и тяжкий грех¹⁵. Подтверждение этому можно найти в 26-й главе книги Бытия¹⁶, где слово встречается первый раз во всей Библии. В этой главе говорится о том, что Исаак, придя в Герар, назвал свою жену Ревекку сестрой, так как боялся, что жители города убьют его и отберут у него красавицу Ревекку. Однако царь Герара Авимелех однажды узнал, что Ревекка — жена Исаака.

¹³ *Rendtorff R.* Leviticus. Neukirchen; Vluyn, 1985. S. 195.

¹⁴ *Marx A.* Sacrifice de Réparation et Rites de Levé de Sanction // *Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft.* 100. Berlin, 1988. P. 188.

¹⁵ *Herrmann F.* Die Idee der Sühne im A. T. Leipzig, 1905. S. 78.

¹⁶ Быт. 26:10.

Он вызывает Исаака к себе и пеняет ему на то, что Исаак обманул жителей Гераара, ведь один из жителей города чуть было не взял Ревекку к себе в жены. Если бы это случилось, то он бы совершил страшный грех (פְּשָׁע). Таким образом, здесь словом פְּשָׁע обозначен тяжелый грех — прелюбодеяние.

Что касается специфического отличия פְּשָׁע от חַטָּאת , то оно заключается не в степени тяжести греха, но именно в том, что פְּשָׁע требует компенсации ущерба¹⁷. Шетц предполагает, что פְּשָׁע первоначально обозначает преступление против божественных заповедей и против самого Бога¹⁸. Такая интерпретация подходит для анализируемого нами контекста: в 6-й главе I книги Царств говорится именно о святотатственном поступке филистимлян. Что касается значения слова פְּשָׁע в книге Левит (жертва повинности, приносимая за незначительные проступки), то оно является вторичным и обусловлено специфическим развитием древнееврейского жертвенного культа. Впрочем, и в книге Левит подчеркивается, что жертва повинности включает в себя 20%-ную компенсацию ущерба.

Таким образом, в рассматриваемом нами контексте слово פְּשָׁע означает возместительную жертву за тяжкий грех святотатства.

Не менее интересна трактовка термина פְּשָׁע в переводе LXX. Термин פְּשָׁע , используемый в древнееврейском тексте анализируемой 6-й главы I книги Царств, в LXX все четыре раза передан словом $\beta\acute{\alpha}\sigma\alpha\nu\omicron\nu\varsigma$, точнее говоря, описательным выражением ($\tau\acute{o}$) τῆς βασιάνου¹⁹.

Так, в 1 Цар. 6:3 в Масоретском тексте читаем:

וַיֹּאמְרוּ אֲסִי-מִשְׁלֵחִים אֶת-אֲרוֹן אֱלֹהֵי יִשְׂרָאֵל אֶל-תְּשֻׁלְחוֹ אֹתוֹ רִיקָם. כִּי-הָשִׁב
הָשִׁיבוּ לוֹ אֲשָׁם; אִךְ תִּרְפְּאוּ וְנוֹדַע לְכֶם. לְמַעַן לֹא-תִסְוֶר יְדוֹ מִכֶּם:

«И сказали они [жрецы филистимлян]: „Если вы отошлете Ковчег Бога Израилева, не отсылайте его пустым, но непременно принесите ему жертву повинности. Тогда вы исцелитесь, и вам станет известно, что рука Его не отступила от вас“».

Перевод этого места в LXX следующий:

Καὶ εἶπον· εἰ ἐξαλοστεῖλετε ὑμεῖς τὴν κιβωτὸν διαθήκης Κυρίου Θεοῦ Ἰσραὴλ, μὴ δὴ ἐξαλοστείλητε αὐτὴν κενήν, ἀλλ' ἀποδιδόντες

¹⁷Medebielle P. L'Expiation Dans L'Ancien et Le Nouveau Testament // L'Ancien Testament. 1924. P. 57.

¹⁸Schötz P. Schul- und Sündopfer im AT. Breslau, 1930. S. 32.

¹⁹1 Цар. 6:3, 4, 8, 17.

ἀπόδοτε αὐτῇ τῆς βασιάνου, καὶ τότε ἰαθήσεσθε, καὶ ἐξιλασθήσεται ὑμῶν, μὴ οὐκ ἀλοστῆ ἡ χεὶρ αὐτοῦ ἀφ' ὑμῶν.

«И сказали: „Если вы отсылаете Ковчег Завета Господа Бога Израилева, не отсылайте его пустым, но воздавая воздайте ему τῆς βασιάνου. И тогда вы исцелитесь, и будет вам милостью то, что рука его не отступила от вас“».

Отметим, что термин $\square\psi\aleph$ передается в LXX как *βάσιανος* лишь в анализируемой нами главе. Обычным эквивалентом для передачи древнееврейского термина в LXX является слово *πλημμέλεια* («ошибка, проступок»), как в значении «вина, грех», так и в значении «жертва повинности». В тех контекстах, где речь идет о жертвоприношении, обычно используются описательные обороты *τὸ τῆς πλημμελείας* или *περὶ τῆς πλημμελείας* («то, что относится к жертве повинности»). Таким образом, слово *πλημμέλεια* в LXX в культовых контекстах представляет собой семантическую кальку и употребляется в несвойственном ему значении. Однако в LXX можно встретить и нерегулярные случаи передачи древнееврейского термина. Так, в книге пророка Иезекииля²⁰ $\square\psi\aleph$ передается словом *ἄγνοια* («незнание, неведение»). Давно замечено, что в греческом переводе книги Иезекииля древнееврейские термины жертвоприношения передаются иначе, чем в переводе Пятикнижия. Здесь можно говорить об индивидуальной, не шаблонной манере переводчика Иезекииля²¹. Передавая $\square\psi\aleph$ словом *ἄγνοια*, переводчик подчеркивает, что жертва повинности — это прежде всего искупительная жертва за грех, совершенный по неведению.

Иная переводческая стратегия прослеживается и в анализируемом нами контексте. Отметим также, что термин $\square\psi\aleph$ в I книге Царств, кроме 6-й главы, нигде больше не встречается, а что касается других исторических книг Ветхого Завета, то в них термин $\square\psi\aleph$ можно обнаружить еще только один раз — в 4 Цар.12:16. В греческом переводе в этом месте использован традиционный эквивалент — *πλημμέλεια*.

Возникает закономерный вопрос: почему в 6-й главе I книги Царств использовано слово *βάσιανος* и каково его значение в данном контексте?

Во-первых, совершенно очевидно, что в анализируемом контексте $\square\psi\aleph$ употреблено в не совсем обычном значении: здесь речь

²⁰Иез 40:39.

²¹Общезвестно, что первоначально на греческий язык было переведено лишь Пятикнижие (в III в. до н. э.), а переводы прочих книг Ветхого Завета были осуществлены позже.

идет не об иудейской жертве повинности, а о votивных предметах, которые приносят язычники-филистимляне. Возможно, именно поэтому переводчик предпочел не использовать традиционное πλῆμμελέμια , но выбрал другой эквивалент, чтобы подчеркнуть разницу между иудейским и филистимским приношениями.

Что касается слова βάσαλος , то оно не является исконно греческим, но заимствовано из древнеегипетского языка. В древнеегипетском языке слово bḥn обозначает черный камень с высоким содержанием кремнезема (SiO_2). От этого же корня происходит название минерала базальт, в котором доля содержания SiO_2 составляет до 52–53%. Правда, некоторые исследователи не считают βάσαλος египетским заимствованием, исходя из того что египетское ḥ не могло передаваться по-гречески как σ ²². Однако, по последним данным, слово βάσαλος все же было заимствовано из древнеегипетского, но не напрямую, а через посредство лидийского языка²³.

В древнегреческом языке βάσαλος может означать «пробный камень», то есть камень, при помощи которого определялось качество металлов²⁴. Слово было недаром заимствовано из лидийского языка, так как лидийцы были первым в истории народом, тестирующим металлы при помощи минерала, название которого они заимствовали из древнеегипетского языка. От них практику пробирования переняли греки.

Примечательно также, что древнеегипетское bḥn было заимствовано не только в древнегреческий, но и в древнееврейский язык. Так, в книге пророка Иеремии²⁵ встречается слово יִיבָן — «средство для определения пробы металлов». В этом месте говорится, что Бог сделал Иеремии יִיבָן , чтобы тот подверг пробе народ Израиля. Иеремия сравнивает народ Израиля с железом и медью, то есть неблагородными металлами, и говорит, что такой народ, не прошедший пробы, достоин отвержения. Некоторые исследователи, в частности, Чайлдс, считают, что слово יִיבָן , встречающееся у пророка Исайи²⁶, означает «пробный камень»²⁷. Это — название камня, положенного Богом в основание Сиона²⁸. Однако некоторые исследователи полагают, что речь здесь не идет именно о пробном камне, но имеется в виду название минерала. Так, Нунан считает,

²² *Fournet J.-L.* Les emprunts du grec à l'égyptien // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris.* 84. 1989. P. 57

²³ *Beekes R.* *Etymological Dictionary of Greek.* Leiden; Boston, 2010. P. 203.

²⁴ *Liddell H., Scott R., Jones H.* *A Greek-English Lexicon.* Oxford, 1996. P. 308–309.

²⁵ Иер. 6:27.

²⁶ Ис. 28:16.

²⁷ *Childs B.S.* *Isaiah: A Commentary.* Louisville, Kentucky, 2001. P. 202.

²⁸ В Синодальном переводе — «камень испытанный».

что это граувакка — весьма твердый песчаник палеозойского возраста²⁹. В Ветхом Завете также неоднократно встречается глагол יָבַח — «проверять, испытывать».

Возвращаясь к переводу LXX 6-й главы I книги Царств, можно сказать, что одним из возможных значений слова $\beta\acute{\alpha}\sigma\alpha\nu\omicron\varsigma$ здесь может быть «пробный камень». Действительно, в анализируемом контексте речь идет о приношении золотых предметов. Напомним, что в Ветхом Завете предписано выбирать для жертвоприношения все самое лучшее: отборных животных, не имеющих порока, муку высшего сорта, первые, то есть лучшие, плоды и т. д. В связи с этим можно предположить, что переводчик, исходя из этого, говорит здесь о лучшем золоте, золоте $\tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\alpha\nu\omicron\upsilon$, «прошедшем пробу», которое нужно принести для исцеления от страшной болезни. В поддержку этой гипотезы можно сослаться на Платона. В диалоге «Горгий» слово $\beta\acute{\alpha}\sigma\alpha\nu\omicron\varsigma$ используется для обозначения камня, применявшегося для определения пробы именно золота³⁰. Сократ в этом месте утверждает:

$\text{Εἰ χρυσὴν ἔχων ἐτύχανον τὴν ψυχὴν, ὃ Καλλίκλεις, οὐκ ἂν οἶε με ἄσμενον εὐρεῖν τούτων τινὰ τῶν λίθων ἢ βασανίζουσιν τὸν χρυσόν, τὴν ἀρίστην, πρὸς ἣντινα ἐμελλον προσαγαγὼν αὐτὴν, εἰ μοι ὁμολογήσειεν ἐκείνη καλῶς τεθεραλευσθαι τὴν ψυχὴν, εὖ εἴσεσθαι ὅτι ἰκανῶς ἔχω καὶ οὐδέν με δεῖ ἄλλης βασανίου.$

«Будь душа у меня золотая, Калликл, обрадовался бы я или нет, как по-твоему, если б нашел один из тех камней, которыми берут пробу золота, — самый лучший среди таких камней, — а потом приложил бы к нему свою душу, и если бы он подтвердил, что душа ухожена хорошо, мог бы я знать это наверное и другого пробного камня уже не искать?»³¹.

Далее Сократ говорит, что нашел подобный камень для пробирования души, и этот камень — Калликл, которого можно назвать индикатором мыслей и чувств Сократа.

Итак, $\beta\acute{\alpha}\sigma\alpha\nu\omicron\varsigma$ в 6-й главе I книги Царств в интерпретации LXX может означать «золото, прошедшее пробу». Однако $\beta\acute{\alpha}\sigma\alpha\nu\omicron\varsigma$ здесь можно трактовать и иным образом.

Дело в том, что у древнегреческого $\beta\acute{\alpha}\sigma\alpha\nu\omicron\varsigma$, помимо первоначального значения («пробный камень»), имеются и иные. Из значения «пробный камень» развилось значение метафорическое —

²⁹ Noonan B. Zion's Foundation: The Meaning of יָבַח in Isa.28,16 // Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft. 125(2). 2013. P. 317–318.

³⁰ Plat. Gorg. 486e.

³¹ Перевод С.П. Маркиша.

«испытание». В таком значении слово можно встретить в 8-й Немейской оде Пиндара (стих 20), «Царе Эдипе» (стих 510) и «Эдипе в Колоне» (стих 835) Софокла, в «Законах» Платона³². Развитие подобного метафорического значения обусловлено сравнением испытания человека с определением пробы металла. Соответственно, из семантики «испытания» развивается значение «мучение», зафиксированное уже у Геродота³³. Отметим, что в период эллинизма βάσανος означает преимущественно «мучение».

В той же LXX, переводе эллинистической эпохи, βάσανος, помимо анализируемого контекста, встречается (не считая девтероканонических книг) только в переводе книги пророка Иезекииля (7 раз)³⁴. В 3-й и 7-й главах книги Иезекииля в переводе LXX βάσανος передает древнееврейское מַשָּׁח — «преткновенение». Таким образом βάσανος в переводе LXX можно трактовать как препятствие, преграду на пути, своего рода испытание. В 12-й главе βάσανος передает слово פָּנָה, нигде больше в Ветхом Завете не встречающееся. Древнееврейское слово פָּנָה можно перевести как «дрожь, трепет» (от глагола פָּנָה — «дрожать»). В 12-й главе Бог велит Иезекиилю есть хлеб с трепетом, а воду пить с дрожью и печалью. В переводе LXX:

Τὶς ἀνθρώπου, τὸν ἄρτον σου μετὰ ὀδύνης φάγεσαι καὶ τὸ ὕδωρ σου μετὰ βασάνου καὶ θλίψεως πίεσαι.

«Сын человеческий! Хлеб свой ты будешь есть с печалью, а воду свою будешь пить с мучением и скорбью».

Таким образом, βάσανος здесь не передает семантику древнееврейского слова, но хорошо вписывается в контекст наряду со словами ὀδύνη и θλίψις. Здесь βάσανος явно значит «мучение».

В 16-й и 32-й главах книги Иезекииля в переводе LXX βάσανος передает древнееврейское מַלְּוָה — «позор, бесчестие». Таким образом, βάσανος в трактовке LXX в этих главах обозначает душевные муки, связанные с позором, поруганием.

Из девтероканонических книг, древнееврейскими текстами которых мы не располагаем, βάσανος можно встретить в книгах Маккавейских³⁵. В них βάσανος всегда значит «мучение». Так, это слово употребляется там, где говорится о зверских истязаниях семи мучеников Маккавеев, их матери Соломонии и старца-учителя Елеазара. Этим мукам их подверг царь Антиох Эпифан за то, что они от-

³² Plat. Leg. 648b.

³³ Hdt. II, 88.

³⁴ Иез. 3:20, 7:19, 12:18, 16:52,54, 32:24,30.

³⁵ 1 Макк. 9:56, 2 Макк. 7:8, 9:5, 3 Макк. 3:27, 4 Макк. 6:30,31, 7:2 и др.

казались отправлять эллинистические культы. Кроме того, βάσανος можно обнаружить в книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова³⁶, где дается наставление наказывать провинившихся рабов. Слово βάσανος встречается также в книге Премудрости Соломона, где говорится о том, что нечестивцы испытывают праведника оскорблениями и мучениями³⁷.

В Новом Завете слово βάσανος встречается всего 3 раза. Первый раз оно зафиксировано в Евангелии от Матфея³⁸:

Καὶ ἀπῆλθεν ἡ ἀκοή αὐτοῦ εἰς ὅλην τὴν Συρίαν· καὶ προσήνευκαν αὐτῷ πάντας τοὺς κακῶς ἔχοντας λοκίλαις νόσοις καὶ βασάνοις συνεχομένους καὶ δαίμονιζομένους καὶ σεληνιαζομένους καὶ παραλυτικούς, καὶ ἐθεράλευσεν αὐτούς.

«И распространился слух о Нем по всей Сирии. И приводили к нему всех немощных, одержимых различными болезнями и муками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелил их».

Кроме того, βάσανος дважды встречается в 16-й главе Евангелия от Луки и обозначает адские муки³⁹. Место мучения грешников названо ὁ τόλος τῆς βασάνου.

Таким образом, мы видим, что нигде в Библии βάσανος не употребляется в значении «пробный камень», но означает «испытание», «мучение», «наказание». Встречающиеся в Библии производные от βάσανος⁴⁰ везде в тех контекстах, где они употребляются, обладают семантикой мучения, истязания.

Возвращаясь к переводу 6-й главы I книги Царств, можно предположить, что и в ней βάσανος может означать «мучение». В пользу этой гипотезы говорит также тот факт, что в анализируемом контексте использован описательный эллиптический оборот τῆς βασάνου. Подобные обороты с эллипсисом характерны в LXX для передачи древнееврейских терминов жертвоприношения. Так, жертва за грех (אֲשָׁמֶת) по-гречески передается как τὸ τῆς ἁμαρτίας, а жертва повинности (אֲשָׁמֶת) в большинстве случаев как τὸ τῆς πλημμελείας, таким образом, жертва за грех в трактовке LXX — «то, что касается греха», а жертва повинности — «то, что касается повинности», говоря шире — «то, что служит к искуплению греха или проступка». Таким образом, и в анализируемом контексте

³⁶ Сир. 33:27.

³⁷ Прем. Сол. 2:19.

³⁸ Мф. 4:24

³⁹ Лк. 16:23, 28.

⁴⁰ Глагол βασανίζω — «мучить, терзать», существительное βασανιστήριον — «орудие пытки».

переводчик, передавая термин קִשְׁלֵי как $\tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\acute{\alpha}\nu\omicron\upsilon$, мог иметь в виду жертву, приносимую во имя освобождения от мучений, которым Бог подверг филистимлян. То есть выражение $\tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\acute{\alpha}\nu\omicron\upsilon$ можно перевести как «жертва за мучение».

Подводя итог, можно сказать, что $\beta\acute{\alpha}\sigma\alpha\nu\omicron\varsigma$ в переводе LXX в 6-й главе I книги Царств означает, скорее всего, «мучение», что следует из анализа употребления слова $\beta\acute{\alpha}\sigma\alpha\nu\omicron\varsigma$ в Ветхом и Новом Завете, а также из того, что в LXX в рассматриваемом контексте использован характерный описательный оборот. Если это не уникальный случай, что вовсе не исключено, то подобная переводческая трактовка представляется наиболее вероятной.

А.В. Подосинов

К ВНЕШНЕМУ ОБЛИКУ СКИФОВ В АФИНАХ И В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ*

Внешний облик скифов — их костюм, головные уборы, прически — известен нам как по литературным источникам, так и по изображению их на аттических вазах (их насчитывается уже более 600¹), ювелирных изделиях, саркофагах, даже в скульптурах, которые зачастую реалистически, с большими подробностями рисуют скифов. Античной иконографии населения Скифии посвятили свои работы многие исследователи². Их выводы сильно расходятся.

В этой статье я хотел бы указать на те различия, которые обнаруживаются во внешнем облике скифов, увиденных в Афинах, с одной стороны, и отображенных на местной северочерноморской пластике, с другой.

Предполагается, что воинственные скифы, вооруженные луком, стали знакомы афинянам не понаслышке весьма рано. Частые изображения скифских лучников (или тех, кого за них принимают) появляются, начиная с VI в. до н. э., на аттических вазах («в харак-

---

*Работа выполнена при поддержке РФНФ (проект №14-01-00262а) и частично поддержана грантом (соглашение от 27 августа 2013 г. № 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ).

¹*Ситлицын А.А.* Софокл и скифский логос Геродота // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов, 2008. С. 279.

²*Vos M.F.* Scythian Archers in Archaic Attic Vase-Painting. Groningen, 1963; *Raeck W.* Zum Barbarenbild in der Kunst Athens im 6. und 5. Jahrhundert v. Chr. Diss. Bonn, 1981; *Lissarrigue F.* L'autre guerrier. Archers, peltastes, cavaliers dans l'imagerie attique. Paris; Rom, 1990. P. 125–149. Из отечественных работ см.: *Скрябинская М.В.* Герои киммерийских и скифских легенд в греческой поэзии и вазовой живописи VII–VI вв. до н. э. // ВДИ. 1986. 4. С. 84–94; *Она же.* Скифия глазами эллинов. СПб., 1998. С. 209–261 (специально об изображениях скифов см. с. 209–261); *Иванчик А.И.* Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? I // ВДИ. 2002. 3. С. 33–55; *Она же.* Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? II // ВДИ. 2002. 4. С. 23–42; *Ivanchik A.* Who were the 'Scythian' archers on archaic attic vases? // *Scythians and Greeks: Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (Sixth Century B.C. — First Century A.D.)* / Ed. by D. Braund. Exeter, 2005. P. 100–114; *Лценко С.А.* Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006. С. 47–83. Изображениям скифов в аттической пластике посвящена также часть работы: *Bäßler B.* Fleissige Thrakerinnen und wehrhafte Skythen. Nichtgriechen im klassischen Athen und ihre archäologische Hinterlassenschaft. Stuttgart und Leipzig, 1998. S. 165–181.

терном скифском облачении: в остроконечной шапке, в коротком полукафтани и длинных штанах, плотно облегающих тело и нередко расшитых каким-либо орнаментом, с колчаном на левом боку, с луком, а иногда и топориком (*sagaris*) в руках»³. Это приводит исследователей к выводу о том, что «скифский элемент играл в жизни афинского общества и государства весьма заметную роль»⁴. Предполагается, что скифы во время появления и бытования их изображений на аттических вазах (а это примерно 530–490 гг. до н. э.) служили наемниками во вспомогательном войске афинян⁵.

Но и позже афиняне имели возможность наблюдать скифов. По некоторым сведениям афинских ораторов⁶, скифские лучники — государственные рабы — стали после 480 г. до н. э. исполнять полицейские функции в Афинах, и их насчитывалось 300 человек. Они жили в своих кибитках у агоры, позже — на холме Ареса. Их образы были любимыми мишенями для осмеяния в афинской комедии. Так, они выведены на сцену в комедиях Аристофана «Ахарняне», «Всадники», «Лисистрата» и «Женщины на празднике Фесмофорий» как глухие, нелепые люди, разговаривающие при этом на ломаном греческом языке⁷. Тем не менее, считается, что для большинства средиземноморских греков⁸ (в основном афинян) далекие загадочные

³Фролов Э.Д. Скифы в Афинах // ВДИ. 1998. 1. С. 136.

⁴Фролов Э.Д. Скифы в Афинах. С. 135; *Он же*. Скифы в Афинах (по изображениям на аттических черно- и краснофигурных вазах) // История и культура древних и средневековых обществ. Сборник научных статей, посвященных 100-летию со дня рождения М.И. Артамонова. СПб., 1998. С. 132–140; *Он же*. Полицейская служба в демократическом полисе: скифы в Афинах // Фролов Э.Д. Парадоксы истории — парадоксы античности. СПб., 2004. С. 195–220. См. также: Braund D. Scythian Archers, Athenian Democracy and a Fragmentary Inscription from Erythrae // Античный мир и Византия. К 70-летию В.И. Кадеева. Харьков, 1997. С. 48–56; *Скрябинская М.В.* Скифия. С. 150–155.

⁵См.: Vos M.F. Scythian Archers. P. 39, 61, 80–81; *Скрябинская М.В.* Скифия. С. 138, 217.

⁶*Andocid.* III, 5; *Aeschin.* II, 173. См. также: Schol. ad Aristoph. Acharn. 54; *Suda* s.v. τοξόται.

⁷См. анализ литературной традиции и материальных свидетельств о скифах-полицейских: *Plassart A.* Les archers d'Athènes // *Revue des Études Grecques*. 26. P. 151–213; *Hall E.* The Archer Scene in Aristophanes' *Thesmophoriazousae* // *Philologus*. 133. 1989. P. 38–54; *Sier R.* Die Rolle des Skythen in den *Thesmophoriazusen* des Aristophanes // *Zum Umfang mit fremden Sprachen in der griechisch-römischen Antike* / Hrsg. von C.W. Müller et al. (Palingenesia 36). 1992. S. 63–83; Braund D. Scythian Archers. С. 48–56; *Скрябинская М.В.* Скифия. С. 150–155; *Bäbler B.* Bobbies or Boobies? The Scythian Police Force in Classical Athens // *Scythians and Greeks*. P. 114–125; *Синицын А.А.* Софокл. С. 269–292 (с литературой).

⁸От греков, столкнувшихся со скифами в Северном Причерноморье в процессе Великой греческой колонизации, практически не осталось письменных свидетельств, поэтому мы не можем судить об их отношении к скифам. Лишь иногда мы

Рис. 1. Ваза Франсуа (VI в. до н. э.)

скифы, о которых писали Эсхил и Геродот, именно здесь были доступны для непосредственного знакомства и восприятия⁹.

Как же выглядели скифы в глазах афинян¹⁰?

Постоянным элементом скифского костюма, как его рисуют в материковой Греции, была остроконечная шапка («фригийский колпак»). Она встречается уже в первой трети VI в. до н. э. на знаменитой «вазе Франсуа», на которой на верхнем поясе изображена сцена Калидонской охоты (рис. 1). Среди участников охоты есть три лучника, стреляющие с колена из лука, с именами Эвтимах, Киммерий и Токсамис; в двух последних некоторые исследователи видят киммерийца и скифа¹¹.

Рис. 2. Аттическая тарелка с росписью Эпиктета (конец VI в. до н. э.)

Скифа в национальной одежде видят и на краснофигурной аттической тарелке конца VI в. до н. э. из Британского музея с росписью Эпиктета (рис. 2); кроме шапки предполагаемый скиф носит облегчающий костюм с пестрыми шароварами — типичным элементом одежды ираноязычного варвара. Этот скиф¹² носит колчан со стрелами и лук и запечатлен убегающим и вытаскивающим из колчана стрелу.

Проанализировав аттические вазовые изображения предполагаемых скифов, М.В. Скржинская делает следующий вывод о скифском костюме VI в., который могли наблюдать греческие вазопис-

можем предполагать, что в тех или иных свидетельствах о скифах в сочинениях «средиземноморских» авторов отразились какие-то сведения «черноморских» греков.

⁹См., например: *Bäbler B. Fleissige Thrakerinnen*. S. 165–167.

¹⁰Речь идет об аттических вазах с середины VI в. (540–530 гг.) и до 490 г. (*Vos M.F. Scythian Archers*. P. 39, 80–81; *Скржинская М.В. Скифия*. С. 138, 217; *Иванчик А.И. Кем были «скифские» лучники*. П. С. 23), т. е. к моменту, когда в Афинах появились скифские полицейские, «скифы» перестали изображаться в местной вазописи.

¹¹*Скржинская М.В. Скифия*. С. 200–203; см. критику этой позиции: *Иванчик А.И. Кем были «скифские» лучники*. С. 45–51. Интересно отметить, что и сама М.В. Скржинская признает, что мастер, создавший эту вазу, «афинянин Клитий в первой трети VI в. не мог видеть живых киммерийцев, так же как и скифов», и что он «нарисовал скифа Токсамиса внешне неотличимым от двух других восточных лучников,

Рис. 3. Краснофигурная амфора из Мюнхена (2308)

цы, видя скифов¹³, составлявших, предположительно, в это время вспомогательное войско у афинян: «Его верхняя часть состояла из рубашки, отороченной или сшитой из тканей с различной окраской и орнаментом. Рубашка запахивалась крест-накрест, образуя у шеи острый вырез; низ рубашки заправляли в облегающие шаровары... либо носили на выпуск... При любом из видов ношения рубашки ее закрепляли на талии туго облегающим поясом. Всю одежду спереди и сзади покрывал орнамент, возможно, вышитый или сделанный аппликацией из кусочков цветной материи и кожи»¹⁴.

Еще интереснее форма скифской шапки: «Скифская шапка, сшитая из плотной кожи, не только согревала в холодную погоду, но и защищала голову и шею от легкого оружия, брошенного с расстояния... Скифские шапки отчасти напоминают наши ушанки, так как имеют два боковых уха, в случае надобности завязывающиеся под подбородком; третье ухо опускается на шею. Как и на современных

одетых в греческие хитоны и схематично переданные высокие шапки» (Скифия. С. 202–203 и 209).

¹²М.В. Скржинская считает, что здесь изображен не скиф, а амазонка, признавая при этом, что костюм амазонки совпадает с костюмом скифов (Скифия. С. 210).

¹³*Скржинская М.В.* Скифия. С. 209: «Около 530 г. разные художники одновременно начинают писать скифов с натуры...»; ср. также: *Vos M.F.* Scythian Archers. P. 43: «Attic vase-painters daily saw this costume and depicted it from nature».

¹⁴*Скржинская М.В.* Скифия. С. 216. См. также о «скифском» костюме: *Vos M.F.* Scythian Archers. P. 40–51; *Raeck W.* Zum Barbarenbild.

Рис. 4. Ваза из Вюрцбурга (L 507)

ушанках, уши скифских шапок можно было поднять и завязать наверху, что видно на ряде рисунков»¹⁵.

На краснофигурной амфоре из Мюнхена (2308)¹⁶ мы видим подобные изображения двух лучников в типичном «скифском» одеянии, выступающих в виде помощников облачающегося в доспехи гоплита (рис. 3). См. также типичную «скифскую» одежду на вазе из Вюрцбурга (L 507) художника Клеофрада (рис. 4) и замечательного конного «скифа» на амфоре из Рима (V. Giulia 50559) (рис. 5).

В отличие от предшествующих исследователей, А.И. Иванчик вслед за Ф. Лиссарром¹⁷ считает, что в основе образа «скифоидного» лучника в аттической вазописи лежат впечатления не от контактов с реальными скифами, а от военных столкновений греков с мидийской, а позже ахеменидской армией¹⁸;

¹⁵ *Скритская М.В.* Скифия. С. 216–217.

¹⁶ *Lissarrgue F.* L'autre guerrier. Fig. 18.

¹⁷ См. *Lissarrgue F.* L'autre guerrier. P. 103, 106, 111–114, 125–149; *Иванчик А.И.* Кем были «скифские» лучники. I. С. 33–55; *Он же.* Кем были «скифские» лучники. II. С. 23–42; *Ivančik A.* Who were the 'Scythian' archers. P. 100–114.

¹⁸ Впрочем, сам Иванчик отмечает общие черты «одежды, характерной для нескольких иранских народов, в том числе скифов, саков, да и самих мидийцев (башлыки или остроконечные колпаки, штаны, мягкие сапоги, кафтаны)» (*Иванчик А.И.* Кем были «скифские» лучники. II. С. 31). См. критику отождествления этих «скифов» с мидийцами: *Яценко С.А.* Костюм древней Евразии. С. 47: «Этнические персы в аттической вазописи, при всей протокольной точности подачи материала, поданы с известной долей условности и преувеличений, идущих главным образом от гос-

сам «скифский» костюм был лишь признаком второстепенности изображаемого персонажа¹⁹. Одежда, изображенная на лучниках, была характерна как для скифов,

Рис. 5. Краснофигурная амфора из Рима (V. Guilia 50559)

так и для мидийцев²⁰; прямая связь между «скифской» одеждой и скифским этносом отсутствует; говоря об изображениях лучников в аттической вазописи, следует исходить из того, что в эпоху их создания никаких контингентов скифов или других варваров в Афинах не было, что полностью согласуется со свидетельствами письменных источников»²¹. «В любом случае представляется методически неверным использовать аттическую вазопись как материал для восстановления костюма

скифов, саков, мидийцев или любого другого реального народа»²². Для нас важен итог критического подхода Иванчика: «Прогресс в этой области, на мой взгляд, может быть достигнут лишь в результате независимой от ваз реконструкции этих костюмов на основе надежно привязанных к определенному этносу свидетельств (для скифов это должны быть, скажем, данные археологии и скифские каменные изваяния, а также изображения на произведениях причерноморской торевтики IV в. до н.э...). Сопоставление этих независимых реконструкций с изображениями на аттических вазах,

подствущего *стиля*... точность передачи персидского костюма (и в целом облика персов) в греческом искусстве имела для мастеров и потребителей гораздо большее значение, чем принято думать».

¹⁹Иванчик А.И. Кем были «скифские» лучники. I. С. 54: «...так называемый „скифский“ костюм для аттических вазовписцев и их клиентов не был указанием на этнос персонажей. В аттической иконографии архаической эпохи он служил лишь признаком их статуса. Если основные эпические герои изображались в виде гоплитов, то костюм „скифского“ лучника указывал на статус героя второго ранга». См. также: Иванчик А.И. Кем были «скифские» лучники. II. С. 31.

²⁰См., впрочем, критику отождествления этих «скифов» с мидийцами и персами: Яценко С.А. Костюм древней Евразии. С. 60: «...анализ как собственно персидского костюма, так и мидийских элементов в ахеменидском costume этого времени... не подтверждает эту версию».

²¹Иванчик А.И. Кем были «скифские» лучники. II. С. 31.

²²Там же. С. 41–42. Ср. однако: Яценко С.А. Костюм древней Евразии. С. 47 о своем исследовании: «Проделанная выше работа позволяет теперь без особых усилий выделять на греческой вазописи и предметах торевтики собственно этнических персов от изображений так называемых „условных варваров“ в мифологических сценах троянского цикла, в сценах битв с амазонками и т. п.».

возможно, пролет дополнительный свет на вопрос о том, костюм какого конкретного народа послужил основой для формирования образа лучника в аттической вазописи архаической эпохи»²³.

Собственно, в настоящей статье и представлены некоторые наблюдения над возможной трансформацией облика скифов, запечатленного в VI–V вв. в Афинах и в IV в. в Северном Причерноморье²⁴.

На мой взгляд, одежда и внешний облик скифов на изображениях на ювелирных изделиях, изготовленных греческими мастерами Северного Причерноморья или, возможно, мастерами из других эллинских городов²⁵ в IV в. до н. э., т. е. спустя несколько десятилетий «после исчезновения изображений с натуры скифских героев в аттической вазовой живописи»²⁶ оказываются несколько иными. Поскольку эти изображения делались на предметах, найденных в основном в скифских погребениях, можно сделать вывод, что и изготавливались они по заказу скифов. Это предполагает, на мой взгляд, большую реалистичность в передаче внешнего облика скифов.

Самое раннее изображение скифа в Северном Причерноморье²⁷

Рис. 6. Изображение скифа на золотом гребне из кургана Солоха (конец V — начало IV в. до н. э.)

²³Иванчик А.И. Кем были «скифские» лучники. П. С. 42.

²⁴Наиболее глубоко исследовавший костюм скифов Северного Причерноморья С.А. Яценко насчитывает около 45 работ, посвященных этой теме (Яценко С.А. Костюм древней Евразии. С. 10).

²⁵На этом настаивает М.В. Скржинская (Скифия. С. 240–260; см. с. 260: «...глядя на ювелирные произведения со скифскими сюжетами, мы видим Скифию глазами эллинов из разных частей Греции»).

²⁶Там же. С. 223.

²⁷Здесь я ограничусь лишь несколькими самыми яркими примерами изображений скифов. Подробно об иконографии северочерноморских скифов и каталог изображений скифов см.: Яценко С.А. Скифский мужской костюм на предметах греко-скифской торевтики IV в. до н. э. (к вопросу об этнографизме изображений) // Вестник Шелкового пути. Археологические источники. Вып. I. М., 1993. С. 304–338; Он же. Костюм древней Евразии. С. 47–83 с подробной литературой вопроса.

Рис. 7. Серебряная чаша из кургана Гайманова могила (IV в. до н. э.)

мы имеем на золотом гребне из кургана Солоха конца V — начала IV в. до н. э. (рис. 6). По мнению А.Ю. Алексеева, в этом кургане были погребены скифские цари, одним из которых был, возможно, известный нам из Геродота Октамасад²⁸. Обратим внимание на дату — это изделие было изготовлено практически одновременно с аттическими вазами, на которых облик скифов был иным! И этот образ будет доминирующим в последующей торевтике Северного Причерноморья.

Одно из самых знаменитых изображений скифов (скифских царей?) дает серебряная чаша IV в. до н. э. из кургана Гайманова могила (рис. 7). Подробно изображена бытовая жизнь скифов²⁹ и их внешний облик на серебряной вазе IV в. до н. э. из кургана Чертомлык (рис. 8) и на золотой пекторали того же времени из Кургана Толстая могила (рис. 9). Шедевром «греко-скифского» искусства является электрическая ваза IV в. до н. э. из кургана Куль-Оба, на которой также изображены сцены из жизни скифов: они натягивают луки и лечат друг друга (рис. 10).

²⁸ Алексеев А.Ю. Хронология Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб., 2003. С. 231–235.

²⁹ Хотя Д.С. Раевский и призывает «трактовать все без исключения „сцены из жизни скифов“ как воплощения определенных мифических сюжетов и, следовательно, как ценнейший источник для реконструкции скифского мифологического комплекса» (Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М., 2006. С. 28), это не мешает нам видеть в изображениях скифов реальные черты их физического облика.

Рис. 8. Серебряная ваза из кургана Чертомлык (IV в. до н. э.)

Хотя М.В. Скржинская считает, что «по сравнению с изображениями на вазах рубежа VI–V вв. мужской костюм (скифов) мало изменился...»³⁰, мне кажется, что есть существенные различия в облике скифов в Афинах и в Северном Причерноморье. Если в первом случае «скифы» выступают часто как безбородые, гладко выбритые люди³¹, то во втором случае они почти все изображаются с длинной бородой и усами, с прямыми волосами до плеч с челкой на лбу³², редко в шапке (башлыке), да и то уже, как правило, без остроконечных выступов на ней³³. Обтягивающее афинских скифов странное «трико»³⁴ превращается в до-

³⁰ Скифия. С. 225.

³¹ Ср. свидетельство Пс.-Гиппократ (De aere. 26) о том, что у скифов не растет борода; см. в этой связи: *Bäbler B. Fleissige Thrakerinnen*. S. 170 о том, что Пс.-Гиппократ дает здесь «völlig verzerrte Darstellung dieser Barbaren».

³² См. о прическах скифов: *Rolle R. Haar und Barttracht der Skythen // Gold der Steppe / Hrsg. von R. Rolle. Neumünster, 1991. S. 115–126*. См. также: *Яценко С.А. Костюм древней Евразии*. С. 78: «Как сообщают Клемент Александрийский (Clement. Pedag. III. 3. 24) и Лукиан (Luc. Tox. 51), обычно скифы носили длинные волосы, которые были „рассыпаны по плечам“ (Seneca. Epist. moral. XX. 7)».

³³ *Скржинская М.В. Скифия*. С. 227: «Остроконечные выступы на шапках... к IV в. вышли из моды». С.Я. Яценко также отмечает, что «при сравнении со скифскими материалами V–IV вв. до н. э. очевидно, что ни один из типов головных уборов (в аттической вазопиcи. — *А.П.*) не известен в более позднее время» (*Костюм древней Евразии*. С. 58).

³⁴ Ср. *Иванчик А.И. Кем были «скифские» лучники*. II. С. 33: «...штаны и кафтан часто сливаются в своеобразное облегчающее трико (реальное существование подобной одежды трудно предполагать), обувь практически никогда не изображается». Ср. описание персидских штанов у С.А. Яценко (*Костюм древней Евразии*. С. 40): «Штаны — анахугидес были узкими и длинными (Хен. Кут. VIII. 3.13)». Замечу, однако, что в цитированном месте Ксенофонта сказано только, что «на Кире были еще анаксириды красного цвета».

Рис. 9. Золотая пектораль из кургана Толстая могила (IV в. до н. э.)

Рис. 10. Электровая ваза из кургана Куль-Оба (IV в. до н. э.)

вольню широкие штаны со многими складками³⁵. Поверх рубашек скифы носят теперь куртки, иногда типа кафтана, подпоясанного кушаком³⁶, ходят в сапогах из мягкой кожи без твердой подметки (рис. 11)³⁷.

Кстати, к афинским изображениям скифов, проанализированных М.В. Скржинской, следует добавить две погребальные мраморные статуи третьей четверти IV в. до н. э., найденные в 1863 г. в афинском районе Керамик (рис. 12) и показывающие наряд и вооружение скифов³⁸.

³⁵Ср. Яценко С.А. Костюм древней Евразии. С. 54: поясная одежда у архаических скифов «представлена у обоих полов широкими шароварами»; С. 75: «Судя по изображениям на греко-скифской торевтике, где штаны часто показаны с характерными складками, они часто делались из плотных тканей». Впрочем, Яценко считает, что «утрировано облегающий характер кафтана и штанов» в аттической вазопиcи следует отнести к элементам стилизации» (Там же. С. 61).

³⁶Ср. Яценко С.А. Костюм древней Евразии. С. 58 о вазовых изображениях: «Одежда этого типа (халата. — А.П.) длиной до середины голени отмечена пока на одном изображении персонажа в группе стоящих варваров».

³⁷Скржинская М.В. Скифия. С. 225. Об обуви скифов см. специальную работу: Ключко Л.С. Скифская обувь // Советская археология. 1992. № 1. С. 26–33. Ср. Яценко С.А. Костюм древней Евразии. С. 54: «Невысокие сапоги от середины голени и выше хорошо известны в это время (архаики в Северном Причерноморье. — А.П.)», т. е. практически в то же время, когда афинские художники изображали «скифов» на своих вазах в основном босыми.

³⁸См. их описание и атрибуцию как «скифских»: Bäbler B. Fleissige Thrakerinnen. S. 174–180; 260–261 и фото 13 a-b и 14 a-b, 13 a с литературой. На нашей иллюстрации показаны два ракурса одной статуи, лучше сохранившейся (13 a-b). Оба памятника хранятся в Национальном музее в Афинах (823 и 824).

Рис. 11. Реконструкция внешнего облика скифского воина Северного Причерноморья

Эти изображения можно считать появлением в Афинах «настоящего» северочерноморского образа скифов³⁹. Фигуры одеты в до колен доходящие халаты типа кафтана с открытым спереди воротом, с длинными узкими рукавами, с ремнем на поясе и в длинные, довольно широкие штаны⁴⁰. Одна из фигур, которая сохранилась лучше, показывает, что правой рукой лучник касается чехла для лука, в левой руке он держал, по-видимому, бронзовый лук (об этом свидетельствует круглое отверстие в ладони). Одежда этих скифов гораздо ближе иконографии северочерноморских изображений, нежели аттической вазописи. По-видимому, этому способствовали тесные контакты Афин с

Северным Причерноморьем в IV в. до н. э.⁴¹

Таким образом, мне кажется, можно констатировать некоторую трансформацию облика скифов от Афин VI–V вв. до н. э. до Северного Причерноморья IV в. К такому же выводу приходит и С.А. Яценко: «... в целом анализ серии афинских изображений... демонстрирует *разительные отличия* костюмного комплекса персонажей от более позднего — скифского «классического» V–IV вв. до н. э.»⁴² (курсив автора).

Объяснений такой трансформации может быть несколько:

1. Одно из них можно сформулировать следующим образом: в VI–V вв. до н. э. скифы, которые присутствовали в Афинах, выглядели несколько иначе, чем скифы IV в., изображения

³⁹Б. Бэблер считает, что эти скульптуры «die skythische Tracht und Bewaffung mit grosser Genauigkeit zeigen» (*Bäbler B. Fleissige Thrakerinnen. S. 173*).

⁴⁰Я бы не согласился здесь с описанием Б. Бэблер штанов как «enge Hosen» (*Bäbler B. Fleissige Thrakerinnen. S. 175*).

⁴¹Боспорские Спартокиды в IV в. до н. э. поставляли в Афины огромное количество зерна. Так, только в 356 г., по свидетельству Демосфена («Против Лептина», 31–32), они продали Афинам 400 000 медимнов зерна (16 380 т).

⁴²*Яценко С.А. Костюм древней Евразии. С. 59.* Яценко считает, что «ранний» костюм более свойствен так называемым «сакским» ираноязычным племенам и более того, «можно без особых сомнений говорить об отсутствии близкого этнического родства между „скифами“ Северного Причерноморья двух эпох — VII–VI и V–IV вв. до н. э.»; второй период связан с приходом в Северное Причерноморье новой волны скифских кочевников (Там же. С. 50–51).

Рис. 12. Мраморные статуи из Керамика (третья четверть IV в. до н. э.)

которых происходят из Северного Причерноморья⁴³, в том числе и потому, что в жарких Афинах они не могли носить одежду, соответствующую сравнительно холодному климату Северного Причерноморья⁴⁴. Правда, этому объяснению противоречит тот факт, что именно в афинских изображениях («в жару») все скифы носят теплые шапки (по Скржинской, они «напоминают наши ушанки»), и это часто является единственным признаком «скифости», а в черноморских сюжетах («в холода») скифы, как правило, простоволосы.

2. За век изменилась скифская мода — скифы стали иначе одеваться⁴⁵ и отрасли бороды⁴⁶.

⁴³Ср. Там же. С. 55 об «афинских скифах»: «Если это действительно скифы, то очевидно, что они быстро утратили некоторые, не обязательные в далеком и чужом большом городе традиции, связанные с национальной одеждой и прическами. Пешие стрелки часто изображаются *босыми* и немного реже — *не подпоясанными* (что для кочевников во все времена было не вполне прилично)».

⁴⁴См., например: *Vos M.F. Scythian Archers*. P. 58 об изображении на афинских вазах «скифских лучников» обнаженными или в греческих хитонах: «Possibly in the hot Greek summers the barbarians themselves changed to Greek dress»; см. также p. 59: «...the Scythian dress, which is practical for nomadic horsemen in Scythia, but would be absurd in the hot Greek climate»; *Скржинская М.В.* Скифия. С. 217: «...в Греции летом в жару скифы, вероятно, отказывались от своей национальной, слишком теплой одежды». Ср. также: *Яценко С.А.* Костюм древней Евразии. С. 60: «...у нас нет никаких оснований утверждать, что скифы, ставшие на многие годы жителями такого крупного города, как Афины, не могли (по своей воле или по воле афинских правителей) изменить частично тактику своего боя и экипировку (пеший бой во многих ситуациях; частое хождение босиком и т. п.)».

⁴⁵Ср. цитированное выше высказывание М.В. Скржинской об остроконечной шапке, «к IV в. вышедшей из моды».

⁴⁶А.Ю. Алексеев, отмечая, что «ранние скифы носили усы и брили бороду, тогда

Рис. 13. Чернофигурная гидрия из Мадрида

3. «Афинские скифы» отражают облик скифов первой волны миграции в Северное Причерноморье, а более поздние черноморские изображения рисуют скифов, появившихся в результате второй волны миграции (теория «двух Скифий») ⁴⁷. Тем самым признается этнографическая точность и достоверность обеих групп памятников.
4. А priori предполагая, что изображения скифов в Причерноморье должны были быть более реалистичными ⁴⁸, чем аттические, логично усомниться в портретном реализме изображения облика скифов в аттической вазописи. В таком случае правы оказываются «скептики», отказывающие аттическим «скифам» в их «скифости». Да и в самом деле, когда в

как скифы времени Геродота (и позднее) как будто бы носили и усы и бороды», не берется достоверно судить, «что же именно отражает трансформация традиции изображения европейских скифов — просто ли изменение моды у одного народа или хотя бы частичную смену населения» (Хронология Европейской Скифии. С. 175).

⁴⁷Яценко С.А. *Костюм древней Евразии*. С. 51–51, 60, 107; развернутое обоснование этой теории со ссылкой на книгу С.А. Яценко см.: *Алексеев А.Ю.* Хронология Европейской Скифии. С. 168–193.

⁴⁸С.А. Яценко говорит в этом случае о «достоверно скифских персонажах» (Костюм древней Евразии. С. 59–60). См. также: *Русяева М.В.* Золотой предмет ритуально-культового назначения из кургана Передериева Могила // *Воспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. Материалы научной конференции*. СПб., 1999. С. 214 «о стремлении торевтов к этнографическому реализму, который ярко воплотился на многих изделиях и стал одной из характерных черт эллино-боспорского искусства». Ср. противоположную точку зрения «о стремлении (торевтов. — А.И.) не столько передать реалии, сколько воспроизвести тип условного „фольклорного“ скифа», высказанную Е.А. Савостиной в том же сборнике дюжиной страниц ранее (Греческая торевтика на «скифские» темы: заметки о стиле скульптурного декора // Там же. С. 202).

полном «скифском» облачении выступает сам Гектор в качестве «лучника» (см., например, на чернофигурной гидрии из Мадрида — рис. 13⁴⁹), то сомнительными кажутся попытки в каждом персонаже, одетом в пестрое трико и фригийский колпак, видеть скифа.

Я считаю, что более убедительно выглядит эта последняя версия.

---

⁴⁹ № 10920. CVA. Espagne. 1. Madrid. 1. 1931. Pl. 10, 2. Подробнее об этом образе см.: *Иванчик А.И.* Кем были «скифские» лучники. I. С. 36–37.

Е.Г. Парфенова

ЭВОЛЮЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ АРИСТОТЕЛЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ЕГО СОЧИНЕНИЙ

(Анализ основных концепций)

Установление хронологической последовательности сочинений Аристотеля представляет собой крайне трудную задачу. Для абсолютных датировок сочинений оснований практически не имеется, а выстроить их относительную последовательность возможно, лишь наметив хотя бы гипотетическую схему философской эволюции Аристотеля. От средневековых ученых исследователями Нового времени было унаследовано представление, что сочинения, входящие в *Corpus Aristotelicum*, представляют собой части единой законченной философской системы, научное содержание которой догматично и неизменно. В случаях, если в отдельных сочинениях обнаруживались несовпадения и разного рода противоречия, текст квалифицировался как испорченный, а отдельные фрагменты отвергались как неаутентичные. Этим методом, например, руководствовался издатель фрагментов Аристотеля В. Розе¹.

Генетическая гипотеза В. Йегера. В 1923 г. Вернером Йегером² была выдвинута генетическая теория философской эволюции Аристотеля, определившая на ближайшие десятилетия направление и характер исследований в этой области. В своей книге В. Йегер впервые утверждал, что учение Аристотеля может рассматриваться не как «статическая система концепций», а как непрерывный и связный процесс развития от ранних диалогов к трактатам³. В творческой деятельности Аристотеля различают три хронологических периода (367–347 гг. до н. э. — первый афинский или ака-

¹ *Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta / Collegit V. Rose. Lipsiae, 1886.*

² *Jaeger W. Aristoteles: Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung. Berlin, 1923.*

³ Гипотеза Йегера отчасти была предвосхищена Э. Целлером (*Zeller E. Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung dargestellt. T. 2, H. 2. Leipzig, 1921. S. 59.*), признававшим платоническое содержание в ранних диалогах, и Т. Кейсом (*Case T. Aristotle // The Encyclopaedia Britannica. V. 2. London, 1911. P. 501–523.*), также видевшим эволюцию от диалогов к трактатам.

демический, до смерти Платона; 347–335 гг. — период странствий: Малая Азия, Лесбос, Македония; 335–323 гг. — второй афинский или ликейский). Во время первых двух периодов у Аристотеля, по мнению Йегера, преобладает интерес к метафизическим и эпистемологическим проблемам, а в течение последнего, когда, помимо собственных исследований, он занят преподаванием и организацией исследовательских работ в Ликее, естественнонаучная проблематика вытесняет чисто философскую. Общая эволюция его мысли описывается как постепенное освобождение от влияния платонизма и пропорциональное последовательное возрастание эмпиризма. Степень верности платоническому учению, отождествляемому Йегером с теорией идеи времени написания «Федона» и «Государства», становится важным методологическим критерием, посредством которого можно определить удаленность сочинения от академического периода и, следовательно, его относительную дату. Отъезд Аристотеля после смерти Платона с несколькими академиками из Афин трактуется как выражение внутреннего кризиса и конфликт в академической среде: Спевсипп, следующий схолярх Академии, унаследовал лишь учреждение, а не живой дух школы. Уже в годы странствий Аристотель освобождается от платонического влияния и развивает собственную философию.

В течение **академического периода** мысль Аристотеля движется в русле платонической проблематики, в области формы он также следует общепринятому в Академии жанру: пишет диалоги⁴. Этот период Йегер реконструирует на фрагментах двух сочинений: диалога «Евдем» и «Протрептика». «Евдем»⁵ — диалог, обращенный к умершему другу Аристотеля, посвящен проблеме бессмертия души. По содержанию и форме это типично платоническое сочинение. Положение о бессмертии души здесь доказывается с помощью теории припоминания⁶. Фундаментом для такой позиции является учение об идеях («Федон»). «Протрептик»⁷, т. е. «Увещание» (к философии), чрезвычайно популярное в древности сочинение, разрабатывает педагогический идеал Академии. Философское содержание

⁴Диалоги Аристотеля принадлежат к так называемым экзотерическим сочинениям, они были написаны не для внутриакадемического использования, а для широкой публики. До нас от них дошли только фрагменты, но именно эти сочинения пользовались широкой известностью в эпоху эллинизма и вообще в античности.

⁵Jaeger W. Aristoteles. S. 37–52.

⁶Arist. fr. 41 Rose.

⁷Jaeger W. Aristoteles. S. 53–102. В реконструкцию «Протрептика» (S. 60–80) Йегер внес большой вклад, открыв его новые фрагменты в «Протрептике» Ямвлиха и отметив его многочисленные следы в зрелых сочинениях самого Аристотеля. Также см.: Düring I. Aristotle's Protrepticus. An Attempt at Reconstruction. Göteborg, 1961.

этого «Увещения» концентрируется вокруг понятия φρόνησις, интерпретируемого как чисто созерцательная активность, в которой совпадают высшие моральные ценности и максимально возможное счастье души. Это понятие опять же подразумевает знание идей («Федон», «Государство»). Итак, по мнению В. Йегера, Аристотель вплоть до смерти главы Академии придерживался ортодоксальных платонических взглядов.

Период странствий. К ближайшим годам после смерти Платона Йегер относит диалог «О философии» и наиболее ранние части основных трактатов. «О философии» — своего рода программное произведение Аристотеля⁸. Он представляет здесь «набросок» своей будущей философии, частично еще зависящей от платонизма, а частично уже его критикующей. Диалог состоял из трех книг. В первой книге реконструировалось историческое развитие философии от древнейших времен до Платона⁹, вторая содержала критическое изложение первоначальной теории идей («Федон») и позднейшей ее трансформации, т. е. (по Аристотелю) теории идеальных чисел («Филеб», «О благе»), а третья заключала в себе первый эскиз уже собственной аристотелевской космологии, еще тесно связанной с космологической теорией позднего Платона («Тимей», «Законы»)¹⁰.

В основных разделах аристотелевской философии (метафизика, этика, политика) Йегер стремится продемонстрировать глубокую эволюцию от позиции еще почти платонической до полностью независимой. Крайние точки в эволюции **метафизики**¹¹, по его мнению, составляют два параллельных пассажа, где критически разбирается учение об идеях. В первом из них, *Met. A 9, 990 b 2–991 a 8*, Аристотель, по интерпретации Йегера, чувствует себя еще платоником. Например, в ходе изложения он так же, как в академическом сочинении «Об идеях», употребляет первое лицо множественное число (ἡμεῖς) и свою собственную позицию еще не очень отделяет от платонической. Во втором пассаже, *Met. M 4, 1078 b 34–1079 b 3*, отсутствует первое лицо множественное число, а изложение подчинено строгим методическим принципам, характерным для зрелых аристотелевских текстов. При анализе этих двух мест аргументация Йегера основывается, главным образом, на стилистических соображениях. «Раннюю метафизику» (т. е. «Urmetaphysik») составляют книги: А (где употребляется первое лицо множественное число); В (намечаются

⁸ Jaeger W. Aristoteles. S. 125–170.

⁹ Jaeger W. Aristoteles. S. 130–140.

¹⁰ Arist. fr. 26, 18, 23, 24 Rose. Jaeger W. Aristoteles. S. 140–147.

¹¹ Jaeger W. Aristoteles. S. 171–236.

основные проблемы, которые будут подробно излагаться далее); N (критически разбираются академические учения об идеях-числах); Λ (излагается учение о неподвижном двигателе, где Йегер находит точки соприкосновения с «Протрептиком»); К (главы 1–8). В целом в этих книгах идет речь о сверхчувственной реальности, которая рассматривается «с теологизирующих позиций под очевидным платоническим влиянием». «Позднюю метафизику» («Spätmetaphysik») составляют книги Z, H, Θ; здесь объектом изучения является чувственно воспринимаемая субстанция и присутствует уже собственно аристотелевское учение о форме/материи, действительности/возможности. Между группами Ur- и Spätmetaphysik Йегер помещает книги Γ и Ε, которые представляют собой «примирение» двух концепций метафизики посредством утверждения, что метафизика является знанием о бытии, «поскольку оно есть» (ὄν ἢ ὄν, Met. E 1, 1025 b 3–4)¹². Эволюция в области **этики**¹³ выглядит следующим образом. «Первоначальную этику» («Urethik») Йегер отождествляет с «Евдемовой этикой». Ему в самом деле удалось показать, что этическая теория этого сочинения, в отличие от «Никомаховой этики», во многом сходна с позицией «Протрептика» (например, в трактовке понятия φρόνησις). Относительный порядок этических сочинений выглядит так: «Протрептик», «Евдемова этика» («Urethik»), «Никомахова этика» («Spätethik»). Для ранней этики характерна теологическая концепция действительности, фундаментом нравственности здесь является Бог. Основываясь на этом, Йегер полагает, что «Urethik» появилась на той же приблизительно стадии отхода от платонизма, что и «Urethik». «Большая этика» Йегером не рассматривается. Из книг «**Политики**»¹⁴ в качестве «Urpolitik» выделены книги Η и Θ с примыкающими к ним Β и Γ. Йегер показывает, что для Η и Θ, где говорится об идеальном государстве, характерно понимание политики как нормативной науки, что действительно сродни платонизму эпохи «Государства». Книги Δ, Ε, Ζ составляют «Spätpolitik». Они описывают конкретное развитие отдельных государств и дают более «эмпирическое» представление о политике как описании конкретных случаев. Книга Α добавлена ко всему целому самой последней и служит введением. Очень кратко Йегер говорит о **физике и космологии** Аристотеля¹⁵. Из восьми книг «Физики»

¹² Jaeger W. Aristoteles. S. 200–236, особенно 227. О том, что это «примирение» мнение, свидетельствуют последние слова Met. E 1, 1026 a 29–32. См. также: Berti E. La filosofia del primo Aristotele. Padova, 1962. P. 36–37.

¹³ Jaeger W. Aristoteles. S. 237–270.

¹⁴ Jaeger W. Aristoteles. S. 271–307.

¹⁵ Jaeger W. Aristoteles. S. 308–327.

книги А и В выделяются как очень ранние, предшествующие книге А «Метафизики», и, может быть, написаны еще при жизни Платона. Книгу Θ «Физики» Йегер считает самой поздней и датирует ее вторым афинским периодом¹⁶. В сочинениях «О небе» и «О возникновении и уничтожении» Йегер вскрывает части, непосредственно восходящие к диалогу «О философии».

Для второго афинского периода¹⁷ характерно, согласно гипотезе Йегера, ослабление собственно философских интересов. Аристотель посвящает себя естественнонаучным исследованиям, их организации, систематизации различных отраслей знания, педагогической деятельности. К этому периоду Йегер относит «Метеорологику», все биологические сочинения, а также первую и вторую книги трактата «О душе». Третья книга этого трактата, содержащая учение об «отделенном уме», обнаруживает «платоническое вдохновение» и, следовательно, написана раньше; в первых же двух книгах излагается «эмпирическая» психология, исходящая из концепции формы и материи, что вынуждает Йегера датировать их последним периодом. При этом, в первой и второй книгах имеются многочисленные параллели с биологическими трактатами и, особенно, с «Parva naturalia»¹⁸. К этому же периоду относятся антология конституций, списки победителей на олимпийских и пифийских играх и другие работы такого рода. Таким образом, мы видим, что В. Йегер с замечательной ясностью, хотя и очень схематично, опуская отдельные сочинения и даже целые области знания, прослеживает философскую эволюцию Аристотеля и рассматривает ее как прогрессивное движение от «мифологического» платонизма к более позитивной и опытно-научной позиции.

Развитие гипотезы В. Йегера. Эволюция в области психологии. Исследование Йегера инспирировало целый ряд работ, применяющих открытый им генетический метод к отдельным сочи-

¹⁶В отдельных местах «Физики» Θ и «Метафизики» А 8 Йегер видит отклонения от «первоначальной» теории перводвигателя, происшедшие, по его мнению, под влиянием открытий Евдокса и Каллиппа. Вывод таков: эти части были добавлены после смерти Аристотеля неизвестным редактором (*Jaeger W. Aristoteles*. S. 366–392).

¹⁷*Jaeger W. Aristoteles*. S. 331–392.

¹⁸*Jaeger W. Aristoteles*. S. 354–357. Против такого членения книг «De anima» выступил А. де Иванка (*Ivanka A. de Sur la composition du «De anima» d'Aristote // Revue néoscholastique de philosophie*. 32. 1930. P. 75–83). По его мнению, это единое сочинение: в третьей книге решается проблема, поставленная в первой, и при этом теория «отделенного ума» прослеживается и в первых двух. См. также: *Corte M. de La doctrine de l'intelligence chez Aristote*. Paris, 1934; *Schilffgarde P. van De zielkunde van Aristoteles*. Diss. Amsterdam, Leiden, 1938.

нениям Аристотеля или целым областям знания, интересовавшим его. В области психологии, практически не затронутой Йегером (за исключением соображений относительно последовательности книг «О душе»), генетический метод употребил и довел до совершенства Ф. Нейенс¹⁹. Используя метод Йегера, Ф. Нейенс, однако, соглашается не со всеми сделанными им выводами. Принимая положения о том, что в начале деятельности Аристотеля был платонический период, а также что ранние части «Метафизики» написаны вскоре после смерти Платона, он подвергает сомнению, что вся оставшаяся «Spätmetaphysik» закончена им до возвращения в Афины и все естественнонаучные трактаты принадлежат последнему периоду. Иными словами, Нейенс отвергает противопоставление первого и второго периодов как метафизико-эпистемологических естественнонаучному третьему²⁰. Разделяя гипотезу Йегера о том, что философская эволюция Аристотеля развивалась от ортодоксального платонизма к независимой позиции, Нейенс предлагает дополнительный критерий: проследить характер взаимосвязи души и тела в организме и на основе этой взаимосвязи определить эволюционную стадию, к которой принадлежит сочинение²¹. Пользуясь этим критерием, в эволюции аристотелевской психологии он различает три периода.

Для академического периода характерна «дуалистическая» концепция души и тела: они рассматриваются как две субстанции, независимые и противопоставленные друг другу. Наиболее характерное изложение этой концепции содержится в «Евдеме», но она присутствует также в «Протрептике» и в менее отчетливой форме в других ранних сочинениях, включая диалог «О философии», который, таким образом, оказывается отнесенным к академическому периоду, в противовес мнению Йегера²². «Дуалистическая» психология присутствует в некоторых частях «Органона» («Категориях», «Тошике», «Софистических опровержениях»)²³ и в некоторых физических сочинениях (книги А–Н «Физики», «О небе», «О возникновении и уничтожении»)²⁴. Так как речь идет о доктрине со всей очевидностью платонической, Нейенс считает, что все эти сочинения написаны в Академии еще при жизни Платона.

Суть психологической концепции Аристотеля в период странствий Нейенс характеризует как «механистический инструмента-

¹⁹ Nuyens F.J. L'évolution de la psychologie d'Aristote. Louvain, 1948.

²⁰ Nuyens F.J. L'évolution. P. 8–17.

²¹ Nuyens F.J. L'évolution. P. 51–54.

²² Nuyens F.J. L'évolution. P. 100–106.

²³ Nuyens F.J. L'évolution. P. 106–118.

²⁴ Nuyens F.J. L'évolution. P. 118–123.

лизм». Душа и тело — по-прежнему различные субстанции, но теперь они находятся в очень тесном функциональном взаимодействии: душа служит телу как бы инструментом, с помощью которого становится возможной жизнь организма («становится возможным движение любого рода»). Первый намек на такую трактовку содержится в «Протретики», последовательно и детально она разрабатывается в биологических работах («Истории животных», трактате «О частях животных» (книги II, IV), «De motu animalium», «De incessu animalium», «Parva naturalia» («De iuventute»)²⁵. «Историю животных», где впервые появляется развитая концепция «механистического инструментализма», Нейенс датирует периодом странствий, так как ее текст содержит многочисленные названия географических мест Трояды, Лесбоса и Македонии²⁶. Таким образом, по-видимому, Аристотель начинает свои естественнонаучные занятия вскоре после ухода из Академии, и все сочинения, близкие к концепции «механистического инструментализма», нужно датировать годами, предшествующими его возвращению в Афины. Это «Первая и Вторая аналитики», книги А, В, М (главы 9–10), N, К «Метафизики»²⁷, «Евдемова и Никомахова этики»²⁸, «Политика» (книги В, Г, H, Θ)²⁹.

В Ликее, по мнению Нейенса, Аристотель разрабатывает свою психологическую теорию на основе учения о форме и материи. В свете этого учения душа и тело рассматриваются уже не как две отдельные субстанции, но как форма и материя одной единственной субстанции. Такая интерпретация впервые появляется в первой книге трактата «О частях животных»; по мнению Нейенса, это программное сочинение последнего периода³⁰. Классическая формулировка новой концепции души и тела содержится в трактате «О душе». Это сочинение, с точки зрения Нейенса, несомненно единое, представляет собой последний этап аристотелевской психологии и написано в последние годы научной деятельности³¹. Концепция души и тела как формы и материи присутствует также в сочине-

²⁵ Nuyens F.J. L'évolution. P. 147–171.

²⁶ Это обстоятельство впервые было отмечено Д.У. Томпсоном. (D'Arcy W. Thompson On Aristotle as a Biologist. Oxford, 1913. P. 12–13. См. также: Lee H.D.P. Place-names and the date of Aristotle's biological works // Classical Quarterly. 42. 1948. P. 61–67.

²⁷ Это приблизительно «Urmetaphysik» Йегера, если исключить из нее книгу Λ. См.: Nuyens F.J. L'évolution. P. 171–184.

²⁸ Если основываться на критериях Нейенса, эти сочинения принадлежат одному периоду, в отличие от утверждения Йегера. См.: Nuyens F.J. L'évolution. P. 185–193.

²⁹ Это «Urpolitik» Йегера. См.: Nuyens F.J. L'évolution. P. 194–197.

³⁰ Nuyens F.J. L'évolution. P. 302–304.

³¹ Nuyens F.J. L'évolution. P. 215–217.

ниях, не относящихся непосредственно к психологии, и позволяет датировать их вторым афинским периодом. Сюда относятся книги Z, H, Θ, Λ «Метафизики», свидетельствующие о сохранении «идеалистической» позиции и интереса к «первой философии» до конца жизни Аристотеля³², небольшой трактат «Об истолковании»³³, книга Θ «Физики», «Метеорологика», «Parva naturalia» («De sensu», «De memoria», «De somno», «De insomniis», «De divinatione») и «De generatione animalium»³⁴. Исключение составляют книги A, Δ, E, Z «Политики», в которых нет места психологии, и, следовательно, психологический критерий для их датировки неприемлем. По другим признакам, они относятся ко второму афинскому периоду и предшествуют трактату «О душе»³⁵. Итак, Ф. Нейенс, развивая генетическую гипотезу Йегера и пользуясь его методом, пришел к несколько иным результатам: основную массу биологических сочинений он датирует годами странствий, а наиболее зрелые и характерные для Аристотеля теории, принадлежащие к сфере «первой философии», он относит к последнему периоду его научной деятельности (книги Z, H, Θ, Λ «Метафизики» и книга Θ «Физики»).

Эволюция в области логики. Логика Аристотеля оказалась единственной областью, даже косвенно не затронутой В. Йегером. Тем не менее, именно в этой области до появления его книги уже были сделаны попытки построения хронологической эволюции. Они также базировались на генетико-биографических соображениях, аналогично исследованию Йегера. При этом, в качестве дополнительного критерия выступало поступательное развитие логического метода. Г. Майер в своей знаменитой работе по силлогистике³⁶ предложил следующую эволюционную схему. Сначала следуют книги II–VII (главы 1, 2) «Тоики» как наиболее древняя часть аристотелевской логики, еще вдохновленная платоническими теориями и лишенная теории силлогизма, затем книги I, VII (главы 3–5), VIII и трактат «Софистические опровержения», являющийся на самом деле IX книгой «Тоики»³⁷. Здесь происходит «открытие» Аристотелем силлогизма. Далее следуют «Первая аналитика»,

³² Nuyens F.J. L'évolution. P. 171–184.

³³ Русский перевод названия трактата *Περὶ ἑρμηνείας* не вполне удачен, точнее было бы перевести «О (языковом) выражении (мысли)»; в западноевропейской традиции трактат называется «Герменевтикой». Нейенс считает, что это сочинение написано позже остальных частей «Органона». См.: Nuyens F.J. De dateering van Aristoteles' tractaat «De interpretatione» // *Studia Catholica*. 18. 1942. P. 44.

³⁴ Nuyens F.J. L'évolution. P. 250–255.

³⁵ Nuyens F.J. L'évolution. P. 194–197.

³⁶ Maier H. Die Syllogistik des Aristoteles. Tübingen, 1896, 1900. Bd. 1, 2.

³⁷ Это позднеантичное название «Тоики» IX.

излагающая теорию силлогизма в чистом виде, вне связи с метафизикой, и, наконец, «Вторая аналитика», характеризующаяся введением в логику элементов метафизики. «De interpretatione» Майер рассматривал как сочинение позднего периода³⁸, а «Категории» считал аутентичными³⁹, но чуждыми логической проблематике⁴⁰, поэтому дополнительный логический критерий здесь не был применен. Итак, методологическим критерием Майера, как мы видим, является отсутствие или наличие теории силлогизма, а также приращение логическим понятиям онтологического статуса, отмечающее, по его мнению, самую зрелую фазу логического учения Аристотеля⁴¹. Присутствие в «Топике» «академической» логики усмотрел также Э. Хамбрух⁴², отнесший это сочинение к самым ранним годам академического периода.

Исследования Г. Майера и Э. Хамбруха были посвящены исключительно логическим сочинениям. После импульса, сообщенного книгой Йегера, стала ощущаться необходимость очертить логическую эволюцию в связи с общим развитием мысли Аристотеля. Первую попытку такого рода осуществил ученик Йегера Ф. Сольмсен⁴³. Основываясь на положениях своего учителя, в качестве дополнительного логического критерия он предложил использовать различие между тремя типами силлогизма: силлогизмом диалектическим, аподиктическим и аналитическим. Академическим периодом Сольмсен датировал книги I–VII «Топики». В них представлен диалектический силлогизм, основой для которого являются тобы, т. е. «общие места» в дискуссии. Этот тип силлогизма был в употреблении уже в Академии⁴⁴. В книге А «Второй аналитики» появляется аподиктический тип силлогизма. Эта книга датируется временем, последовавшим сразу за смертью Платона. Аподиктический силлогизм представляет собой научное доказательство, основанное уже не на «топосах», а на «началах» (*ἀρχαί*), которые следует искать, руководствуясь платоническим методом деления (*διαίρεσις*). Аподиктический силлогизм представляет значительный прогресс по сравнению с диалектическим, однако он все еще не вполне «аристотелевский», так как обнаруживает связь с учением об идеях и

³⁸Maier H. Die Syllogistik. Bd. 2. S. 360–366.

³⁹Maier H. Die Syllogistik. Bd. 2. S. 392.

⁴⁰Maier H. Die Syllogistik. Bd. 2. S. 372.

⁴¹Второй критерий был выработан Майером под влиянием современных ему представлений о философии Платона и ее эволюционном пути.

⁴²Hambbruch E. Logische Regeln der platonischen Schule in der aristotelischen Topik. Berlin, 1904.

⁴³Solmsen F. Die Entwicklung der aristotelischen Logik und Rhetorik. Berlin, 1929.

⁴⁴Solmsen F. Die Entwicklung. S. 193–194.

слишком близок математическому методу, широко употреблявшемуся в Академии⁴⁵. К годам странствий относится написание VIII книги «Топики», «Софистических опровержений», книги В «Второй аналитики» и общая переработка «Топики», проделанная с точки зрения аподиктики. К ликейскому периоду Сольмсен относит изобретение Аристотелем аналитического или формального силлогизма, систематическое изложение которого содержится в «Первой аналитике», главным образом, книге А. Ликейский период, с его точки зрения, представляет собой последнюю и кульминационную стадию логической эволюции Аристотеля⁴⁶. Схема, полученная Сольмсеном, полностью подтверждала гипотезу его учителя: от исходного платонического периода, где логическая теория покоилась на метафизических основаниях⁴⁷, Аристотель эволюционирует в сторону эмпиризма, который в области логики выражается в формалистическом характере силлогистики⁴⁸.

Гипотеза Сольмсена была принята по-разному: она встретила и почти безусловное одобрение⁴⁹, и довольно резкую критику⁵⁰. У.Д. Росс, критиковавший схему Сольмсена, соглашался с ним в том, что «Тописка» с «Софистическими опровержениями», находящиеся еще в платоническом круге понятий и предшествующие теории силлогизма, написаны раньше «Аналитик»: однако он считал, что в них имеются позднейшие поправки, внесенные уже после «Аналитик». Росс не соглашался с Сольмсеном относительно того, что «Вторая аналитика» предшествует «Первой», он предполагал обратное следование (за исключением отдельных глав), на котором настаивал Г. Майер. Аргументация Росса основывалась на филологическом анализе текста: во-первых, он подобрал места, где, по его мнению, «Вторая аналитика» цитирует «Первую», и наоборот, а во-вторых, в то время как научное содержание «Первой аналитики», согласно его точке зрения, понятно само по себе, содержание «Второй аналитики» уже подразумевает «открытие», сделанное в

⁴⁵*Solmsen F.* Die Entwicklung. S. 79–92.

⁴⁶*Solmsen F.* Die Entwicklung. S. 145–147.

⁴⁷Результат, полученный Сольмсеном, прямо противоположен утверждениям Г. Майера.

⁴⁸Ту же самую йегерианскую шкалу Сольмсен пытался приложить к эволюции в области риторики и поэтики. См.: *Solmsen F.* Die Entwicklung.; *Solmsen F.* The Origins and Methods of Aristotle's Poetics // *Classical Quarterly*. 29. 1935. P. 192–201.

⁴⁹*Stoics J.L.* The Composition of Aristotle's Logical Works // *Classical Quarterly*. 27. 1933. P. 115–124.

⁵⁰См.: *Fritz K.* von Platons Theaitet und die antike Mathematik // *Philologus*. 87. 1932. S. 40–62, 136–178; *Ross W.D.* The Discovery of the Syllogism // *The Philosophical Review*. 48. 1939. P. 251–272. На статью У.Д. Росса Сольмсен сразу же ответил: *Solmsen F.* The Discovery of the Syllogism // *The Philosophical Review*. 50. 1941. P. 410–421.

«Первой», а именно теорию формального силлогизма. Также, Росс не считает, что содержание «Второй аналитики» ближе к платонической проблематике, и особенно настаивает на исключении всякой преемственности с теорией идей и диалектическим методом.

Более детальную последовательность между различными частями «Органона» и, главным образом, «Аналитик» очерчивает Й. Бохеньский⁵¹. Помимо уже использованных критериев Сольмсена и Росса, которые Бохеньский старается учитывать, он вводит два дополнительных: использование буквенных обозначений в качестве сокращений или переменных, а также степень логической строгости, которой характеризуется изложение. В логическом становлении Аристотеля Бохеньский выделяет пять этапов⁵². К первому он относит всю «Топику» с «Софистическими опровержениями», в которых нет ни теории силлогизма, ни логической строгости, а буквенные обозначения не используются вовсе. Ко второму этапу он относит трактат «De interpretatione», где обсуждаются «теории, близкие платонизму», но логический уровень рассуждения уже выше. В трактате есть глава, содержащая некоторые соображения по модальной логике, «более примитивная» в сравнении с модальной силлогистикой «Первой аналитики»; буквенные обозначения в «De interpretatione» не используются, теории силлогизма еще нет. Далее Бохеньский помещает книгу В «Второй аналитики». С его точки зрения, логический уровень рассуждения здесь ниже, чем в остальных книгах «Аналитик», но появляются буквенные обозначения, пока еще в качестве сокращений. На четвертом этапе происходит «открытие» силлогизма. Сюда относятся книга А «Первой аналитики» (за исключением глав 3, 8–22) и книга А «Второй аналитики»: буквы используются в качестве переменных терминов, и замечателен технический уровень изложения. Наконец, к пятому этапу относятся оставшиеся главы «Первой аналитики», т. е. главы 3, 8–22 книги А и книга В. Здесь Аристотель излагает уже весьма рафинированные теории, в том числе модальную силлогистику, а буквы используются в качестве пропозициональных переменных. «Платонизирующую» логику Й. Бохеньский датирует годами странствий, силлогистику — ликейским периодом.

С собственным оригинальным взглядом относительно логической эволюции Аристотеля выступил П. Гольке⁵³, общелогической концепции которого предшествовало детальное изучение с гене-

⁵¹Bocheński J.M. Ancient Formal Logic. Amsterdam, 1951. P. 19–24.

⁵²Bocheński J.M. Ancient Formal Logic. P. 23.

⁵³Gohlke P. Die Entstehung der aristotelischen Logik. Berlin, 1936.

тической точки зрения «Топики»⁵⁴. Как и Майер, он различает в «Топике» два хронологических ядра, хотя и оговаривается, что в отдельных книгах есть разновременные переработки. Первое хронологическое ядро «Топики» составляют книги II–VII (главы 3–5). Для этой группы характерна «концепция диалектики в платоническом смысле» как знания о реальности вообще, которому подчиняются все остальные частные науки. Второе ядро «Топики» составляют книги I, VIII, VII (главы 1–2). Здесь обосновывается различие между научными и «правдоподобными» доказательствами, диалектика теряет свой первоначальный платонический смысл и становится просто теорией «правдоподобных» доказательств, служащей подготовкой к доказательствам научным, т. е. к силлогистике. Это различие между научными и «правдоподобными» доказательствами подготавливается и разрабатывается, по мнению Гольке, в первоначальных редакциях «Риторики» и «Аналитик», которые хронологически располагаются, таким образом, между двумя группами книг «Топики». Поэтому общая схема эволюции у Гольке такова: первая группа книг «Топики», первоначальная редакция «Риторики» и «Аналитик», затем вторая группа книг «Топики» и, наконец, окончательная редакция «Риторики» и «Аналитик». Предположение о существовании ранней редакции «Аналитик» оказывается необходимым, чтобы объяснить разницу в содержании между двумя разновременными группами книг «Топики».

Возражения против гипотезы В. Йегера. Исследовательский метод В. Йегера встретил не только одобрение и поддержку, но и критику. По мнению его оппонентов, генетическая гипотеза основывалась на двух недоказанных и не могущих быть доказанными положениях. Во-первых, что все трактаты, за отдельными редкими исключениями, написаны и приведены в окончательный вид самим Аристотелем, т. е. имеют целостный и завершенный характер, а во-вторых, что в годы пребывания в Академии Аристотель не отклонялся от ортодоксального платонизма, и лишь после смерти Платона его взгляды претерпели резкую эволюцию в противоположном направлении. Оба исходных принципа, по-видимому, неверны. Сегодня стало очевидно, что большинство сочинений состоят из отдельных статей, написанных в разное время, и материал в них излагается не последовательно. Все имеющиеся у нас тексты дошли до нас не в своем первоначальном виде, за их последнюю редакцию несет ответственность Андроник Родосский (I в. н. э.). Относительно философской эволюции в академический период можно

⁵⁴ Gohlke P. Untersuchungen zur Topik des Aristoteles // Hermes. 63. 1928. S. 457–479.

сказать, что, во-первых, теория трансцендентных идей не есть синоним платонизма: Аристотель знал позднего Платона, о котором у нас как раз довольно смутные представления. Во-вторых, резкий временной разрыв между метафизическими и естественнонаучными занятиями вряд ли имел место. Интерес к «первой философии», по-видимому, не ослабевал у Аристотеля до самого конца жизни. (К этому нас подвели уже выводы Ф. Нейенса.) Кроме того, зрелые доктрины Аристотеля представляют собой не столько отказ от платонизма, сколько его переработку с более строгой методологической точки зрения. Иными словами, Аристотель был до такой степени прочно укоренен в самом способе платонического мышления, что никогда не смог от него освободиться⁵⁵. Влияние платонизма, например, прослеживается в теориях, от которых он не отказался и которых, по-видимому, не модифицировал и в зрелые годы. Это, в первую очередь, учение о разуме (бессмертный разум рассматривается Аристотелем как нечто принципиально отличное от остальных умирающих вместе с телом частей души) и признание существования в небесной сфере чистых форм. В шестидесятые годы появились два исследования, для которых характерен традиционный историко-филологический подход к проблеме. Их авторы, не принимая заранее никаких общефилософских или логических презумпций, основываются исключительно на сравнительном анализе структуры текстов, характера аргументации и конкретной терминологии. Платоническая точка зрения, с которой полемизирует Аристотель, берется в обеих работах в том виде, как она представлена в «критических» диалогах и «Тимее».

Исследование Энрико Берти «Философия раннего Аристотеля»⁵⁶ посвящено специально философии Аристотеля в Академии и базируется исключительно на критическом рассмотрении корпуса фрагментов. Берти видит в Аристотеле самого последовательно и, получается, самого верного, в истинном смысле слова, ученика Платона, относящегося к платонизму со строго научных логических позиций. Э. Берти утверждает, что литературное творчество Аристотеля в Академии было подчинено «баталии» за образование, которую школа Платона вела против школы Исократ⁵⁷. Для творчества Аристотеля двумя крайними хронологическими точками этой

⁵⁵См.: *Düring I.* Aristoteles. Darstellung und Interpretation seines Denkens. Heidelberg, 1966. S. 29–30; *Lloyd G.E.R.* Aristotle: The growth and structure of his thought. Cambridge, 1968. P. 22.

⁵⁶*Berti E.* La filosofia del primo Aristotele. Padova, 1962.

⁵⁷*Berti E.* La filosofia. P. 550.

«баталии» явились 360 и 353 гг.: к 360 г. относится публикация диалога «Грилл», в котором педагогическая программа школы Исократа подвергалась критике приблизительно с тех же позиций, какие были высказаны в «Федре», а к 353 г. относится публикация «Протрептика»⁵⁸ — сочинения, рассчитанного уже на более широкий резонанс, с попыткой привлечь внимание афинских культурных кругов⁵⁹. Этому последнему сочинению, по мнению Берти, предшествовала напряженная внутриакадемическая работа. Платон был убежден, что без философии, т. е. без теоретического, построенного строго доказательным путем знания о первых началах всего существующего, невозможно никакое истинное образование. Но суть проблемы, с точки зрения Берти, заключалась как раз в том, что это теоретическое знание еще находилось в стадии выработки: и в процесс его выработки деятельно включился Аристотель.

Последовательное проведение теории идей («Федон»), вначале казавшейся перспективной и обещающей для объяснения явлений чувственного мира, с неизбежностью приводило к апории, зафиксированной в «Пармениде», написанном, по мнению Берти, как раз в годы появления Аристотеля в Академии. Сам Платон, возможно, под влиянием Аристотеля (так как он подходит к проблеме с логической точки зрения), делает три попытки преодолеть эту трудность. Первая попытка зафиксирована в диалогах «Софист» и «Политик». В понятие «бытия» Платон вводит понятие «становления»: т. е. и идеальная, и чувственная реальность, хотя бы и с разным статусом, оказываются принадлежащими «бытию»⁶⁰. Следующая попытка Платона преодолеть апорию отражена в диалогах «Филеб» и «Тимей». Чтобы объединить два противоположных принципа — единичности и определенности, а также множественности и неопределенности, продуктами смешения которых являются объекты реального мира — Платон прибегает к понятию числа, структура которого приписывается идеям⁶¹. Однако пока еще о числе говорится лишь в примерах⁶², а в остальных случаях употребляются неопределенные термины «смешение» или «смесь». В обоих диалогах указывается на необходимость существования трансцендентной причины этого «смешения»⁶³. И, наконец, третья попытка была предпринята Платоном в устном курсе лек-

⁵⁸ О «Протрептике» см. выше.

⁵⁹ *Berti E.* La filosofia. P. 159-186.

⁶⁰ *Berti E.* La filosofia. P. 186-196.

⁶¹ *Berti E.* La filosofia. P. 551.

⁶² *Plato Phil.* 16 c 5-18 d 2.

⁶³ *Berti E.* La filosofia. P. 250-264.

ций «О благе», читанном им в Академии. В этих лекциях углубляется и расширяется числовой принцип, намеченный в «Филебе»: все существующее, т. е. мир идеальный и мир чувственный, делается причастным числу и через него «единому»⁶⁴. До такой стадии, по мнению Берти, теория начал, т. е. то теоретическое знание, в котором так нуждалась *πανθεῖα τῶν ἐλευθέρων*, была доведена самим Платоном. Дальнейшее развитие этой теории отражено в сочинениях его ученика, где она получает название «первой философии».

Диалог «О философии»⁶⁵ — наиболее крупное, с точки зрения Берти, сочинение академического периода⁶⁶. Датирует он этот диалог позже, чем трактат «Об идеях», лекции «О благе» и «Тимей», так как Аристотель, по-видимому, использует эти тексты⁶⁷. Как и Йегер, Берти реконструирует в диалоге «О философии» три книги. Первая содержит предварительные рассуждения, посвященные истории философии от древних времен до Платона (такие экскурсы будут очень характерны для аристотелевских трактатов), во второй подвергается критике теория идей и идеальных чисел (Аристотель излагает содержание трактата «Об идеях», но уже в предназначенном к опубликованию виде, и высказывает собственный взгляд на лекции «О благе»), а третья книга представляет собой изложение собственной аристотелевской концепции теории начал, кульминацией которого является строго рациональное доказательство необходимости трансцендентного принципа, который, по мнению Берти, обладает уже всем, что ему впоследствии будет приписываться в книге Λ «Метафизики». Аристотелевская трансформация учения о началах не осталась незамеченной Платоном: последние книги «Законов», написанные, согласно Берти, после диалога «О философии», полемизируют с Аристотелем (наиболее очевидно десятая книга «Законов»)⁶⁸.

Итак, в «Протрештике»⁶⁹, написанном уже после диалога «О философии» в 353 г., Аристотель при изложении академической пе-

⁶⁴ *Berti E.* La filosofia. P. 264–309.

⁶⁵ См. выше.

⁶⁶ *Berti E.* La filosofia. P. 317–409.

⁶⁷ Очень ранний внутриакадемический трактат «Об идеях», где Аристотель впервые формулирует свои аргументы против трансцендентности идей, по содержанию отталкивается от «Парменида». Несколько лет разницы между трактатом «Об идеях» и диалогом «О философии» Берти объясняет занятостью Аристотеля (ему было поручено вести пропедевтический курс по математике), а также соображениями корректности: ученик дождался момента, когда учитель сам вынес этот вопрос на обсуждение в лекциях «О благе».

⁶⁸ *Berti E.* La filosofia. P. 401–409.

⁶⁹ *Berti E.* La filosofia. P. 453–544.

дагогической программы смог опереться на искомую философскую теорию и продемонстрировать конкретное осуществление платонической мечты об $\epsilon\upsilon\kappa\acute{\upsilon}\kappa\lambda\omicron\varsigma \lambda\alpha\delta\epsilon\iota\alpha$. Философская часть «Протрептика», таким образом, представляет собой, с одной стороны, развитие идей, связанных с платонизмом, а с другой, в ней наличествуют уже теории, предвосхищающие зрелого Аристотеля (например, видоизмененное учение о началах обнаруживает близость с будущей теорией о форме и материи). Философия раннего Аристотеля представляет собой, по мнению Берти, динамичный синтез учения позднего Платона и еще не отчетливо выраженных его собственных будущих зрелых теорий.

Мы видим, что в реконструкции философских взглядов Аристотеля академического периода Э. Берти кардинальным образом расходится с В. Йегером. Йегер не учитывает трансформации, происшедшей с традиционной теорией идей в творчестве позднего Платона («критические» диалоги, лекции «О благе»), опускает фрагменты трактата «Об идеях» и пренебрегает многочисленными свидетельствами критического отношения к платонизму раннего Аристотеля. Одни и те же фрагменты «Евдема» и «Протрептика» интерпретируются двумя исследователями прямо противоположным образом⁷⁰.

Исследование Ингмара Дюринга «Аристотель. Изложение и интерпретация его мысли»⁷¹ посвящено описанию аристотелевской философии в целом. Книга организована по тематическому принципу, хронологическая последовательность в расположении глав учитывается лишь отчасти. Однако во вводной главе в качестве «рабочей гипотезы» присутствует набросок относительной хронологии сочинений⁷², кроме этого, каждой из тематических глав предшествует предисловие, где подробно разбираются вопросы датировок, аутентичности и сохранности текста. И. Дюринг утверждает, что всё в аристотелевском корпусе должно быть датировано после

---

⁷⁰ Например, Йегер утверждает, что во фрагментах 5 и 13 (Rose) речь идет о трансцендентных идеях, а Берти, со своей стороны, показывает, что та же самая терминология используется Аристотелем при изложении учения о неподвижном двигателе. См.: *Berti E.* La filosofia. P. 553.

⁷¹ *Düring I.* Aristoteles. Darstellung und Interpretation seines Denkens. Heidelberg, 1966.

⁷² *Düring I.* Aristoteles. S. 46, 48–53. Эта «рабочая гипотеза» вот уже пятьдесят лет является базовой концепцией для многих исследователей. См., например: *Lloyd G.E.R.* Aristotle.; *Ackrill J.L.* Aristotle the Philosopher. London, 1981; *Irwin T.H.* Aristotle's First Principles. Oxford, 1988; *Rist J.M.* The Mind of Aristotle: A Study in Philosophical Growth. Toronto, 1989; *Fine G.* On Ideas: Aristotle's Criticism of Plato's Theory of Forms. Oxford, 1993; *Aristotle's Philosophical Development: Problems and Prospects* / Ed. by W. Wians. Lanham, MD, 1996.

«Тимея», «Парменида», «Теэтета» и «Софиста»⁷³, так как «Тописка», обсуждающая вопросы, входившие в академический репертуар, содержит дефиниции, заимствованные из этих диалогов⁷⁴.

Академический период. До 360 г. (параллельно «Федру», «Тимею», «Теэтету» и «Пармениду») Аристотель пишет трактат «Об идеях»⁷⁵ и диалог «Грилл». К 360–355 гг. (параллельно «Софисту» и «Политику») относятся «Категории», «De interpretatione», «Тописка» (хронологический порядок книг: II–VII, VIII, I и IX, т. е. «Софистические опровержения»), «Первая и Вторая аналитики», «О философии», конспект лекций «О благе», книга Λ «Метафизики», первый вариант «Поэтики», книги I и II (исключая 23–24 главы) «Риторики» и первый вариант «Большой этики». Основное содержание этого периода составляет «Органон» — сочинения, выросшие из академической диалектической практики⁷⁶. По мнению Дюринга, можно с уверенностью сказать, что все тексты «Органо-на» принадлежат одному и тому же периоду, а также что датировать их нужно настолько рано, насколько это возможно.

«Категории»⁷⁷. Очень часто, начиная от самых ранних вплоть до позднейших работ, Аристотель ссылается на *σχήματα τῆς κατηγορίας*. Дюринг делает вывод, что учение о категориях принадлежит к одним из самых ранних. Главы 10–15 («Postpraedicamenta») относительно самостоятельны и вставлены позднее, что показывает переходная формула 11 b 8–15. То, что «Postpraedicamenta» также написаны Аристотелем, дополнительно подтверждается использованием в «Тописке» (II книга, 7–8 главы) материала очень существенной 10 главы. Философский «задний план» текста составляют «Парменид» и «Софист».

⁷³Здесь он, за исключением частностей, солидарен с Берги.

⁷⁴Например, Top. III 5, 119 a 30 и Top. I 15, 107 b 27 соответствуют Tim. 67 c; Top. IV 2, 122 b 26 соответствует Theaet. 181 c–d и Parm. 138 b–c; Top. V 9, 139 a 4 и Top. VI 7, 146 a 22 соответствуют Soph. 247 d. Дюринг настаивает, что это именно цитаты, а не просто «общие места», используемые в академических дискуссиях.

⁷⁵Дюринг интерпретирует ситуацию иначе, чем Берги. Не называя определенных дат, он предполагает, что «Об идеях» написано раньше «Парменида», а «Парменид» — ответ Платона на это сочинение. Свою позицию Дюринг обосновывает отсутствием у Аристотеля ссылок на «Парменид»: подобная неаккуратность ему не свойственна.

⁷⁶Top. I 18, 108 b 32, Top. VIII 14, 163 b 9 квалифицируются как «ситуация» из «Парменида».

⁷⁷Название трактата не принадлежит Аристотелю. После 1939 г. Дюринг считает вопрос об аутентичности «Категорий» закрытым. См.: Husik I. The authenticity of Aristotle's Categories // The Journal of Philosophy. 36. 1939. P. 427–431; Ross W.D. The authenticity of Aristotle's Categories // The Journal of Philosophy. 36. 1939. P. 431–433.

«*De interpretatione*»⁷⁸. Философский «задний план» составляет дискуссия из «Кратила», «Теэтета» и «Софиста» о «собственном» значении слов. Аристотель ни разу не цитирует этот трактат. Многие из сказанного в нем повторяется в «Аналитиках» в более глубоко и лучше сформулированном виде⁷⁹.

«*Тофика*». Многочисленные взаимные ссылки между «Тофикой» и «Аналитиками» указывают, что первоначальная редакция «Тофики» уже существовала ко времени написания «Аналитик». Наиболее ранние наброски мы находим в книгах II–VII (2 глава) и особенно в книгах III–VI. Заключительные слова VII книги (155 а 37) производят впечатление общего подведения итогов содержания раннего ядра «Тофики». Очевидно, в процессе работы Аристотель подошел к более ясному пониманию природы силлогизма, это оказалось зафиксировано в самом начале «Тофики», в первой книге⁸⁰, которая была написана как методическое введение ко всему сочинению. Восьмая книга «Тофики» — заключительная⁸¹. Как законченное произведение «Тофика» возникла почти одновременно с «Аналитиками». Дюринг полагает, что изложение аналитического метода («Первая аналитика») не подверглось второй редакции, какую получила «Тофика», и что «Аналитики» и «Тофику» нужно рассматривать как два параллельных изложения неоднородного материала⁸².

«*Софистические опровержения*». Очевидно, что это сочинение создавалось не быстро, однако подозрения об относительной хронологии отдельных частей Дюринг считает праздными. Язык, стиль и порядок изложения материала выдают уже опытную руку. Формулировка 165 а 6 позволяет думать, что текст написан после «*De interpretatione*», а формулировка 179 а 8 — после «*Категорий*». Слишком ранней датировке препятствуют также содержание (например, имеются параллели с довольно поздней VIII книгой «Тофики») и характер приводимых примеров (параллели с книгой А «*Физики*»).

«*Аналитики*». Все четыре книги цитируются Аристотелем без различия как «Аналитики», разделение их на первую и вторую, по мнению Дюринга, — дело Андроника. Тем не менее, ссылки показывают, что Аристотель после завершения работы читал книги в их

⁷⁸ Название не принадлежит Аристотелю. См. примеч. 33.

⁷⁹ Это утверждение совпадает с мнением Й. Бохеньского.

⁸⁰ Тор. I 1, 100 б 18–25.

⁸¹ Выводы Дюринга о последовательности книг «Тофики» в основном совпадают с точкой зрения Г. Майера и Ф. Сольмсена.

⁸² Ср., например, Ап. пр. I 30, 46 а 28–30 и Тор. I 14, 105 б 30.

сегодняшней последовательности. В книге А «Первой аналитики» материал изложен чрезвычайно последовательно и ясно, в этом отношении это одно из лучших логических сочинений. Аристотель использует здесь для своих целей метод современной ему геометрии. Книга В состоит из отдельных маленьких статей, первоначально она не была единым целым. Дюринг полагает, что Аристотель не имел времени для окончательной переработки собранного материала. Книги «Второй аналитики» замечательны своими примерами: в книге А они почти все приводятся из области математики (согласно Берти, Аристотель читает математический курс в Академии), а анализ примеров в книге В показывает, что Аристотель уже приступил к натурфилософским исследованиям. Характер примеров и ссылок дает возможность предположить, что книга В «Второй аналитики» написана после книги А. Дюринг полагает, что в первой половине 50-х гг. Аристотель завершил сочинения, дошедшие до нас в составе «Органона», и приступил к естественнонаучным. Для этих лет также характерен интерес к проблемам риторики и поэтики, отмеченный Ф. Сольмсеном, П. Гольке и Э. Берти (Аристотель читал в Академии собственный курс риторики). Первый набросок «Этики» еще описателен и полностью определяется главным интересом Аристотеля к логической систематизации и классификации⁸³. К периоду 355–347 гг. (параллельно «Филебу», «Законам» и 7-му письму Платона) Аристотель уже обладает собственной научной позицией, его преимущественный интерес направлен на области, малоинтересные для Платона. В области «первой философии» он активно полемизирует с Платоном, Спевсиппом и Ксенократом. Сюда Дюринг относит сочинения: книги А, В, Н, Г–Z «Физики», «О небе», «О возникновении и уничтожении», IV книгу «Метеорологии», книги М (главы 9 и 10, начиная с 1086 а 21) и N «Метафизики» (эти части, содержащие критику теории начал и теории идеальных чисел, изначально, по видимому, представляли собой отдельное сочинение), книги А, I, M (главы 1–9 до 1086 а 21) и В «Метафизики», вторую редакцию I и II книг, а также III книгу «Риторики», «Евдемову этику», диалог «Евдем» и «Протрептик».

В период странствий Аристотель преимущественно занят натурфилософскими исследованиями, однако всё, что он наблюдает и классифицирует, служит ему, по мнению Дюринга, лишь средством для прежней цели: объяснить существование окружающего мира. В сохранившихся биологических сочинениях нет никаких следов новой философской ориентации. К этим годам относятся: «История

⁸³Düring I. Aristoteles. S. 50.

животных» (книги I–VI, VIII), «О частях животных» (книги II–IV), «*De incessu animalium*», «Метеорологика» (книги I–III), первые наброски «*Parva naturalia*» и трактата «О душе» (Дюринг полагает, что тексты не дают оснований для заключения, к какому периоду принадлежит окончательная редакция этих сочинений), работа с Теофрастом над описанием греческих полисов, «Политика» (книги I, VII, VIII), выписки из «Законов» Платона⁸⁴.

Ко второму афинскому периоду относятся: «Риторика» (книга II главы 23–24, а также окончательная переработка всех трех книг), книги II, V–VI, III–IV «Политики» (при этом продолжается работа с Теофрастом по описанию полисов), списки победителей на Олимпийских и Пифийских играх и на Дионисиях, «Метафизика» (книги Γ, Ε, Ζ, Η, Θ), «Физика» (книга Θ), «О частях животных» (I книга, составленная из более ранних статей), «*De generatione animalium*», «*De motu animalium*», окончательная редакция «*Parva naturalia*» и трактата «О душе», а также «Никомахова этика» (для этого сочинения Аристотель переработал и использовал I–III книги «Евдемовой этики»). Наиболее зрелые и многосторонние аристотелевские тексты, с точки зрения Дюринга, — это книги Ζ, Η, Θ «Метафизики», «*De motu animalium*», «*De generatione animalium*» и «Никомахова этика» (по сравнению с прежними «Этиками»). Македонская политика, на политические воззрения Аристотеля никак не повлияла и никаких следов в его творчестве не оставила⁸⁵.

Итак, несмотря на сходство исследовательского метода, позиция обоих оппонентов Йегера различна. Интерпретация Дюрингом взглядов раннего Аристотеля противоположна интерпретации Берти. Дюринг считает, что с самого начала своего появления в Академии Аристотель со значительной долей юношеского упрямства встал в резкую оппозицию к Платону и подчеркивал это так часто, как только мог, что и оказалось широко засвидетельствовано традицией. Чем уверенней и отчетливей становилась его собственная позиция, тем спокойнее делалась оценка им мнений своих оппонентов. Поздняя аристотелевская онтология, отраженная в книгах (Γ), Ζ, Η, Θ «Метафизики», и этика («Никомахова этика») отмечают поворот к платонической постановке вопроса. Сама по себе «рабочая гипотеза» Дюринга относительно раннего Аристотеля по существу подобна исходной аксиоме Йегера, только в полностью перевернутом виде⁸⁶. Вопрос о позиции «академического»

⁸⁴*Düring I. Aristoteles. S. 51.*

⁸⁵*Düring I. Aristoteles. S. 51.*

⁸⁶Большинство исследований творчества Аристотеля и позднего Платона сейчас

Аристотеля приходится считать по-прежнему открытым для обсуждения⁸⁷. Можно попытаться нащупать причины такого резкого расхождения. Ни Йегер, ни Берти не рассматривали «Органон», а ведь именно вопросы диалектической методологии и, следовательно, логики являются областью, где сходятся интересы позднего Платона и раннего Аристотеля. Аргументация Дюринга, наоборот, основывается главным образом на книгах «Органона», а точнее, на анализе логической терминологии Аристотеля, которая, действительно, удивительно быстро становится очень развитой и полностью независимой. (Конечно, всё это правильно лишь в том случае, если мы будем датировать «Органон» теми годами, которыми его датирует Дюринг.) Безусловно, что в экзотерических сочинениях, на которых исключительно основывался Йегер и во многом Берти, Аристотель сильнее зависит от технического языка платоновской школы. Помимо этого, возможно, что в этих сочинениях он намеренно высказывает не вполне собственную позицию, поскольку выступает от лица Академии. Таким образом, несмотря на кажущуюся противоположность, расхождения нельзя считать совершенно непримиримыми и положение вопроса безнадежным. Как уже говорилось, свою схему относительной хронологии Дюринг предложил в качестве «рабочей гипотезы». Своей попытке он предпослал эпиграф⁸⁸, содержащий методологический совет, которому он, по его собственным словам, смог последовать лишь в очень незначительной степени: «Исследования, занимающиеся эволюцией философской мысли Аристотеля, должны базироваться, главным образом, на соображениях, почерпнутых из сравнительных датировок различных работ: это единственный путь изучения проблемы, которому никогда раньше не следовали. Он состоит в анализе ссылок одной книги на другую. Это долгое и сухое занятие, поскольку ссылок огромное количество, однако за него стоит взяться... Очень вероятно, что таким образом может обнаружиться отчетливый порядок отдельных сочинений и, следовательно, учений, выраженных в них»⁸⁹. Тогда казалось, что метод найден, оставалось только

основываются на концепции хронологии Дюринга (см. примеч. 72), однако, позиция Йегера продолжает оказывать влияние. См.: *Chen Ch.-H. Sophia: The Science Aristotle Sought*. Hildesheim, 1976.

⁸⁷См., например: *Lloyd G.E.R. Aristotle*. P. 28–47; *Guthrie W.K.S. A History of Greek Philosophy*. V. 6. Aristotle. An encounter. Cambridge, 1981. P. 7–8; *Barnes J. Life and Work* // *The Cambridge Companion to Aristotle* / Ed. by J. Barnes. Cambridge, 1995. P. 17–18.

⁸⁸*Düring I. Aristoteles*. S. 44.

⁸⁹*Ross W.D. The Development of Aristotle's Thought* // *Aristotle and Plato in the Mid-Fourth Century* / Ed. by I. Düring and G.E.L. Owen. Göteborg, 1960. P. 16.

приняться за это трудное дело. После выхода в свет книги Дюринга работа по уточнению последовательности сочинений и отдельных их частей велась в разных областях аристотелевской философии, и частные результаты были достигнуты⁹⁰. Однако за эти несколько десятилетий кардинальным образом положение не изменилось, и энтузиазм несколько угас. Трудности, стоящие перед исследователями хронологии Аристотеля, отчетливо резюмирует Дж. Барнс, автор многочисленных работ по аристотелевской и древнегреческой философии⁹¹.

Во-первых, по-прежнему неясной остается позиция раннего Аристотеля. Сохранившиеся фрагменты не дают достаточного материала для выводов: даже если быть уверенными, что определенные предложения выражают именно мнение Аристотеля, они часто допускают различную, иногда прямо противоположную интерпретацию. Во-вторых, анализ перекрестных ссылок в трактатах, на который надеялись У.Д. Росс и И. Дюринг, пока что тоже не оправдывает возложенных на него ожиданий. Ссылки оказываются противоречивыми и, кроме того, подозрительно легко вынимаются из своего контекста⁹². Даже если предположить, что они принадлежат Аристотелю, а не позднему редактору, скорее всего они показывают не последовательность, в которой Аристотель создавал свои сочинения, а рекомендуемый им порядок чтения. Наконец, в-третьих, методы традиционного сравнительного философского анализа и стилометрии, хотя несомненно могут дать некоторые результаты, тоже сталкиваются с затруднением. Все тексты вплоть до смерти Аристотеля находились у него на руках, и есть основание предполагать, что он их пересматривал и изменял. Мы не можем сказать, когда и как часто это делалось. Поэтому, полагает Барнс, приходится признать, что пока еще различие в аристотелевских текстах хронологических пластов оказывается слишком тонкой задачей для наших методов и о целостной реконструкции философской эволюции Аристотеля говорить преждевременно⁹³.

⁹⁰См.: Aristotle's Philosophical Development: Problems and Prospects.

⁹¹*Barnes J. Life and Work.* P. 16-22.

⁹²Например, «Риторика» несколько раз отчетливо ссылается на «Первую аналитику» как на предшествующее сочинение; однако эти указания производят искусственное впечатление, их можно изъять из контекста без всякого ущерба для ясности или плавности изложения, т. е., очевидно, они являются позднейшим вмешательством самого Аристотеля или редактора и просто показывают порядок подачи материала.

⁹³Разумеется, Барнс не призывает к радикальному скептицизму. В отдельных частных случаях утверждения о хронологии, по его мнению, «возможны и даже не лишены философского значения» (например, его соображения о последовательности «Аналитик», см.: *Barnes J. Life and Work.* P. 21-22).

Г.С. Великов

КУЛЬТ АХИЛЛА ПОНТАРХА У МАКСИМА ТИРСКОГО (OR. 9.7 TRAPP)

В конце девятой речи, посвященной демону Сократа, Максим Тирский рассказывает о культе Ахилла на острове Левка:

Ἀχιλλεύς νῆσον οἰκεῖ εὐθὺ¹ Ἴστρου κατὰ τὴν Ποντικὴν θάλατταν, <***>² Ἀχιλλέως ναός, καὶ βωμοὶ Ἀχιλλέως· καὶ ἐκὼν μὲν οὐκ ἄν τις προσέλθοι, ὅτι μὴ θύσων· θύσας δέ, ἐπιβαίνει τῆς νεώς³. Εἶδον ἤδη ναῦται πολλάκις ἄνδρα ἠΐθεον, ξανθὸν τὴν κόμην, πηδῶντα ἐν ὄπλοις· τὰ ὄπλα χρυσᾶ· οἱ δὲ εἶδον μὲν οὐδαμῶς, ἤκουσαν δὲ παιωνίζοντος· οἱ δὲ καὶ εἶδον καὶ ἤκουσαν. Ἦδη δέ τις καὶ κατέδαρθεν ἄκων ἐν τῇ νήσῳ, καὶ αὐτὸν Ἀχιλλεύς ἀνίστησιν, καὶ ἐπὶ σκηνὴν ἄγει, καὶ εὖωχεῖ· ὁ Πάτροκλος φνοχόει, Ἀχιλλεύς ἐκιθάριζεν, παρεῖναι δὲ ἔφη καὶ τὴν Θέτιν, καὶ ἄλλων δαιμόνων χορόν⁴.

Ахилл живет на острове, расположенном в Эвксинском Понте напротив Истра, <где> есть храм и жертвенники Ахилла. Никто не может по своему желанию высадиться на остров, кроме как для жертвоприношения. Совершив жертвоприношение, следует вернуться на корабль. Часто моряки видели молодого мужчину со светлыми волосами, упражняющегося с оружием. Оружие его золотое. Одни не видели его, но слышали, как он поет, другие и видели, и слышали. Один человек случайно услышал на острове. Ахилл разбудил его, привел к палатке и предложил обильное угощение. Патрокл был виночерпием, Ахилл играл на кифаре. По его словам, была также Фетида и собрание других демонов.

¹εὐθὺ, вышедшее из употребления в разговорном языке, отсутствующее в НЗ, употребляется в данном случае как предлог. *Dürr K. Sprachliche Untersuchungen zu den Dialexeis des Maximus von Tyrus // Philologus. 1899. Suppl. 8. S. 51. Schmid W. Der Atticismus in seinen Hauptvertretern von Dionysius von Halikarnass bis auf den zweiten Philostratus. 5 Bde. Stuttgart: Kohlhammer, 1887-1897. Bd. IV. S. 628.*

²<οὔ> vel <ἐν ἧ> Reiske; <ἐνθ'> Anon. Lond.

³νήσου R mg (R1 ut vid.)

⁴Текст приводится по изданию: *Maximus Tyrius. Dissertationes / Ed. M.B. Trapp. Stuttgart; Leipzig: Bibliotheca Teubneriana, 1994.*

Эту историю Максим Тирский рассказывает, чтобы проиллюстрировать учение о демонах, которое излагается в 8-й и 9-й речах (Or. 8 — *Τὴ τὸ δαιμόνιον Σωκράτους. α΄*; Or. 9 — *Ἐπι περὶ τοῦ Σωκράτους δαιμονίου β΄*). Автор сначала говорит о Сократе и его способности слышать голос божества (Or. 8. 1–3), а затем переходит к более общему вопросу: какова природа демонов. Следуя платонической традиции, он обозначает их как посредников между богом и человеком⁵.

εἰσὶ δ' αὐτῷ φύσεις, ἀθάνατοι δεύτεροι, οἱ καλούμενοι δεύτεροι ἐν μεθορία γῆς καὶ οὐρανοῦ τεταγμένοι· θεοῦ μὲν ἀσθενέστεροι, ἀνθρώπου δ' ἰσχυρότεροι· θεῶν μὲν ὑπηρεταί, ἀνθρώπων δὲ ἐπιστάται· θεῶν μὲν πλησιαίτατοι, ἀνθρώπων δὲ ἐπιμελέστατοι. (Or. 8. 8. 181–185)

У него (бога) есть второстепенные бессмертные существа, называемые демонами, которые обитают между землей и небом: слабее бога, сильнее человека, слуги богов, начальники людей, близкие к богам, заботящиеся о людях.

В 9-ой речи говорится, что демоны — это души людей, оставившие тело. Им поручено пребывать на земле и участвовать в судьбе и жизни людей, во всех их замыслах и занятиях, помогая добрым, защищая обиженных, наказывая несправедливых (Or. 9. 6. 153–155). В заключение Максим приводит пример душ, которые, оставив тело и став демонами, продолжают делать то, что делали при жизни: Асклепий лечит, Геракл совершает подвиги, Дионис справляет вакханалии, Амфилох дает предсказания, Диоскуры плавают на корабле, Минос судит, Ахилл вооружается. Далее идет описание культа Ахилла на острове Левке, приведенное выше. В конце речи, упомянув также Гектора, который является в Илионе, Максим говорит, что сам он не видел ни Ахилла, ни Гектора, зато видел наяву Диоскуров, Асклепия и Геракла (Or. 9. 7. 156–179).

Культ Ахилла на Белом острове всегда представлял интерес для ученых. Первые исследования появились еще в первой половине XIX в., но и по сей день выходят работы, посвященные этому вопросу⁶. В данной статье будет подробно рассматриваться не сам культ,

⁵Платоновской демонологии посвящено много исследований. В недавно вышедшей монографии А. Тимотина, есть небольшой обзор 8-й и 9-й речей Максима Тирского: *Timotin A. La démonologie platonicienne. Histoire de la notion de daimôn de Platon aux derniers néoplatoniciens // Philosophia antiqua. 128. Leiden; Boston: Brill, 2012. P. 123–125.*

⁶См. недавно вышедшее исследование по культу Ахилла в Северном Причерноморье, где представлена также обширная библиография, посвященная этому вопро-

но скорее литературное свидетельство Максима Тирского. В античной литературе встречается довольно много упоминаний о почитании Ахилла на Белом острове⁷. В основном в исследовательской литературе тексты греческих и латинских писателей рассматриваются исключительно как более или менее надежные источники по реконструкции культа⁸. Основные сведения о почитании Ахилла на Левке мы получаем из сочинений авторов II–III вв. по Р. Х.: «Героики» Флавия Филострата, «Перипла Понта Эвксинского» Арриана и 9-ой речи Максима Тирского. Важные детали также можно найти у Павсания или Никандра, при этом три вышеперечисленных автора принадлежат к одному литературному направлению, Второй софистике. Как пишет А.В. Белоусов, «культ Ахилла в Причерноморье — один из «топосов» литературы Второй софистики. Предтечей «софистического» интереса к этому культу можно считать 36-ю «Борисфенитскую» речь Диона Хризостома. А «Перипл Понта Эвксинского» Арриана демонстрирует уже сложившийся стойкий интерес к острову Ахилла на Черном море»⁹. В своей книге автор дает подробный анализ текста «Героики» Флавия Филострата, рассматривая его в религиозном контексте эпохи Северов¹⁰.

В данной статье сообщение Максима Тирского будет рассматриваться на фоне Филострата и Арриана, чтобы показать, как Максим в своих речах использует «топос» современной ему литературы. Описание Максима короче, чем у других двух авторов. Как Филострат (*Fl. Phil.* Her. 54. 2¹¹) и Арриан (*Arr. PPE* 21. 1¹²), вначале он указывает местонахождение острова (*Max. Tyr.* Or. 9. 7. 163–165). Максим не рассказывает историю возникновения острова, который был создан Посейдоном по просьбе Фетиды (Her. 54. 5–6; PPE 21.

---

cy: Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung / Joachim Hupe (Hrsg.) Rahden/Westf, 2006. См. также рецензию А.В. Белоусова: Белоусов А.В. Новая книга о культе Ахилла в Северном Причерноморье // Вестник древней истории. 2009. № 4. С. 221–228.

⁷Ссылки на античных авторов приведены в статье С.Б. Охотникова: *Ochotnikov S.B.* Achilleus auf der Insel Leuke // *Der Achilleus-Kult.* S. 50.

⁸См., например: *Толстой И.И.* Остров Вѣлый и Таврика на Евксинскомъ Понтѣ. Петроградъ, 1918. С. 3–23; *Хоммель Х.* Ахилл-Бог // Вестник древней истории. 1981. № 1. С. 52–76.

⁹*Белоусов А.В.* Флавий Филострат в религиозном контексте своего времени: Жизнь Аполлония и Героика. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2012. С. 126.

¹⁰*Белоусов А.В.* Флавий Филострат. С. 68–138.

¹¹Текст приводится по изданию: *Flavii Philostrati Heroicus* / Ed. Ludo de Lannoy. Leipzig: Teubner, 1977.

¹²Текст приводится по изданию: *Arrien, Périple du Pont'Euxin* / Texte établi et traduit par Alain Silberman. Paris: Les Belles Lettres, 1995.

1). Он упоминает храм и жертвенники Ахилла (Or. 9. 7. 165), но не говорит о птицах, которые ухаживают за этим храмом (PPE 21. 2; Her. 54. 9). Максим пишет о запрете селиться на острове, его можно посещать только ради совершения жертвоприношения, а после следует вернуться на корабль (Or. 9. 7. 165–166). Этому соответствуют свидетельства у Арриана (PPE 21. 2) и Филострата, где говорится, что морякам можно сходить на остров, но следует его покинуть до захода солнца (Her. 54. 11). Далее Максим описывает явление морякам самого Ахилла на острове: он предстает молодым мужчиной со светлыми волосами, упражняющимся с золотым оружием. Некоторые моряки не видели Ахилла, но слышали его пение (Or. 9. 7. 166–170). У Арриана Ахилл является либо во сне, либо на корабле, помогая морякам найти удобное место для стоянки.

φαίνεσθαι δὲ ἐνύπνιον τὸν Ἀχιλλῆα τοῖς μὲν προσχοῦσι τῇ νήσῳ, τοῖς δὲ καὶ πλέουσι, ἐπειδὴν οὐ λόρρω αὐτῆς ἀπόσχωσιν, καὶ φράζειν ὅπου προσχεῖν τῆς νήσου ἄμεινον καὶ ὅπου ὀρμίσασθαι. οἱ δὲ καὶ ὑπάρ λέγουσιν φανῆναι σφισιν ἐπὶ τοῦ ἴστοῦ ἢ ἐπ' ἄκρου τοῦ κέρως τὸν Ἀχιλλῆα, καθάπερ τοὺς Διοσκόρους· τοσόνδε μόνον τῶν Διοσκούρων μείον ἔχειν τὸν Ἀχιλλῆα, ὅσον οἱ μὲν Διόσκουροι τοῖς πανταχοῦ πλοῖζομένοις ἐναργεῖς φαίνονται καὶ φανέντες σωτῆρες γίνονται, ὃ δὲ τοῖς πελάζουσιν ἤδη τῇ νήσῳ. οἱ δὲ καὶ τὸν Πάτροκλόν σφισιν ὀφθῆναι ἐνύπνιον λέγουσιν (PPE 23. 1–2).

Ахилл, как рассказывают, является во сне одним после того, как причалят к острову, а другим еще во время плавания, когда они очутятся недалеко от него, и указывает, где лучше пристать к острову и где стать на якорь. А некоторые рассказывают, что Ахилл являлся им наяву на мачте или на конце реи, подобно Диоскурам; Ахилл только в том, говорят они, уступает Диоскурам, что последние воочию являются плавающим повсюду и, явившись, спасают их, а Ахилл является только приближающимся уже к острову. Некоторые говорят, что и Патрокл являлся им во сне¹³.

У Арриана Ахилл выступает как θεὸς λόμλιμος, который, подобно Диоскурам¹⁴, помогает морякам¹⁵. Арриан упоминает также

¹³Перевод П.И. Прозорова.

¹⁴Интересно, что Максим в конце речи также упоминает Диоскуров (Or. 9. 7. 176–177). Он говорит, что сам он не видел ни Ахилла, ни Гектора, но видел Диоскуров на корабле — яркие звезды, которые вели корабль, попавший в шторм (εἶδον δὲ καὶ Διοσκόρους ἐπὶ νεῶς, ἀστέρας λαμπροῦς, ἰθύνοντας τὴν ναῦν χειμαζομένην).

¹⁵У Филострата Ахилл также помогает морякам, являясь на корме (Her. 56. 3). См. также: Wachsmuth D. ΠΟΜΠΗΜΟΣ Ο ΔΑΙΜΩΝ. Untersuchungen zu den antiken Sakralhandlungen bei Seereisen. Berlin, 1967. S. 158–159.

явление Патрокла, который, по его словам, почитался на Белом острове вместе с Ахиллом (PPE 21. 2). Этим заканчивается описание у Арриана, в то время как Максим рассказывает о человеке, случайно уснувшим на острове. Его разбудил Ахилл и пригласил на пир, где были также Фетида, Патрокл, разливавший вино, и другие демоны (Or. 9. 7. 171–173). В «Героике» также описывается пир Ахилла и его супруги Елены, которые воспевают взаимную любовь, поэму Гомера о Трое и самого Гомера (Her. 54. 12–13). Филострат также пишет, что моряки слышат пение Ахилла, и даже приводит текст самого гимна (Her. 55. 2–3). Упоминанию Максима о том, что Ахилл упражняется в золотых доспехах, в «Героике» соответствуют рассказы моряков о том, что они слышали на острове шум сражения и топот конницы¹⁶.

На основании этого сравнения ясно, что сообщение Максима не содержит каких-либо уникальных сведений о культе, как, например, «Героика» Филострата, где приводятся рассказы о троянской девушке и нападении амазонок на остров Ахилла (Her. 56–57). В рассказе Максима отсутствуют некоторые детали, которые засвидетельствованы у Арриана и Филострата: Ахилл как покровитель моряков, птицы в храме Ахилла, несопротивляющиеся животные во время жертвоприношения¹⁷.

Тем не менее интересен тот контекст, в котором появляется рассказ об Ахилле на Белом острове. Максим включает популярный «топос» Второй софистики в учение о демонах, игравшее важную роль в среднем платонизме, представителем которого был он сам. Об интересе к демонологии свидетельствует недодешедшее сочинение Посидония «О героях и демонах»¹⁸, религиозные трактаты Плутарха, речь Апулея «О божестве Сократа». Особое внимание соотношению «герой-демон» уделяли неоплатоники¹⁹. В случае с культом Ахилла Арриан пишет, что считает Ахилла великим героем (PPE 23.4), но нигде не упоминает о демонах. Для Филострата

¹⁶φασί δ' οἱ προσομισάμενοι καὶ κτύπου ἀκοῦεν ἕπλων καὶ ἤχου ὀπλῶν καὶ βοῆς, οἷον ἐν πολέμῳ ἀναφθέγγονται (Her. 56. 2).

¹⁷См. Толстой И.И. Чудо у жертвенника Ахилла на Белом острове // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1927. Т. 1. С. 154–156 (= Толстой И.И. Статьи о фольклоре. М.; Л.: Наука, 1966. С. 19–23. Cf. Tolstoy I. Un miracle d'Achille dans l'île Bianche // Revue Archéologique. 26. 1927. P. 201–206).

¹⁸Название упоминает Макробий: Sat. I. 23. 7.

¹⁹Вопрос о героях и демонах в позднем платонизме подробно рассматривается в статьях: Moreno I.R. Le héros comme μεταξύ entre l'homme et la divinité dans la pensée grecque // Pirenne-Delforge V., Suárez de la Torre (Ed.) Héros et héroïnes dans les mythes et les cultes grecs // Kernos. Suppl. 10. Liège, 2000. P. 79–90.; Ramos Jurado E.A. L'intégration de la classe des héros dans la pensée grecque de l'antiquité tardive // Kernos Suppl. 10. P. 91–100.

Ахилл важен именно как герой, так как в эпоху Северов происходило возрождение героических культов, и «Героика», видимо, была написана с целью поддержания этой тенденции²⁰. Филострат был знаком с демонологией, в его сочинениях встречается слово *δαίμων* и его производные, но, в отличие от Максима, он не уделяет этому учению такого внимания²¹. Хотя в «Героике» говорится, что Протесилай все знает, так как является демоном²², для автора это учение не является ключевым. Максим в свою очередь концентрирует внимание именно на демонологии, сочетая таким образом литературный «топос» своего времени с популярным философским учением.

---

²⁰ «Большинство исследователей в настоящее время соглашается с тезисом, что диалог написан Филостратом с целью воскресить веру в героев среди образованных людей своей эпохи и содействовать возрождению исконно эллинского благочестия» (Белоусов А.В. Флавий Филострат. С. 73).

²¹ См. Puiggali J. La démonologie de Philostrate // Revue des Sciences Philosophiques et Théologiques. 67. 1983. P. 117–130.

²² τὸν μὲν γὰρ Πρωτεσίλων δαίμονα ἤδη ὄντα οὐδὲν οἶμαι θαυμαστὸν εἶδέναι ταῦτα (Her. 43. 3).

Е.В. Приходько

ОРАКУЛ ПО ПЯТИ АСТРАГАЛАМ ИЗ ГОРОДА АДАДЫ В ПИСИДИИ

Оракулы по пяти астрагалам принадлежат направлению древнегреческой мантики, известному только узкому кругу специалистов. Написанные гекзаметром, эти прорицания никогда не переводились на русский язык, впрочем, как и на подавляющее большинство современных языков. Поэтому позвольте представить Вам, уважаемый читатель, первый русский перевод оракула по пяти астрагалам из города Адады — надписи, демонстрирующей самую хорошую сохранность из всех образцов этого жанра.

Адады: краткий обзор истории и научного изучения

В 125 километрах от Анталы по автомобильной дороге раскинулись руины древнего писидийского города Адады¹. Город был построен в горах Тавра приблизительно на высоте 1230–1240 м над уровнем моря. Сейчас рядом с ним находится современная турецкая деревня Саграк, относящаяся к району городка Сютчюлер, входящего в состав области города Ыспарта. Адады лежат на высокогорном плато в окружении достаточно высоких холмов, на которых растут дубы, сосны, колючие падубы-остролисты и различные виды можжевельника.

Передаваемое древнегреческим языком как *Ἄδαδα* название этого города, возможно, принадлежало писидийскому языку, наше знание о существовании которого ограничено полусотней недешифрованных надписей римского времени, но, возможно, было и еще более древним. Поскольку на территории Адад никогда не проводились полномасштабные археологические раскопки, то говорить о

---

¹Подробное рассмотрение всей имеющейся информации об этом городе, описание сохранившихся на его территории построек, а также перевод всех упоминаемых ниже стихотворных надписей можно найти в статьях: Приходько Е.В. Адады — древний город центральной Писидии. Часть 1 // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 10. 2014. С. 181–219. Приходько Е.В. Адады — древний город центральной Писидии. Часть 2 // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 11. 2015. С. 233–292.

точной датировке возникновения первого поселения на месте будущего города пока преждевременно. Однако тот факт, что в надписи II в. до н. э. (ТАМ III 1, 2) Адады уже выступают крупным городом, с которым не усомнились заключить союз даже жители Термесса, одного из трех самых больших городов Писидии, свидетельствует о том, что к тому времени история Адад насчитывала уже не одно столетие. Кроме того, из текста договора, представленного в этой надписи, следует, что ко времени заключения союза оба города были уже достаточно эллинизированы и управлялись по принципу греческого полиса, то есть вся власть принадлежала народу (*δημος*) во главе с советом (*βουλή*).

В литературе Адады впервые упоминаются у Страбона, ссылающегося на труд географа II–I вв. до н. э. Артемидора Эфесского, который в перечне двенадцати городов Писидии поставил Адады четвертыми после Сельги, Сагаласса и Педнелисса (XII 7, 2).

Самые древние из сохранившихся монет Адад датируются I в. до н. э. Все они, как самые ранние, так и времен империи, отчеканены из бронзы и представляют изображения разных богов и императоров, а также трискела — символа, встречающегося и на других памятниках Адад и явно имевшего в городе определенное значение. В нашем распоряжении есть около четырех десятков надписей II–III вв. н. э., содержащих достаточно интересную информацию о жизни города того времени². Почти все эти надписи сообщают о том или ином жителе Адад и о его заслугах перед родным городом.

Так, в начале II в. Феодор Нихомах, дважды исполнявший обязанности верховного жреца Императоров, построил на свои собственные средства храм вместе с резным изваянием и прочими статуями и посвятил его богам Императорам и родине (№ 422 = IGR III 366) (рис. 1). Где-то в 180–200 гг.³ Антиох, сын Тламоя, тоже дважды занимавший должность верховного жреца Императоров, воздвиг вместе со своей женой Анной, дочерью Гоплона, верховной жрицей, и сыновьями Тламоем и Антиохом другой храм со статуями, окружающими его портиками и мастерскими ремесленников и посвятил его богам Императорам, Зевсу Великому Сарапису и родине

² Sterrett J.R.S. The Wolfe Expedition to Asia Minor // Papers of the American School of Classical Studies at Athens. Vol. III. 1884–1885. Boston, 1888. P. 284–308. № 402–435.

³ Büyükkolancı M. Adada: Pisidia'da antik bir kent // Göltaş Kültür Dizisi. 5. Selçuk, 1998. İmparatorlar ve Zeus-Serapis tapınağı. Поскольку в книжном варианте путеводитель Бюйюкколанджы нам найти не удалось, все ссылки на эту работу будут даны на соответствующий раздел интернет-версии: <http://www.ispartaya.com/gezi/antik/adada/adadaindex.htm>.

Рис. 1. Адады. Храм Императоров, вид с юго-запада. Фото автора

Рис. 2. Адады. Храм Императоров и Зевса Сараписа, вид с юго-востока. Фото автора

(№ 421 = IGR III 364) (рис. 2). В 200–210 гг.⁴ этот же Антиох со своей семьей построил еще один храм со статуей Афродиты и со всем подобающим убранством и посвятил его богам Императорам и родине (№ 409 = IGR III 365).

Совет и народ Адад нередко выражали свое уважение и молодым и не столь заслуженным согражданам. Они, например, почтили память юноши Ореста, сына Антиоха, который отправился в Египет в Александрию, чтобы изучить там медицину, и умер на чужбине, так и не вернувшись в родные Адады. Его мать Иаида, дочь Бианора, сына Менедема, выполняя указание своего мужа Антиоха, поставила внутри ограды храма Афродиты и Императоров статую столь рано ушедшего сына, а также статую самого Антиоха, человека благородного, уважаемого и в течение всей жизни заботившегося в должности иеромнемона о священном жилище бога (№ 407–408 = IGR III 374).

Отдельные жители Адад создавали небольшие святилища на принадлежащей городу территории. Приблизительно в 30 км на юго-запад от Адад по современной извилистой горной дороге находится живописный Йазылы каньон — или «Каньон с надписью». Здесь у идущей над самым обрывом дороги, соединявшей в древности Пергу и Адады, некий Леонтиан, сын Леонтиана, устроил маленькое святилище Аполлона под открытым небом. В отвесной скале, к которой прижимается дорога, было выдолблено углубление, по своим очертаниям похожее на вытянутый кверху равнобедренный треугольник, а в нем была сделана небольшая ниша со сводом для статуи бога. По обеим сторонам на выровненных участках скалы были вырезаны надписи, сочиненные в ямбическом триметре. Левая надпись объявляла, какой бог как хозяин святилища охраняет эту дорогу (№ 440), а правая рассказывала о посвятителем даром, который основатель святилища Леонтиан принес Аполлону (№ 439). Рядом со святилищем на той же скале была вырезана и еще одна надпись из восемнадцати стихов, которая представляла собой адресованное путникам философское поучение, проповедующее принципы стоицизма (№ 438).

В 3,5 км на восток от деревни Йешильйурт и в 9 км по прямой на юго-запад от Адад на скале возле ведущего к Ададам ответвления дороги, соединявшей Памфилию с южным берегом озера Эйирдир, Антиох и Бианор, представители знатной ададской семьи, вырезали надпись с алфавитным оракулом. Это были двадцать четыре прорицания, написанные ямбическим триметром, каждое из

⁴*Büyükkolancı M. Adada. İmparatorlar ve Aphrodite tapınağı.*

которых начиналось с последующей буквы греческого алфавита и которые были призваны оказывать помощь путникам своими мудрыми советами (№ 436)⁵.

В III в. в Ададах был построен гимнасий Севера, на сооружение которого три тысячи пятьдесят динариев серебром предоставил Аврелий Антиохиян — памятник в его честь украшал агору (№ 426). Тогда же жители города стали проводить празднества со спортивными состязаниями, которые были посвящены богине Тюхе и одной из побед римских императоров, а потому назывались Тюхейским Эпиникием. Третий Тюхейский Эпиникий, например, проводил славнейший агонотет Аврелий Бианориан Абисбиан Антиох. Тогда в панкратионе мальчиков победил Аврелий Никифорин Бакхил (№ 406), а в кулачном бою мужчин — Аврелий Тиллиан Мандромен (№ 418).

На всю империю прославил Адады член городского совета Марк Аврелий Абант, бегун на длинные дистанции. Найденная на агоре надпись, датируемая временем после 235 г., сообщает обо всех играх, где он одержал победу, причем проходили эти игры не только на территории Малой Азии, но и в Греции и в Италии (№ 413 = IGR III 370).

Поскольку место, где расположены Адады, до сих пор называется Кара Бауло⁶, то существует ничем пока не доказанная, но весьма привлекательная легенда о посещении города в 46 г. апостолом Павлом во время его путешествия в Антиохию Писидийскую⁷. Когда же в IV в. в Писидии утвердилось христианство, Адады стали резиденцией епископа с митрополией в Антиохии, и епископы Адад упоминаются в *Notitiae Episcopatum* вплоть до XII в.⁸, когда жизнь в городе, видимо, начала постепенно замирать.

⁵См. также: *Nollé Jo.* Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance. München, 2007. S. 231–239.

⁶В научной литературе и на турецких сайтах это название имеет самые разные варианты написания: Kara Baulo, Kara Bavlo, Karabavlu, Karabaolu, Karabavullu и т. д.

⁷См., например: *Skeel C.A.J.* Travel in the First Century after Christ with Special Reference to Asia Minor. Cambridge, 1901. P. 132; *Callewaert J.M.* The World of Saint Paul. San Francisco, 2011. P. 61. Более подробное рассмотрение этого вопроса см.: *Ramsay W.M.* The Church in the Roman Empire before A.D. 170. London, 1893. P. 18–21; *Riesner R.* Paul's Early Period: Chronology, Mission Strategy, Theology / Translated from the German edition. Michigan, 1998. P. 274; *Belke K., Mersich N.* Phrygien und Pisidien // *Tabula Imperii Byzantini*. Bd. 7. Wien, 1990. S. 155–157; *French D.H.* Acts and the Roman Roads of Asia Minor // *The Book of Acts in its First Century Setting*. Vol. 2. Graeco-Roman Setting / Ed. D.W.J. Gill, C. Gempf. Michigan, 1994. P. 52–53; *Wilson M.* The Route of Paul's First Journey to Pisidian Antioch // *New Testament Studies*. Vol. 55. 2009. P. 483.

⁸1.382; 2.448; 3.456; 4.397; 7.457; 9.340; 10.397; 13.404.

После многовекового забвения руины Адад были обнаружены 19 ноября 1841 г. Юлиусом Августом Шёнборном⁹, преподавателем Королевской гимназии Фридриха Вильгельма в Познани, который совершал тогда научное путешествие по землям древней Писидии, Ликии, Памфилии и соседних с ними областей. Правда, Шёнборн ошибочно решил, что руины в Кара Бауло принадлежали древнему городу Педнелиссу, но после изучения города Джоном Робертом Ситлингтоном Стерреттом 27–29 августа 1885 г., когда было скопировано 34 надписи¹⁰, Густав Гиршфельд и Ульям Рамсей независимо друг от друга, анализируя надпись № 420, пришли к выводу о том, что город в Кара Бауло — это не Педнелисс, а Адады¹¹.

На протяжении двадцатого века, несмотря на интерес отдельных ученых, никаких серьезных исследований на территории Адад предпринято не было. Правда, в 1996 г. Мустафа Бюйюкколанджи защитил докторскую диссертацию «Храмовая архитектура Писидии», которая, как признается сам автор, «была основана на своеобразном фундаменте из камней храмов Адад»¹², а через два года он издал небольшой путеводитель по Ададам, который имеет также и интернет-версию. В 2004 г. в течение четырех месяцев в Ададах работали археологи под руководством Бюйюкколанджи, и проводила эти исследования дирекция музея Ыспарты при участии кафедры археологии Университета Памуккале. Однако в 2005 г. возобновления работ не последовало.

Руины Адад открыты для посещения, и любой желающий может совершить незабываемую прогулку по этому городу. Более древняя часть Адад расположена в окруженной невысокими холмами долине. Здесь сохранилась мощеная большими плитами агора (рис. 3) и поднимающееся вверх в виде огромной лестницы место для народных собраний (рис. 4), башни и стены эллинистических укреплений, двухэтажное здание, чье назначение пока точно не определено (возможно, это было здание городской администрации или просто богатый частный дом), очень скромный недостроенный театр, пара гробниц, но главное — три храма, стены двух из кото-

---

⁹*Ritter C.* Die Erdkunde im Verhältnis zur Natur und zur Geschichte des Menschen, oder allgemeine vergleichende Geographie. Teil 19: Klein-Asien. Bd. II. Berlin, 1859. S. 570–574.

¹⁰*Sterrett J.R.S.* The Wolfe Expedition. P. 284–308. No 402–435.

¹¹*Hirschfeld G.J.R.* J.R. Sitlington Sterrett, The Wolfe Expedition to Asia Minor // *Göttingische Gelehrte Anzeigen.* 1888. Bd. 1. No 15. S. 587–590; *Ramsay W.M.* The Historical Geography of Asia Minor. London, 1890. P. 408.

¹²*Büyükkolancı M.* Adada Antik Kenti ve Geleceği // *Pisidia Araştırmaları — 1. Sempozyum Bildiri Kitabı* (05–06.11.2012) / Ed. B. Hürmüzlü, M. Fırat, A. Gerçek. Isparta, 2013. S. 200.

Рис. 3. Адады. Агора, вид с юго-востока со ступеней места для народных собраний.
Фото автора

Рис. 4. Адады Агора и место народных собраний. Фото автора

Рис. 5. Адады. Римская дорога. Фото автора

рых стоят в полный рост¹³. В византийское время центр города сместился на юг в сторону узкого ущелья. Здесь на склонах двух холмов можно увидеть развалины домов, византийские стены, а также две базилики — одну у подножия холма Актепе, а другую — на вершине холма Куштюнейи Тепеси. Кроме того, по этому ущелью к городу подходила римская мощеная дорога, достаточно длинный отрезок которой на южном склоне Актепе действительно поражает своей сохранностью (рис. 5).

В 1970 г. прямо через равнинную территорию Адад была проложена автомобильная дорога, соединившая трассу Сютчюлер — Эйирдир с деревней Йеникёй. Во время этих работ из земли были выкопаны и отброшены в сторону многочисленные античные каменные блоки. 10 сентября 1984 г. в Адады приехали Йоганнес Полле и Сенджер Шахин. Осматривая наваленные возле дороги камни, Полле обнаружил среди них большую колонну из местного голубого известняка, со всех сторон покрытую древнегреческим текстом. Высота колонны составляла 1,70 м, ширина 0,59 м, а глубина 0,56 м. Изучив вырезанную на ней надпись, Полле убедился в том, что перед ним был текст оракула по пяти астрагалам, принадлежащего редкому и малоизученному направлению античного

¹³ Четвертый храм, о котором мы знаем — храм Афродиты и Императоров, — практически полностью разрушен.

Рис. 6. Оракульная колонна из Адад. Сторона А. Фото автора

Рис. 7. Оракульная колонна из Адад. Фрагмент стороны А

искусства прорицания. Нолле сделал эстампаж этой надписи и в 2007 г. издал ее в своем фундаментальном труде, посвященном малоазийским оракулам по жребиям¹⁴.

Что касается судьбы самой колонны с текстом оракула, то, пролежав еще более двух десятилетий среди руин Адад, она была несколько лет назад доставлена в археологический музей Биспарты (рис. 6–8). Сейчас она стоит в центре лужайки с левой стороны от входа в музей (если стоять к нему лицом). На прикрепленной внизу табличке сказано, что эта колонна привезена из Адад, но при этом ни одного слова не посвящено уникальному жанру представленной на ней надписи.

Оракулы по пяти астрагалам: памятники и исследования

Чтобы по достоинству оценить найденный в Ададах памятник, необходимо познакомиться, хотя бы в общих чертах, с тем, как происходило обретение и изучение подобных надписей, а также с тем, какой спектр проблем возникает при работе над этой темой.

¹⁴Nolle Jo. Kleinasiatische Losorakel. P. 60–67.

Рис. 8. Оракульная колонна из Адад. Сторона В. Фото автора

Сейчас уже не возникает сомнений в том, что получение прорицаний путем бросания астрагалов было одним из направлений древнегреческого мантического искусства, хотя еще двести лет назад ученые даже не подозревали о его существовании. Дело в том, что, не являясь, видимо, широко распространенным способом прорицания и первоначально функционируя — как, по крайней мере, можно с определенной долей натяжки допустить¹⁵ — в повседневной практике больших прорицалищ в качестве дополнения к основному способу возвещения откровений, оракулы по астрагалам не нашли отражения в литературе. Единственным исключением оказывается краткое упоминание у Павсания об оракуле по четырем астрагалам у ахейского города Бұры: «По дороге из Бұры к морю есть река под названием Бұраик и в пещере небольшая статуя Геракла; зовут его тоже Бұраик, а откровения можно получить при помощи доски и астрагалов. Ведь вопрошающий бога молится перед стагуей, а после молитвы, взяв астрагалы — они в большом количестве лежат возле Геракла, — бросает четыре на стол, и для каждой комбинации астрагалов написанное на доске предоставляет надлежащее толкование такого броска» (VII 25, 10).

Отсутствие литературных свидетельств, являющихся, как правило, основным источником при изучении многих направлений искусства прорицания эллинов, поставило с самого начала все исследования по астрагальной мантике в зависимость от археологических находок и эпиграфического материала. Ведь именно благодаря найденным и введенным в научный обиход надписям с текстом оракула по астрагалам стало известно о самом факте существования такого вида прорицательства.

Астрагалом (*ἀστρογάλος*) древние греки называли таранную кость из лодыжки животных с раздвоенными копытами — коз, овец и телят. Астрагалы могли служить как детскими игрушками, так и костями для игр и гаданий. Если у обычного кубика, используемого при игре, все стороны равны, что дает ему возможность при броске упасть вверх любой из своих шести сторон, то у астрагала каждая сторона имеет свои собственные особые очертания. В целом астрагал похож на прямоугольный параллелепипед, две маленькие стороны которого слегка закруглены. Из-за этого брошенный астрагал может упасть вверх только одной из четырех вытянутых сторон и позволяет сделать выбор не из шести чисел, а лишь из четырех.

Каждая из этих четырех значимых для гадания сторон имела свое название и указывала на определенное число. Широкая выпук-

¹⁵ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 10–17.

Рис. 9. Астрагалы

лая сторона с двумя остроконечными выступами, или «рогами» на краю, называлась *πρωίης*, то есть «упавший лицом вниз» (имеется в виду бросок — *βόλος* или астрагал), и соответствовала числу 4. Другая, противоположная ей, широкая сторона с заметным углублением в середине, окруженным по бокам закругленными выступами, называлась *ὕπτιος*, то есть «упавший на спину», и соответствовала числу 3. Из узких сторон почти прямоугольная и ровная сторона называлась *κῶος*¹⁶, то есть «косский», и была связана с числом 6, а сторона, имеющая S-образное углубление, похожее на ушную раковину, называлась *χῖος*, то есть «хиосский», и была связана с числом 1 (рис. 9).

¹⁶Следуя традиционному написанию этого названия, которого придерживается большинство современных изданий и словарей, мы даем написание названия этого броска с подписной йотой. Однако Нолле (Nollé Jo. *Kleinasiatische Losorakel*. S. 8) полагает, что «косский» бросок никоим образом не был связан с названием острова Кос, так же, как и «хиосский» — с названием острова Хиос, и, следовательно, правильнее было бы придерживаться написания без подписной йоты, как это дано в *Thesaurus Graecae Linguae*: *κῶος*.

Сумма противоположных сторон астрагала равнялась семи, точно так же, как и у обычного кубика. Поэтому при броске астрагала нельзя было получить числа 2 и 5, на что обращает внимание Поллукс: *δυάς δὲ καὶ πεντάς ἐν ἀστραγάλοις, ὥσπερ ἐν κύβοις, οὐκ ἔνεστιν* — «Двойки и пятерки, как у кубиков, у астрагалов нет» (IX 100).

Все перечисленные названия сторон астрагала — причем вне ситуации гадания — использует, например, Аристотель при описании задних ног парнокопытных животных (Hist. Anim. II 1, 499 b). О цифровом значении каждой стороны астрагала есть многочисленные сообщения у античных авторов, особенно у составителей словарей и схолиастов. Так, в схолиях к «Лисиду» (206e) Платона сказано: «Из бросков тот, который означает «шесть», назывался «косским» и «шестеркой» (*ἑξήτης*), а тот, который означает «один» — «хиосским» и «собакой»¹⁷. Существовала поговорка *Κῶς πρὸς Χίον* — «косский к хиосскому», указывавшая на бессмысленность сравнивать максимально большую величину с максимально маленькой¹⁸.

Однако в тексте оракула по пяти астрагалам из привычных названий бросков оказались представлены не все. Единица здесь всегда обозначается словом *χεῖος* (т. е. *χῖος*), и лишь в описании одного броска появляется слово *μοῦνος*, шестерка — словом *ἑξείτης* (т. е. *ἑξήτης*). Для тройки используются два однокоренных названия: *τρεῖος* и *τρία*, а для четверки — целых три варианта: *тетрῶος*, *тетρών* и *τέσσαρα*.

В святилище Буры, о котором рассказывает Павсаний, вопрошавший кидал четыре астрагала. Если все четыре астрагала бросались вместе и в рамках каждого отдельного случая последовательность выпавших при броске чисел никакой роли не играла¹⁹, то количество возможных цифровых сочетаний должно было составлять тридцать пять. Тогда доска, имевшаяся в святилище, должна была содержать именно тридцать пять прорицаний — по одному для каждого типа броска.

Когда же при гадании использовались пять астрагалов — как в большинстве оракульных надписей из Малой Азии, — то количество возможных комбинаций возрастало до пятидесяти шести.

¹⁷Сравни: *Poll.* IX 100; *Sueton.* *Περὶ τῶν παρ' Ἑλλήσι λαδιῶν* I 93; *Eustath.* II. Vol. IV. P. 691; *Eustath.* Od. Vol. I. P. 29.

¹⁸*Diogenian.* V 70; *Apostol.* X 35; ср. также: *Zenob.* IV 74; *Arsen.* XVIII 26a; *App.* Proverb. V 28.

¹⁹См.: *Graf F.* *Rolling the Dice for an Answer // Mantik. Studies in Ancient Divination // Religions in the Graeco-Roman World.* Vol. 155. Leiden; Boston, 2005. P. 59–60.

В большинстве известных нам надписей с оракулом по астрагалам каждое прорицание было оформлено как строфа из пяти строк. В первой строке давалась информация о броске: сначала буквами древнегреческого алфавита перечислялись цифровые значения каждого из пяти астрагалов, затем, после небольшого пропуска, также буквами указывалась сумма броска, и заканчивалась строка объявлением имени божества, которому был посвящен этого бросок. Вторая строка давала словесное описание результата броска, написанное гекзаметром. И лишь следующие три строки содержали само возвещаемое прорицание, которое также было написано гекзаметром. Если умножить пятьдесят шесть на пять, получается, что такая надпись с оракулом должна была состоять минимум из 280 строк — а ведь у некоторых оракулов было еще и вступление. Для эпитафического памятника это очень большой объем, и поэтому не стоит удивляться тому, что полностью сохранившихся надписей в нашем распоряжении просто нет.

Что касается оракула по семи астрагалам — а фрагменты трех таких надписей нам тоже известны, — то его длина была еще несравнимо больше, поскольку такой оракул состоял из 120 строф.

Текст оракула по пяти астрагалам чаще всего вырезался на высоких прямоугольных колоннах, снабженных выступающим верхним и нижним профилем. Профили могли либо принадлежать единому монолиту колонны, либо быть отдельными приставленными к ней камнями. Как правило, для изготовления таких колонн использовался местный известняк, хотя были и мраморные образцы. Текст надписи плотно покрывал все четыре стороны колонны, нередко занимая при этом и поверхность профилей. По своим размерам найденная в Ададах колонна является типичным представителем подобных памятников.

Первую надпись с оракулом по пяти астрагалам обнаружил английский священник и путешественник Френсис Арунделл. Это произошло 19 ноября 1833 г. Утром этого дня Арунделл выехал из Бурдура, направляясь в Денизли. В 12 часов он достиг деревни **Йарышлы**, где позволил себе задержаться на час для знакомства с местными достопримечательностями. Жители деревни во главе с агой уговаривали Арунделла посмотреть руины античного города, лежащие на холмах возле деревни — впоследствии было выяснено, что там находился город **Такины**, — а также рассказывали о многочисленных мраморных фрагментах, которые можно увидеть на дне озера Йарышлы. Однако Арунделл ограничился осмотром нескольких камней с надписями, которые были привезены в деревню, скорее всего, с тех холмов, где некогда существовал античный

город. Во дворе мечети он обратил внимание на стоящий у стены квадратный мраморный пьедестал с древнегреческим текстом. Правда, из-за стены, закрывавшей подступы к двум сторонам этого блока, Арунделл смог скопировать надпись только с двух других сторон²⁰. Никогда прежде не встречавший надпись подобного жанра, путешественник решил, что перед ним подборка «нравственных сентенций». Так были найдены и впоследствии впервые опубликованы два фрагмента оракула по пяти астрагалам²¹.

Судьба найденного Арунделлом камня — а судя по его размерам и отрывкам надписи, исследователь столкнулся с отпиленной при вторичном использовании нижней частью оракульной колонны — оказалась весьма примечательной. Этот камень не только не был утрачен, как это, к сожалению, произошло с несколькими подобными памятниками, но и до сих пор находится в деревне Йарышлы, где с ним смогли познакомиться и другие исследователи. В июне 1884 г. в Йарышлы приехал профессор Уильям Рамсей вместе с сопровождавшим его А. Смитом. Камень с оракулом по-прежнему был тогда во дворе мечети, только теперь он поддерживал балку крыльца, благодаря чему ученые получили доступ ко всем его четырем сторонам и смогли скопировать всю надпись полностью²².

В 1971 г. в районе Бурдур произошло очень сильное землетрясение. Старая мечеть в Йарышлы была разрушена, а находившиеся там античные камни местные жители разобрали по домам. Мраморный блок с текстом оракула забрал себе Муса Сиврикайя и поставил его во дворе своего дома у колодца в качестве украшения. Именно там нашел этот камень в 1984 г. Нолле. Он произвел повторный осмотр надписи, сделал эстампаж и фотографии²³, среди которых даже есть фотография Мусы Сиврикайя, сидящего на этом каменном блоке²⁴.

17 июля 2014 г. мне также посчастливилось увидеть этот камень с оракулом. Благодаря любезной помощи мухтара — главы поселковой администрации — Йарышлы, который, получив от меня накануне вечером фотографию Мусы Сиврикайя с интересующим меня камнем, заранее выяснил его местонахождение, я сразу же по приезду в Йарышлы была приглашена во двор Неджати Сиврикайя, сына

²⁰В дальнейшем было определено, что это были стороны В и С.

²¹*Arundell F.V.J. Discoveries in Asia Minor, including a description of the ruins of several ancient cities and especially Antioch of Pisidia. London, 1834. Vol. II. P. 115-116.*

²²*Smith A.H. Notes on a Tour in Asia Minor // JHS. VIII. 1887. P. 260-267.*

²³*Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 47-49.*

²⁴*Nollé Jo. Südkleinasiatische Losorakel in der römischen Kaiserzeit // Antike Welt 18. 3. 1987. S. 44.*

Рис. 10. Нижняя часть оракульной колонны из Такин в деревне Йарышлы. Стороны А и В. Фото автора

Мусы Сиврикайя, одного из самых богатых жителей деревни, и прямо с правой стороны от калитки увидела камень с оракулом (рис. 10). Но если во время визита Нолле этот блок просто лежал во дворе, и на фотографиях Нолле можно увидеть оббитый нижний профиль камня, то теперь он оказался зацементирован возле уличного крана наподобие маленького столика. Неровности обломанного нижнего профиля были гладко закрыты цементом, а сторона С, обращенная к глухому каменному забору и почти соприкасающаяся с ним, оказалась совсем недоступна для осмотра. Чтобы более конкретно зафиксировать местонахождение этого памятника, я спросила у хозяина точный адрес его дома. Мой вопрос явно поставил его в тупик — видимо, в деревне, пусть даже и такой большой, как Йарышлы, адрес кажется излишним, — но на помощь к нему пришел мухтар и назвал мне следующий адрес: Burdur caddesi (Проспект Бурдура) 7/9.

Второй камень с оракулом по пяти астрагалам был найден в 1850 г. немецким исследователем Африки Генрихом Бартом в центре Адалии, древней **Аттали**²⁵. Этот камень был использован при строительстве дома на одной из улочек возле гавани, причем он был вделан в стену не вертикально, а боком и очень высоко от земли. Для его копирования Барту пришлось неоднократно подниматься

²⁵ Современный город Анталья.

и спускаться по длинной приставной лестнице, в результате чего он, к своему искреннему сожалению, был вынужден отказаться от идеи сделать полноценную копию надписи, которая была, с его точки зрения, еще вполне читаема, если вооружиться определенной выдержкой и приложить достаточные усилия²⁶. О жанре изданной им, хотя и частично, надписи Барт никаких соображений высказывать не стал.

В 1874 г. новую копию этой надписи сделал и опубликовал Густав Хиршфельд, но, несмотря на то что эта копия уже была полной, сам Хиршфельд оценил ее как «приблизительную», поскольку из-за плохого состояния надписи и большого количества лигатур он испытывал реальные сложности при ее копировании и не был уверен в правильной передаче многих мест²⁷.

Однако хотя копия Хиршфельда и страдала от многочисленных неточностей, она отразила всю сохранившуюся на камне в Адалии надпись — а общий ее объем составил десять оракульных строф, — и это позволило Георгу Кайбелю с присущей ему пронизательностью точно определить жанровую принадлежность этой надписи и описать принцип действия оракула по астрагалам. В изданной в 1876 г. статье «Оракул по костям»²⁸ Кайбель подробно разбирает структуру каждого изречения. Он подчеркивает, что предваряющие прорицание цифровые данные с отсутствующими там «двойками» и «пятерками» однозначно указывают на использование для получения прорицания не кубиков, а астрагалов. Затем он обращает внимание на то, что в надписи из Адалии представлены суммы бросков от 22 очков до 26. Сумма из 22 очков может получиться только при трех комбинациях астрагалов (либо 1+6+6+6+3, либо 4+4+4+4+6, либо 4+3+3+6+6), и именно такие броски связаны с первыми тремя изречениями в надписи из Адалии. Для сумм из 23, 24 и 25 очков существует только по две комбинации астрагалов, и, соответственно, все эти шесть бросков следуют в надписи под номерами от 4 до 9. И, наконец, сумму из 26 очков дает лишь одна комбинация астрагалов, и этот бросок с принадлежащим ему изречением оказывается в надписи последним.

Выявив эту строгую последовательность в расположении бросков, Кайбель приходит к выводу о том, что в надписи из Адалии

---

²⁶*Bart H.* Auf Reisen durch Küstenlandschaften des Mittelmeeres gesammelte Inschriften // Rheinisches Museum für Philologie. VII. 1850. S. 250–251.

²⁷*Hirschfeld G.* Vorläufiger Bericht über eine Reise im südwestlichen Kleinasien // Monatsbericht der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. November 1874. Berlin, 1875. S. 715.

²⁸*Kaibel G.* Ein Würfelorakel // Hermes. X. 1876. S. 193–202.

сохранилась лишь часть имевшегося в распоряжении жрецов полного оракульного цикла. После этих десяти изречений должны были идти еще три изречения, суммы бросков которых составляли 27, 28 и 30 (из-за отсутствия у астрагалов «двоек» и «пятерок» сумма пяти астрагалов никогда не могла равняться 6 и 29), а изречения с суммами бросков от 5 до 21 (исключая 6) должны были располагаться перед ними. И тут Кайбель допускает одну досадную ошибку — при подсчете общего количества возможных вариантов бросков он получает результат 53, а не 56. Подробно расписывая, сколько комбинаций соответствует каждой сумме, он дает для сумм 15, 16 и 17 лишь по три возможных броска, в то время как на самом деле их оказывается по четыре. Но поскольку сами броски по отдельности Кайбель не расписывает, то сказать, какие три броска конкретно он не учел, не представляется возможным. Правда, уже в последующих публикациях Кайбель исправляет эту ошибку и с уверенностью пишет о 56 изречениях²⁹.

Не имея ни малейшего представления о существовании оракульных колонн — ведь три стороны колонны из Адалии были замурованы в стене, — Кайбель, тем не менее, по расположению десяти изречений вместе на одной поверхности камня, на которой должны были, по его мнению, быть и оставшиеся три прорицания, определяет, что весь цикл занимал четыре таких каменных доски. Сейчас мы знаем, что это были четыре стороны одной колонны.

В 1884/1885 г. надпись из Адалии осматривал Эуген Петерсен³⁰, а в 1891 г. Адольф Вильгельм сделал с нее эстампаж, который сейчас хранится в Вене³¹. В 1910 г. Артур Вудворд счет необходимым опять обратиться к тексту этой надписи и издать ее новую копию, поскольку обнаруженные к тому времени другие памятники с оракулом по пяти астрагалам позволили прояснить чтение многих прежде непонятных мест³². Однако после Вудворда никто из ученых этот камень больше не изучал, и его дальнейшую судьбу проследить не удастся.

Третий камень с оракулом по пяти астрагалам был обнаружен в 1882 г. Эугеном Петерсеном и Феликсом фон Лушаном в Кабалиде

²⁹Epigrammata Graeca ex lapidibus conlecta / Ed. G. Kaibel. Berolini, 1878. P. 455. *Kaibel G.* Inschriften aus Pisidien // Hermes. XXIII. 1888. S. 533.

³⁰*Lanckoroński K.G.* Städte Pamphyliens und Pisidiens / Unter Mitwirkung von G. Niemann und E. Petersen. Prag; Wien; Leipzig, 1890. Bd. I. S. 154, n. 4^a.

³¹*Nollé Jo.* Kleinasiatische Losorakel. S. 92.

³²*Woodward A.M.* Notes on some Greek Inscriptions, mainly in Athens // JHS. XXX. 1910. P. 260–262.

на кладбище возле турецкой деревни **Козагач**, расположенной в 8 км к югу от озера Сёйют. В древности на этой земле, принадлежавшей городу Бальбуры, находился небольшой городок **Тирией**³³. Найденный памятник представлял собой монолитную колонну из местного известняка с верхним и нижним профилем. Надпись была достаточно сильно выветрена: на стороне А частично сохранились строки вступления и восьми изречений, на стороне В — неполные два изречения, а на стороне С — фрагмент одного изречения. Описывая эту надпись в вышедшем через 7 лет отчете об экспедиции — а к этому моменту стали известны и еще новые камни с оракулом по пяти астрагалам, — Петерсен и Лушан уверенно подтверждают выводы Кайбеля о назначении и способе использования подобных надписей и о существовании в этой системе прорицания 56 оракульных строк.

В конце сентября — начале октября 1894 г. камень из Козагача осмотрели Эрнст Калинин и Рудольф Хэбердей. Они также сделали эстамп надписи, который впоследствии был утрачен³⁴. В 1975 и 1976 гг. Тирией изучал Кристиан Наур. Ему удалось найти колонну с оракулом, которую местные жители сочли возможным использовать в качестве строительного материала при возведении ограды кладбища. В результате этого она оказалась замурованной в стену как бы лежа на боку и, соответственно, недоступной для полного исследования: Наур смог сделать фотографии и эстамп только стороны А³⁵.

Четвертый камень с оракулом по пяти астрагалам увидел в 1884 г. Жорж Кузен в турецком городке **Тефенни**, раскинувшимся на том месте, где в древности жил народ ормелов, главный город которых, как полагает Згуста, мог называться *Ορμηλα*³⁶ — **Ормелы**. Эта колонна находилась, согласно Кузену, «во дворе *Mussafir-oda*», что, скорее всего, является неточным написанием *Misafir odası* — «Комната для гостей», возможно, «Постоялый двор». При строительстве дома этот блок превратили в основание для одного из

³³ *Petersen E., Luschan F. von. Reisen in Lykien, Milyas und Kibyrtis // Reisen im südwestlichen Kleinasien. Bd. II. Wien, 1889. S. 174–176.*

³⁴ *Heberdey R., Kalinka E. Bericht über zwei Reisen im südwestlichen Kleinasien, ausgeführt im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften // Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Classe. Wien, 1897. Bd. 45. S. 10.*

³⁵ *Naour Ch. Tyriaion en Cabalide: Épigraphie et géographie historique. Zutphen, 1980. P. 22–36.*

³⁶ Не владея точной информацией, Згуста не определяет у этого названия ни тип придыхания, ни место и вид ударения: *Zgusta L. Kleinasatische Ortsnamen. Heidelberg, 1984. S. 445, § 944.*

столбов, в результате чего недоступными для копирования без причинения вреда дому оказались вкопанная в землю нижняя часть оракульной колонны и обращенная к стене сторона D. Еще один камень с фрагментом стороны D был вделан в стену одного из соседних домов³⁷.

8 июня 1884 г. в Тефенни встретились Стерретт и Рамсей со Смитом и в течение трех дней вместе занимались копированием надписей, среди которых была и оракульная колонна. Стерретт пишет, что она служила основанием деревянного столба, поддерживавшего портик в доме Мехмет Бея. Из-за мучавшей его тогда лихорадки Стерретт не мог лежать на животе, опустив голову вниз, и поэтому начало стороны A он доверил копировать Смигу. Сторону B копировал Рамсей, а сторону C — сам Стерретт³⁸.

В 1897 г. в Тефенни побывали Юлиус Ютнер и Рудольф Хэбердей, которые тоже уделили время копированию надписи с оракульной колонны и сделали с нее эстампажи. Однако новые публикации текста этой надписи ими подготовлены не были, и лишь почти восемьдесят лет спустя Юджин Лейн обнаружил в «Комиссии по Малой Азии» Австрийской Академии наук тетради с рабочими записями Ютнера, где имелась прежде никогда не издававшаяся полная копия стороны D. Часть этой копии была им в дальнейшем опубликована³⁹.

Летом 1984 г. во время своего короткого посещения Тефенни Нолле хотел лично осмотреть колонну с оракулом, но найти ее, к сожалению, ему не удалось. Эта же неудача постигла и Алана Холла, изучавшего в 1984 и 1985 гг. земли Кибиратиды⁴⁰.

С сентября по ноябрь 1884 г. и с конца июля по ноябрь 1885 г. австрийские ученые под руководством Карла Ланкоронски исследовали руины городов Писидии и Памфилии, где ими были обнаружены еще две колонны с оракулом по пяти астрагалам — то есть **пятая** и **шестая** по общему счету. В Сагалассе фон Лушан обратил внимание на то, что у стены, которая отходит от дорического храма в антах — он расположен над верхней агорой за византийской базиликой и булеветерием — сначала на восток, а потом поворачивает на север, косяк дверного проема был сделан из камня, служившего

³⁷ *Cousin G.* Inscription d'Ornellé de Phrygie // BCH. VIII. 1884. P. 496–508.

³⁸ *Sterrett J.R.S.* An Epigraphical Journey in Asia Minor / Papers of the American School of Classical Studies at Athens. Vol. II. 1883–1884. Boston, 1888. P. 79–90, Nos. 56–58.

³⁹ *Lane Eu.N.* Corpus monumentorum religionis dei Menis (CMRDM). IV. Supplementary Men-Inscriptions from Pisidia / Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain. T. 19. Leiden, 1978. SEG 31: 1285.

⁴⁰ *Nollé Jo.* Kleinasiatische Losorakel. S. 42.

некогда оракульной колонной. Петерсон сделал эстампаж той части надписи, которая не была засыпана землей⁴¹.

В 1984 г. эту колонну более тщательно изучил Нолле. Он отметил, что при вторичном использовании колонна лишилась верхнего и нижнего профиля, а также в результате обработки камня была полностью уничтожена надпись на сторонах С и D. Нолле откопал, насколько это было возможно, скрытые землей части надписи на сторонах А и В и сделал новый эстампаж⁴².

С 1990 г. в Сагалассе ведут раскопки и частичную реставрацию бельгийские археологи из Католического университета Лёвена под руководством Марка Велькенса. Восстанавливая идущую от дорического храма стену, они заменили колонну с оракулом на повторяющий ее форму новый камень, поэтому во время моего посещения Сагаласса 6 июля 2012 г. мне не посчастливилось увидеть этот памятник.

Вторая колонна была найдена экспедицией Ланкоронски в **Термессе** рядом с храмом, возведенным к западу от одеона на возвышении возле агоры. Хотя надпись на стороне В оказалась полностью уничтожена, остальные 40 изречений были вполне читаемы, и Петерсен их скопировал⁴³. В 1899 г. этот камень вновь подробно изучил и сделал прориси надписи Хэбердей, работавший над собранием надписей Термесса⁴⁴. Однако, когда в Термессе 13 сентября 1984 г. приехал Нолле, текст надписи был настолько выветрен, что проверить копию Хэбердея уже не представлялось возможным⁴⁵.

Также в Термессе на стене возле северных городских ворот был вырезан текст оракула по семи астрагалам, часть которого сохранилась и была скопирована Петерсеном⁴⁶, а затем Хэбердеем⁴⁷.

Седьмой памятник с оракулом по астрагалам оказался весьма необычным. Это была не привычная прямоугольная колонна, а четыре отдельных вогнутых мраморных блока с текстом прорицаний, вырезанным на их внутренних сторонах, причем отдельными колонками. Внешняя сторона каждого блока была тщательно обработана, что свидетельствует о том, что эти блоки стояли отдельно

⁴¹*Lanckoroński K.G.* Städte Pamphylens und Pisidiens. Bd. II. S. 139, 220–222. № 180.

⁴²*Nollé Jo.* Kleinasiatische Losorakel. S. 54–58.

⁴³*Lanckoroński K.G.* Städte Pamphylens und Pisidiens. Bd. II. S. 51–52, 220–222. No 180.

⁴⁴Tituli Pisidiae linguis Graeca et Latina conscripti. Fasc. 1. Tituli Termessi et agri Termessensis / Ed. R. Heberdey // Tituli Asiae Minoris. Vol. III. Wien, 1941. P. 22–33. No 34.

⁴⁵*Nollé Jo.* Kleinasiatische Losorakel. S. 77–84.

⁴⁶*Lanckoroński K.G.* Städte Pamphylens und Pisidiens. Bd. II. S. 62, 222–223. No 181.

⁴⁷ТАМ III 1, 35.

от какой-либо другой постройки, образуя круг, в который вопрошавший оракул человек должен был войти, чтобы совершить там бросок и прочесть одно из окружавших его изречений.

Первый из этих блоков был обнаружен в 1885 г. Стерреттом в деревне **Ордекчи**, расположенной к северу от северного берега озера Бейшехир, античной Каралиды. В эту деревню блок с надписью когда-то привезли местные жители из лежащих неподалеку руин древнего писидийского поселения **Анабуры**. На этом камне были вырезаны последние 14 оракульных строф, и, следовательно, это был четвертый блок всего комплекса. Стерретт сделал копию и прорисовал текст оракула, а также расположенных по бокам посвященных надписей, которые потом были им опубликованы⁴⁸.

Второй блок этого оракульного комплекса был найден в 1934 г. в той же деревне Ордекчи Уильямом Калдером, но вырезанные на нем строфы с 15 по 28 уже так сильно пострадали от времени, что разобрать их было практически невозможно. Поэтому Калдер ограничился лишь копированием посвященной надписи⁴⁹.

В сентябре 1984 г. Нолле смог вновь найти в Ордекчи блок № 4, однако за прошедшее столетие надпись пришла в столь плачевное состояние, что полностью проверить текст оракула, изданный Стерреттом, Нолле не смог. Попытки обнаружить блок № 2 вообще не увенчались успехом. Зато среди руин Анабур один местный искатель сокровищ показал Нолле никем прежде не изученный блок № 3, надписи которого, правда, тоже были сильно выветрены⁵⁰.

Восьмая надпись с оракулом по пяти астрагалам была вырезана на колонне, которую нашел в 1892 г. Эдуард Хула. Эта колонна лежала среди руин небольшого античного города, расположенного на высоком холме возле деревни **Сараджык**. Название этого города долгое время оставалось для ученых загадкой, и только после того как в 1994 г. в Патарах были найдены вторично использованные при строительстве византийской стены блоки, принадлежавшие высокой прямоугольной колонне, воздвигнутой в Патарах в 45 г. в честь императора Клавдия, и была прочитана вырезанная на них надпись, представлявшая собой подробное описание всех ликийских дорог с указанием расстояний между городами — этот документ был назван *Stadiasmus Patarensis*, — стало известно, что этот небольшой город, лежавший на землях Термесса, назывался **Китанавры**. Хула сделал эстампаж найденной им надписи, хотя только на двух сторонах колонны ее текст еще не был окончательно ис-

⁴⁸ Sterrett J.R.S. The Wolfe Expedition. P. 206–214. № 339–342.

⁴⁹ MAMA VIII 391.

⁵⁰ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 33–40.

порчен выветриванием. В конце мая 1895 г. эту колонну изучили Хэбердей и Калинка. Хэбердей сделал новую копию вырезанной на ней надписи, которая впоследствии была издана Калинкой⁵¹.

В мае 1911 г. колонну с оракулом из Сараджыка исследовали Генри Ормерод и Эдвард Робинсон, которые, зная о том, что до них эту надпись копировали Хула и Хэбердей, были озадачены тем, что к тому моменту она еще не была опубликована⁵². 25 сентября 1984 г. приехавший в Сараджык Нолле сделал новый, причем латексный эстампаж этой надписи, отметив, что от вполне читаемой в конце XIX в. стороны С сейчас даже латекстный эстампаж позволяет различить лишь отдельные буквы⁵³. К сожалению, во время моего посещения Китанавр 7 августа 2012 г. найти эту колонну с оракулом мне не удалось. Возможно, ее увезли в запасники музея Антальи, но точных сведений у меня нет.

Два скромных фрагмента **девятого** оракула по пяти астрагалам были найдены и скопированы в 1893 г. в деревне **Эскихисар**, расположенной возле руин крупного фригийского города **Лаодикийна-Лике**. Оба эти фрагмента были вырезаны не на колонне, а на отдельных плитах то ли из серого известняка, то ли из мрамора и содержали всего по три оракульных строфы. Толщина плит, а также одинаковые сильно аспицированные буквы свидетельствуют о том, что эти плиты принадлежали одному памятнику. Первый фрагмент обнаружил Вольфганг Райхель, а второй — Вильгельм Кубитшек. Однако сделанные ими копии сразу изданы не были и долгие годы хранились в альбомах для зарисовок этих ученых, пока лишь в 1997 г. их не опубликовал Томас Корстен, который во время своего изучения Лаодикии-на-Лике не смог снова найти эти плиты с оракулом и был вынужден опираться на копии столетней давности⁵⁴.

Десятью надписей с оракулом по пяти астрагалам обнаружили в начале июня 1911 г. Ормерод и Робинсон в небольшом античном поселении возле современной деревни **Инджик** на территории, принадлежавшей в древности городу Перге⁵⁵. Эта колонна стояла в северо-западной части руин возле большого здания с апсидой, которое было, вероятно, византийский церковью. Нижняя, покрытая

⁵¹ *Heberdey R., Kalinka E.* Bericht über zwei Reisen. S. 36. TAM II 3, 1222.

⁵² *Ormerod H.A.* A New Astragalos-Inscription from Pamphylia // JHS. XXXII. 1912. P. 271, n. 3.

⁵³ *Nollé Jo.* Kleinasiatische Losorakel. S. 84–91.

⁵⁴ *Corsten Th.* Die Inschriften von Laodikeia am Lykos. Teil 1. Die Inschriften // IGSK. Bd. 49. Bonn, 1997. S. 136–140. № 69. *Nollé Jo.* Kleinasiatische Losorakel. S. 31–33.

⁵⁵ *Ormerod H.A.* A New Astragalos-Inscription. P. 270–276.

землей часть камня сохранилась лучше, а верхняя часть и особенно лежавший тогда рядом верхний профиль сильно пострадали от пожара, случившегося в тех местах приблизительно за 10 лет до приезда исследователей. Имевшаяся у Ормерода и Робинсона бумага для изготовления оттисков промокла в болотах Ксанфа и пришла в негодность, что лишило ученых возможности сразу сделать хороший эстампаж. Поэтому Ормерод, получивший легкий солнечный удар и вынужденный из-за этого вернуться в Адалию, ограничился тем, что частично скопировал западную и южную сторону колонны.

До конца июля у Ормерода не было возможности снова посетить Инджик, а когда он, наконец, все же смог туда приехать, он обнаружил, что камень с прорицаниями разбит пополам, а его поверхность серьезно повреждена. Это, безусловно, было делом рук охотников за сокровищами, которым показалось подозрительным особое внимание к этому камню со стороны приехавших европейцев. Не отступив перед столь усложнившейся задачей и понимая, что из-за ухода кочевников, у которых он останавливался во время своего первого визита, он не сможет задержаться здесь более чем на одну ночь, Ормерод сделал оттиски всей сохранившейся надписи, а также попытался, насколько было возможно, еще и скопировать ее текст. Сделано это было, как впоследствии оценил Нолле, с большой точностью и тщательностью⁵⁶.

Сам Нолле посетил руины возле Инджика 12 сентября 1984 г., но никаких фрагментов или следов колонны с оракулом ему обнаружить не удалось⁵⁷. Поэтому издание Ормерода остается единственным свидетельством об этом, видимо, утраченном памятнике.

Собранный и изданный к началу XX в. исследователями-путешественниками материал оказался вполне достаточным для комплексного изучения и обобщения, чему была посвящена вышедшая в свет в 1912 г. работа Франца Хайнефеттера «Оракулы по жребиям и буквам в Греции и Малой Азии»⁵⁸. Хайнефеттер поставил перед собой задачу путем последовательного и детального сравнительного анализа текстов надписей реконструировать, насколько это вообще было возможно, прототип, к которому восходили все семь исследуемых им вариантов оракула по пяти астрагалам. О еще не опубликованных к тому времени надписях из Китанавр, Лаодикии-на-Лике и Инджика Хайнефеттер не знал и, соответственно, не смог привлечь их к своему исследованию.

⁵⁶ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 96.

⁵⁷ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 95–101.

⁵⁸ Heinevetter Fr. Würfel- und Buchstabenorakel in Griechenland und Kleinasien. Breslau, 1912.

Следующие десятилетия не подарили ученым ни одного нового камня с оракулом по пяти астрагалам, если не считать блок № 2 из Анабур, а когда новые находки все же были сделаны, они почему-то остались неопубликованными.

В 1948 г., изучая античные памятники в деревнях на равнине между озером Бурдур и озером Эйирдир, Луи и Жанна Робер нашли и скопировали два небольших фрагмента оракула по пяти астрагалам: один — в деревне Аскерийе, расположенной в 8 км к северо-востоку от города Бурдура, другой — в деревне Йарыкёй, лежащей в 2 км от южного берега озера Бурдур (в античности озеро Аскания)⁵⁹. Впоследствии Робер периодически упоминал о факте этих находок в своих работах⁶⁰, но в силу каких-то причин так никогда их и не издал.

Однако когда Нолле начал работу над созданием свода всех известных надписей с оракулом по пяти астрагалам, Робер любезно предоставил в его распоряжение свой рабочий альбом с копиями этих двух надписей, благодаря чему они почти через шестьдесят лет спустя все же были опубликованы. Сам Нолле не предпринимал попыток найти эти памятники и ограничился при их издании информацией, полученной от Робера.

8 июля 2012 г. уже под вечер мне удалось ненадолго заехать в деревни Аскерийе и Йарыкёй. Среди нескольких античных памятников, увиденных мною на улицах Аскерийе, блока с оракулом, конечно же, не было. Поэтому судьба **одинадцатого** фрагмента оракула по пяти астрагалам остается для нас неизвестной. Зато во дворе перед зданием администрации деревни Йарыкёй среди выложенных на лужайке в ряд двенадцати античных артефактов я, к своему полному удивлению, обнаружила камень, который когда-то копировал Робер (рис. 11). Это была верхняя часть мраморной оракульной колонны, отпиленная при вторичном использовании. Со стороны спила в ней было выдолблено углубление, в результате чего колонна с оракулом превратилась в домашнюю ступку. Две ее стороны были сильно повреждены, и от их части надписи ничего не осталось. А на двух других сторонах несколько строк оракула читались очень хорошо. Несмотря на то, что Робер упоминал о «двойном фрагменте оракула по костям», в руках Нолле почему-то оказался и, соответственно, был издан текст только одного фрагмента, а именно сохранившаяся

⁵⁹Robert L. Hellenica. Recueil d'Épigraphie de Numismatique et d'Antiquités Grecques. Vol. XI-XII. Paris, 1960. P. 596.

⁶⁰См., например: Robert L. Monnaies grecques de l'époque impériale // R.N. VI. 18. 1976. P. 39, n. 67.

Рис. 11. Верхняя часть оракульной колонны из Такин в деревне Йарыкёй.
Фото автора

часть стороны D. Сделанные мною фотографии позволили мне в дальнейшем издать маленький фрагмент, оставшийся на стороне С⁶¹ (рис. 12).

---

⁶¹*Приходько Е.В.* Новый поворот в судьбе оракула по астрагалам из деревни Йарыкёй // *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории.* IX. 2014. С. 58–95.

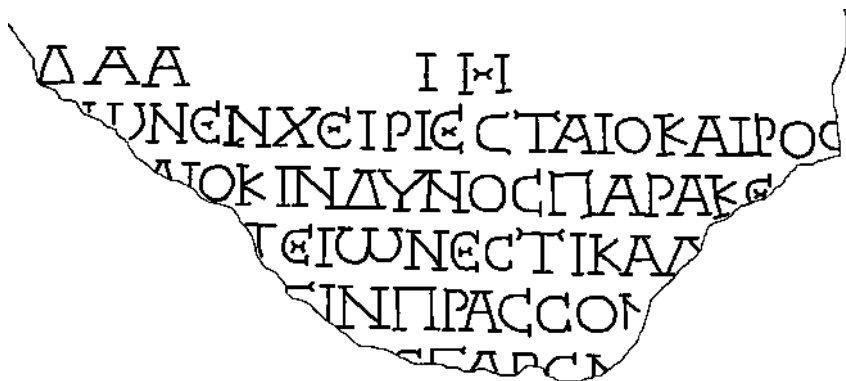

Рис. 12. Надпись со стороны С верхней части оракульной колонны из Такин

Однако работа над этим материалом привела меня к очень неожиданному и при этом весьма аргументированному заключению: верхняя часть оракульной колонны из Йарыкёй и нижняя часть оракульной колонны из Йарышлы принадлежат некогда единому мраморному блоку, судьба центральной части которого на данный момент, к сожалению, не прослеживается. Поэтому фрагмент оракула по пяти астрагалам из Йарыкёй не следует считать отдельным памятником, как это делает Нолле, а правильнее вместе с блоком из Йарышлы называть оракулом по пяти астрагалам из Такин. Кстати, 17 июля 2014 г., когда, проезжая мимо, я попросила водителя на несколько минут завернуть в Йарыкёй, верхней части оракульной колонны там уже не было. После того внимания, которое привлек к ней мой первый визит, ее перевезли в запасники археологического музея Бурдура.

Двенадцатый оракул по пяти астрагалам был вырезан на колонне, которую в 1958 г. нашли среди руин города **Простанны**, лежащего на горе Даврас Дагы над современным городом Эйирдиром, М. Вэлленс и А. Холл. Холл сфотографировал эту колонну, но сам не стал готовить издание этой надписи и отдал все свои материалы Нолле, который не попытался найти и лично изучить этот памятник и, ограничившись сведениями, полученными от Холла, опубликовал, тем самым, только часть стороны В (строфы с 19-й по 26-ю)⁶².

14 июля 2012 г. я поднялась к руинам Простанн — оставшиеся от этого города отдельные каменные блоки сейчас находятся на территории военной базы, и знакомство с ними могло закончить-

⁶²Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 52–54.

Рис. 13. Оракульная колонна из Простанн.
Фото автора

Рис. 14. Оракульная колонна из Простанн.
Фото автора

ся крупными неприятностями, — но колонны с оракулом там не оказалось. На следующий день мои труды все же были вознаграждены, и я узнала эту колонну по представленной у Нолле фотографии Холла на заднем дворе археологического музея Ыспарты — никакой таблички, объясняющей происхождение этого памятника и содержание его огромной надписи, рядом не было (рис. 13–14). Разбитую на несколько частей колонну скрепили цементом, причем, насколько я могу судить при самом беглом осмотре музейного экспоната, нижний профиль был приделан неправильно: под опубликованной у Нолле частью стороны В на нижнем профиле хорошо читаются два последних стиха 42-й строфы, которой у других оракульных колонн заканчивается сторона С. Никакой информации о публикации полного текста надписи, вырезанной на этой колонне, мне найти не удалось, так что, скорее всего, он до сих пор не издан.

Тринадцатый памятник с оракулом по пяти астрагалам был найден Джоржем Бином и Теренсом Митфордом в Киликии при посещении 12–13 июня 1962 г. города **Антиохия-у-Крага**. Надпись была вырезана на трех больших каменных блоках, принадлежавших стене храма. Но сохранились только первые два из этих блоков, третий блок обнаружить не удалось⁶³. В 1984 г. эту надпись снова нашел и изучил Нолле, сделав при этом эстампаж⁶⁴. Однако оракул из Антиохии-у-Крага принципиально отличается по содержанию от текста всех остальных оракульных колонн и явно восходит к другому прототипу.

1 августа 1966 г., продолжая свои путешествия по Киликии, Бин и Митфорд нашли в 6 км от Аланьи в крепости **Синек Калеси**, где в древности, судя по всему, находился упоминаемый у Страбона (XIV 5, 3) город **Гамаксия**, маленький, всего в неполные три строфы фрагмент **четырнадцатого** оракула по пяти астрагалам, вырезанный на известняковом блоке⁶⁵. Однако, когда Нолле захотел лично осмотреть этот камень, обнаружить его он не смог⁶⁶.

В 1968 г. Фридель Шиндлер нашел в писидийском городе Сельге три обломка тонких мраморных плит с фрагментами оракула по

⁶³ *Bean G.E., Mitford T.B. Journeys in Rough Cilicia in 1962 and 1963 // Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Denkschriften. Bd. 85. Wien, 1965. P. 37–41. No 43.*

⁶⁴ *Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 192–211.*

⁶⁵ *Bean G.E., Mitford T.B. Journeys in Rough Cilicia 1964–1968 // Österreichische Akademie der Wissenschaften Philosophisch-Historische Klasse. Denkschriften. Bd. 102. Wien, 1970. P. 80. № 53.*

⁶⁶ *Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 101–103.*

Рис. 15. Оракульная колонна из Кремны. Фото автора

семи астрагалам, которые он доставил в археологический музей Анталы и позже вместе с Нолле издал в собрании надписей Сельги⁶⁷.

С 15 по 27 октября 1970 г. турецкие археологи под руководством Жале Инан провели первичные археологические работы в писидийском городе **Кремне**, расположенном возле деревни Чамлык в 15 км от города Буджак⁶⁸. В 1971 г. эти работы были продолжены. На форуме Адриана перед западной колоннадой лежала колонна с **пятнадцатым** оракулом по пяти астрагалам, которая, бесспорно, была найдена *in situ*. Также сохранились и ее нижний и верхний профили, сделанные из отдельных каменных блоков. Турецкие археологи подняли эту колонну и поставили ее на прежнее место. В 1985–1987 гг. в Кремне работала команда археологов во главе со Стивенем Митчеллом, который вместе с Грегом Хорсли подготовил издание найденных надписей, среди которых была представлена и надпись с оракулом⁶⁹.

⁶⁷ Nollé Jo., Schindler F. Die Inschriften von Selge // IGSK. Bd. 37. Bonn, 1991. S. 72–75. No 4; Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 217–220.

⁶⁸ Inan J. 1970 Kremna kazısı raporu // Türk Arkeoloji Dergisi. XIX. Cilt 2. 1970. S. 51–97.

⁶⁹ Horsley G.H.R., Mitchell S. The Inscriptions of Central Pisidia // IGSK. Bd. 57. Bonn, 2000. P. 22–38. № 5.

Однако приехавший в Кремну в 2001 г. Нолле обнаружил колонну опрокинутой и поврежденной⁷⁰. Во время моего посещения Кремны 9 июля 2012 г. колонна с оракулом лежала на боку среди других хаотично разбросанных больших каменных блоков, которые плотно покрывали небольшой склон, начинающийся за форумом Адриана (рис. 15). Оба ее профиля валялись отдельно. Упала колонна на сторону А, сохранность которой и без того была самой плохой, причем упала не на землю, а на другие камни. Поэтому нетрудно представить себе, каким дополнительным повреждениям подверглась надпись этой колонны, возраст которой без малого составляет две тысячи лет. А ведь в целом колонна из Кремны — один из самых лучших по сохранности памятников с оракулом по пяти астрагалам и вполне заслужила более бережного обращения.

10 сентября 1984 г., как уже было сказано, Нолле увидел в **Ададах** колонну с **шестнадцатым** оракулом по пяти астрагалам. Этот памятник по своей полноте и сохранности превзошел все остальные оракульные колонны и даже колонну из Кремны. И хотя Нолле сразу же произвел всестороннее изучение вырезанной на этой колонне надписи и сделал эстампаж, опубликована она была лишь в 2007 г.

Маленький фрагмент **семнадцатого**, последнего из известных на данный момент памятников с оракулом по пяти астрагалам, был опубликован в 1999 г. Сенсером Шахином в корпусе надписей памфилийского города **Перги**⁷¹. К сожалению, точной даты обнаружения этой надписи Шахин не сообщает. Известно, что с предложением подготовить издание надписей Перги обратилась к Шахину в 1986 г. Жале Инан, которая предоставила в его распоряжение все имевшиеся к тому времени копии и эстампажи надписей Перги, хранившиеся у нее в Стамбуле, и в 1987 г. Шахин приехал в Пергу, чтобы начать работу над этим собранием⁷². Была ли копия надписи с оракулом в полученных Шахином материалах, или он первым обнаружил этот камень, сказать трудно. Но, в любом случае, он лично его исследовал и сделал фотографии. Найденный камень представлял собой верхний профиль колонны, но, судя по сохранившимся на нем отрывкам текста, надпись была вырезана не на всех четырех сторонах этой утраченной колонны, а только на двух — передней и задней. Колонна эта некогда украшала центральную улицу города, посередине которой был проложен канал для воды.

⁷⁰ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 68–77.

⁷¹ Şahin S. Die Inschriften von Perge. Teil I // IGSK. Bd. 54. Bonn, 1999. S. 243–245. No 205; Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 94–95.

⁷² Şahin S. Die Inschriften von Perge. S. X.

Там же в Перге Шахину в 1988 г. удалось найти и три крошечных фрагмента оракула по семи астрагалам⁷³.

Весь накопленный за полтора столетия материал — разбросанный по разным эпиграфическим изданиям или даже вообще не изданный — был собран вместе и каталогизирован уже неоднократно упомянутым немецким историком и эпиграфистом Йоганнесом Нолле, который в 2007 г. опубликовал фундаментальное исследование «Маллоазийские оракулы по жребиям. Прорицания по астрагалам и алфавитные прорицания оракульного ренессанса в период расцвета Империи». В распоряжении Нолле оказалось 18 надписей с оракулом по пяти астрагалам, 3 надписи с оракулом по семи астрагалам и 12 надписей с алфавитными оракулами. Все они датировались 120–210 гг. н. э. и принадлежали исключительно нескольким соседним областям Малой Азии, что дало Нолле основание ввести термин «южномаллоазийский оракул по астрагалам», которым он стремился подчеркнуть ограниченный характер распространения данного типа прорицания.

Во время своих поездок в Турцию Нолле старался лично сверить изданные его предшественниками тексты надписей с оригиналами, но это не всегда оказывалось возможным из-за того, что следы некоторых памятников были уже потеряны, а у других надписи выветрились до нечитаемого состояния. Оракулы из Йарыкёй, Аскерийе и Простанн Нолле опубликовал впервые, но по чужим материалам, и именно это стало уязвимым местом его труда. Если он когда-либо задумается о новом издании своего собрания, ему будет необходимо соединить оракулы из Йарышлы и Йарыкёй в один оракул из Такин, а также изучить и издать полностью надпись с колонны из Простанн.

Поскольку, кроме надписи со стены храма из Антиохии-у-Крага, все памятники представляют текст, явно восходящий к одному общему прототипу, Нолле предпринял попытку полностью реконструировать исходный текст оракула по пяти астрагалам. Однако как бы ни казалась заманчивой идея опубликовать с литературным переводом именно этот правильный и выверенный вариант, подобное издание стало бы одновременно вроде бы и переводом всех памятников, и в то же время — ни одного.

Похожий подход к решению этой проблемы лег в основу вышедшей в 2004 г. книги Костаса Дервениса «Гадание по астрагалам»⁷⁴. После достаточно объемного, но общего по содержанию вступления

⁷³Sahin S. Die Inschriften von Perge. S. 245–246. № 206; Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 220–221.

⁷⁴Δεσβέρης Κ. Η μαντεία των Αστραγάλων. Οι 56 αυθεντικοί χρησμοί των αρχαίων μαντείων. Αθήνα, 2004.

автор дает древнегреческий текст и перевод на новогреческий каждой оракульной строфы, причем на отдельном развороте, сопровождая их изображением выпавших в данном броске астрагалов. Однако остается непонятным, по какому принципу и из какого памятника Дервенис выбирает ту или иную строфу. И совсем грустно становится, когда в списке использованных надписей он дает только те надписи, которые были обнаружены до 1911 г., да еще к тому же не полностью, упуская оракулы из Китанавр и Лаодикеи-на-Лике и называя разными памятниками части оракула из Анабур–Ордекчи⁷⁵. Получается, что находки XX в. Дервенис вообще не учел.

Поэтому, чтобы не создавать такой безликий, оторванный от какого-либо конкретного памятника перевод, нами был выбран оракул по пяти астрагалам из Адад. Из 56 прорицаний эта надпись утратила только три строфы, которые были вырезаны на верхнем профиле: 1-ю, 15-ю (14-ю, если считать по нумерации реконструкции) и 43-ю. Правда, практически все строфы сохранились — с потерей нескольких отдельных строк — у оракула из Кремны. Однако там на сторонах С и D, то есть начиная с 29-й строфы, вообще отсутствуют строки с гекзаметрическим описанием броска (исключение составляет 33-я строфа). Поэтому не должно возникать сомнений в том, что при таком серьезном изъяне надпись из Кремны никоим образом не может быть признана более полной, чем надпись из Адад.

«Гермесов оракул по астрагалам» в системе мантического искусства

Прорицание по астрагалам, будучи одним из направлений мантического искусства, должно было закрепить за собой и конкретные мантические термины, которые могут оказать нам существенную помощь в определении того, к какому виду мантики относились сами эллины этот способ прорицания. На сохранившемся верхнем профиле оракульной колонны с центральной улицы Перги сверху более крупными буквами вырезано заглавие: Ἑρμοῦ ἀστραγάλουμαντ[εῖον] — «Гермесов оракул по астрагалам». Такое же начало реконструируется и для надписей из Китанавр и Сагалас-са⁷⁶. Получается, что наш современный термин «оракул по астрагалам» использует фактически то же самое слово, каким называли эти сборники прорицаний сами эллины, — «оракул».

В античной мантической традиции оракулом (τὸ μαντεῖον или τὸ χρηστήριον) первоначально называли рожденного Геей «вещего духа

⁷⁵ Δεσφβέρης Κ. Η μαντεία των Αστραγάλων. Σ. 52.

⁷⁶ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 55, 86, 94.

места». Это было анимистическое существо того же мира, что и гомеровские динамические проводники судьбы — керы и даймоны, племя которых, согласно Плутарху, находилось между богами и людьми и неким образом обеспечивало общение небожителей со смертными (Мог. 415 а (Def. Or. 10)). Связанный с местом своего рождения оракул, как правило, принадлежал какому-либо богу и помогал ему посылать смертным свои откровения. В дальнейшем оракулом стали называть также и «прорицалище», то есть не простое святилище, а «храм с живущим внутри него вещим духом места», и «прорицание, возведенное при посредничестве вещего духа места»⁷⁷.

К началу II в. н. э. в системе мантической терминологии уже не было той четкости и строгости в разграничении понятий, какую мы наблюдаем в классике. Многие термины либо утратили былую точность значения, либо вообще подверглись серьезным изменениям. Однако слово *μαντεῖον* оказалось одним из самых стойких терминов. Поэтому заглавие *Ἐρμῶ ἀστραγάλουμαντ[εῖον]* однозначно должно свидетельствовать о том, что в представлении людей, изготовивших и установивших такие оракульные колонны, бросками астрагалов руководило божество через своего вещего духа места.

Словом *μαντεῖον* могут определяться также и сами возвещаемые прорицания. В тексте оракула из Адад оно встречается трижды: «Боги явили эти прекрасные оракулы» (17, 4), «И по всем прочим оракулам для тебя всё хорошо» (12, 5; 29, 5). Обратим внимание на то, что, когда речь идет о возвещенных при помощи астрагалов прорицаниях, слово «оракул» всегда стоит во множественном числе, в то время как в заглавии из Перги — число единственное, поскольку выбором требующегося для каждого отдельного случая прорицания руководил один вещий дух, один оракул.

Для обозначения самих прорицаний используется, в соответствии с идущей с архаики устойчивой традицией, и слово *ὄρασις*. Его основное значение — «прорицание», то есть любое пророческое изречение независимо от внутримантической классификации, — бесспорно, позволяло назвать этим словом и прорицание, получаемое в результате броски астрагалов. Поэтому это слово появляется в тех пяти случаях, когда в тексте какого-либо изречения надо назвать само это изречение или дать его характеристику: «это прорицание к надежде» (34, 3), «это прорицание побуждает тебя поспешить» (43, 3), «страшное, бесполезное прорицание» (46, 5), «повинуйся прорицаниям Феба» (49, 3), «это прорицание возвещает» (53, 2).

⁷⁷ Подробно о том, какое представление вкладывали эллины в понятие «оракул», см.: *Пригодко Е.В.* Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах. М., 1999. С. 218–239, 294–295.

Кроме того, три раза встречается еще и слово ἡ μαντεία, причем во всех трех контекстах с эпитетом ἀγαθή. Первоначально это слово обозначало «высшее божественное знание», а затем — «откровение», поскольку откровение — это частица знания небожителей, посылаемая смертным. Каждое изречение оракула по пяти астрагалам вполне может быть признано откровением: «орел... являясь к благому откровению» (4, 3–4), «ты произносишь [то есть озвучиваешь, читая надпись] благое откровение» (36, 3), «Афродита... посылает благое откровение» (54, 3–4).

Однако возникает вопрос: Какому богу принадлежал оракул по пяти астрагалам? Ведь в традиционном античном представлении каждый оракул находился в подчинении у какого-то одного строго определенного божества. Сохранившиеся у некоторых надписей вступления свидетельствуют о том, что богом-хозяином оракула по пяти астрагалам был Гермес. Именно Гермес назван в заглавии оракула из Перги, и, согласно вступлениям к другим надписям, сама колонна, на которой был вырезан текст оракула, нередко служила постаментом для статуи Гермеса. Так, в Китанавах колонну с оракульными строфами и статуей Гермеса на ней воздвиг некий Гермей, явно стремившийся оказать особый почет богу, по имени которого он сам был назван: «[Оракул по астрагалам] Гермеса. Гермей, сын [...], на собственные средства посвятил и Гермеса, и то, что с ним связано»⁷⁸. Комментируя выражение «то, что с ним связано» — τὰ περὶ αὐτόν (букв.: то, что вокруг него), Ф. Граф высказывает предположение, что речь идет о столе для бросания астрагалов и сосуде с костями⁷⁹. Однако небезосновательно можно допустить и то, что окружающими статую Гермеса являются именно вырезанные по четырем сторонам колонны-пьедестала оракульные строфы, что, кстати, также было сделано на деньги Гермея.

На колонне из Кремны текст оракула предваряет написанное на латинском языке посвящение: «По поручению Луция Фабриция Лонга его жена Вибия Тация и его дочь и наследница Фабриция Луцилла посвятили Меркурия»⁸⁰, — из которого следует, что и в Кремне колонна с оракульными строфами служила пьедесталом для статуи Гермеса-Меркурия. Согласно сильно поврежденному вступлению к надписи из Сагаласса, там некто тоже воздвиг для города на свои собственные средства оракул по астрагалам и статую Гермеса⁸¹. Тогда, если статуя Гермеса возвышалась над колонной с

⁷⁸ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 86.

⁷⁹ Graf F. Rolling the Dice for an Answer. P. 74.

⁸⁰ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 70.

⁸¹ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 55.

Рис. 16. Горельеф с Гермесом из Адад в музее Ыспарты. Фото автора

прорицаниями, то человек, решивший прибегнуть к помощи оракула, совершал бросок астрагалов прямо перед лицом бога и как бы под его наблюдением и милостивым покровительством.

Мы не знаем, была ли установлена на оракульной колонне в Ададах статуя Гермеса. Но с уверенностью можно сказать, что жители города почитали этого бога. В археологическом музее Ыспарты выставлен привезенный из Адад мраморный блок с горельефом, изображающим Гермеса (до середины груди) (рис. 16). Голова бога немного повернута вправо, лицо строгое и задумчивое, а из-под круглой шапочки выбиваются локоны волос. Справа от Гермеса находится его жезл с двумя змеями.

«Гермесов оракул по астрагалам» из Перги некий Тит Флавий, вольноотпущенник императора, посвятил богам Императорам, Артемиде Перганской, Гермесу и народу⁸², и присутствие Гермеса в этом перечне должно объясняться именно тем, что он был богом-покровителем оракула, поскольку, в отличие от Артемиды Перганской, Гермеса в Перге не отличали особым почитанием. В 1-ой и 11-ой строфах оракула по пяти астрагалам дается совет умиловать Афродиту и сына Майады (или Майи), то есть Гермеса, а в

⁸²Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 94.

52-й строфе надписей из Кремны, Термесса, Китанавр, Атталии, Инджика и Анабур оракул обещает: «И будет у тебя всё, о чем ты вопрошаешь, вместе с Гермесом, сыном Зевса». Гермесу были посвящены три броска (26, 35 и 56). Это не выделяет его среди других божеств, поскольку Зевсу принадлежало семь бросков (1, 12 вместе с Афиной, 17, 18, 20, 30 и 34), Тюхе — четыре (6, 10, 19 и 43) и Даймону — четыре (5, 14, 16 и 31), Мойрам, как и Гермесу, — три (3, 37 и 44), Нике — три (7, 8 и 36) и Афине — три (2, 12 вместе с Зевсом и 47), а остальным богам — по два (Аполлону, Посейдону, Аресу, Гефесту, Афродите и Кроносу) или по одному. Однако именно Гермесу был посвящен самый высший бросок — пять шестерок.

И все же мы помним, как еще в гомеровском гимне к Гермесу, обещая научить Аполлона игре на кифаре, Гермес просил брата открыть ему пророческое знание. Аполлон сурово отверг эту просьбу, объяснив свой отказ тем, что владеть этим знанием не суждено никому из бессмертных богов, и лишь ему, Аполлону, после принесения нерушимой клятвы отец Зевс позволил узнавать судьбы, которые он замышляет. Однако, не желая расстроить брата, Аполлон отдал ему трех Фрий, живших у отрогов Парнаса, которые тоже были не чужды пророческому знанию, и, расспрашивая которых, Гермес мог услаждать свою душу (III 464–573).

Получается, что Гермес давно стремился обрести свое место в мантическом искусстве, но был вынужден отступить, наткнувшись на столь решительное противодействие Аполлона. А значит, и в случае с оракулом по астрагалам Гермес мог выступать лишь управляющим этим видом мантического искусства божеством, но никак не самостоятельным богом-прорицателем. Он был профетом⁸³ — то есть возвестителем воли, служителем — Аполлона, но только Аполлон почитался главным прорицающим божеством. И это подтверждает вступление к оракулу по семи астрагалам из Термесса (если принять чтение Хэбердея⁸⁴):

μουσο[λόγ], ὃ θ]εὸς Ἑρμῆς, Ἀπό[λλωνος ὑλοφῆτης,
χαῖρε, Διὸς κέ [Μαία]δ[ος ε]ὔλαλος παῖ, πομπ[αῖε],
αὐτὰρ ἐμοὶ χρησμ[οῖσι]ν ἐτήτυμα θέσφα[τα φαίνεις], —

«О служитель муз, бог Гермес, профет Аполлона,
радуйся, красноречивый сын Зевса и Майады, сопроводитель,
и мне открой в пророчествах истинные predetermined судьбы».

⁸³О значении терминов *проφήτης* и *ὑλοφῆτης* см.: *Приходько Е.В.* Двойное сокровище. С. 111–152.

⁸⁴ГАМ III 1, 35; *Nollé Jo.* *Kleinasiatische Losorakel.* S. 213.

Также и заглавие надписи из Тиреия свидетельствует о том, что Гермес возвещал пророчества Аполлона: *χρησμοὶ Ἀπόλλωνος Πυθίου ἐν δέντρ' ἀστραγάλαις ἐς τὸν Ἑρμῆν*⁸⁵, — «Прорицания Аполлона Пифийского посредством пяти астрагалов для Гермеса». Иными словами: Прорицания по пяти астрагалам, принадлежащие Аполлону и отданные им Гермесу для того, чтобы он мог использовать их для своих священнодейств. Во вступлении к алфавитному оракулу из Сыгырлыка Антиох и Бианор, учредители этого оракула, обращаясь с мольбой о покровительстве к Аполлону и Гермесу, но первым при этом они призывают, величая владыкой, именно Аполлона: *Δέσποτα Ἀπόλλων καὶ Ἑρμεία, ἡγεῖσθαι*, — «Владыка Аполлон и Гермес, предводительствуйте»⁸⁶.

В обращении-молитве, с которой начинается надпись из Антиохии-у-Крага, имена обоих этих богов также выступают вместе, друг за другом: «О Гермес, предсказывающий по жребиям (θηρίε), прорицания [.....] Аполлон Пифийский, всё дарующий, Делосец, Целитель, Феб, вещей (χρηστήριε), дай неложное откровение о том, что я замышляю, полезно ли оно и выгоднее ли»⁸⁷. Однако используемый здесь эпитет Гермеса *θηρίος* — «предсказывающий по жребиям» этимологически связан с именем парнасских нимф Фрий — *Φριαί*, а значит, никакой новой, более высокой ступени в сфере мантики Гермес так и не достиг, и его имя никогда не было по праву украшено таким эпитетом как *χρηστήριος* — «оракульный», «вещий», — столь органично соединявшимся с именем Аполлона (ср. *Hdt.* VI 80). Следует заметить, что и в посвященных Гермесу бросках стоящие при его имени эпитеты указывают на его помощь в торговых делах, а не на его пророческий дар: *Σωτήρ* — Спаситель (26), *Κερδέντορος* — Податель прибыли (35), *Τετράγωνος* — Четырехугольный (56), — в то время как из всех многочисленных эпитетов Аполлона выбраны именно те, которые лишний раз напоминают о его управлении Дельфийским оракулом — самым главным оракулом античного мира: *Δελφικός* — Дельфийский (24) и *Πυθίος* — Пифийский (49). Да и сами прорицания названы в одной из строф «звуком от дельфийского треножника» (25, 3), а в другой строфе раздается наставление: «Повинуйся прорицаниям Феба» (49, 3).

В зачине надписи из Антиохии-у-Крага есть также и отголосок традиционной формулы обращения к оракулу. Обычно люди спрашивали бога, «что делающим им будет выгоднее и лучше», и

⁸⁵ *Nollé Jo.* Kleinasiatische Losorakel. S. 51.

⁸⁶ *Nollé Jo.* Kleinasiatische Losorakel. S. 231–239; *Пригодько Е.В.* Адады. Часть 1. С. 201–206.

⁸⁷ *Nollé Jo.* Kleinasiatische Losorakel. S. 194.

получали точно так же сформулированный ответ: «Вам, поступающим так-то, будет выгоднее и лучше». Эта формула имеет разные варианты, но в ней обязательно должны присутствовать одно или два прилагательных в сравнительной степени — весьма часто используются $\lambda\acute{o}\iota\omicron\nu/\lambda\tilde{\phi}\omicron\nu$ («желательнее», «выгоднее») и $\acute{\alpha}\mu\epsilon\iota\nu\omicron\nu$ («лучше»), — а также указывающее на необходимое действие причастие в дательном падеже. Например, Ксенофонт рассказывает, что Ликург пришел в Дельфы и «вопросил бога, выгоднее и лучше ли будет Спарте ($\epsilon\acute{\iota} \lambda\tilde{\phi}\omicron\nu \kappa\alpha\acute{\iota} \acute{\alpha}\mu\epsilon\iota\nu\omicron\nu \epsilon\acute{\iota}\eta \tau\eta \Sigma\lambda\acute{\alpha}\rho\tau\eta$), повинующейся тем законам, которые он установил» (Лас. VIII 5). Или, что сам Ксенофонт совершил жертвоприношение Гераклу Путеводителю, вопрошая его, «выгоднее и лучше ли ($\lambda\tilde{\phi}\omicron\nu \kappa\alpha\acute{\iota} \acute{\alpha}\mu\epsilon\iota\nu\omicron\nu$) будет ему отправиться в путь вместе с оставшимися воинами [букв.: имеющему оставшихся воинов] или отделиться от них, и бог указал ему через жертвы, что следует отправиться вместе с ними» (Анаб. VI 2, 15). Плутарх упоминает дельфийское изречение о царской власти, согласно которому «лучше и выгоднее ($\acute{\alpha}\mu\epsilon\iota\nu\omicron\nu \kappa\alpha\acute{\iota} \lambda\acute{o}\iota\omicron\nu$) будет спартамцам, выбирающим царей из лучших граждан» (Lys. 26, 3). Надпись из Эпидавра сообщает, что «Исилл поручил Астилайду спросить в Дельфах о пеане, который он написал в честь Аполлона и Асклепия, лучше ли будет ему, вырезавшему [на мраморе] этот пеан ($\lambda\acute{o}\iota\omicron\nu \omicron\acute{\iota} \kappa\alpha \epsilon\acute{\iota}\eta \acute{\alpha}\gamma\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\omicron\nu\tau\iota \tau\omicron\nu \pi\alpha\acute{\iota}\alpha\nu\alpha$), и бог ему возвестил, что ему, вырезавшему этот пеан, будет лучше и сейчас, и в последующее время» (IG IV(2) 1, 128, 32–36).

Точно так же и в надписи из Антиохии-у-Крага обращение к богам заканчивается вопросом, полезно ли и выгоднее ли ($\lambda\tilde{\phi}\omicron\nu$) то, к чему стремится вопрошающий. Соответственно и некоторые ответы оракула по пяти астрагалам строятся с использованием этой формулы: «Дело, которым ты занят, не делай! Ведь это не лучше ($\omicron\upsilon \gamma\acute{\alpha}\rho \acute{\alpha}\mu\epsilon\iota\nu\omicron\nu$)» (3, 3), «Тебе, исполнившему обет, данный Даймону, будет лучше ($\epsilon\upsilon\chi\eta\nu \acute{\alpha}\lambda\omicron\delta\omicron\nu\tau\iota \sigma\omicron\iota \acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\iota \beta\acute{\epsilon}\lambda\tau\omicron\nu$)» (5, 3–4), «Это дело выполни полностью, ведь будет лучше ($\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\iota \gamma\acute{\alpha}\rho \acute{\alpha}\mu\epsilon\iota\nu\omicron\nu$)» (8, 3), «Ведь ни покупать, ни продавать не выгоднее ($\lambda\acute{o}\iota\omicron\nu$)» (23, 5; 37, 5), «Тебе, оставшемуся, будет лучше ($\acute{\alpha}\mu\epsilon\iota\nu\omicron\nu$)» (56, 3). Кроме того, встречается и вариант этой формулы, где сравнительная степень заменена словом $\beta\lambda\alpha\beta\acute{o}\varsigma$ — «вред»: «продающему будет вред» (53, 5), «чтобы тебе, спешащему, не было вреда» (55, 4).

Каждая строфа оракула по пяти астрагалам считалась, как уже было отмечено, отдельным прорицанием Аполлона, отданным для возвещения Гермесу, поэтому в тех случаях, где описание броска не занимало собой весь стих гекзаметра, появлялась возможность подчеркнуть божественный характер следующих дальше строк. Чаше

всего встречаются выражения *τάδε φράζει* — «возвещает следующее» (1, 2; 43, 2; 45, 2; 46, 3; 52, 2; 54, 2), что означает: бог посредством такого-то броска дает следующее прорицание, — и *θεὸς ἀδδῶ* (15, 2) / *τάδε σοι θεὸς ἀδδῶ* (18, 2; 50, 2) — «бог возвещает тебе следующее». В отдельных случаях «бог» заменяется на «прорицание»: *ὄδ' ἀδδῶ* (55, 2) / *χρησιμὸς ὄδ' ἀδδῶ* (53, 2) — «это прорицание возвещает», — или даже на астрагалы: *ταῦτα λέγουσιν* — «[выпавшие астрагалы] говорят следующее» (49, 2). И лишь в одной строфе оставшееся от описания броска место занято наставлением, адресованным вопрошающему: *μάνθαν' ἀκούων* — «узнай, слушая» (40, 2).

В целом, глагол *ἀδδῶ* — «говорить» оказывается в тексте оракула по пяти астрагалам основным глаголом речи божества, полностью вытеснив наиболее употребительные в таких контекстах глаголы *χράω* и *ἀναίρέω*, хотя сам по себе он никоим образом не является мантическим термином. Помимо строк с описанием броска, он используется и в тексте прорицаний: *θεὸς ἀδδῶ* — «бог возвещает» (8, 5; 9, 4; 20, 5; 38, 4; 43, 5) и *χρησιμὸς ὄδ' ἀδδῶ* — «это прорицание возвещает» (43, 3). Выражение «прорицание возвещает» может также передаваться и через глагол *μανύω* (34, 3–4). Напротив, для обозначения вопрошения оракула выбирается традиционный древний мантический термин *μαντεύομαι*⁸⁸: «Если ты вопрошаешь о каком-либо долге...» (34, 5), «...о чем ты вопрошаешь» (35, 5), — а также обычный глагол *ἐλερωτάω* — «спрашивать», «вопросать», который, правда, неоднократно встречается в мантических контекстах уже у авторов архаики и классики: «...о котором ты меня вопрошаешь» (19, 5; 26, 3; 33, 3; 37, 4; 41, 3), «...о котором ты вопрошаешь» (52, 5).

В последних примерах также следует обратить внимание на то, что посылающий откровения бог говорит о себе в первом лице. И подобные случаи не ограничиваются приведенной выше формулой: «Я еще не вижу (*ὄρω*) подходящего момента» (21, 5; 22, 5; 24, 3 в надписи из Кремны), «Ничего тягостного для тебя я не вижу» (26, 3; 41, 5), «Я не считаю [букв. не вижу] это твое решение надежным» (31, 3), «Ведь я вижу твоего врага» (56, 4), «Я не считаю это дело ни надежным, ни верным» (50, 5 с некоторыми разночтениями в надписях из Кремны, Термесса, Инджика, Ормел, Атталии, Китанавр и Анабур). А ведь именно так, от первого лица, вещал всегда Аполлон в своих дельфийских изречениях. Когда, например, Крез задумал устроить испытание оракулов, то, отвечая его посланцам, Аполлон, завуалированно упрекая лидийского царя в недоверии, возвестил

⁸⁸О значении глагола *μαντεύομαι* см.: *Пригодько Е.В.* Двойное сокровище. С. 338–346.

ему, а вместе с ним и всему миру откровение о своем божественном всеведении:

Ведаю я песчинок число и моря глубины,
И немому я внемлю, и неговорящего слышу (*Hdt.* I 47).

Я не случайно вспомнила здесь именно об этом знаменитейшем изречении⁸⁹. Смысловый анализ текста оракула по пяти астрагалам, выявление источников, из которых он мог черпать свои подчас весьма неординарные образы, — это совершенно особая задача, никоим образом не подлежащая рассмотрению в данной работе. И все же не с этим ли объявлением Аполлона о своем всеведении на примере знания количества трудно исчисляемых предметов связан совет оракула по семи астрагалам из Термесса: $\mu\eta\ \kappa\acute{\alpha}\mu\alpha\tau\ \acute{\alpha}\rho\iota\theta\mu\epsilon\iota\nu$ — «не подсчитывай волны»⁹⁰?

Несколько замечаний технического характера

Текст надписи с оракулом по пяти астрагалам из Адад приводится здесь по изданию Нолле: *Nollé Jo.* Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance. München, 2007. S. 60–67. Однако я сочла необходимым внести в представленный у Нолле текст оракула некоторые исправления, связанные не с принципиальными моментами прочтения надписи — возможности сверить копию Нолле с оригиналом во время посещения музея у меня, конечно же, не было, — а с ее внешним оформлением.

Поскольку Нолле занимался реконструкцией прототипа оракула по пяти астрагалам и связал каждую оракульную строфу со строго определенным порядковым номером, то при публикации надписи из Адад он расположил все строфы исходя из установленного им принципа, нарушив при этом последовательность строф, представленную на колонне из Адад. Однако данная работа посвящена переводу именно оракула из Адад, и поэтому строфы с прорицаниями как в греческом тексте, так и в переводе даны именно в той последовательности, в какой их вырезал древний мастер. Изменения эти весьма незначительны и касаются всего трех строф. Строфа № 14 из Адад соответствует строфе № 16 по реконструкции Нолле, утраченная строфа № 15 соответствует строфе № 14, а строфа № 16 — строфе № 15.

⁸⁹ Подробно об истории этого изречения см.: *Приходько Е.В.* «Ведаю я песчинок число...», или Жизнеописание одного оракула // Труды кафедры древних языков. Вып. II / Отв. редактор А.В. Подосинов // Труды исторического факультета МГУ. Вып. 44. Серия III. Instrumenta studiorum: 18. М., 2009. С. 24–71.

⁹⁰ *Nollé Jo.* Kleinasiatische Losorakel. S. 214.

В надписи из Адад, как уже было сказано, не сохранились три строфы, которые, однако, дошли в хорошем состоянии в надписях из других городов. В данной ситуации желание представить оракул по пяти астрагалам полностью победило установку к строгой передаче текста одной конкретной надписи, и на место утраченных строф, которое следовало бы оставить пустым, были вставлены строфы из других надписей, выбранные исходя из наилучшей сохранности. 1-я строфа дана по надписи из Китанавр, 15-я — по надписи из Кремны и 43-я — по надписи из Термесса.

49-я и 50-я строфы надписи из Адад заканчиваются одним и тем же стихом. Подобное повторение не вызвало бы недоумения, если бы оно подтверждалось хотя бы еще одной другой надписью. Однако все надписи, у которых сохранилась 50-я строфа: из Кремны, Термесса, Инджика, Ормел, Атталии, Китанавр и Анабур, — дают с некоторыми разночтениями совершенно иной последний стих. Логично предположить, что резчик, работавший над созданием оракульной колонны из Адад, просто допустил ошибку. Поэтому, желая представить явно более правильный вариант, мы заменили в 50-й строфе последний стих надписи из Адад, который можно увидеть в 49-й строфе, на вариант надписи из Кремны.

В эпитетах богов, которым посвящены броски, Нолле не вполне согласованно использует большую и маленькую буквы. В оригинале текст надписи, безусловно, вырезан маюскулом, то есть исключительно заглавными буквами, а значит, вопрос об использовании той или иной буквы при публикации текста минускулом сводится лишь к принципам оформления текста, которым следует издатель. Поэтому в некоторых эпитетах вариант Нолле был исправлен. Так, в броске, посвященным «Матери богов» (52), большая буква в слове «богов» — Θεῶν была заменена на маленькую, поскольку речь идет о языческих божествах. Эпитет «Спаситель» — Σωτήρ Нолле дает то с большой буквы (17), то с маленькой (26), но в данном случае большая буква кажется более предпочтительной. Если эпитет «Спаситель» начинается с большой буквы, то почему тогда образованный по такому же принципу эпитет «Защитник» — Κηδεμών (6, 39) должен начинаться с маленькой? Или почему «Зевсу Великому» — Ζηνὶ Μεγίστῳ (4, 4) дано с большой буквы, а у «Даймона Великого» (5, 1) эпитет оказывается с маленькой буквы? Подобные примеры можно было бы продолжить.

Надпись из Адад была вырезана на колонне из местного известняка, и в процессе работы резчик был вынужден пропускать испорченные места камня. Такие пропуски Нолле отмечает как «(vac.)», и этот знак в данном переиздании везде был сохранен.

ASTRAGALOMANTEION ADADENSE

Latus A

- 1 [α]αααα ε Διός Ὀλυμπίου·
 Ut Ci- [χειοὶ δὲ πέντε πείπτοντες ὁμοῦ, τὰ[δ]ε φ[ρ]άζ[ε]ι·
 tanau- [Ζ]εὺς ἀγα[θ]ὴν βουλὴν σαῖσι φρεσίν, ὃ ξένε, δῶσ[ε]ι·
 ris δῶσει δ' εὐφροσύνην ἔργοις, ἀνθ' ὧν σὺ χαρήσῃ·
 ἀλλὰ Ἀφροδείτην ἰλάσκου καὶ Μαῖάδος υἱόν.]
- 2 [αα]ααγ ζ Ἄθηνᾶς Ἀρείας·
 χειοὶ τέσσαρες ὄντες ὁμοῦ, τρεῖς δὲ πέ[μ]πτος·
 ἔχθραν καὶ κακότητα φυγῶν ἤξεις ποτ' ἐς ἄθλα.
 [ἤξ]εις καὶ δώσει σοὶ θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη·
 [ἔ]σται σοὶ πρᾶξις καταθύμιος, ἦν ἐπιβάλλῃ.
- 3 δαααα η Μοιρῶν·
 [τ]ετρώος εἷς πείπτων καὶ χειοὶ τέσσαρες ἐξῆς·
 ἦν πράσσεις πρᾶξιν, μὴ πράξις· οὐ γὰρ ἄμεινον·
 [ἀ]μφὶ δὲ κάμνοντος χαλεπὸν καὶ ἀμήχανον ἔσ[τ]αι·
 [εἰ] δ' ἀπό[δημ]ον [ιδ]εῖν χρόνιον· οὐδὲν κακὸν ἔσ[τ]αι.]
- 4 [γγααα] θ Ἄετοῦ Διός·
 [εἰ] δέ κ[ε] πείπτωσιν δύο τρεῖοι, τρεῖς δ' ἅμα χειοὶ·
 [αἰ]ετὸς ὑψιπέτης εἰς δεξιὰ χειρός· ὀδείτης
 ὧν ἐπὶ μαντεῖαν ἀγαθήν· σὺν Ζηνὶ Μεγίστῳ
 [τ]εῦξι, ἐφ' ἣν ὀρμᾶς, πρᾶξιν· μηθὲν δὲ φοβηθῆ[ς].
- 5 ςαααα ι Δαίμονος Μεγίστου·
 [ἐ]ξείτ[η]ς μοῦν[ο]ς κ[αὶ] χειοὶ τέσσαρες ὄντες·
 Δαίμ[ον]ι, ἦντιν' ἔχ[ε]ις, εὐχὴν ἀποδόντι σοὶ ἔστα[ι]
 [β]έλτ[ι]ον, εἰ μέλλεις πράσσειν κατὰ νοῦν, [ᾗ] μερμυᾶ[ς]
 [Δημήτηρ γάρ] σοὶ καὶ Ζεὺς σωτήρες ἔσονται.
- 6 αααδγ ι Τύχης Κηδεμόνος·
 [ε]ἰ δέ κε τρεῖς χειοὶ καὶ τέσ[σ]αρα καὶ τρί' ὁ πέμπτος·
 τὴν [π]ρᾶξιν, ξένε, μὴ πράξις, ἦν νῦν ἐπιβάλλῃ·
 τὸν τ' ἐν νοῦσῳ ἐόντα θεοὶ κατέχουσιν ἔτ' αὐ[τὸν],
 [τ]ὸν τε πόνον λύσουσι θεοὶ καὶ οὐθὲν κακὸν ἔστα[ι].
- 7 γγγαα ια Νείκης
 [εἰ] δέ κε τρεῖς τρία πείπτωσιν, χειοὶ δὲ δύο ἄλλο[ι]
 νεικήσεις, λήμψῃ δ' ἃ θέλεις· τάδε πάντα σοὶ ἔστα[ι]
 τειμητόν σε τιθεὶ δαίμων ἐχθρῶν τε κρατήσ[εις].
 [β]ουλή δ' ἔσται σοὶ καταθύμιος, ἦν ἐπιβάλλ[η].

ОРАКУЛ ПО ПЯТИ АСТРАГАЛАМ ИЗ АДАД

Сторона А

1	11111	5	Зевса Олимпийского
По Кистанаврам	[Пять выпадает хиосцев один за другим — это значит: Даст, чужестранец, решенье благое сам Зевс твоим мыслям, Добрый настрой даст делам, чтобы радость тебе приносили. Милости всё же ищи Афродиты и сына Майады.]		
2	11113	7	Афины Ареи
Вместе явились четыре хиосца, а пятою тройка: Зла и вражды избежав, ты однажды достигнешь награды. Всем, как дойдешь, одарит совоокая дева Афина, Так что по сердцу тебе будет дело, к какому стремишься.			
3	41111	8	Мойр
Выпала первой четверка, а следом четыре хиосца: Дело, которым ты занят, не делай, ведь лучше не будет. Если труды изнурят, все окажется тяжким и тщетным. Дальние страны ступай посмотреть, и беды не случится.			
4	33111	9	Орла Зевса
Выпадут если две тройки и три друг за другом хиосца: В выси парящий орел, появившись у путников справа, Станет знаменьем благим — вместе с Зевсом Великим исполнишь Дело, к какому стремишься. Ни в чем не испытывай страха!			
5	61111	10	Даймона Великого
Только одна лишь шестерка и целых четыре хиосца: Даймону если обет ты принес, будет лучше исполнить, Коли по замыслу хочешь, о чем ты заботишься, сделать. Ибо Деметра и Зевс защищать и спасать тебя будут.			
6	11143	10	Тюхе Защитницы
Если же трижды хиосцы, четверка и пятою тройка: Дела не делай, о путник, к которому ныне стремишься. Боги, как прежде, хранят и того, кто охвачен болезнью, Боги и боль умирят, никакого несчастья не будет.			
7	33311	11	Ники
Выпадут если три тройки, другие же — пара хиосцев: Ты победишь, обретешь, что хотел, и твоим оно будет. Даймон почетом тебя окружит, и врагов одолеешь. По сердцу будет тебе то решенье, к какому стремишься.			

- 8 δδααα ια Νείκης ἰλαράς·
[εἰ] δέ κε πείπτωσιν δύο τέσσαρα, τρεῖς δ' ἅμα χεῖοι·
[τ]ῆν πρᾶξιν πᾶσαν πράσσειν· ἔσται γὰρ ἅμει[νον·]
[τ]όν τ' ἐν νοῦσφ ἐόντα θεοὶ σώσουσι ἀπὸ κλ[εῖνης]
καὶ τὸν ἐν ἄλλφ δῆμφ ἐόντα ἦξιν θεὸς ἀ[δᾶ.]
- 9 δααγγ ιβ Ἀσκληπιού·
τέσσαρα εἷς πείπτων, χεῖοι δύο καὶ δύο τρεῖοι·
πράξει μὲν χειμῶν ἐνκείσεται, ἀλλὰ καλόν [. οἰ·]
καὶ τὸν κάμνοντ' ἐν νοῦσ[φ] σώσειν θ[εὸς ἀδᾶ·]
τὸν τ' ἀπόδημον ἐόντα θεοὶ σώσουσιν [ἐς οἴκους.]
- 10 αααζγ ιβ Τύχης Κυβερνώση[ς·]
τρεῖς χεῖοι καὶ ἐξείτης, πέμπτος τρία πε[ίπτων·]
μήπω σπεῦδε· μολεῖν οὐ γὰρ καλόν· ἀλλ' ἐπ[ίμεινον·]
εἰ δὲ κενοσπούδως χρήσι, σεαυτὸν μέγα [βλάψεις·]
μείνον, ἕως ἔλθῃ καιρός, καὶ πάντ' ἐπιτεύ[ξιη.]
- 11 αααζδ ιγ Ἄφροδείτης·
[τ]ρεῖς χεῖοι καὶ ἐξείτης, πέμπτος τέσσα[ρ]α [πέιπτων·]
[σ]τέλλε, ὅπου χρήξεις· χαίρων σὺ γὰρ οἴκ[αδ' ἀφίξι]
[ε]ὶθρὸν κ[α(vac.)ι] πράξας, ὅσσα φρεσὶ σῆσι [μεινοῖς·]
ἀλλ' Ἄφροδ(vac.)εῖτην εἰλάσκου καὶ Μαιάδ[ος υἱόν.]
- 12 αγγγγ ιγ Διὸς καὶ Ἀθηνᾶ[ς·]
εἷς χεῖος, τρεῖοι τέσσαρες (vac.) εἰ [πέιπτωσιν·]
εἰς πᾶσαν πρᾶξιν ἀγαθὸς καὶ ἔτο[ίμιος ἐπ' ἔργον·]
[τ]όν τ' ἐν νοῦσφ ἐόντα θεοὶ σώσουσ[ιν ἔτοίμως·]
[κ]αὶ περὶ τῶν ἄλλων μαντείων ἐ[στὶ καλ . . σοι.]
- 13 ααγδδ ιγ Ὀρῶν·
εἰ δέ κε πείπτουσιν δύο χεῖοι καὶ [τρία, τέσσαρα δισσοί·]
δυσθήρητα νοεῖς καὶ ἀμήχαν[ον· μήτε προσαιρηῆ]
βουλήν, ἣν πράσσεις, θεὸς οὐκ [ἐᾶ· ἀλλ'... μεινον·]
δεινὸν δ' εἰς ἔριν ἔρχεσθαι καὶ [ἀγῶνα δίκην τε.]
- 14 [δ]δδαα ιδ Ἄγαθοῦ [Δαίμονος·]
εἰ δέ κε πείπτωσιν τρεῖς τέσσ[αρα, χεῖοι δὲ δύο ἄλλοι·]
[ῆ]γεμονεύσει σοι Δαίμων [ὀδόν, ἣν ἐπιβάλλη·]
[πέμψει δ' εἰς ἀγαθὸν σε [φιλομμειδῆς Ἄφροδείτη·]
σὺν καρποῖς ὑπάγε καὶ ἀπ[ήμονι μοίρη.]

- 8   44111   11   Ники благосклонной
Выпадут две коль четверки и три друг за другом хиосца:
Полностью следует выполнить дело, ведь так будет лучше.
Боги и с ложа поднимут того, кто охвачен болезнью,
Бог обещает — вернется и тот, кто среди дальних народов.
- 9   41133   12   Асклепия
Выпала первой четверка, хиосца же два и две тройки:
Буря обрушится, дело тесня, но потом будет благо.
Бог обещает спасти и того, кто измучен болезнью,
Боги домой возвратят и того, кто сейчас на чужбине.
- 10   11163   12   Тюхе Кормчей
Три выпадают хиосца, шестерка и пятою тройка:
Не торопись, ведь отправиться в путь — не ко благу, но выжди.
Если в усердье пустом поспешишь, навредишь себе сильно.
Жди, пока нужное время придет, и во всем преуспеешь.
- 11   11164   13   Афродиты
Три выпадают хиосца, шестерка и пятой четверка:
В путь, куда хочешь, отправься — довольный домой возвратишься,
Все обрета и исполнив, что в мыслях своих ты задумал.
Милости всё же ищи Афродиты и сына Майады.
- 12   13333   13   Зевса и Афины
Если единственный выпал хиосец, а троек четыре:
В деле любом ты искусен и явно готов ты к свершениям.
Боги охотно спасут и того, кто охвачен болезнью,
Но и по всем прорицаньям другим для тебя будет благо.
- 13   11344   13   Ор
Выпадут два коль хиосца, и тройка, и пара четверок:
Думаешь о безнадежном и недостижимом — довольно.
Замысел, что воплощаешь, под божьим запретом. Но выжди.
Страшно вступить во вражду, и борьбу, и судебную тяжбу.
- 14   44411   14   Благого Даймона
Выпадут три коль четверки, другие же — пара хиосцев:
Даймон тебя поведет по дороге, к которой стремишься.
К благу направит тебя Афродита с радушной улыбкой.
Шествуй вперед, собирая плоды, с беспечальной судьбою.

Latus B

- 15 αγγγδ ιδ Ποσειδῶνος·
 Ut [εἷς χεῖος καὶ τρία τρεῖς καὶ τέσσαρες εἷ<ς>, θεὸς αὐδᾶ·
 Cremonae λακτιζεις πρὸς κέντρα, πρὸς ἀντία κύματα μοχθεῖς·
 ἰχθυὼν ἐν πελάγει ζητεῖς· μὴ σπευδ' ἐπὶ πράξιιν.
 [οὐ σοι χρήσι]μὸν ἐστι θ[εοὺς βιάσασ]θαι ἀκαί(vac.)ρως.]
- 16 ρααγγ ιδ Δαίμονος·
 [μο]ῦνος δ' ἐξε[ι]της, χεῖοι δύο καὶ τρία δισσοί·
 μηδὲ σὺ φρικτὰ νόει μηδ' ἀντία Δαίμοσιν εὐχου·
 [δ]ε[ι]νὰ φρονε[ι]ς· οὐ(vac.)θὲν γὰρ ὀνήσιμὸν ἐστὶν [ἀ]π' αὐτο[ῦ·]
 οὐδ' ὀδόν, ἦν [στείχει]ς, κέρδος τί σοὶ ἐστὶν ἀπ' αὐτῆς.
- 17 [αγγδδ] [ιε] Διὸς Σωτήρος·
 εἷς χεῖος, τρία [πει]πτοντες δύο, τέσσαρα [δισ]σοί·
 ἦν ἐπιβάλληη πράξιιν, θαρρῶν ἴθι, πράσσε·
 ἐνχείρει· καλὰ μαντεῖα θεοὶ τάδ' ἔφηναν.
 μήτ' ἐπὶ νοῦν· ἀ[λέο]υ· οὐθὲν γάρ σοι κ(vac.)ακ[ὸ]ν ἔστα[ι].
- 18 αααζς ιε Διὸς Ἄμμωνος·
 χεῖοι τρεῖς, δύο δ' [ἐξ]εῖται, τάδε σοι θεὸς αὐδᾶ·
 ἦν φρεσὶν ὀρμαίν[ει]ς ἰένα, ταύτην ἴθι θαρρῶν·
 [π]άντ[α] δέ σοι [θ]εὸς εἶ[ῶ] δώσει· πράξεις δ' ὅσα βούλει.
 [Ζ]εὺς ὑπιβρεμέτης σωτήρ κατὰ πάντα σοι ἔσται.
- 19 γγγγγ ιε Τ[ύ]χης Σωτείρης·
 εἰ δέ κε πάντες ὀμο[ῦ] πείπτωσιν τρεῖοι ὀμοῖ[ου·]
 ἦδε νέον τίκτουσα βρέφος ξηροὺς ἔχε μαστοὺς,
 ἀλλὰ πάλιν βλάστησε καὶ ἀπέρρευσε γάλακτος·
 καὶ τότε καρποὺς ἔξεις, περὶ ὧν μ' ἐπερωτᾶς.
- 20 δγσαα ιε Διὸς Ξεινίου·
 τέσσαρα εἷς, τρεῖος καὶ ἐξ(vac.)εῖτης, χεῖοι δὲ δὴ ἄλλοι·
 πράξιιν, ἐφ' ἦν σπευδ[ει]ς, μὴ σπ[ευ]δ'· οὐπω γ[ὰρ] ὁ καιρός·
 [ἐ]ν νοῦσφ δέ τ' ἐό(vac.)ντα θεοὶ σῶ[σου]σιν ἐ[τοί]μως
 [κ]αὶ τὸν ἐν ἄλλῃ χ(vac.)ώρα ἐόντα [ἦ]ξιν θε[ὸς] αὐδᾶ.]
- 21 ργγγα ις Ἡ[ρ]ακλέους·
 ἐξεῖτης εἷς, τρεῖς δὲ τρεῖοι, πέμπτος ὁ χεῖος·
 οὐπω και[ρ]ὸν ὀρῶ· σπευδέεις (vac.) δὲ [σύ.] μὴ κενὰ μόχθε[ι·]
 μηδ' ὥς τίς τε κύων τυφλήν (vac.) ἐκύησε λοχέτην.
 [ἦ]συχά βουλεύου· (vac.) καὶ σοι θεὸς ἠγεμονεύσει.

Сторона В

- 15 13334 14 Посейдона
 По [Первый хиосец, три тройки с четверкою — бог возвещает:
 Кремне Бьешь ты копытом стрекало, от волн изнуряешься встречных,
 Рыбу в пучине ты ищешь — спешить перестань с этим делом.
 Пользы ведь нет для тебя беспокоить богов неуместно.]
- 16 61133 14 Даймона
 Только одна лишь шестерка, хиосца же два и две тройки:
 Жуткого не замышляй, против Даймонов слова не молви.
 Думаешь ты об ужасном — от этого пользы не будет,
 И от дороги, которой идешь, не надейся на прибыль.
- 17 13344 15 Зевса Спасителя
 Падает первым хиосец, две тройки и пара четверок:
 Смело ступай и исполни то дело, к какому стремишься.
 Ну же, дерзай! Прорицанья прекрасные боги явили.
 Коль не по замыслу что — отражай, ведь несчастья не будет.
- 18 11166 15 Зевса Аммона
 Трижды хиосцы, шестерок же две — тебе бог возвещает:
 Смело ступай по дороге, которую в мыслях наметил.
 Всё тебе бог благосклонно пошлет. Что желаешь, исполнишь.
 Зевс в поднебесье гремющий во всем покровителем будет.
- 19 33333 15 Тюхе Спасительницы
 Если все равные тройки одна за другой выпадают:
 Грудь у той, что рождает младенца, доселе сухие,
 Снова набухли теперь, молоко изливая обильно.
 Вскоре плоды обретешь, о которых меня вопрошаешь.
- 20 43611 15 Зевса Ксения
 Первой четверка, и тройка с шестеркой, и пара хиосцев:
 Дело, с которым спешить, перестань торопить, ведь не время.
 Боги охотно спасут и того, кто охвачен болезнью,
 Бог обещает — вернется и тот, кто в далеких пределах.
- 21 63331 16 Геракла
 Только одна лишь шестерка, три тройки и пятым хиосец:
 Вижу — момент не настал, ты ж спешить. Не старайся впустую!
 Словно собака не будь, что рождает слепое потомство.
 Дело обдумай спокойно, и бог направлять тебя будет.

- 22 ζδδαα ις Ἄρεως·
 ἐξείτης εἷς, δύο (vac.) τέσσαρα κα(vac.)ἰ δύο χεῖοι·
 τί σπεύδεις; μέ(vac.)ν' ἐπ' ἠσυχίης· οὔπω γὰρ ὁ καιρός·
 [ε]ἰ δὲ κενοσπουδεῖς ματαίως, ἀνέτοιμα διώκ[εις]·
 οὔπω καιρὸν ὀρώ· μεικρὸν δὲ παρῆς (vac.) ἐπιτεύξῃ.
- 23 δγγγ ις Κρόνου·
 [τ]έσσαρα εἷς πείπτων, τρεῖς τέσσαρες ἄλλοι·
 [σκορ]πίοι ἐστ(vac.)ἄσιν καθ' ὁδόν· μὴ σπεῦδ' ἐπὶ πρᾶξιν,
 [ἦν] μέλλεις· μείνον δέ· καὶ ὕστερον ἔσται, ἃ βούλει·
 [οὔτ]ε γὰρ ὠνεῖσθαι τότε λώιον οὔτ' ἀποδοῖσθαι.
- 24 δδδαγ ις Ἀπόλλωνος Δελφικοῦ·
 [τέ]σσαρα τρεῖς, μούνος χεῖος καὶ τρί' ὁ πέμπτο[ς]·
 [μὴ] σπ]εῦδ'· οὔπω γὰρ ὁ καιρό[ς]· μετὰ ταῦτα δὲ πράξεις
 [πά]ντα κατὰ γνώμην· καὶ σοι θεὸς ἡγεμονεύσει.
 [μῆ]τε γ]ὰρ ὠνεῖσθαι σπεύσης (vac.) τότε μῆτ' ἀποδοῖσθαι.
- 25 ςααγ ις Εἵσιδος Σωτείρης·
 [δ]ισσοὶ δ' ἐξεῖται, χεῖοι δύο καὶ τ(vac.)ρι' ὁ πέμπτος·
 [Δελφι]κοῦ ἐκ τρίποδος φθόνγον δέ· σοὶ ἔσται ὁ καιρός
 [πλήρη]ς καὶ θάλλων· σὺ γαμήσας οἴ[κ]αδ' ἀφίξῃ.
 [πειρ]ανεύεις, ἃ θέλεις· πράξεις εὐρὼν δ' ἃ μεμμινᾶς.
- 26 αςγγδ ις Ἐρμοῦ Σωτήρος·
 [χεῖ]ος καὶ ἐξείτης, δύο τρεῖοι, τέσσαρ' ὁ πέμπτο[ς]·
 [ο]ὔθ[ε]ν σοὶ λυπηρὸν ὀρώ, περὶ ὧν μ' ἐπερωτᾶς·
 [μῆδ' ὀ]λιγοψύχει· θαρρῶν ἴθι· πάντα δ' ἃ χρῆζει[ς]·
 [εὐρή]σεις· ε]ὔχῃ δ' ἔσται καὶ καρπὸς ἄμειπτος.
- 27 [δ]δγγ ις Σεράπιδος·
 [τέσ]σ[α]ρα δ' εἰ πείπ[τ]ουσι δύο καὶ τρεῖς τρ(vac.)ία κλῆρο[ι]·
 [θάρ]σει· ἀγω]νίζου· (vac.) Ζεὺς Κτήσιος ἔσ[τ]αι ἀρωγό[ς]·
 [τόν] τε σὸν ἀντίπαλον κολάσει καὶ [ὑ]ποχ[ε]ί[μ]ιον ἕξει[ς]·
 [δῶ]σει δ' εὐφρ]οσύνην ἔργοις, ἀνθ' ὧν (vac.) σὺ χ[α]ρή[σ]ῃ.
- 28 αδ[δδδ ι]ζ Νεμέσεως·
 [μο]ῦνο[ς] δ' εἴ κε πέσοι χεῖος καὶ [τ]έσσαρα πάν[τες]·
 [νῦν] σοὶ πάντα τελεῖ δαίμων καὶ εἰς ὀρθὸν ὀδηγεῖ·
 [πρά]ξεις πάντα] κατὰ νοῦν· μηκέτι τρῦχε σεαυτὸν·
 [ἐπι]τεύξῃ σὺ τε] ἀμέμπτως, ὧν ἐπιθυμίσεις.

- 22   64411   16   Ареса
Первой шестерка одна, две четверки и пара хиосцев:
Что ты спешишь? Успокойся и жди. Не пришло еще время.
Если усилия напрасны — ты гонишься за недоступным.
Вижу — момент не настал, но, чуть-чуть подождав, преуспеешь.
- 23   43333   16   Кроноса
Вышла одна лишь четверка, четыре другие же тройки:
Заняли путь скорпионы, спешить перестань ты с тем делом,
Что замыслиешь. Но выжди. И сбудется позже желанье.
Не покупать ведь и не продавать — в этом выгоды больше.
- 24   44413   16   Аполлона Дельфийского
Трижды четверки, один лишь хиосец и пятою тройка:
Не торопись. Ведь не время еще. Ты потом всё исполнишь
Именно так, как задумал, и бог направлять тебя будет.
Право, купить тот товар иль продать торопиться не стоит.
- 25   66113   17   Исиды Спасительницы
Пара шестерок и пара хиосцев, а пятою тройка:
Слову дельфийского внемли треножника: время настанет,
Пышно цветущее счастьем. Женившись, домой ты вернешься.
Выполнишь то, что желаешь, свершишь, обрета, что задумал.
- 26   16334   17   Гермеса Спасителя
Выпал хиосец, шестерка, две тройки и пятой четверка:
Тягости в том я не вижу, о чем ты меня вопрошаешь.
Смело ступай, малодушным не будь, и, нужду в чем имеешь,
Всё обретишь. По молитве тебе будет плод безупречный.
- 27   44333   17   Сераписа
Выпали если на жребиях с парой четверок три тройки:
Смело всего добивайся. Зеве Ктесий помощником будет.
Недруга он покарает, тебе подчиняться заставит,
Добрый настрой даст делам, и они принесут тебе радость.
- 28   14444   17   Немесиды
Если вдруг выпал хиосец один, а другие — четверки:
Даймон сейчас помогает тебе, направляя ко благу.
Сделаешь всё, как задумал, себя не терзай ты уж больше.
Безукоризненно в том преуспеешь, к чему устремисься.

Latus C

- 29 ςσα(vac.)δ ιη Ἄδραστείας·
 δισσοὶ δ' ἐξεΐται, δύο μούνοι καὶ τέσσαρ' ὁ πέμπτ[ος]
 [τ]ὴν πρᾶξιν πράσσων ἐνχείρει· ἐστὶν ὁ καιρὸς·
 [ἐ]ν γενέσει χαλεπὸν καὶ ὁ κίνδυνος παράκειται[ι.]
 καὶ περὶ τῶν ἄλλων μαντείων ἐστὶ καλῶς σο[ι.]
- 30 αςδδγ ιη Διὸς Κεραυνίου·
 χεῖρος καὶ ἐξεΐτης, δύο τέσσαρα καὶ τρι' ὁ πέμπτος·
 οὐκ ἔστιν πρᾶξαι σε κατὰ γνώμη, ἃ μεριμνᾷς.
 οὔτε γὰρ ἐν ἄλλῳ δήμῳ ἰέναι σύμφoron ἐστίν.
 οὔτ' ὀνούμενος αἰσθήσῃ οὔτε ὀνήσιμον ἔσται.
- 31 δδδγγ ιη Δαίμονος Ἰκεσίου·
 τέσσαρα πείπτοντες τρεῖς καὶ δύο τρεῖοι·
 οὐ σοὶ ὀρῶ βουλὴν τήνδ' ἀσφαλῆ· ἀλλ' ἀνάμεινο[ν·]
 εὐ' πράξεις· ἔσται δὲ τύχη μετὰ ταῦτα· τὸ νῦν δὲ
 ἦσυχος ἴσθι· θεοὶς πείθου καὶ ἐφ' ἐλπίδος ἴσθι.
- 32 ςγγγγ ιη Ἄγαθοῦ Χρόνου·
 εἰ δὲ κεν ἐξεΐτης εἷς, τρεῖοι δ' οἱ τέσσαρες ᾧσιν·
 μὴ σπεύσῃ· δαίμων γὰρ ἀνθίσταται· ἀλλ' ἀνάμ[εινον·]
 μὴδ' ὥς τις τε κύων τυφλὴν ἐκήρησε λοχείην·
 ἦσυχά βουλεύου· καὶ σοὶ χαρίεντα τελεῖται.
- 33 ςσαγγ ιθ Ἐλπίδος ἀγαθῆς·
 ἐξεΐται δύο καὶ χεῖρος, τρεῖοι δὲ δύο ἄλλοι·
 εὐδοκία σοὶ πάντ' ἐστὶ καὶ ἀσφαλῆ, περὶ ὧν μ' ἐπερωτᾷς.
 μὴδὲ φοβοῦ· δαίμων γὰρ ὀδηγήσει πρὸς ἅπαντα·
 παύσει γὰρ λύπης χαλεπῆς, λύσει δ' ὑπόνοιαν.
- 34 δδδςα ιθ Διὸς Κτησίου·
 τέσσαρα τρεῖς, μούνος δ' ἐξεΐτης, χεῖρος ὁ πέμπτ[ος]
 θαρσῶν ἐνχείρει· καὶ ἐφ' ἐλπίδος ἐστὶν ὁ χρησμός[ος]
 ᾧ ξένη, μανύει καὶ τὸν νοσέοντα σεσῶσθαι.
 εἰ δὲ τι μαντεύῃ χρέος, ὃ χρήξεις, ἀπολήμψ[ῃ.]
- 35 γδδδδ ιθ Ἑρμοῦ Κερδενπόρου·
 εἰ δὲ κεν εἷς πείπτοι τρία, τέσσαρα δ' ἄλλοι·
 Ζεὺς ἀγαθὴν βουλὴν σαῖσιν φρεσίν, ᾧ ξένη, δώσε[ι·]
 ᾧν ἔνεκ' ἔσται πάντα καλῶς· ἐπιτεύξῃ, ἃ βούλ[ῃ.]
 εὐρήσεις δ' ὅσα μαντεύῃ καὶ οὐθέν σοὶ κακὸν ἔσ[ται.]

Сторона С

- 29   66114   18   Адрастеи
Пара шестерок и две единицы, а пятой четверка:
За выполнение дела возмись, уже время настало.
Трудно в начале придется, вблизи притаилась опасность.
Но и по всем прорицаньям другим для тебя будет благо.
- 30   16443   18   Зевса Керавния
Выпал хиосец, шестерка, четверок же две, пятой тройка:
Сделать по замыслу, что ты задумал, сейчас невозможно —
Выгоды нет ведь тебе от поездки к чужому народу,
Да и покупка — ты сам убедишься — полезной не будет.
- 31   44433   18   Даймона Заступника молящих
Три выпадают четверки и следом за ними две тройки:
Это решение твое не считаю я верным. Ты выжди.
Выполнишь всё хорошо, будет случай потом, ну а ныне
Ты успокойся, богам подчинись, пребывая в надежде.
- 32   63333   18   Благого Хроноса
Если шестерка одна оказалась, а троек четыре:
Не торопись! Супротив тебя борется даимон, но выжди.
Словно собака не будь, что рождает слепое потомство.
Дело обдумай спокойно, и будет тебе оно в радость.
- 33   66133   19   Надежды благой
Пара шестерок, за ними хиосец, другие ж две тройки:
Все достижимо и верно, о чем ты меня вопрошаешь.
Ну же, не бойся, ведь даимон во всем направлять тебя будет —
Тяжкую скорбь уничтожит, положит конец подозреньям.
- 34   44461   19   Зевса Ктесия
Трижды четверки, одна лишь шестерка, а пятый хиосец:
Смело за дело берись. Прорицание дарит надежду
И возвещает, о друг, что спасен изнуренный болезнью.
Коль вопрошаешь о долге столь нужном — обратно получишь.
- 35   34444   19   Гермеса Подателя прибыли
Если одна только выпадет тройка, другие ж четверки:
Даст, чужестранец, решение благое сам Зевс твоим мыслям.
Будет поэтому всё хорошо, чего хочешь, достигнешь.
Всё, вопрошаешь о чем, обретешь, и беды не случится.

- 36 γγγδ ιθ Νείκης·
 τρεῖς τρεῖοι, μοῦνος δ' ἐξείτης καὶ τέσσαρ' ὁ πέμπ[τος·]
 μαντεῖαν ἀγαθὴν ἐνέπεις, ξένε· τήνδε νοήσας
 πράξεις δ' ὅσσα θέλεις, καὶ συνλήπτωρ θεὸς (vac.) ἔστα[ι·]
 νεικήσεις· καρποὺς λήμνη καὶ πάντ' ἐπιτεύξει.
- 37 δδδδδ κ Μοιρῶν Ἄδυσωπῆτων·
 εἰ δέ κε τέσσαρα πάντες ὁμοῦ πείπτουσιν ὁμοιο[ι·]
 ἠέλιός τε δέδυκεν, ἐφέστηκεν δ' ὀλοῆ νύξ.
 πάντα δ' ἀμαυροῦται· παῦσαι, περὶ ὧν μ' ἐπερωτᾶς·
 οὔτε γὰρ ὠνεῖσθαι τόδε λῶιον οὔτ' ἀποδόσθαι.
- 38 δγζα κ Σελήνης·
 τέσσαρα καὶ τρία, δύο δ' ἐξεῖται, καὶ χεῖος ὁ πέμπτος·
 τὴν πράξιν ταύτην μὴ πράξης· οὐκ ἐστί σοι ἐσθλόν·
 τὸν τ' ἐν νούσῳ ἐόντα ἄλλιν σώσειν θεὸς (vac.) αὐδᾶ·
 εἰ δὲ φόβος τις ἔνεστι, οὐκ ἔσται σοι κακὸν οὐθέ(vac.)v.
- 39 ζγγδ κ Διοσκόρων Κηδεμόνων·
 μοῦνος δ' ἐξείτης, τρεῖοι δύο, τέσσαρα δ' ἄλλο[ι·]
 οὐκ ἔστιν σπεύδοντα τυχεῖν, ὅσα θυμὸς ἀνώγ[ει·]
 κέρδος ἔχεις· πάντη δ' ἐστὶν νέφος ἐκ κακότητ[ος·]
 δύσμορος ἢ πράξις, μοχθηρὰ δὲ πάντα· φύλαξ[αι.]
- 40 ζςζαα κ Ἡφαίστου·
 ἦν τρεῖς ἐξεῖται, χεῖοι δύο, μάνθαν' ἀκούων.
 μίμνε δόμων ἐπι σῶν· μηδ' ἄλλοθι βαῖνε.
 καὶ μὴ πάντα λίθον κείνει, μὴ σκορπίον εὔρης·
 δύσμορος ἢ πράξις, μοχθηρὰ δὲ πάντα· φύλαξαι.
- 41 ζςδδα κα Δήμητρος·
 δισοὶ δ' ἐξεῖται, δύο τέσσαρα, πέμπτος ὁ χεῖος·
 εὐοδὰ σοι πάντ' ἐστί καὶ ἀσφαλῆ, περὶ ὧν μ' ἐπερωτᾶς·
 μηδὲ φοβοῦ· δαίμων γὰρ ὀδηγήσει πρὸς ἅπαντα.
 καὶ οὐθέν σοι λυπηρὸν ὄρω· θαρρῶν δὲ βιάδιζε.
- 42 δδδζγ κα Ἥλιου Φωσφόρου·
 τέσσαρα τρεῖς, εἷς δ' ἐξείτης καὶ τρι' ὁ πέμπτος·
 ὅσσα θέλεις, πράξεις· εὐρήσε(vac.)ς, ὅσσα μερμινᾶς·
 ἐνχείρει, ξένε, θαρσήσας· πάντ' (vac.) [ἐ]στὶν ἐτοῖμα.
 τᾶφανές εὐρήσεις· σωτήριον ἦμαρ ἀφίξει.

- 36   33364   19   Ники
Трижды по тройке, одна лишь шестерка и пятой четверка:
Друг, откровенье благое звучит, и, его ты обдумав,
Сделаешь всё, что захочешь, и бог помогать тебе будет.
Ты победишь, и плоды соберешь, и всего ты достигнешь.
- 37   44444   20   Мойр Неумолимых
Если одни лишь четверки все вместе тебе выпадают:
Солнце зашло, и грозящая гибелью ночь наступила.
Мрак всё покрыл. Отложи те дела, о каких вопрошаешь.
Не покупать ведь и не продавать — в этом выгоды больше.
- 38   43661   20   Селены
Если четверка и тройка, шестерок же две и хиосец:
Этого дела не делай! Оно для тебя не ко благу.
Бог обещает, что снова спасет от недуга больного.
Страх коль тревожит внутри — так несчастья с тобой не случится.
- 39   63344   20   Диоскуров Защитников
Только одна лишь шестерка, две тройки, другие ж четверки:
В спешке не сможешь достигнуть того, к чему дух побуждает.
Выгода есть, но повсюду раскинулась туча из бедствий.
Это — злосчастное дело, и пагубно всё. Опасайся!
- 40   66611   20   Гефеста
Три коль шестерки и пара хиосцев — внимай и запомни:
В доме останься своим и не ездь в чужие пределы.
Камни один за другим не сдвигай — берегись скорпиона.
Это — злосчастное дело, и пагубно всё. Опасайся!
- 41   66441   21   Деметры
Пара шестерок и пара четверок, а пятый хиосец:
Всё достижимо и верно, о чем ты меня вопрошаешь.
Не устрашись! Ибо даимон во всем направлять тебя будет.
Скорби, грозящей тебе, я не вижу, ступай себе смело.
- 42   44463   21   Гелиоса Светоносного
Трижды четверки, шестерка одна, ну а пятою тройка:
Сделаешь всё, что желаешь, добьешься всего, что задумал.
Смелостью дух укрепив, приступай же, о друг, — всё готово.
Тайное ты обнаружишь, спасительный день повстречаешь.

Latus D

- 43 γγγς κα Τύχης εις καλὰ προβιβαζούσης·
 Ut Ter- [τρεις τρία πείπτοντες, δύο δ' ἐξεΐται, τάδε φράζει·
 messi [εἰσι καλαὶ πράξεις· σπεύδεν δέ σε χρησιμὸς ὄδ' αὐδᾶ·
 ἐκφεύξει γὰρ νούσου χαλεπῆς πάντων τε κρατήσεις.
 καὶ τὸν ἀλώμενον ἐν ξενίῃ χώρῃ ἦξειν θεὸς αὐδᾶ.]
- 44 αςς(vac.)ςγ κβ Μοιρῶν ἐπιφανῶν·
 εἷς χεῖος, τρεῖς δ' ἐξεΐται, πέμπτος τρία πείπτων·
 εἰς στόμα μὴ δῶς χεῖρα λύκῳ, μὴ σοὶ τι γένηται·
 δυσχερές, οὐ πεύθη· περὶ πράγματός ἐστιν ἄπιστον.
 μέινον δ' ἠσύχιος, λῆξον δ' ὁδοῦ ἢδ' ἀγορασμοῦ.
- 45 δδδδς κβ Ποσειδῶνος·
 τέσσαρες οἱ τετρῶνες ἐφ' ἐξεΐτην, τάδε φράζει·
 εἰς πέλαγος σπέρμα βαλεῖν καὶ γράμματα γράψαι
 ἀμφοτέρος μόχθος τε κενὸς καὶ πρᾶξις ἄπρακ[ος·]
 μηδὲ [βι]άζου θνητὸς ἐὼν θε(vac.)όν, ὅς σ' ἔτι βλάψει.
- 46 δγγς κβ Ἄρεως Θε(vac.)υρίου·
 [τ]έσσαρα καὶ δύο τρεῖς, δύο δ' ἐξε[ι]ται· τάδε φράζει·
 [μὴ] βαινεῖν ὁδόν, ἣν μέλλεις, [ξένη· τ]ῆνδε γὰρ οὐδε[ι]ς·
 [α]ἴθων ἐγχώρησε λέων μέγας, ὃν πεφύλαξο·
 [δ]εινός, ἄπρακτος ὁ χρησιμός· ἐπ' ἠσυχίης δ' ἀνάμει[νον].
- 47 αςςςδ κγ Ἄθηνᾶς·
 εἷς χεῖος, τρεῖς δ' ἐξεΐται καὶ τέσσαρ' ὁ πέμπτος·
 Παλλάδ' Ἀθηναίην τείμα· καὶ πάντα σοὶ ἔσται,
 ὅσσα θέλεις, καὶ σοὶ τὰ δεδοκμένα πάντα τελεΐται·
 λύσει δ' ἐγ δεσμῶν καὶ τὸν νοσέοντ(vac.)α δὲ σώσει.
- 48 ςςδδγ κγ Εὐφροσύνη[ς·]
 δισσοὶ δ' ἐξεΐται, δύο τέσσαρα καὶ (vac.) [τρ]ί' ὁ πέμπτος·
 στέλλε, ὅπου σοὶ θυμός· πάλ[ιν] γὰρ δόμον ἦξει[ς]
 εὐρὼν καὶ πράξας κατὰ νοῦν πάντων τε κρατήσει[ς·]
 εὐφροσύνη τ' ὠνεῖσθαι πωλεῖν τ(vac.)ε καὶ οὕτως.
- 49 ςςςγγ κδ Ἀπόλλωνο(vac.)[ς] Πυ(vac.)θίου·
 [ἐξ]εΐται τρισσοί, τρεῖσι δύο, ταῦτα (vac.) λέγ(vac.)ουσιν·
 [μ]ίμνει· μὴ πράξεις· Φοίβου χρ[η](vac.)σμοῖσι δὲ πείθου·
 [ἔν] τε χρόνῳ καιρὸν τηρεῖν· ν[ῦ](vac.)ν δ' ἠσυχος ἴσθι·
 μεικρὸν ἐπισχὼν γὰρ τελέσεις πάνθ', ὅσσα μεριμνᾶς.

Сторона D

- 43 33366 21 Тюхе ведущей ко благу
По Тер- [Выпало трижды по тройке, шестерок же две — это значит:
мессу Дело благое. Спешить побуждает тебя прорицанье.
Ты избежишь тяжелейшей болезни и всё одолеешь.
Бог обещает — скиталец с чужбины домой возвратится.]
- 44 16663 22 Мойр славных
Первый хиосец, шестерок же три, пятой выпала тройка:
Руку в пасть волку не суй, чтоб несчастья с тобой не случилось.
Ты вопрошаешь о трудном, и дело весьма ненадежно.
Выжди спокойно, пока воздержись от поездок и сделок.
- 45 44446 22 Посейдона
Вместе четыре четверки и шесть — возвещает такое:
Семя в пучину бросать и писать на волнах сочиненья —
То и другое — усилие пустое и тщетное дело.
Не досаждай же ты богу, козь смертен — тебе навредит он.
- 46 43366 22 Ареса Неистового
Первой четверка, две тройки и дважды по шесть — это значит:
Друг! Не ступай тем путем, что наметил — никто им не ходит.
Огненно-рыжий большой обитает там лев. Опасайся!
Страшный и пользы лишенный оракул. Ты выжди спокойно.
- 47 16664 23 Афины
Первый хиосец, шестерок же три, ну а пятой четверка:
Чти неустанно Афину Палладу и всё ты получишь,
Что пожелаешь, и всё, что задумал, исполнено будет.
Вырвет она из оков и больного спасет от недуга.
- 48 66443 23 Эвфросины
Дважды шестерки и пара четверок, а пятою тройка:
В путь, куда дух твой зовет, отправляйся, домой ведь вернешься,
Всё обрета и по замыслу сделав, и всё ты устроишь —
С радостью сможешь товар и купить, и продать точно так же.
- 49 66633 24 Аполлона Пифийского
Трижды четверки и дважды по три — возвещают такое:
Стой! Отложи все дела. Повинуйся пророчествам Феба.
Нужный момент карауль, а пока оставайся спокойным.
Выждав немного, потом ты исполнишь всё то, что задумал.

- 50 δδδςζ κδ Κρόνου Τεκνοφάγου·
 [τ]έσσαρα τρεῖς, δύο δ' ἐξεῖται, τάδε σοι θεὸς αὐδᾶ.
 [μί]μνε δόμων ἐπι σῶν· μηδ' ἄλλοθι βαῖνε,
 [μή] σοι θήρ ὀλοὸς καὶ ἀλάστωρ ἐνγύθεν ἔλθῃ·
 Ut [οὐ γὰρ ὀρῶ πρᾶξιν τήνδε ἀσφαλή οὐδὲ β[έβαιον.]]
 Cremnae
- 51 δςςςγ κε Μηνὸς Φωσφό[ρ]ου·
 [τέσσ]αρα πείπτων εἷς, τρεῖς δ' ἐξεῖται, κα[ὶ τρ]ί' ὁ πέμπτος·
 [θάρσ]ει· καιρὸν ἔχεις· πράξεις, ἃ θέλεις· ἐ(vac.)πιτεύξῃ·
 [εἰς ὄ]δδὸν ὀρμηθῆναι· ἔχει καιρὸν τιν' ὁ μόχθος·
 ἔργον τ' ἐνχειρεῖν ἀγαθὸν καὶ ἀγῶνα δίκην τε.
- 52 ζςςςα κε Μητρὸς Θεῶν·
 τέσσαρες ἐξεῖται, πέμπτος ὁ χειῖος, τ[ά]δε φράζει·
 ὡς ἄρνας κατέδουσι λύκοι κρατεροί (vac.) [τ]ε λέντες
 βούς ἔλικας, πάντων τούτων σὺ κρα(vac.)τήσεις.
 καὶ πάντ' ἔσται σοι καταθύμια, ὅσσ' ἐπερωτᾶς.
- 53 ζςςδδ κς Διὸς Καταχθονίου·
 τρεῖς δ' ὅταν ἐξεῖται, δύο τέσσαρα, χρησιμὸς ὄδ' αὐδᾶ·
 ἢ πρᾶξις κωλύματ' ἔχει· μὴ σπεῦδ', ἀνάμεινον·
 λυπηρά τις ὁδὸς καὶ ἀμήχα(vac.)νος οὐδὲ π(vac.)ροσικτ[ή·]
 ὠνεῖσθαι χαλεπὸν καὶ πωλοῦντι βλάβος ἔσται.
- 54 ζςςςγ κζ Ἄφροδείτης Οὐρανίας·
 τέσσαρες ἐξεῖται, πέμπτος τρεῖς, τάδε φράζει·
 οὐρανόπαις Ἄφροδείτη, Ἐρώτων πότνι, ἄνασσα,
 πέμπει μαντεῖαν ἀγαθήν· δώσει δὲ ὁδὸν σοι·
 ἐκφεύξῃ τε νόσου καὶ φροντίδος ἀλγεσιθύμου.
- 55 ζςςςδ κη Βλάβης·
 τέσσαρες ἐξεῖται καὶ τέσσαρα μοῦνος, ὄδ' αὐδᾶ·
 οὐκ ἔστιν πρᾶξαι τι μάτην· μὴ δ(vac.)ῆ κενὰ μόχθει,
 μὴ σοι σπεύδοντι βλάβος ἔστ[. .]. ἄλλ' ἀνάμεινον.
 οὔτε γὰρ εἰς ὁδὸν ὀρμᾶσθαι καλ(vac.)ὸν οὔτ' ἀγοράζειν.
- 56 ζςςςς λ Ἐρμ(ο)ῦ Τετραγώνου·
 εἰ δέ κεν ἐξεῖται πάντες πείπτωσιν ὁμοῖοι·
 μὴ βαῖν', οὐ μέλλεις· μείναντί σοι ἔσται ἄμεινον·
 [ἐ]κθρὸν γάρ σοι ὀρῶ· μείνον· μετὰ [τα]ῦτα σοι ἔσται·
 [τόν] τε φόβον λύσει καὶ τὸν κάμνοντα δὲ σώσει.

- 50 44466 24 Кроноса Пожирателя детей
Трижды четверки и дважды по шесть — тебе бог возвещает:
В доме останься своим и в пределы чужие не ездь,
Зверь чтоб губитель и мстящий аластор тебя не настигли.
По
Кремне [Дело ведь это не видится мне ни надежным, ни верным.]
- 51 46663 25 Мена Светоносного
Вышла четверка одна, три шестерки и пятою тройка.
Смело! Момент наступил. Что желаешь, исполнишь, достигнешь.
В путь отправляйся! Для трудных свершений удачное время.
Благо — и дело начать, и борьбу, и судебную тяжбу.
- 52 66661 25 Матери богов
Вместе четыре шестерки, а пятый хиосец — вещает:
Так же, как волки овец истребляют и страшные силой
Львы круторогих быков, так и ты этим всем овладеешь.
Всё по душе тебе будет, о чем ты меня вопрошаешь.
- 53 66644 26 Зевса Подземного
Три коль шестерки, четверок же две — возвещает оракул:
В деле возникли препятствия. Сдерживай спешку и выжди.
Тягостен путь, по нему не пройти, не добраться до цели.
Трудно сейчас покупать, и продажа вредом обернется.
- 54 66663 27 Афродиты Урании
Вместе четыре шестерки, а пятою тройка — вещает:
Неба дитя Афродита, Эротов хозяйка, царица,
Шлет откровенье благое тебе и дорогу укажет.
Ты избежишь и болезни, и думы, тревожащей душу.
- 55 66664 28 Пагубы
Вместе четыре шестерки, четверка ж одна — это значит:
Что-либо делать бесцельно нельзя, не старайся впустую —
Если продолжишь спешить, то вреда не минуешь. Но выжди.
Ведь не к добру и отправиться в путь, и заняться покупкой.
- 56 66666 30 Гермеса Тетрагона
Если все равные вместе шестерки одни выпадают:
Не отправляйся в намеченный путь, тебе лучше остаться.
Вижу врага твоего. Обожди. Всё устроится позже.
Бог и от страха спасет, и поддержит того, кто измучен.

Комментарии

1.

Текст этой строфы дан по надписи из Китанавр, вариант которой полностью соответствует реконструированному у Нолле прототипу⁹¹.

Граф обращает внимание на то, что самый плохой по логике игры в кости и самый статистически редкий бросок из одних единиц, который неминуемо должен был занять первое место при последовательном расположении прорицаний оракула по пяти астрагалам, оказывается под покровительством Зевса Олимпийского, в результате чего Зевс как бы открывает весь цикл прорицаний и меняет негативное значение этого броска на весьма благоприятное⁹².

Дважды используемая в этом прорицании формула «бог даст (дóσει) что-либо» встречается в оракуле по пяти астрагалам неоднократно (2, 4; 18, 4; 27, 5; 35, 3; 54, 4).

Третий стих этой строфы полностью повторяется в строфе 35, 3, а последний стих — в 11, 5.

Прилагательное ἀγαθός — «благой» используется оракулом по пяти астрагалам весьма активно: μαντεῖαν ἀγαθὴν или ἀγαθὴν μαντεῖαν — «благое прорицание» (4, 4; 36, 3; 54, 4), ἀγαθὴν βουλήν — «благое решение» (1, 3; 35, 3), εἰς λάσαν πρᾶξιν ἀγαθός — «в любом деле ты искусен» (12, 3), λέμψει δ' εἰς ἀγαθόν σε — «направит тебя ко благу» (14, 4), ἔργον τ' ἐνχειρεῖν ἀγαθόν — «приступить к делу — благо» (51, 5), ἀγαθοῦ Χρόνου — «благого Хроноса» (32, 1), Ἑλλίδος ἀγαθῆς — «Надежды благой» (33, 1).

Гермес назван «сыном Майады» — другой вариант имени Майа — уже у Гомера (Od. XIV 435), потом неоднократно именуется так в гомеровских гимнах, причем при разных падежах слова «сын» это словосочетание чаще всего занимает именно пятую и шестую стопы так же, как и в стихе нашего оракула.

См. также Ком. 5, 48.

2.

Афина Арея, или Афина Воительница, упоминается, например, у Павсания: в Афинах на Ареопаге был жертвенник Афины Ареи, воздвигнутый Орестом, когда он был оправдан после убийства матери (I 28, 5), а в Платеях в Беотии святилище Афины Ареи было построено на средства, полученные от добычи, которую афиняне

⁹¹Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 123.

⁹²Graf F. Rolling the Dice for an Answer. P. 63.

выделили платейцам после победы на Марафонском поле (IX 4, 1). Афиной Ареей вместе с некоторыми другими богами клялись афинские юноши, когда достигали возраста эфэбов (*Lucurg.* Leost. 77). Афина Арея почиталась также в Пергаме, Магнесии-у-Сипила и особенно в южных областях Малой Азии⁹³.

В реконструкции Нолле третья строка дана так: ἦξεις καὶ σώσει σε θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη — «Ты придешь, и спасет тебя богиня совоокая Афина»⁹⁴.

Выражение «избежать несчастья» — κακότητα φυγεῖν с разными формами глагола встречается уже у Гомера (*Od.* III 175, IX 489, X 129, XXIII 238, ср. *Od.* V 414).

Формула θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη используется в поэмах Гомера 51 раз (II I 206, II 166, V 405, 429, 719, 793, 825, 853 и т.д.) и 4 раза в трудах Гесиода (*Theog.* 573, *Erga* 72, Sc. 325, 343) и всегда занимает вторую половину стиха.

Последний стих этого прорицания представляет собой один из вариантов используемых оракулом по пяти астрагалам формул: ἔσται σοι πράξις καταθύμιος, ἦν ἐπιβάλλη — «Будет тебе по сердцу то дело, к которому ты стремишься» (2, 5), βουλή δ' ἔσται σοι καταθύμιος, ἦν ἐπιβάλλη — «Будет тебе по сердцу то решение, к которому ты стремишься» (7, 5), καὶ πάντ' ἔσται σοι καταθύμια, ὅσσ' ἐπερωτᾷς — «И всё будет тебе по сердцу, о чем ты спрашиваешь» (52, 5), — а также: τὴν πράξιν, ξένε, μὴ πράξης, ἦν νῦν ἐπιβάλλη — «О чужестранец, да не делал бы ты того дела, к которому ныне стремишься» (6, 3), ἦν ἐπιβάλλη πράξιν, θαρρῶν ἴθι, πράσσε — «Смело иди, исполни то дело, к которому стремишься» (17, 3), ἡγεμονεύσει σοι Δαίμων ὁδόν, ἦν ἐπιβάλλη — «Поведет тебя Даймон по той дороге, к которой ты стремишься» (14, 3).

См. также Ком. 1.

3.

Этот бросок посвящен Мойрам, которым также посвящены и еще два броска: 37-й и 44-й, — причем все получаемые с помощью этих бросков прорицания носят негативный характер.

Совет этого прорицания ἦν πράσσεις πράξιν, μὴ πράξης — «Да не делал бы ты того дела, которое делаешь», как и, наоборот, совет выполнить то или иное дело (оба, как правило, использующие *accusativus obiecti interni*) повторяются с разными вариациями в других прорицаниях (6, 3; 8, 3; 17, 3; 29, 3; 38, 3; 49, 3).

⁹³ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 126.

⁹⁴ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 126.

Состояние усталости, изнеможения человека — будь то от трудов или от болезни — не остается за пределами внимания оракула и всегда передается через причастие глагола κάμνω (3, 4; 9, 4; 56, 5). Трудное положение нередко описывается прилагательными χαλεπός — «тяжелый» (3, 4; 29, 4; 33, 5; 43, 4; 53, 5) и ἀμήχανος — «непреодолимый», «неисполнимый» (3, 4; 13, 3; 53, 4).

В реконструкции Нолле последняя строка выглядит так: εἰ δ' ἀλοδημίσεις χρονίως, οὐθὲν κακὸν ἔσται — «Если ты достаточно долгое время проведешь в путешествии, ничего плохого не будет»⁹⁵.

Формула οὐδὲν/οὐθὲν κακὸν ἔσται — «ничего плохого не будет» с некоторыми добавлениями присутствует и в других строфах (6, 5; 17, 5; 35, 5; 38, 5), причем она всегда заканчивает собой прорицание. См. также Ком. 8.

4.

Нолле считает, что только надпись из Термесса воспроизводит более правильный вариант третьей и четвертой строки, и с небольшим исправлением дает: αἰετὸς ὑψιλέτης ἐπὶ δεξιᾷ χειρὸς ὀδίτης δώσει μαντεῖαν ἀγαθὴν — «Высоко летящий орел с правой руки даст путнику благое откровение»⁹⁶. Вещая птица, появляющаяся с правой стороны, всегда считалась добрым предзнаменованием.

Формула αἰετὸς ὑψιλέτης — «высоко летящий орел» встречается 4 раза у Гомера (Π. XII 201, XII 219, XIII 822, Od. XX 243), причем всегда в начале стиха.

Это прорицание призывает вопрошающего не бояться, и подобный призыв содержит также прорицания 33, 4 и 41, 4.

См. также Ком. 1.

5.

В прорицаниях оракула по пяти астрагалам слово «даймон» используется в двух разных значениях. С одной стороны, это отдельное самостоятельное божество, которому, как уже было отмечено, посвящено четыре броска. Занимая позицию между миром людей и миром богов, даймон помогает в организации общения небожителей со смертными и при почтительном отношении человека скорее становится его заступником, нежели карателем — исключительно мстителем всегда выступает аластор (50, 4). С другой стороны, в

⁹⁵ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 127.

⁹⁶ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 129.

некоторых строфах слово «даймон» фактически оказывается синонимом слова «бог» и заменяет собой имя того бога, которому посвящен бросок: в 7-й строфе под даймоном подразумевается Ника, в 28-й — Немесида, в 33-й — Надежда и в 41-й — Деметра.

Формула «сделать по замыслу» (*πράσσειν κατὰ νοῦν*) или «сделать по намерению» (*πράξεις... κατὰ γνώμην*) встречается с разными формами глагола и в других строфах (24, 4; 28, 4; 30, 3; 48, 4). Также нередко используется и выражение *ἄ/ὄσσα μεριμνῶς* — «о котором ты заботишься», «которое ты задумал» (25, 5; 30, 3; 42, 3; 49, 5; 50, 5).

Подобно тому, как в первом прорицании помимо божества, которому был посвящен бросок, были названы и другие боги, Афродита и Гермес, вместе с советом добиться их благосклонности, так и здесь, хотя покровителем броска является Великий Даймон, прорицание обещает дополнительную защиту со стороны Зевса и Деметры. Такое возведение покровительства либо бога-хозяина броска, либо еще одного бога присутствует и в других строфах с разными вариантами оформления этой формулы: *Ζεὺς ὑψιβρεμέτης σωτήρ κατὰ πάντα σοὶ ἔσται* — «Зевс в поднебесье гремящий во всем будет тебе спасителем» (18, 5), *Ζεὺς Κτήσιος ἔσται ἀρωγός* — «Зевс Ктесий будет заступником» (27, 3), *καὶ συνλήπτωρ θεὸς ἔσται* — «И бог [то есть Ника, которой посвящен бросок] будет помощником» (36, 4).

6.

Богине судьбы Тюхе, весьма почитаемой во времена империи, принадлежат в оракуле по пяти астрагалам четыре броска (6, 10, 19, 43), каждый из которых дает положительное обнадеживающее прорицание. Этот бросок посвящен Тюхе Защитнице — *Τύχης Κηδεμόνος*. Защитниками в тексте оракула по пяти астрагалам названы также и Диоскуры: *Διοσκόρων Κηδεμόνων* (39, 1).

О помощи богов человеку, «находящемуся в болезни» (*τὸν τ' ἐν νοῦσφ ἕοντα*), или «изнуренному болезнью» (*τὸν κάμνοντ' ἐν νοῦσφ*), или «болеющему» (*τὸν νοσέοντα*) возвещается во многих прорицаниях этого оракула (8, 4; 9, 4; 12, 4; 20, 4; 34, 4; 38, 4).

Два последних стиха этого прорицания говорят о действиях богов, направленных на помощь людям. Высказывание носит самый общий характер и не обращено, как первый стих прорицания, непосредственно к вопрошающему. Видимо, он сам должен понять, как этот принцип божественного поведения будет действовать в его ситуации. Подобное построение прорицания используется в оракуле по пяти астрагалам неоднократно (8, 9, 20, частично 12, 34, 38, 43).

См. также Ком. 2, 3, 33.

7.

Обещание победы — νεικήσεις — есть и в другом прорицании, покровителем которого тоже выступает богиня Ника (36, 5).

Формула ἄ/ὄσσα θέλεις — «которое/сколько многое ты хочешь» используется во многих прорицаниях (25, 5; 36, 4; 42, 3; 47, 4; 51, 3). Другим синонимичным вариантом этой формулы является выражение ἄ/ὄσα βούλει (18, 4; 23, 4; 35, 4).

Выражение πάντα σοι ἔσται — «всё будет твоим» встречается еще в строфе 47, 2 и перекликается с выражением μετὰ ταῦτα σοι ἔσται — «после этого [всё] будет твоим» (56, 4).

См. также Ком. 2, 5, 56.

8.

Этот бросок посвящен Нике благосклонной. Собственно прилагательное ἴλαρός в классический период означало «веселый», но в поздней античности оно становится синонимом прилагательного ἴλαος — «благосклонный», «милостивый».

В этой строфе в надписи из Адад дважды не сделана элизия там, где она метрически необходима: в σώσουσι ἀπὸ оставлена иота, а в ἐόντα ἦξεν оставлена альфа. Также следует обратить внимание на аллитерацию и четыре спондеических стопы стиха τὴν πρᾶξιν πᾶσαν πρᾶσσειν· ἔσται γὰρ ἄμεινον.

Обещание божественной помощи и защиты: θεοὶ σώσουσι — «боги спасут», — с разными вариациями этой формулы дается во многих прорицаниях оракула по пяти астрагалам (9, 4; 9, 5; 12, 4; 20, 4; 34, 4; 38, 4; 47, 5; 56, 5).

Для человека, отправлявшегося по делам в долгое и, безусловно, опасное путешествие, было очень важно знать, суждено ли ему вернуться назад на родину. Поэтому прорицания оракула по пяти астрагалам нередко говорят о возвращении домой, которое произойдет под покровительством божества: καὶ τὸν ἐν ἄλλῳ δήμῳ ἐόντα ἦξεν θεὸς αὐδᾶ — «Бог возвещает, что вернется назад и тот, кто находится среди чужого народа (8, 5), τὸν τ' ἀλόδημον ἐόντα θεοὶ σώσουσιν ἐς οἶκον — «Находящегося на чужбине боги невредимым приведут домой» (9, 5), καὶ τὸν ἐν ἄλλῃ χώρᾳ ἐόντα ἦξεν θεὸς αὐδᾶ — «Бог возвещает, что вернется назад и тот, кто находится в чужой земле» (20, 5), καὶ τὸν ἀλώμενον ἐν ξενίῃ χώρῃ ἦξεν θεὸς αὐδᾶ — «Бог возвещает, что вернется назад и тот, кто странствует в чужой земле» (43, 5). Кроме того, оракул мог дать совет либо отправиться в дорогу, либо воздержаться от поездки: εἰ δ' ἀλόδημον ἰδεῖν χρόνιον — «Отправляйся в долгое странствие посмотреть чужие края» (3, 5),

στέλλε, ὅπου χρήσεις· χαίρων σὺ γὰρ οἴκαδ' ἀφίξει — «Отправляйся, куда нужно, ведь довольным вернешься домой» (11, 3), στέλλε, ὅπου σοι θυμός· πάλιν γὰρ δόμον ἤξεις — «Отправляйся, куда [влечет] тебя твой дух, ведь назад домой вернешься» (48, 3), θαρρῶν δὲ βάδιζε — «смело же ступай» (41, 5), εἰς ὁδὸν ὀρηθῆναι — «отправься в дорогу» (51, 4), μολεῖν οὐ γὰρ καλόν — «отправиться в путь нехорошо» (10, 3), οὔτε γὰρ ἐν ἄλλῳ δήμῳ ἰέναι σύμφoron ἐστιν — «Ведь невыгодно отправиться к чужому народу» (30, 4), μίμνε δόμων ἔτι σῶν· μηδ' ἄλλοθι βαῖνε — «Останься в своем доме и в другое место не отправляйся» (40, 3; 50, 3), οὔτε γὰρ εἰς ὁδὸν ὀρμᾶσθαι καλόν οὔτ' ἀγοράζειν — «Нехорошо ни в путь отправиться, ни заняться покупками» (55, 5), μὴ βαῖν', οὐ μέλλεις — «не отправляйся туда, куда ты собираешься» (56, 3).

См. также Ком. 3, 6.

9.

В реконструкции Нолле третья строка этой строфы заканчивается словами ἀλλὰ καλόν τοι — «но поистине [будет] хорошо», представленными в надписях из Кремны и Сагаласса⁹⁷. Однако в надписи из Китанавр вместо τοι стоит σοι — «но хорошо [будет] тебе». Поэтому сложно однозначно решить, какой вариант имел место в надписи из Адад.

См. также Ком. 3, 6, 8.

10.

Этот бросок находится под покровительством Τύχης Κυβερνώσης — «Тюхе, ведущей корабль», «Тюхе Кормчей». Богиня Тюхе, почитание которой известно с V в. до н. э., но активно начало распространяться в эпоху эллинизма, нередко изображалась с корабельным рулевым веслом, поскольку этим веслом, согласно Диону Хризостому, она управляла судьбами мира: τὸ δὲ ληδάλιον δηλοῖ ὅτι κυβερνᾷ τὸν τῶν ἀνθρώπων βίον ἢ Τύχη — «А кормило показывает, что Тюхе управляет жизнью людей» (LXIII 7). Флавий Филострат упоминает о находящемся на расстоянии стадия от Афин храме Тюхе со статуей богини из слоновой кости, изображенной «как управляющая всем» (ὡς κυβερνώσης πάντα, VS 2, 550 Olearius). Также и Паллад уверен, что мы имеем «Тюхе управительницей жизни» (τὴν δὲ Τύχην βιότοιο κυβερνήτειραν ἔχοντες, Anth. Gr. X 65, 3).

В Ададах богиня Тюхе пользовалась особым почитанием. В III в. там, как уже было сказано, проводились посвященные ей и какой-то

⁹⁷Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 136.

победе римских императоров празднества со спортивными соревнованиями, которые назывались Тюхейским Эпиникием (Τυχεῖον Ἐπιπνίκιον). Тюхе часто изображается на монетах, отчеканенных в Ададах, — то с корабельным рулевым веслом, то с рогом изобилия⁹⁸, то у алтаря во время жертвоприношения вместе со стоящими слева Диоскурами и лежащим справа богом реки (или Кестром, или Эвримедонтом)⁹⁹. Кроме того, одно из прорицаний алфавитного оракула, который был вырезан на скале у ведущей в Адады дороги знатными жителями Адад Антиохом и Бианором, гласит: «Пифиец с Тюхе будут помогать тебе»¹⁰⁰. А у алфавитного оракула из святилища Богини Матери и Эвримедонта, расположенного на землях Тимбриад, северного соседа Адад, есть такие изречения: Βλέλει σ' ἔρημον ὄμμασιν φαίδροις Τύχη, — «На тебя, покинутого, смотрит сияющими очами Тюхе» (B) и Ζητεῖς τὰ κρυπτά: φωσφόρος δ' ἔσται Τύχη — «Ты ищешь тайное, светоносной же будет Тюхе» (Z)¹⁰¹. В системе оракула по пяти астрагалам Тюхе принадлежало четыре броска (см. Ком. 6).

В этой строфе даются два часто повторяющихся в разных прорицаниях совета. Во-первых, μήτω/μή σπεύδε/σπεύσης — «не спеши» (15, 4; 20, 3; 23, 3; 24, 3; 24, 5; 32, 3; 53, 3) с вариантом констатации ненужной спешки: σπεύδεις — «ты спешишь» (21, 3), τί σπεύδεις; — «Зачем ты спешишь?» (22, 3), οὐκ ἔστιν σπεύδοντα τυχεῖν... — «невозможно, чтобы спешащий достиг...» (39, 3), μή σοι σπεύδοντι βλάβος ἔσται[. .] — «чтобы тебе, спешащему, не было вреда» (55, 4). При этом поспешить оракул побуждает значительно реже: σπεύδειν δέ σε χρησμός ὄδ' αὐδᾶ — «это прорицание возвещает, чтобы ты поспешил» (43, 3). Во-вторых, ἐλίμεινον/ἀνάμεινον/μείνον — « подожди » (13, 4; 23, 4; 31, 3; 32, 3; 44, 5; 46, 5; 53, 3; 55, 4; 56, 4).

Это прорицание объявляет, что «отправиться в путь нехорошо» — μολεῖν οὐ ... καλόν, а другое говорит, что «нехорошо ни в путь отправиться, ни заняться покупками» — οὔτε γάρ εἰς ὁδὸν ὀρμᾶσθαι καλόν οὔτ' ἀγοράζειν (55, 5). В то же время некоторые прорицания, наоборот, возвещают о том, что всё будет хорошо: ἀλλὰ καλόν τοι — «но поистине [будет] хорошо», καὶ περὶ τῶν ἄλλων μαντείων ἔσται καλῶς σοι — «И по всем прочим оракулам для тебя всё хорошо» (12,

⁹⁸ *Aulock H. von.* Münzen und Städte Pisidiens I. Tübingen, 1977. S. 58.

⁹⁹ *Brandt H.* Adada — eine pisidische Kleinstadt in hellenistischer und römischer Zeit // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte.* Bd. 51. H. 4. 2002. S. 408.

¹⁰⁰ О так называемом алфавитном оракуле из Сыгырлыка см.: *Nollé Jo.* Kleinasiatische Losorakel. S. 231–239. *Приходько Е.В.* Адады. Часть 1. С. 201–206.

¹⁰¹ *Nollé Jo.* Kleinasiatische Losorakel. S. 268.

5; 29, 5), ὧν ἕνεκ' ἔσται πάντα καλῶς — «поэтому всё будет хорошо» (35, 4).

Оракул по пяти астрагалам всегда предостерегает от пустого, бессмысленного усердия: εἰ δὲ κενοσπουδῶς χρήσῃ — «если воспользуешься пустым усердием» (10, 4), εἰ δὲ κενοσπουδεῖς ματαίως — «если ты тщетно прилагаешь пустые усилия» (22, 4), μὴ κενὰ μόχθει — «не старайся впустую» (21, 3; 55, 3), μόχθος τε κενός — «пустое усилие» (45, 4). Это предостережение покоится на уверенности в том, что для каждого дела должен наступить удачный момент времени — καιρός¹⁰², о котором напоминают многие прорицания оракула: μείνον, ἕως ἔλθῃ καιρός — «жди, пока придет время» (10, 5), οὐπω γὰρ ὁ καιρός — «ведь еще не время» (20, 3; 22, 3; 24, 3), οὐπω καιρὸν ὀρώ — «я еще не вижу подходящего момента» (22, 5), σοὶ ἔσται ὁ καιρός — «для тебя настанет время» (25, 3), ἐστὶν ὁ καιρός — «время настало» (29, 3), ἐν τε χρόνῳ καιρὸν τηρεῖν — «и карауль момент времени» (49, 4), καιρὸν ἔχεις — «ты достиг подходящего момента» (51, 3), ἔχει καιρὸν τιν' ὁ μόχθος — «для тяжелого труда удачное время» (51, 4). Если же оракул хотел обозначить неуместное, несвоевременное действие, он использовал также и наречие ἀκαιρός: οὐ σοὶ χρήσιμόν ἐστι θεοὺς βιάσασθαι ἀκαιρός — «неполезно для тебя несвоеременно досаждать богам» (15, 5).

Если человек повинуетя указаниям божества, он достигнет желаемого, и это действие весьма часто обозначается через глагол ἐπιτυγχάνω в форме будущего времени: ἐπιτεύξῃ — «ты достигнешь» (22, 5; 28, 5; 35, 4; 36, 5; 51, 3). И вполне вероятно, что выбор этого глагола не был случайным, ведь он образован от того же корня, что и имя богини Тяхе.

См. также Ком. 8.

11.

Совет-разрешение отправиться туда, куда хочет тот, кто обратился к оракулу: στέλλε, ὅπου χρήσεις, — присутствует и в другом прорицании: στέλλε, ὅπου σοὶ θυμός — «отправляйся, куда [влечет] тебя твой дух» (48, 3). Что же касается глагола χρήζω, то он встречается в тексте надписи еще дважды (26, 4; 34, 5).

Оракул по пяти астрагалам неоднократно возвещает вопрошающим, что кто-то из них найдет и обретет то, к чему стремится. Для передачи этой мысли, как правило, используются разные формы глагола εὐρίσκω: εὐρόν καὶ πράξας, ὅσσα φρεσὶ σῆσι μενοινᾶς —

¹⁰²Об истории развития значения этого слова см.: *Onianc P.B.* На коленях богов. М., 1999. С. 334–339.

«обретя и исполнив всё, что ты замышляешь в своем разуме» (11, 4), εὐρών καὶ πράξας κατὰ νοῦν — «обретя и исполнив по замыслу» (48, 4), πράξεις εὐρών δ' ἅ μερμνῶς — «ты исполнишь, обретя, то, что ты замышляешь» (25, 5), εὐρήσεις, ὅσσα μερμνῶς — «обретешь всё, что замышляешь» (42, 3), πάντα δ' ἅ χρήξεις, εὐρήσεις — «ты обретешь всё, что желаешь» (26, 4–5), εὐρήσεις δ' ὅσα μαντεύη — «ты обретешь всё, о чем вопрошаешь» (35, 5), τὰ φανῆς εὐρήσεις — «тайное ты обнаружишь» (42, 5).

Выражение ὅσσα φρεσὶ σῆσι μεμνῶς либо в таком варианте, либо с заменой начального местоимения или второго лица глагола на третье является устойчивой гомеровской формулой (П. XIV 221, XIV 264, Од. II 34, VI 180, XV 111, XVII 355).

См. также Ком. 1, 8.

12.

Нолле считает, что правильнее было бы, чтобы третья строка этой строфы начиналась не с εἰς, а с εἶ, то есть с формы глагола «быть» во втором лице единственного числа, хотя такой вариант не зафиксирован ни в одной сохранившейся надписи с оракулом по пяти астрагалам¹⁰³. В целом характер этого стиха Нолле признает христианским. Действительно, в тексте оракула по пяти астрагалам есть образы и высказывания, явно восходящие не к языческой, а к христианской традиции. Но эта тема требует отдельного серьезного рассмотрения и не может быть сведена к конспективным заметкам в рамках комментариев.

Последний стих полностью повторяется в прорицании 29, 5. Правда, здесь до конца не ясно, от какого слова взят родительный падеж множественного числа ΜΑΝΤΕΙΩΝ¹⁰⁴. Если это слово τὸ μαντεῖον — «оракул», то тогда в родительном падеже множественного числа должно стоять острое ударение на втором слоге от конца — μαντεῖον. Если же имелось в виду слово ἡ μαντεία — «откровение», то следовало бы поставить обличенное ударение на последнем слоге — μαντεῖων. Строго выбрать один вариант оказывается проблематичным, во-первых, из-за того, что оба эти слова используются оракулом по пяти астрагалам, и во-вторых, из-за того, что в данном контексте равным образом подходят оба значения.

См. также Ком. 1, 6, 8, 10, 17.

¹⁰³Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 139.

¹⁰⁴Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 145.

13.

Это — единственный бросок, посвященный Орам, которые, по мнению Нолле, выступают здесь бесцветными богинями судьбы, бледной персонификацией времени, которое дано человеку какой-то другой судьбой¹⁰⁵.

Выражение *δυσθήρητα νοεῖς καὶ ἀμύχανον* — «ты замыслишь недостижимое и неисполнимое» перекликается с советом *μηδὲ σὺ φρικτὰ νοεῖ* — «и не замыслий ты приводящего в трепет» (16, 3) и с утверждением *δευὰ φρονεῖς* — «ты думаешь об ужасном» (16, 4).

Концовка последнего стиха используется также в прорицании 51, 5.

См. также Ком. 3, 10.

14.

В реконструкции Нолле эта строфа выступает под номером 16.

О даймоне или божестве, который поведет вопрошающего — *ἡγεμονεύσει*, возвещают также и прорицания 21, 5 и 24, 4, а о «плоде», то есть результате, который должен быть достигнут, — прорицания 19, 5; 26, 5 и 36, 5. Глагол *ἡγεμονεύω* в поэмах Гомера встречается 34 раза, но там он никогда не занимает первые две стопы стиха, как в нашем оракуле. В качестве синонима глагола *ἡγεμονεύω* оракул по пяти астрагалам использует глагол *ὀδηγέω* (28, 3; 33, 4; 41, 4), образованный от того же корня, что и существительное *ὁδός* — «дорога», которое также неоднократно встречается в тексте оракула: *ἡγεμονεύσει σοὶ Δαίμων ὁδόν, ἣν ἐπιβάλλῃ* — «Поведет тебя Даймон по той дороге, к которой ты стремишься» (14, 3), *οὐδ' ὁδόν, ἣν στείχεις, κέρδος τί σοὶ ἐστὶν ἀπ' αὐτῆς* — «И от дороги, по которой идешь, тебе не будет никакой прибыли» (16, 5), *σκόρπιοι ἐστᾶσιν καθ' ὁδόν* — «скорпионы стоят на дороге» (23, 3), *λῆξον δ' ὁδοῦ ἢ δ' ἀγορασμοῦ* — «воздержись от дороги и покушки» (44, 5), *μὴ βαίνειν ὁδόν, ἣν μέλλεις* — «не отправляйся в дорогу, которую наметил» (46, 3), *εἰς ὁδόν ὀρηθῆναι* — «отправься в дорогу» (51, 4), *λυπηρά τις ὁδὸς καὶ ἀμύχανος οὐδὲ προσικτή* — «Тягостна дорога и непреодолима и не ведет к цели» (53, 4), *δώσει δὲ ὁδόν σοι* — Афродита «даст тебе дорогу» (54, 4), *οὔτε γὰρ εἰς ὁδόν ὀρμᾶσθαι καλόν* — «ведь нехорошо отправиться в путь» (55, 5).

Φιλομειδῆς Ἀφροδείτη — «улыбколюбивая Афродита» — это формула, которая активно использовалась, причем всегда в исходе стиха, у Гомера (II. V 375, Od. VIII 362) и Гесиода (Theog. 989, Fr.

¹⁰⁵Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 140.

176), в поэме «Кирпий» (Fr. 5, 1), в гомеровском гимне к Афродите (IV 17, 49, 56, 65, 155) и в орфическом гимне к Афродите (LV 1), в «Апотелисматике» Манефона (II 313, IV 225), а позже нашего оракула у Нонна Панополитанского (XXXIII 56, XXXV 184, XLI 205, XLVII 316).

Прилагательное ἀλτήμων — «невредимый», «благополучный» употреблялось уже Гомером, но в качестве определения к слову μοῖρα оно зафиксировано только у Аполлония Родосского (I 422), и это же сочетание повторяет оракул по пяти астрагалам: ἀλτήμωνι μοῖρα.

См. также Ком. 1, 2.

15.

В реконструкции Нолле это строфа дана под номером 14.

В надписи из Адад эта строфа не сохранилась, поэтому мы приводим текст этой строфы по надписи из Кремны.

В тексте оракула по пяти астрагалам Посейдону посвящено два броска (15 и 45), каждый из которых связан с прорицанием, использующим морские образы.

В этой строфе, как и в ряде других строф (19, 21, 23, 32, 37, 39, 40, 44, 45, 46, 50, 52), мы встречаемся не просто с советом, как следует правильно поступить в той или иной ситуации, а с попыткой представить суть происходящего через разные образы. Каждый такой образ имеет свои истоки, причем, судя по всему, не только в античной, но и в христианской традиции, и требует более подробного рассмотрения, которое не укладывается в жанр комментариев. Поэтому касаться этой темы в данной работе мы не будем.

Существительное μόθος — «тяжелый труд», «усилие», деноминативный глагол μοχθήω — «тяжело переносить», «страдать» и прилагательное μοχθηρός — «плохой», «дурной» используются оракулом по пяти астрагалам неоднократно (45, 4; 51, 4; 15, 3; 21, 3; 55, 3; 39, 5; 40, 5).

В слове ἰχθῦν Нолле ставит обличенное ударение, хотя нормативные грамматики дают парадигму слова ἰχθύς с острым ударением в винительном падеже. Однако в отдельных изданиях ударение в этой форме все же оказывается обличенным, а значит, оно может быть в ней вариативным. Нолле свой выбор типа ударения не комментирует, и поэтому нам остается только предположить, что, ставя обличенное ударение, он стремится подчеркнуть долгий характер гласного, что было необходимо для метрически правильного гекзаметрического стиха.

Последний стих этого прорицания οὐ σοὶ χρήσιμὸν ἔστι θεοὺς βιάσασθαι ἀκαίρως — «неполезно для тебя несвоевременно досаждать богам» — перекликается с советом другого изречения: μηδὲ βιάζου θνητὸς ἐὼν θεόν — «и, будучи смертным, не досаждай богу» (45, 5).

См. также Ком. 10, 45.

16.

В реконструкции Нолле эта строфа выступает под номером 15.

Выражение οὐθὲν γὰρ ὀνήσιμὸν ἔστιν ἀλ' αὐτοῦ — «ведь ничего полезного от этого нет» перекликается с выражением οὔτε ὀνήσιμον ἔσται — «и не будет полезным» (30, 5), а также с οὔτε γὰρ ἐν ἄλλῳ δήμῳ ἰέναι σύμφυρόν ἐστιν — «ведь и невыгодно отправиться к чуждому народу» (30, 4).

Ο κέρδος — «выгоде» говорит также и прорицание 39, 4: κέρδος ἔχεις — «у тебя есть выгода».

См. также Ком. 13, 14.

17.

Нолле обращает внимание на то, что третья и четвертая строки этой строфы метрически неправильные, и предлагает в третьей строке после ἐπιβάλλῃ добавить νῦν, а в четвертой строке после καλὰ — γάρ¹⁰⁶.

Совет θαρρῶν ἴθι — «смело иди» дается в трех прорицаниях (17, 3; 18, 3; 26, 4), но также есть совет θάρσει — «будь смел» (27, 3; 51, 3), θαρρῶν δὲ βάδιζε — «смело же ступай» (41, 5) и θαρσῶν ἐνχείρει — «смело приступай» (34, 3) или ἐνχείρει, ξένε, θαρσήσας — «приступай, о друг, укрепившись» (42, 4).

Собственно побуждение начать дело: ἐνχείρει — «приступи», — звучит не только в этом и уже приведенных выше прорицаниях: τὴν πρᾶξιν πράσσειν ἐνχείρει — «приступи к выполнению дела» (29, 3), ἔργον τ' ἐνχειρεῖν ἀγαθόν — «приступить к делу — благо» (51, 5).

В этой строфе, в отличие от строф 12 и 29, определенно стоит слово μαντεῖα — «изречения оракула», то есть винительный падеж множественного числа от τὸ μαντεῖον.

См. также Ком. 2, 3.

18.

Бросок посвящен Зевсу Аммону, которому принадлежал знаменитый оракул в Ливии (см., например, *Hdt.* II 55).

¹⁰⁶ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 144.

Выражение φρεσὶν ὀρμάνεις — «ты обдумываешь в разуме» — восходит к устойчивой эпической формуле, в вариантах которой меняются формы глагола и при существительном могут появляться предлоги. Эта формула используется у Гомера (Π. X 4, XVI 435, Od. III 151, IV 843), в гомеровском гимне к Гермесу (III 66), у Аполлония Родосского (III 18), в «Галиевтике» Опшиана (IV 360), современника и, можно сказать, соседа нашего оракула (поскольку Опшиан был родом из Киликии, лежащей на восток от Писидии) и уже на два столетия позже нашего оракула у Квинта Смирнского (IX 238).

Эпитет Зевса ὑψιβρέμετης — «высокогремящий» — известен уже с поэм Гомера (Π. I 354, XII 68, XIV 54, XVI 121, Od. V 4, XXIII 331) и встречается также у Гесиода (Theog. 568, 601, Erga 8, Fr. 204, 97), в гомеровском гимне к Гермесу (III 329), в орфической «Аргонавтике» (1278) и в одном из Сивиллиных оракулов (Anth. Gr. App. Orac. 210, 2).

См. также Ком. 1, 5, 7, 17.

19.

Этот бросок посвящен Тюхе Спасительнице — эпитет, который использовали уже Пиндар (Ol. XII 2) и Эсхил (Ag. 664). Тюхе Спасительница (Сотейра) изображалась на монетах Антиохии Писидийской, а жители этого города воздвигли в Эфесе статую этой богини, с посвятительной надписью на постаменте, которая начинается словами: Τύχης Σωτείρας¹⁰⁷.

Ἐηροὶ μαστοὶ — «сухие груди» считались плохим предзнаменованием, поскольку грозили младенцу смертью. В книге пророка Осии пророк просит Бога о наказании: «Дай им утробу нерождающую и сухие сосцы» (δὸς αὐτοῖς μήτραν ἀτεκνοῦσαν καὶ μαστοὺς ξηροὺς, 9, 14). А Артемидор в «Соннике» подробно рассматривает, какое событие предвещает сон, в котором спящий завернут в пеленки и сосет молоко у некоей женщины, людям разным по возрасту и социальному статусу (I 16).

В последнем стихе Нолле выбирает для своей реконструкции вариант, представленный в других надписях, и вместо наречия τότε — «тогда» надписи из Адад дает лоте — «когда-либо». Кроме того, пытаясь исправить метрическую неточность этого стиха, Нолле добавляет перед существительным καρποῦς артикль τοῦς¹⁰⁸.

См. также Ком. 6, 10, 14, 15.

¹⁰⁷ Engelmann H., Knibbe D., Merkelbach R. Die Inschriften von Ephesos. Teil IV // IGSK. Bd. 14. Bonn, 1980. S. 139–140. № 1238.

¹⁰⁸ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 146.

20.

Это прорицание посвящено Зевсу Ксению, или Зевсу Покровителю гостеприимства. О Зевсе Ксении повествует уже Гомер. Ζεὺς δ' ἐπιτιμήτωρ ἱκετάων τε ξείνων τε, ξείνιος, ὃς ξείνοισιν ἄμ' αἰδοῖσιν ὀληθεῖ — «Зевс заступник умоляющих и чужеземцев, Ксений, который покровительствует почтенным чужеземцам» (Od. IX 270–271), — пытается увещевать циклопа Полифема Одиссеей (ср. Διὸς ... ξείνιου, П. XIII 624–625, Od. XIV 283–284). Кроме того, в «Одиссее» Навсикая, убеждая служанок не бояться Одиссея, напоминает им: «Ведь все и чужестранцы, и нищие находятся под покровительством Зевса» (VI 207–208), — и потом эти же слова повторяет свинопас Эвмей в разговоре с Одиссеем (XIV 57–58). Также, например, и Дион Хризостом объясняет, почему Зевса величают Ксением: «А Ксений — потому что и начало дружбы таково — не пренебрегать иноземцами, и не считать никого из людей чужим» (I 41).

См. также Ком. 6, 8, 10.

21.

Выражение μὴ κενὰ μόχθει — «не старайся впустую», о котором уже шла речь выше (Ком. 10), перекликается как с сентенцией Менандра: Ἀνὴρ ἄβουλος εἰς κενὸν μόχθει τρέχων — «Безрассудный человек трудится, стараясь впустую» (61 Jäkel), так и со словами жены Иова в книге Иова в переводе LXX: ... λόνοι, οὓς εἰς τὸ κενὸν ἐκολίασα μετὰ μόχθων — «... труды, которые вместе со страданиями я претерпела впустую» (Job. 2, 9b).

О собаке, рожающей в спешке слепое потомство, — это выражение пришло в греческую литературу с Востока еще в VII в. до н. э. и потом стало поговоркой, — мы здесь подробно говорить не будем (см. Ком. 15). Весь этот стих полностью повторяет прорицание 32, 4.

Оракул по пяти астрагалам нередко советует вопрошающему спокойно принять решение или просто прекратить всю деятельность и остаться в покое: ἦσυχᾶ βουλεύου — «обдумывай спокойно» (21, 5; 32, 5), τὸ νῦν δὲ ἦσυχος ἴσθι — «а ныне будь спокойным» (31, 4–5; 49, 4), μέν' ἐλ' ἦσυχίης — «останься в покое» (22, 3), ἐλ' ἦσυχίης δ' ἀνάμεινον — «подожди в спокойствии» (46, 5).

См. также Ком. 10, 14, 15, 56.

22.

Этот бросок посвящен Аресу, у которого, согласно Геродоту, в Писидии был собственный оракул (VII 76).

Для своей реконструкции Нолле выбирает вариант тех надписей, где по ассимиляции согласного у стоящего впереди предложения становится очевидным густое придыхание в слове ἡσυχία: ἐφ' ἡσυχίης. Также в четвертой строке Нолле, следуя надписи из Сагаласса, дает вместо наречия ματαίως наречие ταχέως — «быстро», считая его метрически более правильным¹⁰⁹.

Выражение ἀνέτομα δίοκεις — «ты гонишься за недостижимым» почти в точности повторяет концовку стиха Гесиода: νήπιος, ὃς τὰ ἐτόιμα λλὼν ἀνέτομα δίοκει — «неразумын тот, кто, оставив достижимое, гонится за недостижимым» (Fr. 61).

См. также Ком. 10, 21, 56.

23.

Скорпионы, упоминаемые также и в прорицании 40, 4, явно служили зловещим предзнаменованием.

Поскольку оракул по пяти астрагалам чаще всего вопрошали в связи с торговыми делами, то в его прорицаниях нередко идет речь о покупке: ὀνεισθαί/ὀνούμενος (23, 5; 24, 5; 37, 5; 48, 5; 53, 5; 30, 5), — и продаже: ἀποδόσθαι (23, 5; 24, 5; 37, 5), πωλεῖν/πωλοῦντι (48, 5; 53, 5) или ἀγοράζειν/ἀγορασμοῦ (55, 5; 44, 5). Заметим, что в большинстве случаев возвещаемый совет касается сразу и покупки, и продажи.

См. также Ком. 7, 10, 14, 15.

24.

Покровителем этого прорицания выступает Аполлон Дельфийский. Хотя святилище Аполлона в Дельфах, бесспорно, было самым известным и почитаемым прорицалищем античного мира, эпитет «Дельфийский» соединялся с именем Аполлона крайне редко. Его можно найти у Платона (Leg. 686a) и у Флавия Филострата (VA III 42, VI 10). Орфический гимн, обращаясь к Аполлону, называет его «Дельфийским пророком» — Δελφικὲ μάντι (XXXIV 4). Из понятий, связанных с мантикой, «дельфийский», как правило, был устойчивым эпитетом при словах «треножник», «оракул» и «прорицание».

Представленное в третьей строке надписи из Адад выражение οὔτω γὰρ ὁ καιρός — «ведь еще не время» Нолле заменяет вариантом надписи из Кремны οὔτω καιρὸν ὄρω — «я еще не вижу подходящего момента»¹¹⁰.

См. также Ком. 5, 10, 14, 23, 56.

¹⁰⁹ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 149.

¹¹⁰ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 150.

25.

Для своей реконструкции Нолле выбирает вариант надписей из Кремны, Инджика и Простанн, где в третьей строке на месте стоящих в надписи из Адад слов $\delta\acute{\epsilon}\cdot\sigma\omicron\iota$ оказывается глагол $\delta\acute{\epsilon}\chi\omicron\upsilon$: «при-ми звук от дельфийского треножника». В четвертой строке, следуя надписям из Кремны и Простанн, он меняет причастие $\theta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\nu\varsigma$ на существительное $\theta\acute{\alpha}\lambda\acute{\alpha}\mu\omicron\nu\varsigma$: «время, наполненное свадебными по-коями». В последнем стихе Нолле также предпочитает вариант из Простанн и вместо $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\epsilon\iota\varsigma\ \epsilon\acute{\upsilon}\rho\omega\nu\ \delta'\ \acute{\alpha}\ \mu\epsilon\rho\iota\mu\nu\acute{\omega}\varsigma$ дает $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\alpha\varsigma\ \epsilon\acute{\upsilon}\rho\omega\nu\ \theta'\ \acute{\alpha}\ \mu\epsilon\rho\iota\mu\nu\acute{\omega}\varsigma$ — «сделав и обретя то, что ты замышляешь»¹¹¹.

«Дельфийский треножник» или «дельфийские треножники» — словосочетание, которое встречается в античных текстах десятки раз.

Если принять вариант надписи из Адад, где от прилагательного $\pi\lambda\acute{\eta}\rho\eta\varsigma$ ничего не зависит, то следовало бы отметить, что определение «момента времени» ($\kappa\alpha\iota\rho\acute{o}\varsigma$) как «полного» ($\pi\lambda\acute{\eta}\rho\eta\varsigma$) в античных текстах не встречается, зато в Новом Завете при $\kappa\alpha\iota\rho\acute{o}\varsigma$ сказуемым несколько раз оказывается глагол $\pi\lambda\eta\rho\acute{o}\omega$. Например, в Евангелии от Марка Иисус проповедует $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\omega\nu\ \delta\tau\iota\ \tau\epsilon\lambda\lambda\acute{\eta}\rho\omega\tau\alpha\iota\ \acute{o}\ \kappa\alpha\iota\rho\acute{o}\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \dot{\eta}\gamma\gamma\iota\kappa\epsilon\nu\ \acute{\eta}\ \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\ \tau\omicron\upsilon\ \theta\epsilon\omicron\upsilon$ — «... говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствие Божие» (1, 15).

См. также Ком. 5, 7, 10, 11.

26.

Выражение $\omicron\upsilon\theta\acute{\epsilon}\nu\ \sigma\omicron\iota\ \lambda\upsilon\tau\eta\rho\acute{o}\nu\ \acute{o}\rho\omega$ — «ничего тягостного для тебя я не вижу» используется и в прорицании 41, 5. А само прилагательное $\lambda\upsilon\tau\eta\rho\acute{o}\varsigma$ выступает еще определением к слову «дорога»: $\lambda\upsilon\tau\eta\rho\acute{\alpha}\ \tau\iota\varsigma\ \acute{o}\delta\omicron\varsigma$ — «тягостна дорога» (53, 4).

Плод назван здесь «безупречным», «безукоризненным» — $\acute{\alpha}\mu\epsilon\mu\lambda\tau\omicron\varsigma$, а в прорицании 28, 5 появляется наречие, образованное от этого прилагательного: $\acute{\epsilon}\lambda\iota\tau\epsilon\upsilon\acute{\xi}\eta\ \sigma\upsilon\ \tau\epsilon\ \acute{\alpha}\mu\epsilon\mu\lambda\tau\omicron\varsigma$, $\acute{\omega}\nu\ \acute{\epsilon}\lambda\iota\theta\upsilon\mu\acute{\eta}\sigma\epsilon\iota\varsigma$ — «И ты безукоризненно достигнешь того, к чему стремишься».

См. также Ком. 11, 14, 17, 56.

27.

Этот бросок был под покровительством Сераписа, которого, как мы уже отмечали, весьма почитали в Ададах, а Антиох, сын Тламоя, вместе со своей семьей даже воздвиг храм в честь Императоров,

¹¹¹Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 151.

Зевса Великого Сараписа и родины. Правда, на колонне с оракулом имя бога написано через «ε», а на посвянительной надписи Антиоха через «α», что мы и сохранили в русском переводе.

«Ныне же, о Аполлон Ликейский, насколько могу, прошу [тебя], припадаю, умоляю, стань для нас благосклонным помощником (πρόφρων ... ἄρωγός) в этих решениях!» — восклицает Электра в одноименной трагедии Софокла (1379–1381). «Боги — помощники людям» (ἄρωγοὶ ἀνθρώποισ θεοί), — вторит ей Максим Тирский (II 1). И таких примеров можно было бы привести много. Поэтому неудивительно, что и оракул по пяти астрагалам возвещает, что Зевс Ктесий будет вопрошающему помощником. Подобные прорицания есть и у алфавитных оракулов. Θεοὺς ἄρωγοὺς τῆς ὁδοῦ ταύτης ἔχεις, — «Ты имеешь богов заступниками на этой дороге», — обещают оракулы из Сыгырлыка и Олимпа. Θεοὺς ἄρωγοὺς καὶ παραστάτας ἔχεις — «Ты имеешь богов заступниками и помощниками», — вторят им оракулы из Эноанд, Кибиры и неизвестного города возле Коджаалилер¹¹².

В четвертой строке Нолле вообще убирает при реконструкции прототипа союз καί, который в надписи из Адад дан полностью, а в надписях из Кремны и Инджика с элизией — κ¹¹³.

См. также Ком. 1, 5, 17, 34, 48.

28.

Под даймоном здесь подразумевается Немесида, покровительница этого броска.

В реконструкции Нолле два последних стиха этого прорицания претерпевают ряд мелких изменений:

πράξεις δᾶν κατὰ νοῦν· καὶ μηκέτι τρυχε σεαυτόν.
<λάντ'> ἐπιτεύξῃ· σοί τε ἀμέμπτως, ὧν ἐπιθυμεῖς,¹¹⁴ —

«Ты всё сделаешь по замыслу, и уже больше себя не терзай.
Всего ты достигнешь, и безукоризненным [будет] для тебя
то, к чему ты стремишься».

См. также Ком. 5, 10, 14, 26.

¹¹²Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 233, 241, 245–247; Приходько Е.В. Адады. Часть 1. С. 201–206; Приходько Е.В. Алфавитный оракул из Олимпа: очерк истории изучения // Труды кафедры древних языков. Вып. III / Отв. редактор А.В. Подосинов // Труды исторического факультета МГУ. Вып. 53. Серия III. Instrumenta studiorum: 24. М., 2012. С. 12–75.

¹¹³Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 153.

¹¹⁴Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 154.

29.

Этот бросок посвящен Адрастее, богине, весьма почитаемой в Малой Азии, которая в позднее время практически была соединена с Кибелой и Немесидой.

Нолле выбирает вариант надписей из Ормел и Термесса и в третьей строке вместо формы настоящего времени глагола «быть» ἐστίν дает форму будущего времени, да еще с приставкой ἐλέεσται¹¹⁵.

См. также Ком. 3, 10, 12, 17.

30.

Покровителем этого броска был Зевс Керавний, или Зевс Громовержец. У Гомера этот эпитет Зевса в чистом виде не засвидетельствован, но зато Гомер часто называет Зевса *τερλικέρανος* — «наслаждающийся молниями» и *ἀρουκέρανος* — «молниевержец». «Керавнием» Зевса величает орфический гимн к Зевсу: *κεραβνιε ... Ζεῦ* (XV 9), — и Аристотель: *Κρόνου δὲ λαῖς ... κεραβνιος* (Mund. 401a). Другим вариантом написания этого эпитета оказывается «Керавн» — *Κεραυνός*. Именно Зевсу Керавну посвящен один из орфических гимнов (XIX). В дальнейшем Зевса Керавния/Керавна упоминают многие античные и христианские авторы. Так, Павсаний рассказывает, что в Олимпии возле фундамента дома Эномая стоял алтарь Зевса Керавния (V 14, 7). Феофил Антиохийский, перечисляя разных Зевсов, не забывает и Зевса Керавния (Autol. I 10). Иоанн Малала, ссылаясь на историка Павсания Антиохийского, повествует о том, что Селевк Никатор устроил празднество Зевсу Керавнию в святилище, основанном Персеем на горе Силпий (Chron. p. 199). О почитании Зевса Керавния сообщают многие греческие надписи, причем чаще всего — надписи из Малой Азии и близлежащих островов.

Нолле, пытаясь исправить метрически неправильную четвертую строку, меняет *ἐν* на *εἰν* и вместо *ἰέναι* дает *ξένε*, хотя такие нововведения не опираются ни на одну надпись. Также и в последнем стихе вместо *οὔτε* он ставит *ἧ* — «где»¹¹⁶.

См. также Ком. 5, 8, 16.

31.

Этот бросок посвящен Даймону Заступнику молящих, или Даймону Гикесию. Обычно этот эпитет принадлежал Зевсу, чему есть многочисленные примеры как у античных авторов, так и в надписях. Схолии к «Просительницам» Эсхила объясняют, что Зевс

¹¹⁵Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 155.

¹¹⁶Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 156.

Ксений и Гикесий был защитником находящихся в несчастье (τὸν ξένιον καὶ ἰκέσιον Δία τὸν φύλακα τῶν ἀτυχοῦντων, 381–384). В этой же трагедии Эсхила хор называет заступницей молящих Фемиду (360). Однако Даймона величает этим эпитетом только оракул по пяти астрагалам.

В утверждении οὐ σοὶ ὀρῶ βουλὴν τήνδ' ἀσφαλῆ — «я не считаю это твое решение надежным» используется прилагательное ἀσφαλῆς, которое трижды встречается и в других прорицаниях: εὐδοῖά σοι πάντ' ἐστὶ καὶ ἀσφαλῆ — «все для тебя достижимо и надежно» (33, 3; 41, 3) и οὐ γὰρ ὀρῶ πρᾶξιν τήνδε ἀσφαλῆ οὐδὲ βέβαλον — «я не считаю это дело ни надежным, ни верным» (50, 5 по надписи из Кремны).

Несмотря на то что богине Тюхе, как мы уже сказали, было посвящено четыре броска, в самих прорицаниях ее имя не встречается ни разу, и лишь в этой строфе появляется существительное τύχη: ἔσται δὲ τύχη μετὰ ταῦτα — «будет же после этого удачный случай».

Настоятельный совет, если не сказать, требование θεοῖς πείθου — «повинуйся богам» вполне соответствует жанру изречения оракула и встречается как в прорицаниях оракула по пяти астрагалам, так и в ответах других оракулов. Оракул из Адад призывает: Φοίβου χρησιμοῖσι δὲ πείθου — «повинуйся прорицаниям Феба» (49, 3), — и ему вторит оракул из Антиохии-у-Крага: σὺ δ' αὖ λόγοισι μαντικοῖς πεισθεῖς, ξένε, θάρσησον — «Ты же, о друг, снова доверившись пророческим словам, стань смелым» (12, 3–4). И точно такой же призыв звучит в Дельфах: «Повинуйся моим словам» (πείθου ἐμοῖσι λόγοισιν), — возвещает Пифия жителям Пеллены (F.Gr.Hist. 404 f 1), «Повинуйся мне, римлянин» (πείθεό μοι, Ῥωμαῖε), — приказывает она Сулле (App. BC I 97), «Повинуйся» (πείθε'), — требует она от Батта (F.Gr.Hist. 270 f 6), а целопоннесцам велит: «О жители Пелопоннеса! Обходя алтарь, приносите жертвы и повинуйтесь тому, что возвещают вам пророки (πείθεσθε τὰ κεν μάντεϊς ἐνέλωσιν)» (F.Gr.Hist. 257 f 1).

В последнем стихе Нолле предпочитает вариант надписей из Кремны и Ормел и вместо ἐφ' ἐλλίδος, где «ф» указывала на густое придыхание у начального гласного следующего слова, дает ἐπ' ἐλλίδος. Выражение ἐφ' ἐλλίδος повторяется в прорицании 34, 3: καὶ ἐφ' ἐλλίδος ἐστὶν ὁ χρησμός — «это прорицание к надежде», — и там Нолле также придерживается варианта без придыхания¹¹⁷.

См. также Ком. 10, 21, 23.

¹¹⁷Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 157, 159.

32.

Выражение *καί σοι χαρίεντα τελεῖται* — «и приятное для тебя исполнится» перекликается с выражением *καί σοι τὰ δεδοκμένα πάντα τελεῖται* — «и все твои решения исполнятся» (47, 4).

См. также Ком. 1, 10, 15, 21, 47.

33.

Третья строка этой строфы полностью повторяется в прорицании 41, 3, а также в алфавитном оракуле из Сыгырлыка (E)¹¹⁸. Однако метрически этот стих неправильный, и поэтому Нолле, следуя за вариантом надписи из Кремны, убирает предлог *πέρ*¹¹⁹.

Также и четвертая строка полностью совпадает с четвертой строкой прорицания 41.

Глагол *λύω* встречается в прорицаниях оракула по пяти астрагалам четыре раза (6, 5; 33, 5; 47, 5; 56, 5), причем всегда стоит в будущем времени и обозначает действие божества, освобождающего человека от различных несчастий.

О подозрении также идет речь в одном из прорицаний алфавитного оракула из святилища Богини Матери и Эвримедонта, находившегося на территории писидийского города Тимбриады: *Ἐπορία μὲν ἔστιν, ἀλλὰ μὴ φοβοῦ* — «Подозрение есть, но не бойся» (Γ)¹²⁰.

См. также Ком. 1, 3, 4, 5, 14, 31.

34.

Этот бросок посвящен Зевсу Ктесию, или Зевсу Покровителю имущества. Античные авторы начинают упоминать о Зевсе Ктесии с V в. до н. э. Так, в «Просительницах» Эсхила царь Аргоса рассуждает о том, что разоренный дом может снова наполниться достатком по милости Зевса Ктесия (*Κτησίῳ Διὸς χάριν*, 445). Оратор Антифон упоминает о совершенном в Пирее жертвоприношении Зевсу Ктесию (Noverc. 16). Демосфен цитирует изречение Додонского оракула, который, возвещая, каким богам какие следует приносить жертвы, отдельно повелевает: *Διὶ Κτησίῳ βοῦν λευκὸν* — «Зевсу Ктесию белого быка» (XXI 53). Гиппократ советует молиться Зевсу Ктесию (Insomn. 89). Во фрагменте комедии Менандра «Лжегеракл» сказано: «А теперь, всякий раз как я вижу, что парасит входит на

¹¹⁸ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 233.

¹¹⁹ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 158–159.

¹²⁰ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 269.

женскую половину, а Зевс Ктесий держит кладовую незакрытой...» (Fr. 452 Körte). Павсаний сообщает, что алтарь Зевса Ктесия был воздвигнут возле одного храма в Аттике (I 31, 4). Дион Хризостом объясняет, что Зевса зовут Ктесием, потому что он «податель богатства и имущества» (δοτήρ πλοῦτος καὶ κτήσεως, I 41). А патриарх Фотий пишет, что Зевса Ктесия «ставили в кладовых как подателя богатства» (ὄν καὶ ἐν τοῖς ταμείοις ἰδρύοντο ὡς πλουτοδότην, Z p. 53, s. v. Ζεὺς κτήσιος). Имя Зевса Ктесия нередко появляется и в надписях. Например, две надписи из карийского города Миласы упоминают даже о жрецах Зевса Ктесия¹²¹. А помощь Зевса Ктесия обещает 27-е прорицание нашего оракула.

В четвертой строке Нолле исправляет глагол μανύει на μαντεύει — «пророчествует», поскольку в противном случае стих оказывается метрически неправильным, так как у μανύει гласный «υ» краткий¹²². Правда, ни одна надпись такого варианта не демонстрирует.

В последнем стихе в перефразированном виде присутствует весьма употребительный в поздней античности *terminus technicus* τὸ χρέος ἀπολαμβάνειν — «получать назад долг».

См. также Ком. 6, 8, 11, 17, 31.

35.

Этот бросок находится под покровительством Гермеса Подателя прибыли. Эпитет Гермеса Κερδέμτορος (в надписи из Адад Κερδέντορος) зафиксирован в античной литературе только один раз: орфический гимн к Гермесу начинается с обращения к этому богу: «Услышь меня, Гермес», — и затем идет достаточно пространное перечисление стоящих в звательном падеже эпитетов Гермеса, среди которых есть и керδέμτορε (XXVIII 6). В надписях, кроме оракулов по пяти астрагалам, этот эпитет тоже, насколько нам известно, почти не встречается. Разве что на Фасосе был союз судовладельцев и купцов, покровителем которого почитался Гермес Кердемтор¹²³.

Чтобы представить последний стих метрически правильным, Нолле убирает союз καὶ и местоимение σοῦ, хотя в надписях такого варианта нет¹²⁴.

См. также Ком.1, 3, 7, 10, 11.

¹²¹Blümel W. Die Inschriften von Mylasa. Teil I // IGSK. Bd. 34. Bonn, 1987. S. 93. № 217, 3. S. 96. № 220, 6–7.

¹²²Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 160.

¹²³Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 161.

¹²⁴Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 160.

36.

См. Ком. 1, 5, 7, 10, 14.

37.

Этот бросок, как и 3-й и 44-й, посвящен Мойрам. Но в отличие от 3-й строфы, здесь Мойры названы Ἀδυσώλητοι, то есть Неумолимыми. Сложное по своему составу и нечастое в употреблении прилагательное ἀδυσώλητος никогда не выступало эпитетом ни Мойр, ни какого-либо другого божества. Его использование оракулом по пяти астрагалам оказывается единственным в своем роде. Значение этого слова хорошо объясняет патриарх Фотий: Ἀδυσώλητον ἀπροσώλόλητον. ἢ τὸ πρὸς τὰς δεήσεις ἀμείλικτον καὶ ἀνεπίστροφον καὶ σκληρόν. — «Ἀδυσώλητον — беспристрастное. Или непреклонное к мольбам, и равнодушное, и суровое» (А 396).

Выражение ἡέλος/ἦλος δέδυκεν — «солнце погрузилось» с формами глагола в разных временах неоднократно используется как у Гомера, в «Войне лягушек и мышей» (302), у Аполлония Родосского, так и в прозаических произведениях, причем и у языческих авторов, и у христианских.

Словосочетание ὄλοη νύξ — «гибельная ночь» встречается в эпосе: у Гомера (Π. XVI 567, Od. XI 19), Гесиода (Theog. 224, 757) и позже — у Аполлония Родосского (IV 1696). Его использует также и поэт Фриних (Anth. Gr. App. Epigram. Dem. 18, 2). Само прилагательное ὄλοος употребляется еще и в прорицании 50, 4: θῆρ ὄλοός — «гибельный зверь».

В целом весь этот стих «Солнце погрузилось, и гибельная ночь наступила» явно перекликается с имеющей несколько вариантов гомеровской формулой δύη τ' ἡέλος καὶ κνέφας ἱερὸν ἔλθη — «[пока не] погрузилось солнце, и священная тьма [не] настала» (Π. I 475, XI 194, XI 209, XVII 455, Od. III 329, V 225, IX 168, IX 558, X 185, X 478, XII 31, XIX 426) или с другой похожей формулой δύσετό τ' ἡέλος σκιάωντό τε πᾶσαι ἀγυαί — «погрузилось солнце, и покрылись тенью все дороги» (Od. II 388, III 487, III 497, XI 12, XV 185, XV 296, XV 471).

См. также Ком. 15, 23.

38.

Нолле обращает внимание на то, что богиня Луны была весьма почитаема в Писидии и соседних областях, о чем свидетельствуют ее многочисленные изображения на монетах и рельефах. Нередко

рядом с ней изображались два воинственных юноши, называемые в легенде монет Диоскурами. Поэтому едва ли может быть случайностью, что в оракуле по пяти астрагалам за броском Селены следует бросок Диоскуров¹²⁵.

Исправляя метрические неточности стиха, Нолле предлагает в третьей строке заменить $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\eta\varsigma$ на $\pi\rho\acute{\alpha}\sigma\sigma'$ и поменять род прилагательного $\epsilon\sigma\theta\lambda\acute{\omicron}\nu$ на $\epsilon\sigma\theta\lambda\acute{\eta}$, а в пятой строке — сделать элизию и убрать, тем самым, йоту у глагола $\epsilon\nu\epsilon\sigma\tau\iota$ ¹²⁶.

См. также Ком. 3, 6, 8.

39.

Этот бросок посвящен Диоскурам Защитникам, однако ни один автор не сообщает о почитании Диоскуров Защитников. Обычно их называли Спасителями — $\Sigma\omega\tau\eta\rho\epsilon\varsigma$.

Выражение $\theta\upsilon\mu\acute{\omicron}\varsigma \acute{\alpha}\nu\acute{\omicron}\gamma\epsilon\iota$ — «дух велит» является устойчивой эпической формулой (форма глагола может варьироваться), которая чаще всего стоит, как и в нашем оракуле, в исходе стиха (*Hom.* П. IV 263, VIII 189, VIII 322, IX 101, XIV 195, XVIII 90, XVIII 176, XVIII 426, XX 77, XXII 142, XXIV 198, Od. V 89, VIII 70, XI 206, XV 395, XVI 466, XXI 194; *Hes.* Theog. 549; *Theog.* I 999; *Apoll. Rhod.* III 1084), но может также занимать и другие стопы, причем даже вразбивку, как бы пропуская внутрь себя другие слова (*Hom.* П. VI 439, VI 444, VII 74, IX 703, XV 43, XIX 102, XX 179, Od. XIV 246, XVI 141, XVIII 409).

В четвертой строке Нолле, полагая, что выражение $\kappa\acute{\epsilon}\rho\delta\omicron\varsigma \acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\varsigma$ — «у тебя есть выгода» лишено здесь всякого смысла, исправляет его на $\kappa\eta\delta\omicron\varsigma \acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\varsigma$ — «ты пребываешь в тревоге», хотя такого варианта нет ни в одной надписи с оракулом по пяти астрагалам¹²⁷.

Последний стих этого прорицания полностью повторяется в следующей строфе.

Весьма употребительное прилагательное $\delta\acute{\upsilon}\sigma\mu\omicron\rho\omicron\varsigma$ — «несчастный» встречается уже у Гомера, причем занимает у него всегда первую стопу стиха (П. XXII 481, Od. XX 194, XXIV 311). Кстати, так же использует его современник и сосед нашего оракула Опшиан (*Hal.* V 309, V 667).

Совет $\phi\acute{\upsilon}\lambda\alpha\zeta\alpha\iota$ или $\lambda\epsilon\phi\acute{\upsilon}\lambda\alpha\zeta\omicron$ — «остерегись», «берегись» дают не только три прорицания оракула по пяти астрагалам (39, 40 и 46), но

¹²⁵*Nollé Jo.* Kleinasiatische Losorakel. S. 163.

¹²⁶*Nollé Jo.* Kleinasiatische Losorakel. S. 162.

¹²⁷*Nollé Jo.* Kleinasiatische Losorakel. S. 163.

и изречения других оракулов, например, Дельфийского: *Arist. Fr.* 76; *Diod. Sic.* VII 12; *Certamen* 215; *Hdt.* VII 148.

См. также Ком. 6, 10, 15, 16.

40.

Третья строка этой строфы полностью повторяется в 50-й строфе, где она с разными вариациями подтверждается другими надписями. В этой же строфе надписи из Кремны и Инджика дают другой третий стих, который, правда, тоже дублируется, только уже в 55-й строфе: οὐκ ἔστιν πρᾶξιαι τι μάτην· μὴ δὲ κενὰ μόχθει, — и Нолле останавливается на этом варианте¹²⁸.

Начало четвертой строки цитирует с добавлением отрицания известное изречение Дельфийского оракула, ставшее впоследствии пословицей. Желая найти спрятанные Мардоном сокровища, о которых твердила молва, некий фиванец Поликрат, купив указанную землю, стал искать клад. Но когда все его усилия не увенчались успехом, он обратился к Дельфийскому оракулу, спрашивая, как он может найти эти богатства, и Аполлон возвестил ему: πάντα λίθων κίνει — «сдвигай каждый камень» (*Zen.* V 63).

Разговор о прячущемся под камнем скорпионе, также давшем повод для возникновения пословицы, не укладывается в жанр комментария.

См. также Ком. 8, 15, 39.

41.

См. Ком. 4, 5, 8, 14, 17, 26, 33, 56.

42.

Этот бросок находится под покровительством Гелиоса Светоносного, или Гелиоса Фосфора. Однако эпитет Светоносный, как правило, не принадлежит Гелиосу у античных авторов. Напротив, Фосфором обычно называли утреннюю звезду, то есть планету Венеру. В тексте оракула по пяти астрагалам с этим эпитетом выступает еще и бог Мен (51), а в алфавитном оракуле из святилища Богини Матери и Эвримедонта одно из прорицаний гласит: Ζητεῖς τὰ κρυπτά· φοςφόρος δ' ἔσται Τύχη — «Ты ищешь тайное, светоносной же будет Тюхе» (Z)¹²⁹. Заметим, что начало этого прорицания

¹²⁸ *Nollé Jo.* Kleinasiatische Losorakel. S. 164.

¹²⁹ *Nollé Jo.* Kleinasiatische Losorakel. S. 268.

перекликается с началом последнего стиха рассматриваемой строфы: τὰφανὲς εὐρήσεις — «тайное ты обнаружишь».

Слово ἦμαρ — «день» неоднократно встречается в поэмах Гомера, но при этом никогда не имеет эпитета σωτήριον, в то время как с эпитетом νόστιμον — «приносящий возвращение», например, образует устойчивую формулу. Смысловую связь этих эпитетов подчеркивает Гесихий, объясняя гомеровское νόστιμον ἦμαρ через τὸ σωτήριον (N 666).

См. также Ком. 5, 7, 11, 17.

43.

Эта строфа в надписи из Адад не сохранилась, поэтому здесь дана соответствующая строфа надписи из Термесса, поскольку именно здесь строфа 43 сохранилась лучше всего. Однако для первой строки своей реконструкции Нолле выбирает вариант надписи из Кремны, где вместо предлога εἰς стоит предлог ἐπὶ. Также, пытаясь исправить метрические несоответствия четвертой строки, Нолле убирает частицу γάρ, хотя ни одна надпись такого варианта не предлагает¹³⁰.

Эпитет Тюхе εἰς καλὰ προβιάζουσα — «ведущая ко благу», кроме этой строфы оракула по пяти астрагалам, нигде больше не зафиксирован.

Концовка четвертой строки πάντων τε κρατήσεις — «и всё одолеешь», повторяющаяся в прорицании 48, 4 и с добавлением τούτων οὐ вместо τε в прорицании 52, 4, перекликается с изречением оракула, данным Филиппу Македонскому: Ἀργυραῖς λόγχαις μάχου, καὶ πάντων κρατήσεις — «Серебряными копьями сражайся и всех одолеешь» (*Diogenian.* II 81).

Выражение ἐν ξενίῃ χόρῃ — «в чужой земле» в других источниках не встречается. В редких случаях используется словосочетание ἐπὶ ξενίας (*Plat. Crat.* 429e, *Antiph.* I 2, 9) с подразумеваемым существительным γῆ.

См. также Ком. 3, 6, 8, 10.

44.

В третьем броске, посвященном Мойрам, эти богини названы ἐπιφανείς — «славными». И у античных авторов, и в надписях прилагательное ἐπιφανής неоднократно выступает эпитетом как государственных мужей и императоров, так и различных богов: Артемиды (IG V 1, 602), Аполлона (MAMA IV 277 A(I)), Афродиты

¹³⁰ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 167.

(МАМА VIII 413a), Зевса, Гелиоса, Селены, Асклепия и Гигиен (IG V 1, 1179), Гекаты (ТАМ II 1, 188), Тюхе (SEG 11: 925), Диоскуров (SEG 11: 679) и т. д. При этом эпитет *ἐπιφανής* никогда не указывает на какую-либо определенную функцию божества, а скорее является просто традиционным украшающим эпитетом. Следует, однако, отметить, что с Мойрами он связан исключительно в этой строфе оракула по пяти астрагалам.

Мы не будем рассматривать в рамках комментариев наставление «не клади руку в пасть волку». Отметим только, что волки были очень хорошо знакомы жителям Малой Азии, и встреча с ними не сулила ничего хорошего. На одном алтаре из восточной Фригии был изображен молодой человек с двумя нападающими на него волками, а вырезанная надпись сообщала, что Ман, внук Суса, был растерзан волками (МАМА I 286). Волки упоминаются также в прорицании 52, 3.

Для начала последней строки Нолле выбирает вариант надписи из Анабур: *ἀλλὰ μὲν ἡσύχιος* — хотя признает, что и надпись из Адад демонстрирует метрически правильный стих¹³¹.

См. также Ком. 10, 14, 15, 23, 37.

45.

В третьей строке Нолле пытается исправить метрическую неправильность стиха, вставляя после *λέλαγος* частицу *δέ*. В четвертой строке, следуя за вариантом надписи из Атталии, он исправляет *ἀμφότερος* на *ἀμφότερον*, аргументируя свой выбор тем, что *ἀμφότερον* со следующими за ним союзами *τε* и *τε/καί* было устойчивой гомеровской конструкцией, указывающей на одновременное присутствие двух составляющих. Например: *ἀμφότερον βασιλεύς τ' ἀγαθὸς κρατερός τ' αἰχμητής* — «он одновременно и хороший царь, и сильный воин» (П. III 179)¹³².

Встречающееся в этой строфе прилагательное *ἄπρακτος*, причем в качестве определения при однокоренном слове: *πρᾶξις ἄπρακτος* — «дело бесполезное», — вновь появляется в следующей строфе: *ἄπρακτος ὁ χρησμός* — «бесполезное прорицание» (46, 5).

Наставление последнего стиха *μηδὲ βιάζου θνητὸς ἐὼν θεόν* — «и, будучи смертным, не досаждай богу», строго подчеркивая противоположную природу смертного и божественного миров, отражает мысль, которую в разных преломлениях высказывали многие античные авторы, а само словосочетание *θνητὸς ἐὼν/ὄν* встречается

¹³¹ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 167–168.

¹³² Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 169–170.

в античной литературе десятки раз. Так, сохранились два дополняющих друг друга фрагмента Еврипида: *θηητός γάρ ὄν καὶ θηητά πείσσεσθαι δόκει* <ῆ> *θεοῦ βίον ζῆν ἀξίους ἄνθρωπος ὄν;* — «Ведь, будучи смертным, стремишься полагаться на смертное. Или, будучи человеком, ты считаешь достойным жить жизнью бога?» (Fr. 1075 Nauck), — и: *πάντων ἄριστον μὴ βιάζεσθαι θεούς, στέργειν δὲ μοῖραν*, — «Лучше всего не досаждать богам, а любить судьбу» (Fr. 1076, 1–2 Nauck). В «Геракле» Еврипида Амфитрион упрекает Зевса: *ἀρετῆι σε νικῶ θηητός ὄν θεὸν μέγαν* — «Я, будучи смертным, побеждаю добродетелью тебя, великого бога» (342). Во фрагменте из «Эрифилы» Софокла сказано: *πῶς οὖν μάχωμαι θηητός ὄν θεία τύχη;* — «Так как же я, будучи смертным, могу сражаться с божественной участью?» (Fr. 201f Radt). В «Облаках» Аристофана Кривда восклицает: *καίτοι σὺ θηητός ὄν θεοῦ πῶς μεῖζον ἂν δύναιο;* — «Да и как ты, будучи смертным, можешь иметь больше могущества, чем бог?» (1082). Александру Македонскому, когда он хотел спросить оракул, голос из адитона храма приказал: *σὺ δὲ θηητός ὄν μὴ ἀντιτάσσοιο θεοῖς* — «Ты же, будучи смертным, не противься богам» (Hist. Alex. Mag. I 45, 3). А Кратет Фиванский начинает одну из элегий такими словами: *μὴ σὺ γε θηητός ἐὼν ὡς ἀθάνατός τι λογίζου* — «Ты же, будучи смертным, не размышляй о чем-либо, как бессмертный» (Anth. Gr. VII 327, 1).

См. также Ком. 15.

46.

Прилагательное *θοῦριος* или *θοῦρος* — «неистовый», «неукротимый» является устойчивым и очень употребительным эпитетом Ареса начиная с поэм Гомера (*Hom.* II. V 30, V 35, V 355, V 454, V 507, V 803, V 904, XV 127, XV 142, XXI 406, XXIV 498; *Soph.* Ai. 613–614; *Eur.* Phoe. 240, Suppl. 579; *Orph.* Lith. 307; *Opp.* Hal. II 667; *Anth.* Gr. VII 244, 1, IX 805, 1 и т.д.).

Огненно-рыжего и нередко большого льва воспевал уже Гомер, то есть *αἴθων λέων* — устойчивая эпическая формула (II. X 23–24, X 177–178, XI 548, XVIII 161, ср. *Tyrt.* Fr. 13). Правда, «огненно-рыжими» могли называть и других животных и птиц: коней (*Hom.* II. XII 97), быков (*Hom.* Od. XVIII 372), лису (*Pind.* Ol. XI 19) и орла (*Hom.* II. XV 690). О львах также идет речь в прорицании 52, 3.

В последнем стихе, несмотря на то что вариант надписи из Адад повторяют и другие надписи, в словосочетании *ἐλ' ἠσυχίης* Полле восстанавливает у существительного придыхание и, соответствен-

но, меняет конечный согласный предлога на придыхательный — ἐφ' ἡσυχίης¹³³.

См. также Ком. 10, 14, 15, 21, 39, 45.

47.

Заканчивающее третью строку выражение καὶ σοὶ τὰ δεδοκμένα πάντα τελεῖται — «и все твои решения исполнятся» является одной из разновидностей очень употребительной эпической формулы, в которую обязательно входят слова πάντα τελεῖται, и при πάντα часто, как и в нашем прорицании, стоит указание на то, что конкретно должно исполниться. Эта формула используется уже у Гомера (П. П 330, XIV 48, Od. II 176, V 302, XIII 178, XVIII 271) и затем последующими авторами. Феогнид, например, уверен: οὐ τι μάλ' ἀνθρώποις καταθύμα πάντα τελεῖται — «не всё абсолютно удобное людям сбудется» (I 617). Или один из Сивиллиных оракулов утверждает: τὰ δὲ θέσφατα πάντα τελεῖται — «все пророчества сбудутся» (III 364, ср. VIII 215, XIV 299).

В четвертой строке большинство надписей дают правильный вариант написания причастия с озвончением «к» в «γ» — δεδογμένα, и именно его выбирает Нолле для своей реконструкции. И точно так же в пятой строке, следуя более правильному и представленному в большем количестве надписей варианту, Нолле вместо ἐγ дает ἐκ¹³⁴.

См. также Ком. 7, 8, 32, 33.

48.

Считая синтаксически некорректными и метрически неправильными стихи третьей и пятой строк, Нолле пытается предложить возможные исправления, которые, правда, не поддерживаются ни одной надписью. В третьей строке он добавляет после слова θυμός глагол ἄνωγε, а в пятой после εὐφροσύνη местоимение τόδε¹³⁵.

Трудно сказать, о какой ΕΥΦΡΟΣΥΝΗ идет речь в последнем стихе. Это может быть и богиня Эвфросина, которой посвящен этот бросок, и просто существительное «радость», присутствующее также в прорицаниях 1, 4 и 27, 5.

См. также Ком. 5, 8, 11, 23, 43.

¹³³ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 171.

¹³⁴ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 172.

¹³⁵ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 172-173.

49.

Словосочетание $\kappa\alpha\iota\rho\acute{\omicron}\nu \tau\eta\rho\epsilon\acute{\iota}\nu/\acute{\epsilon}\lambda\iota\tau\eta\rho\epsilon\acute{\iota}\nu$ — «караулить момент», «выжидать момент» неоднократно встречается у античных авторов, причем как у языческих, так и у христианских.

Последний стих этой строфы в надписи из Адад полностью совпадает с последним стихом строфы 50.

См. также Ком. 3, 5, 10, 21, 31.

50.

Этот бросок посвящен Κρόνου Τεκνοφάγου — «Кроносу Пожирателю детей». Прилагательное τεκνοφάγος встречается в литературе крайне редко и обычно выступает эпитетом Кроноса (*Theophil. Ant. Authol.* I 9, III 3; *Ps.-Nonn. Schol. Myth.* IV 89; *Eustath.* II. Vol. I, p. 310). Также с Кроносом могут быть связаны существительное τεκνοφαγία и деноминативный глагол τεκνοφαγέω (*Luc. Salt.* 80; *Schol. Lycophr.* 1200; *Ps.-Justin. Or. Gent.* p. 38 C Morel; *Eustath.* II. Vol. III, p. 640).

В третьей строке, исправляя метрическую неточность стиха, Нолле реконструирует после местоимения $\sigma\acute{\omega}\nu$ существительное πάτρης : $\text{πάτρης μηδ' ἄλλοθι βαίνει}$ — «и не отправляйся с родины в другое место».

Словосочетание $\theta\eta\rho \delta\lambda\omicron\omicron\acute{\omicron}\varsigma$ — «гибельный зверь» дважды использует современник и сосед нашего оракула Оппиан из Киликии (*Hal.* IV 627, V 228).

Наречие $\acute{\epsilon}\gamma\gamma\upsilon\theta\epsilon\nu$ и глагол $\acute{\epsilon}\rho\chi\omicron\mu\alpha\iota$ в формах аориста составляют устойчивую формулу уже у Гомера (II. V 275, VII 219, XI 485, XVII 128, XVIII 16, XVIII 381, XX 330, Od. VIII 62, VIII 261, VIII 471, XVII 71), в гомеровском гимне к Деметре (V 438) и в «Воине лягушек и мышей» (136).

Надпись из Адад единственная, где последний стих этой строфы совпадает с последним стихом прорицания 49. Все другие надписи, где сохранился этот стих, дают с некоторыми различиями тот вариант, который выбирает для своей реконструкции Нолле¹³⁶ и который представлен в данном издании как, бесспорно, более правильный.

См. также Ком. 5, 8, 15, 31, 37, 40.

51.

Божеством-покровителем этого броска объявлен Мен Светоносный. Лунного бога Мена особо почитали во Фригии и соседних

¹³⁶ *Nollé Jo.* Kleinasiatische Losorakel. S. 174–175.

Рис. 17. Горельеф с Селеной или Меном в музее Ёспарты. Фото автора

регионах Малой Азии. В музее Ёспарты можно увидеть мраморный блок из Адад, который, судя по форме, украшал некогда свод или арку. На нем изображена, по мнению Бюйюкколанджы¹³⁷, богиня Селена, а согласно установленной в музее табличке — бог Мен (рис. 17). Из-за его плеч поднимаются два рога полумесяца. Этот горельеф, как и наш оракул, датируется II в. н. э.

В четвертой строке Нолле, несмотря на то что большинство надписей следуют варианту оракула из Адад, выбирает вариант надписи из Анабур и заменяет, тем самым, слово *κάρων* на слово *καρλόν*: *ἔχει καρλόν τιῦ ὁ μόχθος* — «тяжелый труд получает некий плод».

См. также Ком. 1, 7, 8, 10, 13, 14, 15, 17, 42.

52.

Матери богов, богине-покровительнице этого броска, посвящен один из гомеровских (XIV) и один из орфических гимнов (XXVII). В другом гомеровском гимне Матерью богов величается Гея (XXX 17), и так же называет Гею Аполлоний Родосский (III 716). Когда

¹³⁷ *Büyükkolancı M. Adada. Ay tanrıçası Selene kabartması.*

Антисфена упрекнули в том, что он нечистокровный афинянин, он, как сообщает Диоген Лаэртский, ответил: «Так и Мать богов — фригиянка» (VI 1). В Малой Азии Мать богов часто идентифицировалась с Кибелой: Гесихий, например, объясняет: «Кибела — Мать богов» (К 4364). Неизменными спутниками Кибелы были львы. Поэтому их появление в данном пророчиании вполне оправдано.

Упоминание вместе волков и баранов можно найти у разных авторов (см., например, *Plat. Phaedr.* 241d; *Iamb. Bab.* 93; *Aristaenet. Epist.* II 20; *Philo Jud. Praem.* 87).

Словосочетание βούς ἑλικας — «криворогих быков» является устойчивой эпической формулой, меняющей, правда, порядок слов (*Hom.* II. IX 466, XVIII 524, XXI 448, XXIII 166, Od. I 92, IV 320, IX 46, XII 136, XXIV 66; *Hom. Hymn. Merc.* 116, 567; *Hes. Erga* 795, Fr. 37, Fr. 198; *Orph. Arg.* 506).

Эта строфа в надписи из Адад имеет целый ряд отличий от реконструкции Нолле. В третьей строке Нолле выбирает вариант надписей из Термесса и Атталии и ставит вместо глагола κατέδουσι глагол κατέχουσι — «покоряют». В четвертой строке в соответствии с надписями из Анабур, Кремны, Инджика и Китанавр Нолле вставляет δ' ἔτι καί: πάντων τούτων δ' ἔτι καί σὺ κρατήσεις — «так и ты, наконец, это всё одолеешь». Что же касается пятой строки, то вторая половина этого стиха в надписи из Адад отличается от всех других оракулов. Поэтому Нолле отклоняет этот вариант и дает: καί πάντ' ἔσται σοι, ὅσ' ἐρωτᾷς, σὺν Διὸς Ἑρμεῖ — «И будет у тебя всё, о чем ты вопрошаешь, вместе с Гермесом, сыном Зевса». При этом он обращает внимание на то, что σὺν Διὸς Ἑρμεῖ является разновидностью очень употребительной формулы σὺν θεῷ — «с богом», которая у христиан трансформировалась в σὺν Χριστῷ — «со Христом»¹³⁸.

См. также Ком. 2, 15, 43.

53.

Зеве Подземный, или Зеве Катахтоний, которому посвящен этот бросок, упоминается уже у Гомера (II. IX 457) и, по объяснению античных авторов, он либо считался ипостасью Зевса (*Procl. Plat. Crat.* 148), либо идентифицировался с Аидом (*Hesychn. Z* 129). Некоторые авторы называют его просто Хтонием, то есть без приставки (например, *Hes. Erga* 465; *Soph.* OC 1606).

См. также Ком. 3, 10, 14, 23, 26.

¹³⁸Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 176-177.

54.

Афродита Урания, или Афродита Небесная, которая выступает покровительницей этого броска, была весьма почитаемой богиней. Орфический гимн к Афродите начинается именно с этого эпитета: Οὐρανία, πολύτροπε, φιλομειδίης Ἀφροδίτη — «Небесная, прославляемая в гимнах, улыбоклюбивая Афродита» (LV 1). О ней рассуждали устами Сократа Платон (Symр. 180d-e) и Ксенофонт (Symр. 8, 9–10), простивопоставляя ее Афродите Пандемос, или Афродите Всенародной. Павсаний рассказывает, что в Афинах выше Керамика и стои возле храма Гефеста был воздвигнут храм Афродиты Урании со статуей Фидия из паросского мрамора, и приводит имевшуюся у него информацию о культе этой богини: первыми Афродиту Небесную стали почитать ассирийцы, затем — жители Кипра пафийцы и из финикийцев — жители Аскалона в Палестине; от финикийцев этот культ приняли жители Киферы, а в Афинах его ввел Эгей (I 14, 7). Павсаний упоминает и о храме Афродиты в Афинах в местечке «Сады», рядом с которым стояла четырехугольная статуя Афродиты с надписью «Афродита Урания» работы Алкамена (I 19, 2), и о храме Афродиты Урании в Аргосе (II 23, 8), и о самом священном и самом древнем храме Афродиты Урании на острове Кифера со статуей богини из дерева, причем вооруженной (III 23, 1), и о развалинах храма Афродиты Урании в Элиде у подножия горы Крония рядом с храмом Илитии (VI 20, 6), и о священном участке и храме Афродиты в городе Элиде со статуей Афродиты Урании из слоновой кости и золота работы Фидия — эта богиня стояла, опираясь одной ногой на черепаху (VI 25, 2), и о развалинах храма Афродиты в городе Мегалополе в Аркадии с тремя статуями Афродиты: Урании, Пандемос и безымянной (VIII 32, 2), — и о трех статуях Афродиты в Фивах, сделанных по преданию из деревянных украшений, бывших на носу корабля Кадма: Афродиты Урании, Пандемос и Апострофии (IX 16, 3).

Эпитет οὐρανότατος — «дитя Урана», который в этом прорицании принадлежит Афродите, встречается в античной литературе только дважды: в орфическом гимне Матери богов (XXVII 13) и в орфическом гимне Фемиде (LXXIX 1), где является эпитетом этих богинь.

Эпитет Афродиты Ἐρώτων πότνια — «повелительница Эротов» использует также Еврипид в сохранившемся фрагменте «Фаэтона» (Fr. 781, 16 Nauck).

Прилагательное ἀλυσιθύμος, кроме нашего прорицания, употребляется в орфическом гимне к Аресу в качестве эпитета этого

Рис. 18. Гермес Четырехугольный в археологическом музее Стамбула

выбирает вариант других надписей и добавляет к нему ἄρτι для исправления метрики: μή σοι σπεύδοντι βλάβος <ἄρ>τι γένηται ἀπ' αὐτῆς — «чтобы тебе спешащему как раз не случился от нее [то есть от богини Блабы] вред»¹³⁹.

См. также Ком. 8, 10, 14, 15, 23, 40.

бога (LXV 6) и дважды в магических папирусах в обращении к тем силам, которых призывали во время совершения магических обрядов (4, 1364–1365; 7, 355).

См. также Ком. 1, 14.

55.

Богиня Пагуба, или Блаба, выступающая покровительницей этого броска, упоминается у античных авторов крайне редко. В «Антигоне» Софокла хор, уговаривая Креонта освободить из заключения Антигону и похоронить тело Полиника, грозит ему: συντέμνουσι γάρ θεῶν ποδώκεϊ τοὺς κακόφρονας βλάβαι — «ведь зломыслящих людей стремительно достигают Пагубы, самые быстроногие из богинь» (1103–1104).

В четвертой строке этой строфы после слова βλάβος Нолле, отклоняя не поддерживаемый ни одной другой надписью вариант оракула из Адад,

¹³⁹ Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 179–180.

56.

Последний бросок оракула по пяти астрагалам посвящен Гермесу Тетрагону, или Гермесу Четырехугольному. Этот эпитет Гермес, покровитель торговли и путешественников, получил благодаря гермам, четырехгранным столбам со скульптурной головой Гермеса, которые стояли указателями по дорогам. В археологическом музее Стамбула находится привезенная из Пергама герма высотой 119,5 см (рис. 18). Неизвестный пергамский мастер II в. н. э. сделал копию с гермы известного афинского скульптора Алкамена, ученика Фидия (V в. до н. э.). На поверхности столба вырезана надпись: «Вы узнаете прекрасную статую Алкамена Гермеса Предвратного. [Ее] создал пергамец», — а чуть ниже добавлено: «Познай самого себя»¹⁴⁰. В археологическом музее Сиды есть скульптура Гермеса вместе с гермой II в. н. э. (рис. 19). Павсаний сообщает, что в Ахейе в городе Фары посередине площади прямо на земле стояла мраморная статуя бородатого Гермеса в виде небольшой четырехугольной колонны (VII 22, 2), а у дороги в Пеллену стояла четырехугольная статуя Гермеса Долия с бородой и в шляпе на голове, и этот Гермес охотно выполнял все молитвы людей (VII 27, 1); в аркадном городе Фигалия в гимнасии была статуя Гермеса со словно накину-

Рис. 19. Гермес с гермой в музее Сиды. Фото автора

с гермой II в. н. э. (рис. 19). Павсаний сообщает, что в Ахейе в городе Фары посередине площади прямо на земле стояла мраморная статуя бородатого Гермеса в виде небольшой четырехугольной колонны (VII 22, 2), а у дороги в Пеллену стояла четырехугольная статуя Гермеса Долия с бородой и в шляпе на голове, и этот Гермес охотно выполнял все молитвы людей (VII 27, 1); в аркадном городе Фигалия в гимнасии была статуя Гермеса со словно накину-

¹⁴⁰ *Pasinli A. İstanbul Archaeological Museums. İstanbul, 2005. P. 38.*

тым на плечи плащом, который, однако, не доходил до ног, так как статуя заканчивалась четырехугольной колонной (VIII 39, 6), также и в роще Аполлона Сминфея в Троаде возле могилы Сивиллы стояла четырехугольная статуя Гермеса (X 12, 6). Диоген Лаэртский рассказывает, что Деметрий Фалерский, увидев развратного юношу, сказал ему: ἰδοὺ ... τετράγωνος Ἑρμῆς ἔχων σῦρμα, κοιλίαν, ἀίδοτον, λόγωνα — «Вот четырехугольный Гермес, имеющий плащ, брюхо, уд и бороду» (V 82). Одна из басен Бабрия начинается словами: «Стоял на дороге некий четырехугольный Гермес, а возле него была куча камней» (I 48, 1–2). В магических папирусах эпитет τετράγωνος трижды принадлежит Гермесу уже без всякого упоминания о его четырехугольных статуях — это одно из культовых имен, которыми совершающий магический обряд призывает бога на помощь (5, 400–401; 7, 669; 17b, 2).

В написании слова ἐκθρόν Нолле, следуя более правильному варианту надписи из Такин, меняет согласный «к» на придыхательный «χ»: ἐχθρόν. Кроме того, Нолле переводит утверждение ἐκθρόν γάρ σοι ὀρώ как «ведь я вижу враждебное тебе», считая, что ἐκθρόν — это форма винительного падежа среднего рода¹⁴¹. Похожим по конструкции является выражение: οὐθέν σοι λυτήρον ὀρώ — «ничего тягостного для тебя я не вижу» (26, 3; 41, 5). Но вполне допустимо рассмотреть слово ἐκθρόν и как винительный падеж мужского рода, то есть: «ведь я вижу твоего врага», — тем более что конструкции с существительным при глаголе ὀρώ в тексте оракула тоже есть: οὐλω κάρὸν ὀρώ — «я еще не вижу подходящего момента» (21, 5; 22, 5; 24, 3 в надписи из Кремны). О врагах также идет речь и в прорицании 7, 4.

См. также Ком. 3, 7, 8, 10, 33.

¹⁴¹Nollé Jo. Kleinasiatische Losorakel. S. 180.

А.В. Мосолкин

ЛЕГЕНДА ОБ ЭНЕЕ

Автор самоуверен.

Еще бы! С тех пор как миф об Энее стал предметом научного исследования, были созданы десятки сочинений, от небольших статей до пространных книг, отражающие те или иные аспекты предания¹. Поэтому появление еще одной небольшой работы, где речь должна идти, судя по названию, обо *всей* легенде, должно вы-

---

¹Вот перечень только основных работ: *Klausen R.H.* Aeneas und Penaten. Bd. I-II. Hamburg und Gota, 1839; *Malten L.* Aineias // Archiv für Religionswissenschaft. 1931. S. 33-59; *Boas H.* Aeneas' Arrival in Latium. Amsterdam, 1938; *Perret J.* Les origines de la légende troyenne de Rome (281-31). Paris, 1942; *Bömer F.* Rom und Troia. Baden-Baden, 1951; *Alföldi A.* Die Trojanischen Urahnen der Römer. Basel, 1957; *Schauenburg K.* Äneas und Rom // Gymnasium. 1960. 67 Bd. S. 176-191; *Galinsky K.* Aeneas, Sicily and Rome. Princeton, 1969; *idem.* Aeneas at Rome and Lavinium // Two Worlds of the Poet / Ed. by R.M. Wilhelm and H. Jones. Detroit, 1992. P. 93-108; *Cornell T.J.* Aeneas and the Twins: The Development of the Roman Foundation Legend // PCPS. 1975. Vol. 21. P. 1-32; *Horsfall N.* Some Problems in the Aeneas Legend // CQ. 1979. Vol. 29. P. 372-390; *idem.* The Aeneas-Legend from Homer to Virgil // Bremmer J.N and Horsfall N.M. Roman Myth and Mythography. London, 1987. P. 12-24; *Dury-Moyaers G.* Énée et Lavinium. Bruxelles, 1981; *Canciani F.* Aineias // LIMC. 1981. Vol. I.1. P. 381-396; Enea nel Lazio. Archeologia e mito. Roma, 1981; *Smith P.* Aineiadai As Patrons of Iliad and the Homeric Hymn to Aphrodite // HSCP. 1981. Vol. 85. P. 17-58; *Solmsen F.* Aeneas Founded Rome with Odysseus // HSCP. 1986. Vol. 90. P. 93-110; *Ильинская Л.С.* Легенды и археология. М., 1988; *Manfredi V.M., Braccisi L.* Mare Greco. Eroi ed esploratori nel Mediterraneo antico. Milano, 1992; *Топоров В.Н.* Эней — человек судьбы. М., 1993; *Gruen E.S.* The Making of the Trojan Legend // *idem.* Culture and National Identity in Republican Rome. Cornell University, 1993; *Vanotti G.* L'altro Enea. La testimonianza di Dionigi di Alicarnasso. Roma, 1995; *Erskine A.* Troy between Greece and Rome. Oxford, 2001; *Morard Th.* Les Troyens à Métaponte. Mainz, 2002; *Hillen H.J.* Von Aeneas zu Romulus. Die Legenden von der Gründung Roms. Düsseldorf; Zürich, 2003; *Mavrogianis Th.* Aeneas und Euander. Perugia, 2003; *Casali S.* The Development of the Aeneas Legend // A Companion to Vergil's Aeneid and its Tradition. Ed. by J. Farrell and M. Putnam. Blackwell, 2010; *Martínez-Pinna Nieto J.* Las leyendas de fundación de Roma. De Eneas a Rómulo. Barcelona, 2011; *Dardenay A.* Images des Fondateurs. D'Énée à Romulus. Bordeaux, 2012; *Bettini M., Lentano M.* Il mito di Enea. Immagini e racconti dalla Grecia a oggi. Torino, 2013. Довелось и мне написать статьи, посвященные герою: *Мосолкин А.В.* Эней, Энея, Энос // Gaudeamus igitur. Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 286-293; *он же.* Эней на Делосе // Труды кафедры древних языков. Вып. III / Отв. редактор А.В. Подосинов // Труды исторического факультета МГУ. Вып. 53. Серия III. Instrumenta studiorum: 24. М., 2012. С. 76-85.

звать у читателя чувство недоумения, если не сказать больше — негодования.

И все же речь пойдет именно обо всей легенде о троянском герое. Хотя, вероятно, следовало бы пояснить, что на нижеследующих страницах мы не будем досконально изучать весь эпический сюжет — это действительно потребовало бы не одной сотни страниц, — а бросим самый общий взгляд на то, что стало основным мотивом мифа об Энее. В эссе — пожалуй, следует назвать это именно так — мы попытаемся ответить на вопрос, чем именно Эней был так привлекателен для древних — не только римлян! — что он *вдруг* стал столь популярным мифическим персонажем на территории Великой Греции в VIII–VI вв. до н. э. и так часто изображался на вазах того времени. И произошло это вопреки тому очевидному факту, что герой не был первостепенным участником троянской войны.

Эней — фигура парадоксальная. Этот не самый доблестный герой «Илиады» стал легендарным основателем знаменитого рода Юлиев. Изначально, казалось бы, ничто — кроме божественного происхождения от Афродиты — не предвещало ему фантастической удачи остаться в памяти грядущих поколений. Он — второстепенный персонаж троянского эпоса. Очень точно однажды подметил Н. Хорсфолл, сказав, что единственной заслугой Энея было то, что он пережил Трою. Но согласимся, что для героя этого маловато.

Что же в троянском союзнике привлекло к себе столько поколений греков и варваров? Что же послужило отправной точкой для дальнейшего развития всего предания? Когда Эней впервые появляется в троянском эпосе?

Хотя ответ на поставленный вопрос, казалось бы, очевиден, — нужно всего лишь открыть *самое первое* литературное произведение, где фигурирует герой, — но, как ни странно, мы не можем сказать с точностью, в каком именно эпосе, в каких сценах, на каких керамических сосудах сын Анхиса появляется первый раз.

Упоминание Энея на страницах «Илиады», которая сама по себе имплицитно воспринимается как самое раннее сочинение о троянских событиях, не означает автоматически, что именно здесь миф о герое берет свое начало. Чтобы пояснить свою мысль, приведу пример с другим странствующим персонажем — Одиссеем.

Следя за событиями троянского эпоса, мы видим, как развивается сюжет о хитроумном греке: от его участия в ссоре между Агамемноном и Ахиллом до создания деревянного коня, от убийства Поликсены до тягостного возвращения домой. При этом нам кажется, что в той же временной последовательности развивается и характер Одиссея.

Иными словами, возникает впечатление, что рассказ должен был начинаться с того, как Одиссей отправился с Итаки на войну, и закончиться возвращением грека на Итаку. Что может быть очевиднее? Однако, по-видимому, это не так. Самым ранним пластом мифа об Одиссее, вероятно, является сцена ослепления Полифема, которая напрямую была связана с путешествием героя в преисподнюю². На этот сказочный сюжет, словно нитки на катушку, рассоды «наматывали» остальные истории о возвращении домой.

Таким образом, возникает любопытная ситуация: не тот, кто воевал под Троей, ослепил циклопа, а тот, кто ослепил циклопа, воевал под Троей. Вероятно, такую временную инверсию можно увидеть и в «деле об Энее». Начальным сюжетом легенды могло и не быть совместное с Парисом похищение Елены или единоборство под стенами Трои. Напротив, сначала возникали истории о том, как Эней «основывал» города, где всякий раз «умирал», а лишь затем формировались рассказы о его деяниях в Трое и похищении жены Менелая или каком-либо ином событии в жизни героя, которое оказалось ядром легенды. Вероятно, именно оно и стало столь привлекательным для сказителей или их слушателей.

Как бы то ни было, очень трудно сказать определенно, где и в каком качестве Эней появляется впервые: в «Илиаде», в киклическом эпосе или на сосудах VII–VI вв. до н. э. К сожалению, на этот вопрос пока вряд ли можно ответить однозначно. В последнее время исследователи «омолаживают» «Илиаду» и относят ее к VII в. до н. э., а вот время создания киклического эпоса, напротив, стараются удревнить или, как минимум, считают, что эпос старше, чем «Илиада». Поэтому, если мы не можем найти заветную исходную точку, из которой вышел миф об Энее, то следует рассмотреть историю героя исходя из логики сюжета, то есть от похищения Елены до бегства из Трои. Полагаю, следует рассматривать героя по мере появления его в троянском эпосе.

Итак, впервые по сюжету Эней появляется в «Киприях». В сохранившихся фрагментах эпоса он упоминается дважды. Первый раз герой по просьбе Афродиты сопровождает Париса в Спарту, где, по-видимому, участвует в похищении Елены (West. Cypria. Arg. 1). М. Вест справедливо замечает, что роль Энея в этом сюжете совершенно загадочна³. Для чего он отправился в Спарту? Чтобы составить компанию Александру? Но что он делал в Спарте? Словом, одни вопросы, и состояние наших источников таково,

²Пронн В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Ленинград, 1986. С. 48, 71–72.

³West M. The Epic Cycle. A Commentary on the Lost Troy Epics. Oxford, 2013. P. 84.

что мы можем лишь гадать, не подкрепляя суждение какими-либо аргументами. Роль компаньона Париса в столь сомнительном деле вовсе не вяжется с тем благочестием, которым он стал так известен впоследствии.

Второй раз имя Энея упоминается в рассказе, где Ахилл по прибытии к Трое похищает на склоне Иды стада троянца, сам же Эней сумел бежать (West. *Cypria*. Arg. 11). Его поведение здесь далеко от бесстрашия и благочестия, которое мы привыкли видеть в героях греческого эпоса. Ахеец еще напомним сыну Афродиты этот неприятный эпизод в «Илиаде», когда в двадцатой книге герои встретятся в единоборстве (П. XX.187–194).

Больше мы не знаем ничего о действиях Энея во время троянской войны вплоть до тех событий, что были описаны в «Илиаде». На страницах этого эпоса есть два любопытных пассажа, которые говорят нам о значимости Энея как троянского военачальника — II.816–823 и XII.88–107. В первом фрагменте — при перечислении троянского войска в т. н. «каталоге троянцев» — автор называет Энея вторым после Гектора, и это, разумеется, должно говорить о чрезвычайно высоком военном и политическом статусе сына Афродиты. Однако в двенадцатой книге он со своим отрядом оказывается последним, то есть четвертым. Первой называется «громада» Гектора, Полидомаса и Кебриона, второй отряд возглавляли Парис, Алкафой и Агенор, а третий — Гелен, Деифоб, Азий Гиртакид. И только четвертым предводительствовал Эней вместе с Акамасом и Архелохом. При этом всеми союзниками предводительствовал Сарпедон вместе с Главком и Астеропеем, поэтому военный статус Энея оказывается еще ниже.

Внятного объяснения, почему так сильно разнится положение Энея в троянской иерархии, нет. Даже предположение, что фрагмент из двенадцатой песни не отражает его истинного статуса внутри войска, а всего лишь является «моментальным снимком» текущей ситуации, не объясняет, почему второй человек в Трое после Гектора здесь оказывается всего лишь четвертым, уступив более видные позиции своим, казалось бы, менее титулованным союзникам⁴.

Конечно, имя Энея сопровождают самые высокие эпитеты: он не только банально «мужественный» (δαίφρων — XX.267), «славный» (ἔσθλος — XIII.461) и «отважный» (μεγαλήτορος Αἰνείαο — XX.175), но он — «советник троянцев» (Τρώων βουλευφόρε — XIII.463, XVII.485) и «предводитель троянцев» (Τρώων ἄγος — V.217), троян-

⁴The Iliad: The Commentary. Vol. 3 / Ed. G.S. Kirk. Cambridge, 1993. P. 326 sq.

цы почитают его как бога (ὄς Τρωσὶ θεὸς ὧς τίετο δῆμιφ — XI.58). В конце концов, Эней — сын Афродиты, а Аполлон и Посейдон ему покровительствуют.

Все же вопреки пышности его эпитетов роль героя в «Илиаде» второстепенна. Он — герой *de jure*. *De facto* он не совершает почти ничего. В семнадцатой песни Эней на самом пике своего могущества. Автомедон говорит (XVII.512–513): «Здесь нападают на нас, окруженных плачевным убийством // Гектор герой и Эней, храбрейшие воины Трои!», — более того, уже в самом конце песни (XVII.752–754): «Аяксы, держась позади, отражали // Битву троян; но враги наступали, и два наипаче, // Мощный Эней Анхизид и шлемом сверкающий Гектор». Однако на этом подвиги Энея заканчиваются. В этом эпизоде он больше не совершает ничего. В VI.78 Гелен, сын Приама, призывает Гектора и Энея повести в бой военную рать, говоря, что именно на них двоих лежит ответственность и «бремя забот о народе троянском». Но после речи Гелена Гектор отправился к войску, а Эней словно бы исчез — о нем ни слова.

Знаменитый фрагмент из двадцатой песни (307–308), где Посейдон спасает Энея от неминуемой гибели от рук Ахилла и пророчит, что тот станет правителем над всеми троянцами, исследователи чаще всего трактуют как неуместное в данном контексте прорицание о грядущем величии Рима или как подтверждение особой роли Энея среди троянцев:

Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно,
Он, и сыны от сынов, имущие поздно родиться.

νῦν δὲ δι' Αἰνείαο βίη Τρώεσσιν ἀνάξει
καὶ παίδων παῖδες, τοὶ κεν μετόπισθε γένονται.

Поэтому многие, вероятно, справедливо, полагают, что строки XX.307–308 являются более поздними вставками⁵, сделанными уже тогда, когда Рим громко заявил о себе на политической арене. Но исследователи не всегда обращают внимание на то, что Эней не любим Приамом (XIII.460–461), он не является наследником власти Приама: Ахилл в перебранке бросает Энею в лицо, что есть у троянского царя сыновья (XX.179–183).

Эней в «Илиаде» еще не обрел эпитет «благочестивейший». Он пока не εὖσεβέστατος.

Действия Энея эпизодичны. Он — помощник более славных героев. В целом, читателя не оставляет впечатление, что формально

⁵См., например: *Boas H.* Op. cit. P. 7; *Gruen E.* Op. cit. P. 12; *Bettini M., Lentano M.* Op. cit. P. 53.

высокий статус троянца не соответствует его реальным достижениям. Конечно, ему покровительствуют боги, но помощь богов не столько добавляет величия его имени, сколько еще более обесценивает его деяния, показывая их тщету и случайность. Как герой-воин, как защитник Трои он больше не фигурирует нигде. Только в одном сюжете мы встречаем его имя. Это рассказ о бегстве из города — в «Малой Илиаде» и в «Разрушении Трои», и о судьбе Энея говорится по-разному. Согласно «Малой Илиаде», Нептолем, сын Ахилла, пленяет Энея и забирает его с собой в Фарсалию вместе с Андромахой, вдовой Гектора (West. Lit. П. 30.5). В «Разрушении Трои» Нептолем довольствуется лишь Андромахой, а Энею удается спастись бегством сразу после того, как змеи удушили прозорливого Лаокоона и его детей (West. Sack of Troy. Arg. 1). Из этих фрагментов должно следовать, что ни в «Малой Илиаде», ни в «Разрушении Трои» не присутствует знаменитый сюжет, согласно которому греки отпускают Энея на волю и предлагают на выбор увести с собой что-угодно ценное. Ведь в одном случае («Малая Илиада») он — пленник, а во втором случае («Разрушение Трои») спасается бегством *до* роковых для города событий. Авторы ничего не пишут о благочестии Энея. Он (еще? уже?) *не pius*.

Если мы суммируем все, что нам известно об Энее из киклического эпоса, включая «Илиаду», то получим следующее⁶. Парис вместе с Энеем увозят Елену из Спарты; после начала войны Ахилл похищает скот Энея, пасшийся на склонах Иды, и герои даже вступают в поединок. У Энея есть какие-то претензии на троянскую власть, но Приам его недолюбливает. Во дни гнева Ахилла троянец участвует в нескольких сражениях, в одном из которых его спасают боги, предсказывая ему грядущее господство над Троей. Наконец, согласно одной версии, он бежит из города сразу после смерти Лаокоона, согласно второй, попадает в плен к Нептолему.

Вот на какие два обстоятельства хочется обратить внимание после анализа фрагментов, взятых из древнейших греческих преданий, связанных с сыном Афродиты. Во-первых, ничто не намекает на его будущие долгие странствия после разрушения Трои. Оказавшись пленником Нептолема, он должен был в скором времени оказаться в Спарте. Впрочем, мы не располагаем никакими сообщениями древних авторов, которые бы развили тему его рабства у сына Ахилла. Если троянец и имел «шанс» долго путешествовать, то только в «Разрушении Трои». Однако и в этом случае общий сюжет эпоса, связанный с гибелью Трои, не подразумевает подробное

⁶В «Одиссее» имя Энея не упоминается.

Рис. 1. Рельефная амфора из Беотии, 540 г. до н. э. Фрагмент. Boston, Museum of Fine Arts (inv. 99.505)

описание затянувшегося странствия героя. Итак, нужно четко понимать, что тот Эней, который находился в осажденной Трое, по представлениям авторов раннего греческого эпоса, по-видимому, не имел никакого отношения к Энею, который стал основателем многих городов. Во-вторых, во всем эпосе отсутствует даже какой-либо намек на самый яркий эпизод в «жизни» Энея. Я имею в виду сюжет, когда греки предложили ему спастись, взяв самое важное. И в этом замечании кроется, на мой взгляд, удивительный парадокс. Но чтобы понять сущность этого парадокса, нам необходимо бросить хотя бы беглый взгляд на изображения троянского героя, которые сохранились на греческой керамике.

Существует значительное количество научных работ, где были скрупулезно собраны и проанализированы все изображения Энея⁷. Я не стану здесь повторять этот труд, а представлю лишь некоторый итог. Итак, нам известно всего 215 артефактов с изображением

⁷ Например, *Horsfall N.* Some Problems in the Aeneas Legend. P. 372-390; *Canciani F.* Op. cit. P. 381-396; *Dardenay A.* Op. cit.; *Bettini M., Lentano M.* Op. cit.

Энея, созданных не только в Греции, но и в Риме за всю античность. Самый ранний относится ко второй четверти VII в. до н. э. Впрочем, здесь Эней не присутствует, но подразумевается: на рельефном пифосе с Кикладских островов изображен Ахилл в то время, когда он похищает у Энея скот на склонах Иды⁸. Однако самым частым мотивом античной керамики является сюжет о бегстве Энея и спасении Анхиса. Сохранилось 103 артефакта. Самый ранний из них — это фрагмент амфоры из города Локры, созданной около 540 г. до н. э. (рис. 1)⁹. На монетах сюжет Энея с Анхисом появляется в начале V в. до н. э. — на тетрадрахме из Энеи (Халкидика), где герой несет, по-видимому, отца, а женщина рядом с ним — ребенка (рис. 2)¹⁰.

Рис. 2. Тетрадрахма из Энеи на Халкидике. Начало V в. до н. э.

Но когда же образ Энея, спасающего отца, появляется в античной литературе? Самым ранним свидетельством, которым мы располагаем, является фрагмент из драмы Софокла «Лаокоон», которая была написана, по-видимому, около 415 г. до н. э. — Эней в окружении домочадцев собирается бежать, «держа на плечах отца» (Radt. 373)¹¹. Согласно Гелланику, который был современником Софокла, Эней спас не только отца, но и домашних богов (Dion. Hal. I.46.4). Он пишет, что Эней, когда Неоптолем уже подбирался к основанию акрополя, взяв с собой остальных беглецов, погрузил отца и богов своей страны на повозку, вместе с женой и детьми покинул город

(ἀγόμενος ἐπὶ ταῖς κρατίσταῖς συνωρίσι τὸν τε πατέρα καὶ θεοὺς τοὺς πατρώους γυναῖκά τε καὶ τέκνα καὶ τῶν ἄλλων εἰ τι πλείστου ἄξιον ἦν σῶμα ἢ χρεῖμα). Таким образом, литературные свидетельства представляют нам две версии спасения из Трои — согласно одной, Эней спасает отца и семейство, согласно другой — помимо близких, увозит и ларец с домашними богами.

Еще раз вернусь к своему замечанию, высказанному выше: в «Илиаде» и в сохранившихся фрагментах киклического эпоса напроць отсутствует какое-либо упоминание об Энее, спасающем отца или ларец. Более того, можно смело утверждать, что в троянском эпосе отсутствует сюжет о выборе самого дорогого. Ведь если в «Ма-

⁸ LIMC. Vol. I.1. P. 383. No 23.

⁹ Ibid. P. 386. № 59.

¹⁰ Ibid. P. 388. № 92.

¹¹ Подробнее см.: Мосолкин А.В. Эней, фригийцы и апокия // ВДИ. 2015. 3. С. 109–123.

лой Илиаде» Неоптолем пленяет Энея, то очевидно, что троянцу по сюжету никто не предлагает убираться восвояси, прихватив отца или лары, — ведь он пленник. В «Разрушении Трои» он тоже лишен ситуации выбора, так как бежит *до того*, как греки ворвались в город. Поэтому полагаю, что миф о том, как греки предлагают Энею спастись, взяв самое ценное, создавался *не в рамках кикладского эпоса*. Следовательно, предание о благочестивом Энее, возможно, создавалось не там, где творили Лесх и Арктин (то есть в Малой Азии), а на территории Южной Италии и Сицилии, где получило широкое распространение.

Миф об Энее — своего рода палимпсест. Вычленив в нем изначальный сюжет очень трудно. Вероятно, рассказ о спасении самого дорогого, который зафиксирован в вазописи, а в письменных источниках — у Дионисия Галикарнасского (I.46.4), является одним из самых поздних наслоений. Предположу, что именно с этим сюжетом связана и знаменитая метапа Парфенона, — на ней изображен вооруженный Эней, который уводит из города Аскания и Анхиса, опирающегося руками на плечи Энея (рис. 3). Мы знаем из гомеровских гимнов, что отец героя был немощен и не мог ходить, поэтому ему нужна была помощь. Если он не сидит на плечах сына, то это означает, по-видимому, что его ждала повозка¹².

Итак, сюжет об Энее, спасающем самое ценное, впервые появляется в вазописи, которая получила широкое распространение на территории Великой Греции в середине VI в. до н. э. Нам неизвестно, что лежит в основе такой популярности: желание местных жителей связать основание своего города с греческим преданием или же влияние греческих вазописцев и торговцев, которые разносили по всему ведомому им свету свое представление об основании варварских городов. Имеющиеся у нас письменные источники позволяют сказать, что в литературе образ благочестивого Энея впервые появляется более чем через сто лет — уже в конце V в. до н. э. в Афинах. Отсюда следует, что либо сюжет о благочестивом Энее создают греческие вазописцы, что мне представляется крайне маловероятным, либо художники следовали за преданием или литературным текстом, которые до нашего времени не сохранились.

Второе предположение мне кажется более вероятным. Однако мы не располагаем никаким текстом, который был бы создан до середины VI в. до н. э., где Эней выступает в роли спасителя семьи. Нам доступно лишь косвенное указание, что первым, кто мог свя-

¹²См.: *Morard Th.* Op. cit. P. 66.

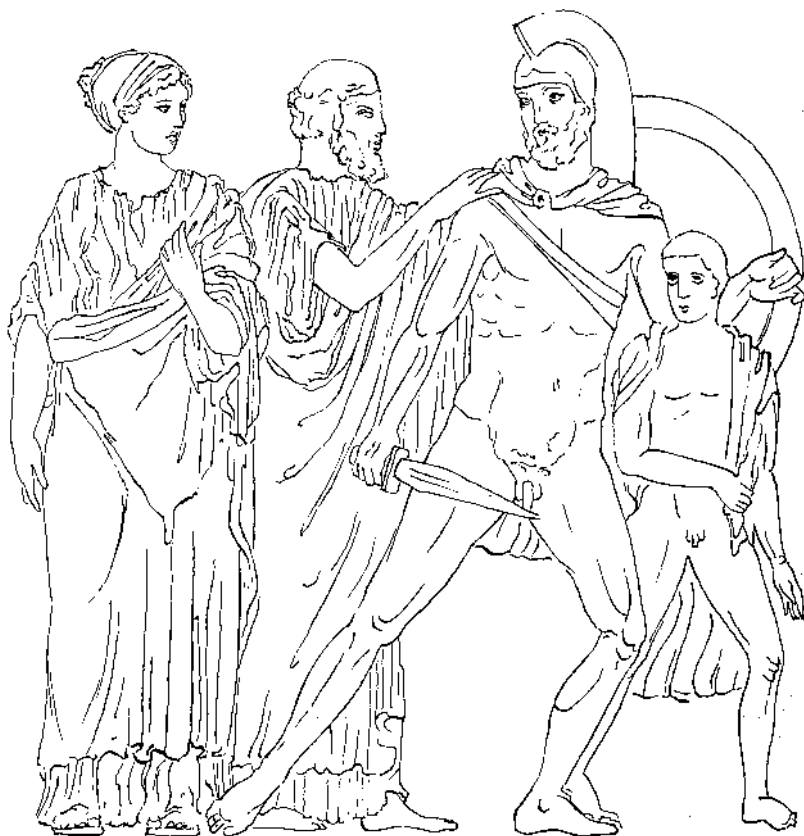

Рис. 3. Метопы Парфенона. Прорисовка

зять бегство Энея и благочестивое спасение Анхиса, был сицилийский поэт Стесихор, автор еще одной поэмы «Разрушение Трои».

Мне недавно довелось уже писать про знаменитую «*Tabula Piaca Capitolina*» и соотношение ее изображения с сюжетами троянских эпосов¹³. Не стану приводить здесь всю аргументацию, скажу только, что, по-видимому, существуют значительные расхождения между поэмой «Разрушение Трои» Стесихора, дошедшей до нашего времени лишь в незначительных фрагментах, и «иллюстрацией» к ней на Илионском рельефе, который был сделан на рубеже эр. И все же мне кажется весьма правдоподобным, что у Стесихора уже был разработан сюжет о спасении Энея и его путешествии в запад-

¹³ Мосолкин А.В. *Tabula Piaca Capitolina*: мог ли Стесихор знать о путешествии Энея к берегам Италии? // Эпиграфика и нумизматика. 2015. 19. С. 26–39.

ные земли, «в Гесперию». Однако ответить на вопрос, сам ли поэт создал образ воина, спасающего отца, или же взял его из местного предания, пока невозможно. Впрочем, второе мне кажется более предпочтительным. Герой, которому предлагают спасти самое важное, является архетипичным. Схожий сюжет можно найти в самых разных сказках всего мира. В каталоге Аарне-Томпсона эта история помещена под номером 653А («Самое драгоценное, что есть в мире»)¹⁴.

Вероятно, именно Стесихор соединил сюжет о разрушении Трои с бродячим мифом о герое, который спасает самое дорогое. Событийно было бы объяснить быстрое распространение сюжета каким-либо политическим событием или войной, которое (которая?) произошло примерно к 540 г. до н. э. Вероятно, введением рассказа о спасении Анхиса, Стесихор реагировал на нечто злободневное. К сожалению, наше знание об этом периоде истории Великой Греции столь несовершенно, что в настоящее время невозможно говорить об этом с уверенностью.

Каков же итог? Вероятно, миф об Энее создавался не сразу и на разных территориях. Миф о герое в том виде, который нам известен сейчас, является сплавом нескольких преданий, распространенных в разных местах и в разные времена. На территории греческих городов Малой Азии Эней был известен как один из союзников троянцев, которому покровительствовали боги, так как он был сыном Афродиты. Он оказывается в плену у греков — у сына Ахилла. Однако сицилийское предание, оформленное Стесихором, добавило к мифу о герое сюжет о выборе самого драгоценного, что у него было и что он мог спасти, а также дало возможность связать некоторые топонимы с именем Энея. И именно эта история в дальнейшем стала привлекательной для римлян, что и обусловило ее широкое распространение в античном мире.

---

¹⁴ *Aarne A., Thompson S.* The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. Helsinki, 1961. P. 229-230 («The Rarest Thing in the World»).

И.Ю. Шабара

КОНСТАНТИН И МАКСЕНЦИЙ: МЕТОДЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

В 324 г. Константин наконец-то обрел единоличную власть над всей территорией Римской империи, к чему он целеустремленно стремился целых восемнадцать лет. При этом он проявил себя как дальновидный и хладнокровный политик, умеющий использовать как мирные, так и вооруженные методы борьбы с политическими противниками.

В статье прослеживаются этапы политической борьбы Константина с одним из его противников в Западной части империи — императором Максенцием, — противостояние с которым закончилось очередной гражданской войной. Интерес к этой теме обусловлен тем, что продолжавшаяся в течение почти двух лет *не вооруженная* (выделено мною. — *И.Ш.*) борьба соперничающих за власть императоров — явление в римской истории чрезвычайно редкое, если не единственное в своем роде. Методы этой борьбы, порой весьма своеобразные, наглядно показывают, как гибко реагировал Константин на особенности текущего политического момента; особенно ярко это проявилось в том, как он использовал свою политическую родословную.

Стартовые позиции Константина и Максенция были весьма схожи: оба были сыновьями августов¹; оба были женаты на дочерях августов²; оба пришли к власти в 306 г.³; обоих провозгласили им-

---

¹Константин был старшим сыном августа Констанция I, Максенций — единственным сыном августа Максимиана Геркулия. При этом если относительно Константина никаких сомнений быть не может благодаря свидетельству нарративных, нумизматических и эпиграфических источников, то с Максенцием дело обстоит иначе: до 310 г. все источники называют его сыном Максимиана (см., например, Pan. Lat. II 14.1. от 289 года), в то время как после 310 г. ситуация выглядит не столь однозначно, о чем подробнее будет сказано дальше.

²Максенций был женат на дочери августа (с 305 г.) Галерия — Валерии Максимилле, Константин — на Фаусте, дочери августа Максимиана Геркулия (Pan. Lat. VI passim; *Lact. Mort. pers.* 18. 9, 26.1,6, 27.3; *Anon. Val.* I. 3.7; *Epitom.* 40.14; ILS. 671, etc.).

³Константин — 25 июля в британском городе Эбораке (совр. г. Йорк), Максенций — 28 октября в Риме.

ператорами войска⁴; оба принадлежали к династии Геркулиев⁵; к тому же они практически были ровесниками⁶. Более того, и тот, и другой использовали в своих интересах политические амбиции Максимиана Геркулия — отца одного и тестя другого. Поэтому чисто политическая борьба сопровождалась и очень эмоциональным личным соперничеством двух императоров.

В то же время обстоятельства прихода Константина и Максенция к власти были различны, что определило степень их дальнейшей легитимности.

Дело в том, что после смерти в июле 306 г. августа Констанция I (Хлора) Галерий, старший на тот момент август, в соответствии с установленной Диоклетианом концепцией совместного правления четырех правителей-тетрархов, назначил августом Западной части империи Севера, а после его гибели — Лициния (Pan. Lat. VII. 14.6; *Lact. Mort. pers.* 25.5, 29.2, 32.5; *Euseb.* HE VIII. 13.14; *Aur. Vict. Caes.* 40.8; *Eutr.* X. 4.1; *Epitom.* 40.2; *Oros.* VII. 28.11; *Chron. Min.* I. 231).

Константин, который на законных основаниях — умирающий Констанций официально назначил его своим преемником (Pan. Lat. VII. 7.4, 8.2; *Lact. Mort. pers.* 24.8; *Anon. Val.* I. 3.6; *Euseb.* HE VIII. 13.12, VC I. 21–22; *Oros.* VII. 25.16, 26.1) — начал править в областях, прежде находившихся под властью отца, то есть в Галлии, Британии и Испании (*Eutr.* X. 2.1–2; *Oros.* VII. 25.15–16)⁷, был утвержден Галерием лишь в звании цезаря и юридически должен был подчи-

---

⁴Константина провозгласили августом войны его умирающего отца, Максенция — преторианская гвардия Рима (Pan. Lat. VII. 8.2–4, IX. 16.2; *Lact. Mort. pers.* 24.8, 26.3; *Anon. Val.* I. 2.4, 3.6; *Euseb.* VC I. 22; *Aur. Vict. Caes.* 40.3–4; *Eutr.* X. 2.2–3; *Epitom.* 41.3; *Oros.* VII. 28.1,5; *Zos.* II. 9.1; *Chron. Min.* I. 229.234).

⁵Максенций официально Геркулием не считался.

⁶Разброс мнений относительно рождения Константина довольно велик: от 272 до 288 гг. (*Barnes T.D.* Constantine and Eusebius. Cambridge (Mass.); London, 1981. P. 39–42; *Nixon C.E.V.* Panegyric of Maximian and Constantine, by an Anonymous Orator (307) // Nixon C.E.V., Rodgers B. Saylor (eds). In Praise of Later Roman Emperors. The Panegyrici Latini / Introduction, Translation and Historical Commentary with the Latin Text of R.A.B. Mynors. P. 191–210. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1994. P. 195.10). Видимо, он родился в 279/280 гг. (Pan. Lat. VI. 6.2; *Lact. Mort. pers.* 29.5).

Год рождения Максенция также точно не известен; его помещают в период 277–287 гг. Скорее всего, он родился в 280/281 г. (*Barnes T.D.* The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge (Mass.); London. 1982. P. 34. Ср.: *Seeck O.* Die Anfänge Constantins des Grossen // Geschichte des Untergangs der antiken Welt: in 6 Bänden / Bd. I. Buch. 1. Berlin, 1910. S. 1, 47, 80).

⁷См. также: *Barnes T.D.* The New Empire. С. 13; *Rodgers B. Saylor* (1994) Nazarius, Panegyric of Constantine (321) // Nixon C.E.V., Rodgers B. Saylor (eds). In Praise of Later Roman Emperors. The Panegyrici Latini / Introduction, Translation and Historical Commentary with the Latin Text of R.A.B. Mynors. P. 343–385. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1994. P. 354.48. Ср.: *Stein E.* Histoire du Bas-Empire: in 2 vol. / T. 1: De l'État Romain à l'État Byzantin (284–476). Paris, 1949. P. 133.

няться своему августу — сначала, как было сказано выше, Северу, а потом Лицинию (Pan. Lat. VI. 5.3; *Lact. Mort. pers.* 25.3–5; *Zos.* II. 9.1; ср.: *Anon. Val.* I. 2.4; *Euseb.* VC I. 22).

В ноябре 308 г. звание цезаря было подтверждено для Константина (а на Востоке — для Максимиана Дазы) решениями Карнунтской конференции⁸. Впрочем, на Западе Константин с 307 г. признавался августом и фактически всегда правил отцовскими вотчинами самостоятельно, без особой оглядки на Галерия и назначаемых им правителей. В то же время формальное согласие с решением Галерия (Pan. Lat. VII. 8.2; *Lact. Mort. pers.* 25.3–4) уничтожало все возможные сомнения относительно легитимности его правления⁹.

Положение Максенция было гораздо более сложным, поскольку официально его приход к власти законными правителями империи во главе с Галерием никогда не признавался.

Более того, Галерий дважды инициировал против него военные походы: первый, под руководством Севера, состоялся в ноябре 306 г.¹⁰, практически сразу же после провозглашения Максенция императором; второй — в сентябре-октябре 307 г., после принятия Максенцием титула августа¹¹ и убийства Севера¹². Этот поход возглавил сам Галерий.

Оба похода окончились неудачей, причем в большой степени благодаря помощи пришедшего на помощь сыну Максимиана Геркулия (*Lact. Mort. pers.* 26.7; *Anon. Val.* I. 4.10; *Oros.* VII. 28.6. — Ср.: *Zos.* II. 10.2; *Eutr.* X. 2.3), на сторону которого перешли ранее служившие под его началом воины Севера и Галерия (Pan. Lat. IX. 3–4; *Lact. Mort. pers.* 26.8–10, 27.2–7; *Anon. Val.* I. 3.6–7; *Aur. Vict. Caes.* 40.7–9; *Eutr.* X. 2.4; *Oros.* VII. 28.8; *Zos.* II. 10.1).

В итоге Максенцию удалось закрепиться в Риме, Южной и Средней Италии, Африке, Сицилии и Сардинии — областях, которые

⁸Константин внешне смирился с этим, а Максимиан Даза, как и Константин, претендовавший на титул августа, активно выказывал свое недовольство. Поэтому в начале 309 г. звание цезарей было отменено, и для обоих был придуман небывалый доселе титул «Сыновья августов» (*Lact. Mort. pers.* 32.1–5; *Oros.* VII. 28.14; *Odahl Ch.M. Constantine and the Christian Empire.* London; New-York, 2004. P. 78; *Barnes T.D. The New Empire.* P. 6).

⁹*Barnes T.D. Constantine and Eusebius.* P. 29.

¹⁰Т.Д. Барнс датирует этот поход временем «до конца зимы 306/307 гг.» (*Barnes T.D. Constantine and Eusebius.* P. 30).

¹¹Максенций вел себя очень осторожно, стремясь, как и Константин, получить признание легитимности своей власти и себя в качестве августа от Галерия. Поэтому первоначально он нейтрально именовал себя лишь принцепсом (*Barnes T.D. Constantine and Eusebius.* P. 30).

¹²*Groag E. Maxentius // RE.* 30. 1930. Col. 2429, 2431; *Barnes T.D. Constantine and Eusebius.* P. 30–31; *Barnes T.D. The New Empire.* P. 5.13, 13.

составляли сферу ответственности его отца до его отречения (вместе с Диоклетианом) от власти 5 мая 305 г. (Pan. Lat. IX. 16.1; *Lact. Mort. pers.* 8.3; *Anon. Val.* I. 4.9; *Aur. Vict. Caes.* 39.30; *Zos.* II. 12.1). Еще в начале 307 г. Максенцию удалось установить контроль над Северной Италией¹³.

* * *

Первостепенной задачей обоих императоров было укрепление власти на подконтрольных территориях. К тому же и Константин, и Максенций, самовольно принявшие титул августа, стремились официально получить его от старшего августа Галерия, в чем тот им решительно отказывал. Поскольку основные интересы Константина и Максенция в то время совпадали, в сентябре 307 г. при посредничестве Максимиана ими был заключен политический союз, скрепленный браком Константина с Фаустой, дочерью Геркулия и сестрой Максенция.

Этот союз был выгоден всем трем императорам Запада, поскольку в результате достигнутых соглашений Максенций, перед угрозой нападения с Востока¹⁴, обеспечил себе надежный тыл со стороны Галлии, где правил Константин, а Константин и Максимиан Геркулий признали друг за другом возделенные титулы августов, которые, впрочем, признавались лишь в западной половине империи.

Наиболее выгодны союзнические отношения были, как представляется, для Максенция, чья легитимность усилилась вследствие признания его в качестве августа Константином, чья легитимность (хотя и в ранге цезаря) сомнению никогда не подлежала; к тому же Максенций обезопасил себя от возможного союза Константина и Галерия. Для широких же слоев подвластного населения тот факт, что Максенций был сыном и зятем августов, уже являлся достаточным основанием для признания его власти¹⁵.

Status quo сохранялся в течение почти трех лет¹⁶.

---

¹³*Barnes T.D.* The New Empire. P. 13.

¹⁴Упомянутый выше поход Галерия против Максенция и Максимиана был вызван не только стремлением наказать их за гибель Севера, но и опасением возможного совместного выступления троих западных императоров против него.

¹⁵*Seeck O.* Die Anfänge Constantins des Grossen. S. 81.

¹⁶Впрочем, отношения между «триумвиратом» Максенций-Константин-Максимиан Геркулий были лишь вынужденно хорошими; более того, если Максенций и Константин соблюдали нейтралитет по отношению друг к другу, то неугомонный Максимиан, у которого, несмотря на признание его Константином

Отношения между двумя императорами резко обострились после смерти Максимиана Геркулия в начале 310 г.¹⁷ и продолжали ухудшаться вплоть до начала 312 г., когда Константин перешел через Альпы, вступив на территорию Максенция. Именно в период этого двухлетия императоры использовали различные методы политической борьбы, целью которых являлась дискредитация противника прежде всего в глазах армии — основной опоры их власти.

Первый шаг сделал Константин, положение которого к этому времени укрепились настолько, что союз с Геркулиями стал ему не только не нужен, но и начал мешать его дальнейшим планам, поскольку и Максенций, и (ранее) Максимиан в глазах Галерия и остальных «законных» императоров не обладали никакой легитимностью, что косвенным образом отражалось на положении Константина.

в качестве августа, никакой реальной власти не было, делал всё, чтобы вновь ее обрести.

Так, в апреле 308 г. он попытался низложить сына (Pan. Lat. IX. 3.4; *Lact. Mort. pers.* 28.1–4; *Eutr.* X. 3.2; *Oros.* VII. 28.9), но, потерпев неудачу, был вынужден бежать к зятю, которого начал подстрекать к выступлению против Максенция в надежде ослабить того и другого. После отказа Константина Максимиан уехал на территорию Галерия (*Lact. Mort. pers.* 29.1; *Moreau J.* Die Christenverfolgung im Römischen Reich. Berlin, 1961. P. 360), надеясь уговорить того признать за ним вновь обретенный титул августа; там в ноябре 308 г. он принял участие в знаменитой Карнунтской конференции (*Zos.* II. 10.4).

Принятые на ней решения признавали легитимность лишь одного из троих западных императоров — Константина, да и то лишь в качестве цезаря; Максимиана заставили повторно отказаться от власти, а Максенций был признан узурпатором и врагом государства. Положение Максенция осложнялось еще и тем, что из-за востания в Африке прекратилось снабжение Италии зерном, вследствие чего в Риме возник голод (Pan. Lat. IX. 4.4; *Euseb.* HE VIII. 14.6; *Aur. Vict. Caes.* 40.17; *Zos.* II. 12.2–3; *Chron. Min.* I. 148; *Barnes T.D.* Constantine and Eusebius. P. 33, 38).

Геркулий, который после Карнунта снова бежал к Константину, относившемуся к нему уже исключительно как к частному лицу (Pan. Lat. VII. 15–16), в очередной раз попытался захватить власть, подняв мятеж в Арелате (совр. Арль) и объявив войску ложное известие о смерти Константина, который в то время сражался с франками и бруктерами на Рейне. Узнав об этом, Константин стремительно двинулся к Арелату, а затем к Массилии (совр. Марсель), куда бежал Максимиан. После недолгой осады старый император, по данным одних источников, был взят в плен и убит в январе 310 г. (*Eutr.* X. 3.2; *Epitom.* 40.5; *Oros.* VII. 28.10; *Chron. Min.* I. 231. Ср.: *Aur. Vict. Caes.* 40.22), по данным других — принужден к самоубийству позже, видимо, в июле того же года, после очередной неудачной попытки захватить власть (Pan. Lat. VII. 14.5, 20.2–4; *Lact. Mort. pers.* 30.5; *Euseb.* HE VIII. 13.15, VC I. 47; *Seeck O.* Die Anfänge Constantins des Grossen. S. 107; *Barnes T.D.* The New Empire. P. 13, 34).

¹⁷На Востоке весной этого же года Максимин Даза провозгласил себя августом, что означало конец установленной Диоклетианом системы тетрархии (*Barnes T.D.* Constantine and Eusebius. P. 33; *Creed J.L.* Lactantius. De mortibus persecutorum. Oxford, 1984. P. 111).

Поэтому вскоре после гибели Максимиана Константин устами панегиристов провозгласил свою новую легитимность, в соответствии с которой он вел свою родословную не от Максимиана Геркулия¹⁸, а от Клавдия II Готского¹⁹. Соответственно, богом-покровителем Константин стал считать не Геркулеса, а Солнце Непобедимое (Sol Invictus)²⁰, бога-покровителя императоров Клавдия Готского и Аврелиана (Pan. Lat. VII. 2.2–4, VIII 2.5; SHA Claud. 7.8, 9.9, 10.7, 13. 2,9; *Anon. Val.* I. 1.1; *Julian. Or.* I. 6D, Caes. 313D; *Zonar.* XII. 31)²¹.

Таким образом Константин заявил, что отныне он не только не имеет ничего общего с династией Геркулиев, все прежние договоренности с которой считаются утратившими силу, но и с ее божественным покровителем Геркулесом. Последнее соответствовало политической концепции Константина — один бог на небе, один император на земле.

Более того, новая политическая родословная Константина означала, что он не намерен считаться и с императорами-Иовиями²² — Галерием, Лицинием и Максимином Дазой, так как политически Иовии и Геркулии составляли единую династию.

Всё же в первую очередь этот демарш Константина был направ-

---

¹⁸Максимиан считался дедом Константина по усыновлению, поскольку 1 марта 293 г., когда была введена система тетрархии, отец Константина был назначен цезарем Максимиана и официально им усыновлен.

¹⁹Это родство является вымышленным (*Benjamin C. Constantin der Grosse* // RE. 4. 1901. Col. 1013; *Seeck O. Constantius I* // RE. 4. 1901. Col. 1040; *MacCormack S. Art and Ceremony in Late Antiquity* // *The Transformation of the classical Heritage*, I. Berkeley; Los Angeles; London, 1981. P. 180.

²⁰Смена небесного покровителя может рассматриваться как шаг Константина на пути к монотеизму (см. также: *Штаерман Е.М.* Кризис рабовладельческих отношений в западных провинциях Римской империи. М., 1957. С. 484–485; *Шаблага И.Ю.* Небесное видение как элемент земной политики Константина Великого // *Труды кафедры древних языков (К 50-летию кафедры)*, с. 98–108 / Отв. ред. И.С. Чичуров (*Труды исторического факультета МГУ: Выпуск 15; Сер. III. Instrumenta studiorum*: 6). СПб, 2000. С. 99).

Д. Поттер в связи с объявлением Солнца Непобедимого небесным покровителем Константина справедливо замечает, что в характере последнего было использовать богов, кем бы они ни были, для достижения собственных конкретных целей (*Potter D.S. The Roman Empire at Bay 180–395*. London; New-York, 2004. P. 354).

²¹Sol условно отождествлялся с Аполлоном. В Pan. Lat. VII. 21–22 именно Аполлон изображается новым божественным покровителем Константина (*Seeck O. Die Anfänge Constantins des Grossen*. S. 107–108; *MacCormack S. Change and Continuity in Late Antiquity: the ceremony of Adventus* // *Historia*. 21. 1972. S. 731–732; *Barnes T.D. Constantine and Eusebius*. P. 35–37; *Barnes T.D. The New Empire*. P. 13, 34; *Штаерман Е.М.* Кризис рабовладельческих отношений. С. 267–268; *Шаблага И.Ю.* Славысь, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997. С. 88–89).

²²Династия названа так в честь своего божественного покровителя Юпитера-Иова.

лен именно против Максенция, который являлся ближайшим и единственным на Западе политическим противником Константина, в то время как на Востоке Галерий тяжело болел²³, а Максимиан Дазы и Лициний были заняты выяснением отношений между собой (*Lact. Mort. pers.* 36.1-2).

Ответной мерой Максенция, по всей вероятности, в конце 310 — начале 311 г., явилось обожествление Максимиана Геркулия, которому он приказал поставить памятники с надписью *divo Maximiano* («божественному Максимиану»); при этом себя он стал именовать *filiius divi Maximiani* («сын божественного Максимиана»), а своего сына — *nepos divi Maximiani senioris* («внук божественного Максимиана Старшего») ²⁴²⁵. Кроме того, Максенций объявил себя мстителем за отца, открыто обвинив Константина в гибели последнего (*Lact. Mort. pers.* 43.4).

Заметим, что предпринятые Максенцием меры носили чисто политической характер, призванный подчеркнуть, в пику Константину, законность его власти именно как члена династии Геркулиев.

Таким образом, между Константином и Максенцием началась «холодная война». Впрочем, первая половина 311 г. прошла достаточно спокойно, поскольку Максенций был занят борьбой за возвращение Африканских провинций, потерянных после отложения в 308 г. викария Африки Домиция Александра (*Pap. Lat. IX. 16.1; Euseb. VC I. 36*), а Константин еще не чувствовал себя готовым к открытому вооруженному противостоянию.

* * *

После смерти Галерия 5 мая (или марта)²⁶ 311 г. отношения между Максенцием и Константином резко обострились²⁷.

Максенций немедленно воспользовался смертью тестя, императора Галерия, для очередного укрепления своей легитимности, приказав его обожествить²⁸. Этот шаг, как и в случае с Максимианом, был чисто политическим, поскольку в личном плане Галерий

²³ Галерий болел с зимы 311 г. (*Lact. Mort. pers.* 33.1-11; *Euseb. HE VIII. 16.3-5; Oros. VII. 28.12-13*) и практически отошел от управления государством.

²⁴ Назван так в отличие от Максимиана Галерия.

²⁵ *Groag E. Maxentius. Col. 2445; Barnes T.D. Lactantius and Constantine. P. 35.*

²⁶ *Barnes T.D. The New Empire. P. 6.*

²⁷ Максенций и Константин могли не опасаться враждебных действий со стороны Лициния и Максимиана Дазы, так как те были заняты выяснением отношений между собой.

²⁸ *Seeck O. Anhang zum ersten Bande. S. 493; Barnes T.D. (1982) The New Empire. P. 6.*

и Максенций друг друга ненавидели (*Lact. Mort. pers.* 18.9,11, 26.4, 29.1; *Epitom.* 40.14; *Zos.* II. 14.4)²⁹.

Кроме того, Максенций, выступавший как приверженец староримской религии и римских традиций вообще, осознавал, что в борьбе с Константином, который вел очень осмотрительную и дальновидную религиозную политику³⁰, необходимо было заручиться поддержкой как язычников, так и христиан. Впрочем, в отличие от Константина, который действовал в этом направлении очень решительно: так, еще в в 306 г. он вернул христианам собственность на своих территориях³¹, — Максенций первоначально стремился ограничить свою политику по отношению к ним лишь изданием указа о веротерпимости (307 г.). Однако этого было явно недостаточно, и потому в июле 311 г. император издал указ о возвращении христианам собственности в Италии и Африке. Впрочем, эта мера оказалась запоздалой и вынужденной, поскольку симпатии христиан уже давно были на стороне Константина³².

Летом 311 г. обоим императорам стало окончательно ясно, что силового столкновения не избежать. В то же время и Константин, и Максенций всё еще не были готовы к открытым военным действиям; в частности, Максенций, опасаясь вторжения императора Лициния на свои территории, в спешном порядке строил дороги и укрепления на границе с Рецией и заботился о первоклассном снабжении своего войска (*Pan. Lat.* IX. 5.3, 8.1, X. 7.4, 22.4, 25.1-3; *Aur. Vict. Caes.* 40.25; *Zos.* II. 14.1). Ввиду этих обстоятельств императоры начали переговоры.

Об этих переговорах, причем — в соответствии с особенностями жанра — очень туманно³³, говорит лишь Назарий, автор пане-

---

²⁹ Источники ничего не говорят о том, когда возникла эта ненависть. В то же время создается впечатление, что Галерий, вероятно, в 293 г. (*Groag E. Maxentius.* Col. 2420) выдал свою дочь замуж за Максенция скорее всего по чисто политическим соображениям, стремясь таким образом предотвратить возможные враждебные действия со стороны Максимиана Геркулия.

³⁰ *Шабага И.Ю.* Небесное видение. С. 98–108.

³¹ *Millar F.* The emperor in the Roman World (31 BC — AD 337). New-York, 1984. P. 578.

³² *Millar F.* The emperor in the Roman World. P. 581; *Barnes T.D.* Constantine and Eusebius. P. 38–39.

³³ *Pan. Lat.* X: «*Даже злых людей ты с трудом вырываешь из своего сердца*» (8.1); «*В соответствии со своим милосердием ты [Константин] попытался воспользоваться более мягкими средствами, чтобы лечение прошло как можно более безболезненно: ведь ты предпочитал скорее успокоить, чем уничтожить*» (9.2); «*Ты [Константин] призываешь к союзу: он [Максенций] отворачивается, отвергает и пугается твоего желания*» (10.3); «*Я не устаю удивляться... почему он не принял предложенного*» (11.1); «*Хотя следовало оставить всякую надежду и перестать стремиться к примирению...*» (12.1); «*...в примирении было отказано тому, кому была уготована победа*» (13.); и т. д. Здесь и далее перевод автора.

гирика 321 года, в то время как остальные источники хранят на этот счет полное молчание, что, впрочем, вполне объяснимо: христианские авторы сознательно избегают упоминаний о каких-либо переговорах и союзах Константина с Максенцием, который изображается ими как злейший враг христианской церкви, а языческие, настроенные к Константину нейтрально или враждебно, описывают взаимоотношения обоих императоров очень кратко, акцентируя внимание на наиболее ярких и драматических эпизодах их непростых взаимоотношений.

Тем более интересно и показательно, что христианин³⁴ Назарий, давая в своей официозной речи, основным содержанием которой является прославление победы Константина над Максенцием³⁵, ретроспективу отношений обоих императоров, не смог не упомянуть о наличии переговоров между ними. Чем можно объяснить подобную «объективность» оратора?

Скорее всего, двумя причинами: во-первых, в 321 г., когда и адресат речи (Константин), и вовлеченные в конфликт лица из императорского окружения прекрасно помнили все перипетии политической борьбы двух императоров, совсем не упомянуть об имевших место переговорах между ними было невозможно; во-вторых, подобная «объективность» объясняется, скорее всего, личной позицией панегириста по отношению к Константину³⁶, заставившей его «проговориться», хотя и в форме туманных намеков, о вещах, не очень приятных для восхваляемого императора.

Замечу кстати, что для произведения панегирического жанра такая туманная, полная намеков подача материала практически равна прямому заявлению о наличии того или иного события, в частности — о наличии переговоров между императорами.

* * *

Как бы там ни было, переговоры между Константином и Максенцием перед их решающей схваткой были более чем возможны. Впрочем, они окончились неудачей, и отношения императоров вступили в новую фазу: пришла пора прибегнуть к такому

³⁴ Обзор мнений относительно религиозных взглядов Назария см.: *Шабага И.Ю.* Славься, император! С. 40–41.

³⁵ *Шабага И.Ю.* Славься, император! С. 60.

³⁶ Одной из особенностей панегирического жанра является то, что риторы умело скрывали свои истинные взгляды в том случае, если они не совпадали со взглядами императора — адресата речи (*Шабага И.Ю.* Славься, император! С. 58–59; *Шабага И.Ю.* Небесное видение. С. 104–105).

давнему и испытанному в римской политической практике приему, как *Damnatio memoriae* (уничтожение памяти о политическом противнике).

Константин первым прибег к этой мере. Осенью 311 г. он приказал уничтожить на своей территории все статуи и портреты Максимиана, еще раз подтвердив свой полный разрыв с династией Иовиев-Геркулиев и в первую очередь с Максенцием, как ее формальным членом. При этом, поскольку Максимиан, как правило, изображался в паре с Диоклетианом, заодно уничтожалась память и об основателе системы тетрархии (*Lact. Mort. pers.* 42.1–2; *Euseb. HE VIII.* 13.15, *VC I.* 47)³⁷.

В ответ на это Максенций, которому к тому времени удалось справиться с восстанием в Африке и полностью восстановить снабжение Италии африканским зерном, приказал уничтожить статуи и портреты Константина на своей территории (*Pan. Lat. IX.* 16.1; *Aur. Vict. Caes.* 40.18–19; *Zos. II.* 14.2–4; *СП VIII.* 962.7004.19419.22183)³⁸.

Damnatio memoriae означала точку невозврата в отношениях двух императоров, положившую начало очередному этапу их взаимоотношений, а именно: заключению военно-политических союзов с императорами Востока.

Сначала был заключен союз между Константином и Лицинием, скрепленный помолвкой последнего с Констанцией, сводной сестрой Константина (*Pan. Lat. IX.* 2.3; *Lact. Mort. pers.* 43.2; *Aur. Vict. Caes.* 41.2; *Zos. II.* 14.1, 17.2)³⁹. Узнав об этом, Максимин Даза срочно направил послов к Максенцию с просьбой о заключении подобного союза, на что последний охотно согласился (*Lact. Mort. pers.* 43.3–4, 44.10; *Euseb. HE VIII.* 14.7)⁴⁰.

³⁷Подробнее: *Barnes T.D. Lactantius and Constantine.* P. 41; *Barnes T.D. The New Empire.* P. 34.

³⁸Единственное упоминание об этом содержится в речи Назария (*Pan. Lat. X.* 12.2), который описывает эти действия Максенция в свойственной панегиристам утрированной и крайне эмоциональной манере: «О, сколь мучительны и горестны, оскорбление, твои шилы, когда оскорбляет тот, кто хуже нас! Ибо вот — о ужас! — мне едва хватает слов: твои статуи, которым следует поклоняться, несчастным образом низвергнуты, а божественное лицо безобразно замазано».

Изображение Константина было выставлено в Риме, то есть на территории Максенция, еще в 306 г. (*Zos. II.* 9.2; *Seeck O. Die Anfänge Constantins des Grossen.* S. 117; *Seeck O. Anhang zum ersten Bande.* S. 493), что подтверждает наличие первоначально хороших отношений между двумя императорами.

³⁹Д. Поттер полагает, что переговоры между Лицинием и Константином о заключении политического союза шли в течение 311 — начала 312 г. По чьей инициативе они были начаты, неизвестно (*Potter D.S. The Roman Empire.* P. 357, 667.111); главное, что они увенчались успехом.

⁴⁰Лактанций отмечает, что Максимин Даза предложил Максенцию союз, поскольку

Обе коалиции были готовы к войне: на Западе она началась и закончилась в 312 г. победой Константина⁴¹, на Востоке — в 313 г. — победой Лициния. Как показали последующие события, эти победы были лишь прелюдией к дальнейшей борьбе за единоличную власть в Римской империи, борьбе, завершившейся окончательной победой Константина.

* * *

Что же касается политического противостояния Константина с Максенцием, то оно не окончилось со смертью последнего.

Дело в том, что победивший в гражданской войне Константин оказался в довольно щекотливой ситуации: политически порвав с династией Геркулиев и убив отца (Максимиана Геркулия) и родного брата (Максенция) своей жены Фаусты, он поставил под удар в качестве законных преемников своей власти своих сыновей от нее⁴². Поэтому Константину было необходимо восстановить связь своей новой династии Флавиев⁴³ с династией Геркулиев, а посредством нее — с основателем системы тетрархии Диоклетианом, что должно было исключить всякие сомнения в легитимности и само-

---

ку считал, что соглашение Лициния и Константина направлено в первую очередь против него. Судя по тому, с какой готовностью Максенций откликнулся на это предложение, он также считал союз Лициния и Константина реальной угрозой своей власти (*Lact. Mort. pers.* 43.2–4).

⁴¹Кстати сказать, Константин убил не только своего шурина Максенция и тестя Максимиана Геркулия: в 326 г. по его приказу были убиты его первенец цезарь Крисп и жена Фауста, мать его четверых детей.

⁴²Помимо Криспа, рожденного от Минервины, наложницы (или первой жены) Константина (*Barnes T.D. The New Empire. P.* 42–43), у него было еще три сына: Константин Младший, Констанций и Констант. Что касается двух последних, то они безусловно являются сыновьями от Фаусты, законной супруги Константина. Относительно Константина Младшего мнения источников, а вслед за ними и исследователей, расходятся: одни считают его незаконнорожденным сыном Константина от какой-то женщины из Арелата (*Zos. II* 20.2, 39.1; *Seeck O. Die Anfänge Constantins des Grossen. S.* 3), другие (большинство) — сыном от Фаусты (*Eutr. X.* 9.1; *Epitom. 41.19; Oros. VII.* 25.5; *Barnes T.D. The New Empire. P.* 43).

Заметим кстати, что в другом месте Зосим говорит, что *тпу* (выделено мною. — *II. III.*) сына Константина были рождены не Фаустой (*Zos. II.* 39.1). Их имена содержатся в надписи ILS. 710: *noverca dominorum nostrorum Crispi Constantini Constanti* (последний назван ошибочно: *Seeck O. Die Anfänge Constantins des Grossen. S.* 377) *beatissimorum Caesarum.*

⁴³Полное имя Констанция I — Марк (Гай?) *Флавий* (выделено мною — *II. III.*) Валерий Констанций, Константина — Гай *Флавий* Валерий Константин.

Константин и его потомки составляют так называемую Вторую династию Флавиев, никоим образом не связанную с Первой династией Флавиев (императоры Веспасиан, Тит, Домициан: 69–96 гг.).

го Константина, и его сыновей, так как легитимности Константина как члена династии Клавдия Готского, по-видимому, не хватало.

Поэтому в 313 г. Константин обожествил Максимиана Геркулия и официально признал его дедом своих сыновей⁴⁴.

Однако этого было недостаточно. Следовало «очистить» династию Геркулиев от такой одиозной, с точки зрения Константина, фигуры, как Максенций. С этой целью одновременно со своим с обожествлением Максимиана Константин объявил его обожествление Максенцием в 310 г. незаконным, а самого Максенция — незаконно-рожденным сыном Геркулия (Pan. Lat. IX. 3.4, 4.3; Epitom. 40.13).

Таким образом, официальная пропаганда Константина заявила, что он сам и его сыновья являются единственными бесспорными наследниками тетрархов на Западе империи.

* * *

Апелляция к происхождению политического противника является довольно редким методом политической борьбы, поэтому на ней хотелось бы остановиться подробнее.

Первым этот аргумент использовал Максенций, который оправдывал свой захват власти в Риме в 306 г. именно тем, что является сыном «столя великого императора» (Максимиана Геркулия). Более того, Максенций считал, что он имеет гораздо больше прав на императорский престол еще и потому, что рожден в законном браке (Pan. Lat. II. 14.1), в то время как Константина, хотя его отец также был император, родила женщина «не почтенная» (Zos. II. 9.1–2)⁴⁵, то есть не законная мать семейства.

⁴⁴Barnes T.D. Lactantius and Constantine. P. 42–43. В 317/318 гг. появляются монеты Константина с изображением Максимиана, названного divus «божественным» (Barnes T.D. The New Empire. P. 35).

⁴⁵Единого мнения относительно обстоятельств рождения Константина нет.

Наиболее осторожные (или наиболее к Константину расположенные) авторы вообще не касаются этого щекотливого вопроса (например, авторы сборника XII Panegyrici Latini и Эпитомы, Евсевий, Сократ и Созомен), а Евтропий (Eutr. X. 2.2) прямо заявляет, что ничего определенного о браке Констанция и Елены сказать невозможно: Constantinus, ex obscuriore matrimonio eius [Constantii] filius... («Константин, рожденный в результате довольно неясного (темного, непонятного) брака [Констанция]»). Отмечу кстаги, что А.И. Донченко (Донченко А.И. Евтропий. Краткая история от основания Города / Перевод с лат. // Римские историки IV века. М., 1997. С. 67) перевел это место неточно: «...сын его [Констанция] Константин, рожденный от неизвестной матери...».

Ряд авторов не сомневается в рождении Константина в законном браке (Anon. Val. I. 1.1–2; Aur. Vict. Caes. 39.25; Eutr. IX. 22.1; Epitom. 39.2; Zonar. XII. 31, 33; XIII. 1.3), тогда как другие утверждают, что его мать была лишь наложницей Констанция (Zos. II. 8.2, 9.1–2; Oros. VII. 25.15; Zonar. XIII. 1.4), то есть что Константин был внебрачным ребенком.

Впрочем, судя по молчанию источников, Константин никак не отреагировал на этот выпад своего политического противника, справедливо сочтя его несущественным, поскольку его «сомнительное» происхождение полностью перекрывалось не только фактом официальной передачи ему власти его отцом, августом Констанцием, но и последующим подтверждением законности этой передачи со стороны старшего августа Галерия (*Lact. Mort. pers.* 25.3–5). При этом «низкое», а, возможно, и «незаконное» происхождение Константина никоим образом не смущало и отца Максенция, выдавшего замуж за Константина свою дочь: скрепленный подобным образом политический союз был гораздо важнее какого бы то ни было происхождения будущего зятя.

Таким образом, апелляция к происхождению Константина как аргумент политической борьбы оказалась для Максенция неудачной.

Вновь этот аргумент, и гораздо более успешно, был использован тем, против кого ранее он был направлен, — Константином.

Как было отмечено выше, после победы над Максимцием Константин официально признал обожествленного им Максимиана Геркулия дедом своих сыновей и, таким образом, отказался от своей прежней политики разрыва с династией Ювиев-Геркулиев, поскольку в новой политической реальности восстановление преемственности от нее усиливало легитимность новой династии Кон-

При этом в то время как латинские авторы, считающие мать Константина наложницей Констанция, используют термин *concubina* (женщина низкого социального положения, в течение длительного времени живущая в незарегистрированном браке с мужчиной более высокого социального статуса, причем их дети не являются полноправными наследниками отца), греческие никогда не употребляют соответствующий латинскому термин *παλλακή*. В частности, язычник Зосим, который относится к Константину резко негативно, делая акцент на незаконности происхождения Константина, описывает его мать Елену как *γυνή οὐ σεμνή* (*Zos. II. 8.2*) и *μητήρ ἄσεμνος* (*Zos. II. 9.2*), то есть как женщину/мать «не почтенную», то есть не являющуюся законной матерью семейства, что соответствует латинскому термину *matrona*.

Особенно красочно описывает статус Елены христианский автор Зонара (*Zonar. XIII. 1.3–4*), беспристрастно отмечающий, что одни авторы говорят, что она была первой законной женой Констанция, в то время как другие называют ее «не законной женой Констанция, а сторонним объектом его страстных желаний» (*οἱ δὲ οὐ γαμέτην αὐτῆν γενέσθαι νόμιμον τοῦ Κωνσταντίου ἱστορήσαν, ἀλλὰ πάρεργον ἐρωτικῶν ἐπιθυμιῶν*).

Во всяком случае, даже если сведения о внебрачном рождении Константина не верны, Максенций попытался использовать слухи об этом в собственных политических целях.

Кстати, сам Константин родил своего первенца Криспа от наложницы Минервины (*Zos. II. 20.2; Epitom. 41.4; Zonar. XII. 2.37* и сноску 41) незадолго до свадьбы с Фаустой (*Seeck O. Anhang zum ersten Bande. S. 476–477*).

стантина, устанавливая ее прямую связь с основателем системы тетрархии.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что династия Константина была основана не на принципах политической целесообразности и прихода к власти путем политического усыновления, а на кровном родстве, и потому Константин должен был прежде всего обезопасить своих сыновей от всего того, что могло бы повредить их репутации как законных преемников власти отца. В этом отношении наибольшую угрозу представляло то, что сыном Максимиана Геркулия был Максенций: этот факт оставлял открытым вопрос о том, что и сам Максенций, и его сыновья⁴⁶ теоретически имели столько же прав на императорский престол, сколько Константин и его сыновья. Проблема представлялась Константину очень серьезной даже после гибели Максенция.

Поэтому, чтобы не допустить никаких сомнений в том, что единственными наследниками Максимиана, то есть легитимными преемниками династии Иовиев-Флавиев, являются исключительно члены рода Константина, последний и объявил, что Максенций не является законным сыном Максимиана Геркулия⁴⁷, будучи рожден его женой сирийкой Евтропией от какого-то сирийца. Несколько позже и сама Евтропия официально подтвердила внебрачное рождение сына (*Anon. Val. I. 4.12; Epitom. 40.13*)⁴⁸. Было ли ее признание

---

⁴⁶У Максенция было два сына: старший, Валерий Ромул (назван так в честь его прабабки Ромулы, матери его деда — императора Галерия), умер, вероятно, еще в 309 г. (*Seeck O. Anhang zum ersten Bande. S. 462; Groag E. Maxentius. Col. 2420*), а младший, неизвестный по имени, был убит вместе с матерью вскоре после вступления Константина в Рим 29 октября 312 г. (*Pan. Lat. IX. 16.5; Zos. II. 17.2; Barnes T.D. The New Empire. Stem. 2*).

⁴⁷Вот в каких выражениях подает этот факт Назарий: «Наконец, сам тот человек [Максимиан Геркуллий], который считался его [Максенция] отцом...» (*Pan. Lat. IX 3.4*); «Действительно, чтобы опустить то, чего не следует сравнивать, а именно: что он [Максенций] был подмененным сыном (suppositus) Максимиана, в то время как ты [Константин] — сын Констанция Благочестивого; он отличался смегловатою маленьким ростом, уродливой и кривой фигурой, да и само имя его было исковеркано, так как, собственно говоря, ему не принадлежало...» (*Pan. Lat. IX 4.3*).

Рисуемый панегиристом карикатурный портрет Максенция является одним из способов диффамации политического противника (Шабига И.Ю. Риторические способы диффамации политического противника (По материалам сборника XII Panegyrici Latini // (URL:http://history.machaon.ru/all/number_12/analiti4/shabaga/index.html; доступ 09.08.2007).

⁴⁸Интересно, что в официозном и откровенно пропагандистском сочинении Лактанция вопрос о якобы внебрачном происхождении Максенция, столь выигрышный для Константина, вообще не затрагивается. Описывая поход Севера на Рим против Максенция (*Lact. Mort. pers. 26.6*), Лактанций лишь вскользь отмечает, что последний мог бы привлечь на свою сторону отцовских воинов по праву наследования (*licet iure hereditatis paternos milites traducere ad se posset*).

искренним или сделанным под давлением — вероятнее всего второе, так как она находилась в полной власти Константина, — не известно, а в конце концов и не важно; главное, чего добился Константин, это то, что его бывший шурин и политический противник отныне никоим образом не мог повредить репутации новой Константиновой династии.

Подведем итоги. Мы видели, что в борьбе за власть в Западной части Римской империи в 310–311 гг. Константин и Максенций использовали все доступные им методы политической борьбы: переговоры, заключение политических союзов и политических браков, уничтожение памяти о политическом противнике, использование религиозных убеждений подвластного населения, манипуляции памятью умерших императоров, апелляцию к происхождению политического противника. Все эти действия носили исключительно тактический характер, ибо стратегическая цель у того и другого была одна — уничтожение своего политического противника. Победил, как водится, сильнейший, а таковым во всех отношениях был Константин.

И.И. Аникьев, И.В. Кувшинская

«ЗОЛОТАЯ ЛЕГЕНДА» ИАКОВА ВОРАГИНСКОГО: К ПУБЛИКАЦИИ ПЕРЕВОДОВ

В середине XIII в. Блаженный Иаков Ворагинский, доминиканский монах, будущий архиепископ Генуи, составил обширный энциклопедический труд «*Legenda Sanctorum*» — «Легенда о Святых». Иаков Ворагинский собрал и расположил согласно годовому литургическому циклу истории о великих христианских праздниках, сказания об апостолах и мучениках, святых отшельниках и Отцах церкви. Книга брата Иакова была задумана как всеобъемлющая «Сумма», собрание поучений и назидательных примеров святости, свод разнообразных знаний по литургике и истории церкви. По замыслу автора, «*Legenda Sanctorum*» была обращена к тем, кто, следуя девизу ордена доминиканцев: «*Laudare, Benedicere, Praedicare*» («Славить, Благословлять, Проповедовать») — должен был нести в мир Слово Божие.

Сочинение Иакова Ворагинского завершала обширная историческая хроника, посвященная событиям Церковной истории VI–XII вв. Хроника открывалась рассказом о завоевании Италии лангобардами, и потому вскоре «Легенду о Святых» стали именовать «Ломбардской историей» — «*Historia Lombardica*». Еще при жизни Иакова Ворагинского рукописи его сочинения разошлись по Италии и странам Средневековой Европы. До настоящего времени сохранилось около 1000 латинских рукописей «Легенды», причем более ста из них относится к концу XIII в.¹

---

¹*Fleith B.* Studien zur Überlieferungsgeschichte der lateinischen *Legenda Aurea*. Bruxelles. 1991. P. 55–331. Автор приводит список рукописей с указанием их местонахождения. Так, например, в Государственной библиотеке Баварии в Мюнхене хранятся 4 рукописи XIII века, в Миланской Амброзиане — 2 рукописи, в Парижской Национальной библиотеке — 2 рукописи. По одному экземпляру рукописных списков «Легенды» конца XIII в. находится в библиотеках Кембриджа, Оксфорда, Венеции, Вены, Мадрида, Гааги, Брюсселя и др. Обилие ранних списков книги, разбросанных по различным собраниям, затрудняет работу над созданием критического издания текста, приближенного к первоначальному авторскому варианту.

Рис. 1. Оттавиано Нелли. Блаженный Иаков Ворагинский. Фрагмент фрески в капелле палаццо Тринчи. 1421–1424. Фолиньо

В начале XIII в. «*Legenda Sancto-rum*» была переведена на основные европейские языки — итальянский, немецкий, старофранцузский, провансальский, каталонский, чешский — и заслужила прозвание «*Legenda Aurea*» — «Золотая Легенда». Первоначальный текст был дополнен сказаниями о Святых, почитаемых в различных землях Европы, и подвергнут значительным изменениям.

В конце жизни Иаков Ворагинский написал подробную историю города Генуи, озаглавленную «Генуэзская Хроника», в которой автор кратко сообщает о себе и своих трудах: «Брат Иаков из Ордена проповедников стал восьмым архиепископом в лето Господне 1292 и проживет, сколько будет угодно Богу... В то время, когда он был монахом Ордена, и позднее, став архиепископом, брат Иаков написал многие труды. Он составил не один том *Легенды о Святых*, дополнив ее сведениями из *Трехчастной истории*, *Схоластической истории*, а также из *Хроник*, созданных многими авторами. Пролог к этому труду начинается так: *Адвент Господень*»².

Написанная для образованных клириков и нужд проповеди, книга Иакова Ворагинского в XIV–XV вв. стремительно завоевывала широкую светскую аудиторию. В первый век книгопечатания, за двадцать лет, прошедших между 1470 и 1489 гг., «Золотая Легенда» была издана в пятнадцати городах Европы. По десять изданий вышло в Страс-

²Jacobi a Varagine Chronicon Genuense // *Rerum Italicarum Scriptores*. V. IX. Mediolani, 1726. P. 53.

бурге и Кельне, по пять — в Венеции, Лионе, Базеле, Нюрнберге, по три — в Париже и Ульме³. С общим количеством изданий «Золотой Легенды» могла соперничать только Библия.

Протестантская критика незаслуженно сурово обошлась с «Золотой Легендой» — отзвуки этих мнений до сих пор слышны в популярных статьях, где после стандартного набора замечаний (компилятивность, некритическое отношение к источникам, обилие чудес), тем не менее, констатируется факт, что книга оказала беспрецедентное влияние на культуру средневековья.

В эпоху Нового времени высокую оценку труду Блаженного Иакова Ворагинского дал Жан Болланд в предисловии к I тому «Acta Sanctorum»⁴. Болланд подчеркивал, что лишь историк, знающий специфику агиографического жанра, в состоянии оценить язык и стиль «Легенды о Святых», казавшийся варварским знатокам риторики и классической латыни. Работая с многочисленными рукописями Деяний святых, Болланд высоко оценил труд, проделанный Иаковом Ворагинским, и степень достоверности собранных известий. Пламенными апологетами «Золотой Легенды» стали переводчики книги. «Писать о добре, творить его, — это и есть, в действительности, цель Иакова Ворагинского», — отмечал о. Жан-Батист Розе, первый переводчик текста «Золотой Легенды» на современный французский язык⁵. Ученые, непосредственно соприкасавшиеся с оригинальным латинским текстом «Золотой Легенды», не могли не ощутить обаяние литературного таланта брата Якопо из Варацце. «Именно печать личности автора, очарование его искренности и подлинное волнение, с которым он повествует о судьбах своих героев, объясняют стойкий успех книги в продолжение трех столетий», — пи-

Рис. 2. Фра Беато Анжелико. Святой Доминик с книгой. Фрагмент алтаря. 1447-1448. Национальная галерея Умбрии, Перуджа

³Reames S.L. The Legenda Aurea: a reexamination of its paradoxical history. University of Wisconsin, 1985. P. 27.

⁴Acta Sanctorum, Januar. V. 1, Antwerpen, 1643. P. XIX-XX.

⁵Roze J.-B.M. La Légende dorée de Jacques de Voragine. Paris, 1902. V.1. P. IX.

сал И.Н. Голенищев-Кутузов⁶. Небольшой очерк И.Н. Голенищева-Кутузова до настоящего времени является единственным исследованием, написанным о «Золотой Легенде» на русском языке.

На протяжении 2013–2014 гг. преподаватели Кафедры древних языков Исторического факультета МГУ Ирина Владимировна Кувшинская и Илья Игоревич Аникьев работали над переводом сказаний «Золотой Легенды». К настоящему времени книга полностью переведена на русский язык. Перевод выполнен по классическому изданию: Jacobi a Voragine Legenda aurea vulgo Historia Lombardica dicta. Ad optimorum librorum fidem recensuit Dr. Th. Graesse. Dresdae & Lipsiae, 1846. Учитывалось также новейшее издание рукописи «Золотой Легенды» из Амброзианской библиотеки в Милане: Iacopo da Varazze. Legenda Aurea. Edizione critica a cura di G.P. Maggioni. Firenze, 1998.

* * *

Для настоящего сборника переводчики подготовили к публикации три главы «Золотой легенды», различные по стилю и содержанию. Публикуемые переводы призваны опровергнуть представление о «Золотой Легенде» как о популярном собрании занимательных историй о чудесах. Четверть объема книги, то есть более 200 страниц латинского текста, составляют главы, посвященные истолкованию смыслов великих христианских праздников. При написании этих глав Иаков Ворагинский использует труды Амвросия Медиоланского, Блаженного Иеронима, Орозия, Августина, Исидора Севильского, Иосифа Флавия, Евсевия Кесарийского, Петра Коместора и других авторов⁷.

Работу Иакова Ворагинского следует рассматривать в контексте ученых штудий XIII в., известного как век энциклопедий. Тогда в европейскую культуру входят многочисленные схоластические «суммы», относящиеся ко всем областям знания, которые могло себе представить средневековье. К этому жанру можно отнести и «Золотую Легенду». Предмет этой суммы можно видеть в первых словах пролога: «Все время настоящей жизни разделено на четыре периода». Золотая Легенда, таким образом, представляет собой сумму о времени. В ней автор пытается собрать воедино и согласовать

⁶ Голенищев-Кутузов И.Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972. С. 204.

⁷ Roze J.-B.M. La Légende dorée. V. 1. P. XV–XVI. Список источников, на которые ссылается Иаков Ворагинский, составлен Розе в хронологическом порядке и насчитывает более 130 наименований.

разные временные измерения: время литургическое, время жизни Святых и время эсхатологическое⁸.

Стремясь к сакрализации времени человеческой жизни, Иаков Ворагинский подчиняет его временам литургического года. Именно поэтому «Золотая Легенда», как и годовой круг богослужений Католической Церкви, открывается повествованием об Адвенте — рождественском посте, выражающем приготовление к Христову пришествию, то есть к Рождеству. Однако само пришествие толкуется четырехчленно, распадаясь на четыре смысла: «Христос пришел во плоти, пришел в наши души, пришел в смерть нашу, и придет, чтобы вершить суд». Тем самым историческое событие Рождества приобретает моральное и эсхатологическое значение. С этой многозначностью в понимании пришествия связан и двойственный характер Адвента: это время радости перед встречей с родившимся Христом, который «творит все новое», но это и время скорби о грехах перед встречей с Христом, грядущим судить мир.

При этом в духе схоластического трактата Иаков Ворагинский пытается систематизировать различные аспекты Адвента как события. Он ставит своей задачей показать своевременность, необходимость и пользу пришествия Христа. Особенно важной представляется идея своевременности. Подчеркивается, что Христос пришел «в полноту времен» и что, стало быть, Церковь начинает отсчет своего литургического времени не с начала, совпадающего с грехопадением, как точкой отсчета мировой истории, а с полноты, наступающей в пришествии Христа. При этом фигура Христа находится как бы в смысловом центре «Золотой Легенды», подчиняя себе и сакрализуя время истории, а равно и время человеческой жизни.

Среди легенд о праздниках во славу Пречистой Девы Марии глава LI «О Благовещении Господнем» примечательна особой торжественностью стиля и возвышенной эмоциональностью. В основе текста Иакова Ворагинского лежит одно из ранних сочинений Бернарда Клервоского, озаглавленное «О похвалах Деве Матери», или «Четыре гомилии на слова *Послан была* (Лк 1:28)»⁹. Иаков Ворагинский следует структуре гомилий Святого Бернарда, последовательно комментирующего стихи «Евангелия от Луки», 1:26–42. Автор «Золотой Легенды» пересказывает сочинение Бернарда, лишь отчасти цитируя его, но сохраняя особенности слога гомилий. Иаков Ворагинский дополняет текст гомилий аргументами, которые при-

⁸Более подробно об этом см.: *Le Goff J. A la recherche du temps sacré*. Paris, 2011. P. 29–37.

⁹*Bernardus Claraevallensis. De Laudibus Virginis Matris. Super Missus est Homiliae* // PL. T. 183. Col. 55–86.

водят другие средневековые авторы, и включает повествование традиционными для «Золотой Легенды» *exempla* (примерами) — рассказами о чудесах Богоматери из «Книги чудес Пречистой Девы Марии». Таким образом, Иаков Ворагинский создает свой текст легенды о Благовещении, динамичный и цельный, полный благоговения перед свершившимся чудом, отмеченный редкой красотой стиля.

Публикацию переводов завершает сказание о Святой Марии Магдалине. Перед нами галльский извод истории Марии Магдалины, возникший в Провансе в VIII–IX вв.¹⁰ Легенда о Марии Магдалине входила в средневековый цикл сказаний о Святителях и святынях христианской Галлии¹¹. История Марии Магдалины, представленная в «Золотой Легенде», соединила три евангельских свидетельства: рассказ о Марии, сестре Марфы и Лазаря, принимавших у себя Христа¹², упоминание о неизвестной жене, совершившей помазание главы Иисуса в Вифании¹³, и рассказ о безымянной грешнице, омывшей ноги Христа благовонным миром¹⁴. Легенду о Марии Магдалине, как и большинство легенд, составленных Иаковом Ворагинским, открывают этимологии, символические истолкования имени Святой. Изначально настраивая читателя на высокий лад, этимологии объединяют большие и малые сказания о Святых, подчеркивая особую, отличную от обыденной реальности, миссию подвижников веры.

Иаков Ворагинский обладал незаурядным литературным талантом, умением ярко и неповторимо запечатлеть отдельные детали повествования, поэтому его книгу высоко ценили художники. «Золотая Легенда» оказала исключительное влияние на сложение иконографии христианских Святых — об этом, в частности, свидетельствуют фрески Джотто в Нижней базилике Святого Франциска в Ассизи, посвященные истории Святой Марии Магдалины. Алтарные образы и фресковые циклы эпохи Возрождения служат прекрасными иллюстрациями к «Золотой Легенде». Они говорят о

¹⁰*Saver V. Le Culte de Marie-Magdeleine en Occident des origines à la fin du Moyen Âge. Auxerre; Paris, 1959. Vol. 1–2.*

¹¹В «Золотой Легенде» достаточно полно отражен круг этих легенд, хорошо известных автору, жившему в Ломбардии, на севере Италии. Иаков Ворагинский включил в свое сочинение легенду о сестре Марии Магдалины, Блаженной Марфе, подвизавшейся в Аквитании, сказание о Святом отшельнике Эгидии, истории о великих галльских епископах — Мартине Турском, Дионисии Парижском, Германе Осерском и других почитаемых в Галлии Святых.

¹²Ин 12:1–8.

¹³Мф 26:6–7; Мк 14:3–9.

¹⁴Лк 7:37–38.

Рис. 3. Золотая Легенда. Пролог. Страница из инкунабулы. 147б. Нюрнберг, Андреас Фишер

неизменной любви и вниманию к сочинению Иакова Ворагинского на протяжении многих веков.

Перевод главы *De Adventu Domini* выполнен И.И. Аникьевым, перевод глав *De Annuntiatio Dominica* и *De Sancta Maria Magdalina* — И.В. Кувшинской.

Начинается Пролог на «Легенду о Святых»,
называемую иначе «Ломбардской историей»,
которую составил брат Иаков из Генуи,
монах Ордена братьев Проповедников

Все время настоящей жизни разделено на четыре периода, а именно: время отпадения, время обновления или нового призвания, время примирения и время странствия. Отпадение началось с того, что Адам уклонился от Бога, и продолжалось оно вплоть до Моисея. Это время в церковном календаре соответствует периоду от Семидесятницы¹⁵ до Пасхи. Поэтому и читается тогда в церкви Книга Бытия, в которой описано отпадение первых людей.

Время обновления, или нового призвания, началось с Моисея и продолжалось вплоть до рождения Христа. В это время люди были вновь призваны к вере и обновлены через пророков. В церковном календаре ему соответствует период от начала Адвента до Рождества Христова. Поэтому и читается тогда в церкви Книга Исаии, в которой ясно сказано о новом призвании.

Время примирения есть то время, когда во Христе мы примирились с Богом. Этому времени в церковном календаре соответствует период от Пасхи до Пятидесятницы. Поэтому и читается тогда Апокалипсис, в котором полностью раскрыта тайна этого примирения.

Время странствия есть время настоящей жизни, в котором мы скитаемся и ведем постоянную брань. Этому времени в церковном календаре соответствует период от октавы¹⁶ Пятидесятницы до начала Адвента. Поэтому и читаются тогда книги Царств и Макка-

---

¹⁵Семидесятница (*Septuagesima*) — третье воскресенье перед великим постом и девятое воскресенье перед Пасхой. С этого дня начинается обратный отсчет времени к Пасхе. За *Septuagesima* следуют воскресенья, также обозначаемые латинскими порядковыми числительными: *Sexagesima* и *Quinquagesima*. За ними начинается Великий Пост.

¹⁶Октава в литургическом календаре — день отстоящий от праздника на семь дней, т. е. являющийся восьмым по счету, либо же весь восьмидневный период. Литургический период, указываемый Иаковом Ворагинским, начинается «от октавы Пятидесятницы» т. е. через неделю после Пятидесятницы, от праздника св. Троицы.

вейские книги, в которых рассказывается о многочисленных битвах, знаменующих нашу духовную брань.

Период от Рождества Господня до Семидесятницы представляет отчасти время примирения, то есть время радости. Это период от Рождества до октавы Богоявления и вплоть до Семидесятницы.

Такой порядок времен можно уяснить в четырех смыслах.

Во-первых, исходя из сравнения с четырьмя временами года. Таким образом, зима соотносится с первым временем (отпадения), весна — со вторым (обновления), лето — с третьим (примирения), а осень — с четвертым (странствия). Причины их сравнения достаточно очевидны.

Во вторых, можно понять такое разделение времен исходя из сравнения с частями суток, таким образом, что ночь будет соотноситься с первым временем, утро — со вторым, полдень — с третьим, а вечер — с четвертым. И хотя отпадение случилось прежде обновления, Церковь, однако, начинает свой отсчет времен скорее с обновления, чем с отпадения, то есть от Адвента, а не от Семидесятницы¹⁷.

Делается это по двум причинам. Во-первых, дабы не показалось, что Церковь начинает с заблуждения. Ибо она, как то часто делают и евангелисты, держится сути, а не следует за порядком времен. Во-вторых, поскольку через пришествие Христово все обновилось. Поэтому Адвент и называется временем обновления, как сказано в *Апокалипсисе: Се творю все новое*¹⁸. Следовательно, подобает, чтобы в это время обновления и Церковь обновляла все свои службы.

Таким образом, чтобы сохранить церковное разделение времен, мы поведем речь: во-первых, о праздниках, приходящихся на время обновления, которое в церковном календаре соответствует периоду от начала Адвента до Рождества Господня. Во-вторых, о праздниках, которые приходятся на время, отчасти связанное с примирением, отчасти — со странствием. Это время в церковном календаре соответствует периоду от окончания Адвента до Семидесятницы. В-третьих, о праздниках, которые приходятся на время отпадения. В церковном календаре оно соответствует периоду от Семидесятницы до Пасхи. В-четвертых, о праздниках, которые приходятся на время примирения. В церковном календаре оно соответствует периоду от Пасхи до октавы Пятидесятницы. В-пятых, о праздниках, которые приходятся на время странствия. В церковном календа-

---

¹⁷Литургический год в Римском обряде Католической Церкви начинается с первого воскресенья Адвента.

¹⁸Апок 21.5.

ре оно соответствует периоду от октавы Пятидесятницы до начала Адвента.

Завершается Пролог. Начинается «Легенда о Святых»,
или «Ломбардская история»

Legenda Aurea I. De Adventu Domini Об Адвенте Господнем

Адвент Господень¹⁹ отмечается в течение четырех недель, дабы обозначить, что Пришествие Христово четырехчленно: ибо Христос пришел во плоти, пришел в наши души, пришел в смерть нашу, и придет, чтобы вершить суд. Последняя же неделя почти никогда не завершается, ибо слава, которая дастся Святых в последнее пришествие Христово, не будет иметь конца. Поэтому и респонсорий²⁰ первого воскресения Адвента содержит четыре стиха, считая «Слава Отцу». Эти стихи обозначают четыре упомянутых пришествия. Какому из них соответствует каждый из стихов, да разумеет мудрый читатель.

Хотя Адвент содержит четыре периода, Церковь особым образом выделяет лишь два: она вспоминает о Пришествии Господа во плоти и о Суде, как можно видеть в богослужении этого времени. Поэтому Рождественский пост называется отчасти Постом веселия, отчасти — Постом печали. Поскольку Христос пришел во плоти, это — Пост веселия. Поскольку же Он придет судить, это — Пост печали. Дабы указать на то, Церковь поет песнопения радости, ибо настает Пришествие милосердия и радования. Но некоторые из них Церковь отлагает, ибо настает Пришествие строгой справедливости и печали.

В отношении Пришествия Христова во плоти следует рассмотреть три предмета: подобающее время Пришествия, его необходимость, а также его пользу. Своевременность Пришествия можно

¹⁹ «Adventus» в переводе с лат. означает «пришествие». Этим термином в римском обряде принято обозначать рождественский пост, как период подготовки к Пришествию, т. е. Рождеству Христову.

²⁰ Респонсорий — вид песнопения в литургической практике римского обряда Католической Церкви, как правило завершающий чтение Св. Писания во время мессы или литургии часов. Текст песнопения состоит из собственно респонсория и одного или нескольких стихов. Респонсорий обычно запекает солист, а затем подхватывает весь хор. Далее солист поет стихи, к которым хор припевает в качестве рефрена весь респонсорий или последние его слова. Иаков Ворагинский имеет в виду респонсорий «Aspiciens a longe», который поется после первого чтения на утрени первой недели Адвента.

видеть: во-первых, в человеке. Ибо законом естества человек был избощен в недостатке богопознания. Потому впал он в жесточайшее заблуждение идолопоклонства и вынужден был восклицать и говорить: *Просвети очи мои... и проч.*²¹ Затем пришел закон указующий, которым человек был избощен в бессилии. Прежде он восклицал: «Много тех, кто может исполнять, но нет указующего». Теперь же он был научен, но не освобожден от греха, не получил благодатной помощи для совершения добрых дел. Поэтому человек вынужден был восклицать и говорить: «Многие указывают, но нет исполняющего». Таким образом, Сын Божий пришел своевременно, ибо человек был обличен в незнании и бессилии. Ведь если бы Христос пришел раньше, человек мог бы приписать Спасение собственным заслугам и не благодарить за исцеление.

Во-вторых, своевременность пришествия можно видеть во времени. Ибо Христос пришел в полноту времен. Как и написано в Послании к Галатам: *Но когда пришла полнота времен... и проч.*²² У Августина читаем: «Многие говорят: «почему не пришел прежде Христос?» Потому, что не настала еще полнота времен, управляемая Тем, кто сотворил все времена. Затем, когда пришла полнота времен, пришел Тот, кто освободил нас от времени. Освобожденные от времени, мы войдем в ту вечность, где времени вовсе нет»²³.

В-третьих, своевременность пришествия Христова можно видеть во всеобщем повреждении и недуге. Ведь поскольку недуг был всеобщим, своевременным было употребить и всеобщее лекарство. Посему и говорит Августин: «Тогда пришел великий лекарь, когда по всему миру был распростерт тяжкий больной»²⁴. Поэтому Церковь в семи антифонах, которые поются перед Рождеством Христовым, показывает множество своих недугов и просит Врача о каком-либо снадобье²⁵. Ведь словно слепые, не зная, о приходе во плоти Сына Божия, мы были обреченными на вечные кары, рабами дьявола, связанными дурным обычаем греха, объатыми тьмой, беглецами, изгнанными из отечества. Поэтому мы нуждаемся в лекаре, искупителе, освободителе, вожде, просветителе и спасителе. Поскольку мы не знали, то нуждались в научении. Поэтому мы вос-

---

²¹ Пс 124.

²² Гал 4,4.

²³ Augustini In Ev. Jo. Tr. XXXI, 5 // PL. T. 35. Col. 1638.

²⁴ См. Augustini Serm. CLXXV, 1 // PL. T. 38. Col. 945.

²⁵ Имеются в виду семь антифонов, которые в римском обряде Католической Церкви поются на вечерне в последние семь дней Адвента. Каждый из этих антифонов начинается обращением ко Христу, с употреблением какого-либо эпитета из Ветхого Завета.

клицаем в первом антифоне: *«О премудрость, вышедшая из уст Всевышнего... и проч.»*²⁶, *прииди и научи нас пути разума»*.

Но было бы мало пользы, если бы Господь научил нас, но не искупил. Поэтому мы просим у него об искуплении, восклицая во втором антифоне: *«О Адонай и вождь дома Израилева»*²⁷, *прииди и искупи нас мышцею высокою»*. Но разве была бы польза, если бы мы, наученные и искупленные, все еще содержались в плену? Поэтому мы просим об освобождении, восклицая в третьем антифоне: *«О корень Иессеев»*²⁸, *прииди и освободи нас, не промедли»*.

Но разве была бы польза для плененных, если бы их искупили и освободили, но не разрешили от оков, чтобы они сами себе принадлежали и могли свободно идти куда хотят. Вовсе бесполезно было бы искупить их и освободить, но дальше держать в оковах. Поэтому мы просим разрешить нас от уз греха, восклицая в четвертом антифоне: *«О ключ Давидов»*²⁹, *прииди и изведи окованных из заключения, сидящих во тьме и сени смертной»*.

Но поскольку те, кто долго пребывал в темнице, имеют очи помраченные и не могут ясно видеть, то остается, чтобы по освобождении из темницы мы были просвещены и могли ясно видеть, куда нам идти. Поэтому мы восклицаем в пятом антифоне: *«О восходящий свет»*³⁰, *прииди и просвети сидящих во тьме и сени смертной»*.

Но, если бы мы были научены и искуплены, совершенно освобождены от недругов и просвещены, разве была бы нам польза, если бы мы не должны были спастись. Поэтому в двух следующих антифонах мы просим о спасении и говорим: *«О царь над народами»*³¹, *прииди и спаси человека, которого ты создал из праха»*. А также *«О Эммануил»*³², *прииди и спаси нас, Господи Боже наш»*. В первом из этих двух антифонов мы просим о спасении народов. Поэтому и говорится: *«Царь над народами»*. В последнем же мы просим о спасении иудеев, которым Бог дал закон. Поэтому и говорится: *«О Эммануил, царь и законоположитель наш»*.

О той пользе, которую несет пришествие Христово, различные Святые говорят по-разному. Сам Бог, как написано в Евангелии от Луки, свидетельствует, что пришел ради семичастной пользы, говоря: *«Дух Господень на Мне...» и проч.»*³³ Там Он по порядку

²⁶ Сир 24.3; Ис 11.2-3.

²⁷ Ис 33.22.

²⁸ Ис 11.1.

²⁹ Ис 22.22.

³⁰ Ис 9.2; 60.1.

³¹ Ис 9.6.

³² Ис 7.11.

³³ Лк 4.18.

De aduentu domini

Incipit legenda scōz que lombardica
notat byzonia. Et primo de festiuitatibus q
occurrit infra ipse renouationis qd̄ rep̄e
sentat ecclesia ab aduentu vsqz ad natiuitate
domini.

¶ Legenda. I.

De aduentu dñi

Aduentus dñi
p̄ q̄tuor septimanas a gr̄
ad significat q̄ duplex
est aduentus. I. in carnē. in
mentē. in morē. et ad uir
diciū. Ultra aut septima
na die sunt. q̄ scōz gl̄ia q̄ dabit in vno ad
uēu n̄ q̄z terminabit. Hinc ē enā q̄ p̄mū r̄y
sōm̄ p̄me dñice aduentus copurato gl̄ia p̄t q̄
tuor vsus p̄met. v̄ p̄dictos q̄tuor aduentus de
signat. Quis aut cui magis p̄ueniat. prudēs
lector attendat. Licet aut duplex sit aduentus
in ecclesia sp̄aliter de duplici. I. in carnē. et ad uir
diciū videt memoria facere. sic in officio ip̄i
us ip̄s pater. Hinc ē enā q̄ ieiunium aduentus
p̄mū est exultatiois et p̄mū meritis. In r̄de
aduentus in carnē dei ieiunium exultatiois. r̄de ad
uentus ad iudiciū dei ieiunium meritis. Et ad
hūmilitatē ecclesia citat tūc quodā cannica leti
cie. et h̄ p̄pter aduentū misericōdie et exultatiois. q̄
dñs v̄o deponit. et h̄ p̄pter aduentū seuerē iusticie
et meritis. ¶ Circa aduentū igit in car
nē terra videri p̄nt. I. aduentū oportunitatis.
et aduentus necessitatis et vultus. Opportunitas
aduentū attendit p̄mo ex p̄te hoīs q̄ p̄mo i
legē nature p̄uicē fuit de defectu cognitiōis
diuie. In r̄mici pessimos errores idolatrie
cecidit. et id̄ coactus est clamare ac dicere. Illu
minia oculos meos zc. Deinde venit lex ius
ticiē in qua p̄uicē est de impotētia. cū p̄mū
clamaret. nō desit q̄ ipeat. I. q̄ iubeat. Ibi ei
est solūmō eruditus. I. nō a p̄tō liberat. nec
p̄aliquā grām ad bonū adiuu. et id̄ coactus
est mutare ac dicere. Non desit q̄ iubeat. I. q̄
impleat. ¶ Porro igit filius dei aduentus
q̄n̄ homo de ignorantia et impotētia p̄uictus
fuit. ne si forte aut venisset bō suis meritis sa
lūtē salberet. et ideo medicinē grat̄ nō est

Secundo ex p̄te ip̄s. q̄mā venit in plenitudi
ne ip̄s zc. Gal. I. vi. Et ubi venit plenitudo r̄
p̄oies zc. Aug. Multa dicit quare non aff
ueni ppl. q̄ nōdū venerat plenitudo ip̄s mode
rāte illo p̄ que facta sūt oīa ip̄a. Veniqz ubi
venit plenitudo ip̄s. venit ille q̄ nos liberaf
uit a ip̄e. Liberati aut a ip̄e p̄teritū sum⁹ ad
illam eternitatē ubi nullū est t̄p̄s. Tertio ex
p̄te vulneris et morbi vniuersalis. Quomā
enī morbus erat vniuersalis. oportunitus fuit
vniuersalē exhiberi medicinā. Vbi d̄t Aug.
q̄ tūc magnus venit medicus q̄ ip̄ totius
mundū magn⁹ iacebat egrotus. Vñ ecclesia
in septē annis p̄mū q̄ conantē an̄ natiuitatē
dñi oīdū multiplicatē sui morbi. et ad quē
liber p̄nt remediū medici. Vñ siquidem ad
uentū filij dei in carnē erant⁹ ignorantēs siue
ceci. p̄mū eternis obligati. serui diaboli. ma
la p̄tō p̄sentidine vincit. tenebris obvoluit.
erules a p̄ntia et p̄p̄lū. id̄qz indigebam⁹
doctore. redemptore. liberatore. eductore. il
luminatore et saluatore. Quia igit ignoran
tes erant⁹. adeo ab ip̄o doceri indigebam⁹.
Et ideo statim in p̄ma ān̄phona clamam⁹
O sapientia q̄ ex ore altissimi. p̄dixisti zc. veni
ad docendū nos viā prudēcie. S; p̄az. p̄p̄t
let si doceremur et nō redimeremur. et id̄ ab
ip̄o redimi postulam⁹ cū in seba clamam⁹
O adonay et dux dom⁹ israel zc. veni ad re
dumendū nos in brachio extēto. S; qd̄ p̄p̄t
let si essem⁹ doceri et redēp̄t. si abduc post red
emptiōnē deueniremur captiui. et ideo libe
rari peam⁹ cū in tercia clamam⁹. O radix
yesse zc. veni ad liberandū nos. iam nōli tar
dare. Sed quid p̄deset captiui si essent red
empti et liberati. sed iamē nondū essent ab
omni vinculo absoluti. v̄ se sue potesta t̄s
essent et libere q̄ vellent ire possent. parū igit
p̄deset si nos redēmisset et liberasset. I. in ad
huc vinculos renneret. et ideo ab oīb⁹ peccati
vinculis educi peam⁹. cū in quarta clamam⁹.
O clauis dauid zc. veni et educ vincitos de
domo carceris. sedentes in tenebris et vni
brā moris. S; q̄ illi q̄ diu fuerūt in carcere
habēt oculos tenebras nec clare v̄de pos
sunt. ideo post absolutiōnē a carcere. r̄stas

излагает, что был послан утешить нищих, исцелить сокрушенных, освободить плененных, просветить незнающих, отпустить грехи, искупить весь род человеческий.

Августин полагает тройкую пользу от Пришествия Христова, говоря: «В этом злом мире изобилуют рождение, страдание и смерть. Таковы три товара нашей области, к которым снизошел этот Купец. Всякий же купец дает и получает: дает, что имеет и получает, чего не имеет. Так и Христос, ведя такой торг, дал и получил. Получил то, что было здесь в изобилии, то есть Рождение, Страдание и Смерть. Отдал же Новое Рождение, Воскресение и Вечное Царство. Кроме того, этот небесный Купец пришел к нам, чтобы принять поругание и дать честь, претерпеть смерть и дать жизнь, почерпнуть бесчестие и дать славу»³⁴.

Григорий выделяет четыре блага, или причины пришествия Христова, говоря: «Все гордецы, произошедшие от корня Адамова, стремились к богатствам настоящей жизни, избегали тягот, бежали от поношений, искали славы. К ним, воплотившись, пришел Господь, стремящийся к тяготам, презирающий богатства, принимающий поношение и бегущий славы. Потому Христос, которого ожидали, пришедши, научил новому, научая новому, творил чудеса, творя чудеса, претерпел дурное обхождение»³⁵.

Иначе написано у Бернарда: «Мы страдаем от тройного недуга: нас легко соблазнить, мы не имеем сил для труда, сопротивление наше не сложно сломить. Если желаем различать добро и зло, обманываемся. Если хотим творить добро, у нас не хватает сил. Если пытаемся противиться злу, побеждаемся им. Потому необходимо, чтобы вначале пришел Спаситель, Который, обитая в нас верою, просветит слепоту нашу, пребывая с нами, поможет немощи нашей, встанет за нас на битву и защитит слабость нашу»³⁶. Так у Бернарда.

В отношении Второго пришествия, то есть пришествия на Суд, следует рассмотреть два предмета: признаки, предшествующие Суду, и признаки, ему сопутствующие. Предшествующие события разделяются по трем видам: страшные знамения, ложь Антихриста, буйство огня. Страшных знамений, предшествующих Суду, будет пять, как сказано в Евангелии от Луки: *И будут знамения в солнце и луне и в звездах, а на земле уныние народов и недоумение, и море восшумит и возмутится*³⁷. В *Апокалипсисе* указаны три вида

³⁴См. Augustini Serm. CXXX, 2 // PL. T. 38. Col. 726.

³⁵См. Gregorii Magni Mor. in Job. XXX, 24 // PL. T. 76. Col. 562.

³⁶См. Bernardi Clarevallensis Serm. in Adventum VII, 1 // PL. T. 183. Col. 55-56.

³⁷Лк 21.25.

знамений: *И солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь, и звезды небесные пали на землю*³⁸. Сказано же, что солнце затмилось или потому, что оно лишилось своего света, как бы скорбя о смерти домохозяина, то есть человека; или же потому, что пришел больший свет, то есть сияние Христа Иисуса; или же, выражаясь иносказательно, отмщение Божие будет столь суровым, что, как говорит Августин, и солнце не дерзнет воззреть на него; или же, согласно мистическому значению, Христос, который есть Солнце правды, затмится, ибо никто не дерзнет исповедать веру в Него. Небом здесь называется воздух, а звездами — иные небесные тела, которые подобны звездам. В народе, когда такие тела нисходят, говорят, что звезды падают с неба. Потому и Писание сообразуется с общим для всех выражением. Все это произведет величайшее впечатление из-за преизбытка огня. И творит это Бог ради устрашения грешников. Сказано же, что звезды падут, поскольку тела эти испустят огненные лучи; или же, поскольку отпадут от Церкви многие из тех, что казались звездами; или же потому, что свет звезд померкнет и невозможно станет видеть их.

О четвертом же знамении, то есть об унынии народов, читаем у Матфея: *Ибо тогда будет скорбь, которой не было от начала мира доньше*³⁹. Пятое же знамение, то есть возмущение моря, как некоторые считают, случится из-за того, что море с великим шумом перейдет от прежнего своего состояния, согласно словам Апокалипсиса: *И моря уже нет*⁴⁰. По мнению других, великий шум будет вызван тем, что море покроет горы на сорок локтей, а затем спадет. Григорий же дает буквальный толкование: «Тогда будет новое и неслыханное смущение моря и потоков»⁴¹.

Иероним в *Анналах евреев* нашел пятнадцать знамений, предшествующих Суду. Однако он не объяснил, произойдут ли они одно за другим или по отдельности. В первый день море покроет горные вершины на сорок локтей, встав на месте, словно стена. Во второй же день оно спадет настолько, что станет едва видимо. В третий день морские чудовища, появившись на поверхности воды, поднимут шум до самого неба, и рев их будет понятен одному лишь Богу. В четвертый день запылают море и вода. В пятый — на деревьях и травах выступит кровавая роса. В этот же самый день, как утверждают некоторые, все птицы небесные соберутся в полях, каждый род по чину своему. Они не будут есть, не будут

³⁸ Апок 6.12–13

³⁹ Мф 24.21.

⁴⁰ Апок 21.1.

⁴¹ Gregorii Magni Homiliarum in Evangelia I, 1 // PL. T. 76. Col. 1078.

пить, но страшиться скорого суда. В шестой день падут здания. Как говорят, в тот же шестой день огненные молнии пройдут по всей тверди небесной от заката солнца к восходу. В седьмой день камни будут ударяться друг о друга и разбиваться на четыре части, и каждая из этих частей будет ударять другую, и не поймет человек звук их, но только лишь Бог. В восьмой день произойдет повсеместное землетрясение. Оно, как говорят, будет настолько велико, что не сможет устоять ни один человек, ни одно животное, но все будут повержены наземь. В десятый день люди выйдут из пещер, будут ходить, словно безумные, и не смогут говорить друг с другом. В одиннадцатый день восстанут кости мертвецов и встанут над гробницами от востока солнца до запада, чтобы мертвые могли выходить оттуда. В двенадцатый день падут звезды. Ибо все небесные тела, блуждающие и неподвижные, испустят огненные лучи и снова изменят свою природу. Говорят, что в этот же день в полях сойдутся все животные, ревушие, ничего не вкушающие и не пьющие. В тринадцатый день живущие умрут, чтобы воскреснуть вместе с мертвыми. В четырнадцатый день загорятся небо и земля. В пятнадцатый день будет небо новое и новая земля и все воскреснут.

Вторым видом предшествующих Суду событий будет ложь Антихриста. Ибо он попытается обмануть всех четырьмя способами.

Во-первых, лукавым убеждением или ложным толкованием Писания. Ибо он постарается доказать и подтвердить Писанием, что он-то и есть обещанный в законе Мессия. Антихрист уничтожит закон Христов и установит свой, как сказано в *Псалме: Поставь, Господи законоположителя над ними... и проч.*⁴² В *Глоссе* же сказано: «То есть Антихриста, творца дурного закона»⁴³. В книге Даниила написано: *И поставят мерзость запустения во храме*⁴⁴. В *Глоссе* же сказано: «Антихрист сядет в храме Божиим, чтобы уничтожить закон Божий».

Во-вторых, Антихрист будет обманывать чудесами, как написано в Послании к Фессалоникийцам: *Того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знаменьями и чудесами ложными*⁴⁵. Также и в *Апокалипсисе: И творит великие знаменья, так что и огонь низводит с неба на землю*⁴⁶. В *Глоссе*

⁴² Пс 9.21.

⁴³ *Glossa ordinaria* — собрание комментариев к текстам Священного Писания, составленное французским теологом Ансельмом Лаонским (ум. ок. 1117) и его школой.

⁴⁴ Дан 11.31.

⁴⁵ 2Фес 2.9.

⁴⁶ Апок 13.13.

же сказано: «Как Святой Дух был дан апостолам в виде огня, так и ему дастся в виде огня дух злобы».

В-третьих, Антихрист будет обманывать дарами, как сказано у Даниила: *И даст им власть над многими и землю раздаст в награду*⁴⁷. Глосса же говорит: «Антихрист даст обманутым многие дары и разделит землю между своим войском. Тех же, кого не смог подчинить страхом, подчинит алчностью».

В-четвертых, Антихрист будет налагать мучения, как написано у Даниила: *И он будет производить удивительные опустошения и успевать, и действовать*⁴⁸. Также говорит об Антихристе Григорий: «Сильных убивает, непобедимых побеждает телесно»⁴⁹.

Третий вид предшествующих Суду событий — буйство огня, который будет идти пред ликом Судьи, ибо огонь сей пошлет Бог. Он сделает это, во-первых, ради обновления мира. Ибо Он очистит и обновит все стихии. Поэтому огонь, словно вода во время потопа, на сорок локтей покроет горы, как говорит Схоластическая история, «потому что дела рук человеческих могут подняться столь высоко»⁵⁰.

Во-вторых, огонь будет послан ради очищения людей, ибо для тех, кто еще останется жив, уготовано будет место чистилища. В-третьих, для большей муки осужденных. В-четвертых, ради большего прославления Святых. Ибо, согласно Василию, Бог, совершив очищение мира, отделит жар от сияния, и весь жар направит к осужденным, дабы увеличить их пытку, а все сияние передаст Блаженным, дабы увеличить их радость⁵¹.

Признаков, сопровождающих Суд, будет множество. Первое из них — разбирательство Судии. Ведь Судия низойдет в долину Иосафата и рассудит добрых и злых⁵². Добрых Он поставит по правую руку от Себя, злых же — по левую. Следует верить, что Он будет сидеть на возвышенном месте, откуда остальные могли бы Его видеть. Однако не нужно полагать, что все смогут собраться в эту небольшую долину, ибо это было бы ребячеством, как говорит Иероним. Но все соберутся там и в окрестных местах. Ведь на небольшом участке земли могут уместиться бесчисленные тысячи людей, в особенности, если они сдвинуты близко друг к другу. И

⁴⁷Дан 11.39.

⁴⁸Дан 8.24.

⁴⁹Pseudo-Paterii Liber de expositione veteris et novi testamenti de diversis libris S. Gregorii M. concinatus II, 6, 6 // PL. T. 79. Col. 999.

⁵⁰Petri Comestoris Historia Scholastica I, 34 // PL. T. 198. Col. 1084.

⁵¹Basilii Magni .Homiliarum in Hexameron VI // PG. T. 29. Col. 121.

⁵²Иоил 3.2–12.

если будет необходимо, избранные смогут парить в воздухе благодаря легкости своих тел. Смогут даже и осужденные, если их поднимет Божественная сила.

Тогда Судия будет судить злых и порицать их за дела милосердия, которых они не сотворили. И тогда все будут оплакивать себя, как говорит Златоуст в Толковании на Матфея: «Восплачут о себе иудеи, увидев живым и животворящим Того, Которого они почитали за мертвого, и, встав перед Его израненным телом, не смогут отрицать своего злодеяния. Возрыдают о себе язычники, которые, обманувшись различными рассуждениями философов, сочли неразумной глупостью почитание распятого Бога. Восплачут о себе христиане-грешники, которые больше возлюбили мир, нежели Бога или Христа. Восплачут о себе еретики, которые называли Распятого только человеком, когда увидят Судию в Том, Которого пронзили иудеи. Восплачут о себе все племена земные, потому что нет такой силы, которая воспротивится Ему, невозможно бежать от лица Его, не осталось уже места для покаяния, ни времени, чтобы удовлетворить Его. Повсюду одни лишь бедствия и ничего не остается им, кроме стенаний».

Второй сопровождающий суд признак — разделение на чины. Ибо, как говорит Григорий, на суде будет четыре чина: два чина осуждаемых, и два — избранных. Одни будут судимы и погибнут, как те, которым сказано: *Алкал я, и вы не дали мне есть... и проч.*⁵³ Иные же не будут судимы и погибнут, как те, которым сказано: *Неверующий уже осужден*⁵⁴. Ибо не принимают слова Судии те, кто прежде не захотел сохранить веру в Него.

Иные же будут судимы и воцарятся, как мужи совершенные, которые будут сами судить других. Однако сказано, что они будут судить не потому, что они выносят приговор (это принадлежит одному лишь Судии), но потому, что будут помогать Судящему⁵⁵. Эта помощь необходима Судии, во-первых, для чести Святых. Ибо это великая почесть — заседать вместе с Судией. О ней пообещал Господь, говоря: *Сядете на престолах... и проч.*⁵⁶ Во-вторых, для подтверждения приговора. Они подтвердят приговор Судьи, как порой те, кто помогает судящему, подтверждают его приговор и для

⁵³ Мф 25.42.

⁵⁴ Ин 3.18.

⁵⁵ Gregorii Magni Mor. in Job. XXVI, 24 // PL. T. 76. Col. 373. Иаков Ворагинский упоминает четыре чина людей, присутствующих на Страшном Суде. Меж тем, перечисляет всего три. Четвертый чин согласно Григорию Великому — те, кто не будут судимы, но воцарятся.

⁵⁶ Мф 19.28.

подтверждения подписывают. И в Псалме сказано: *Производит над ними суд писанный*⁵⁷. В-третьих, помощь судей нужна, чтобы осудить злых, которых праведники осудят самой своей жизнью.

Третьим знаком, сопутствующим Страшному Суду, будут орудия Страстей Христовых, то есть Крест, гвозди и раны на Его теле. Во-первых, они будут явлены в ознаменование Его славной победы и поэтому останутся в сиянии славы. Так и Златоуст говорит: «Крест и раны светлее солнечных лучей. Посмотри также, какова сила Креста. *«Солнце померкнет, и луна не даст света своего*⁵⁸, чтобы ты знал, насколько Крест прекрасней луны и ярче солнца». Во-вторых, орудия страстей будут явлены в знак милосердия Господня, дабы показать, что праведники спасены Его милостью. В-третьих, в знак справедливости Господней, дабы показать, сколь справедливо осуждены злые. Ибо они презрели цену крови, которую Он пролил. Поэтому Он осудит их, согласно Златоусту, в таких словах: «Я сделался за вас человеком, за вас был связан, осмеян, бит и распят. Где же плоды стольких обид, нанесенных Мне? Вот цена крови Моей, которую Я пролил за искупление душ ваших. Где же служба ваша, которую вы дали Мне за цену Моей крови? Я поставил вас выше славы Моей, когда будучи Богом, сделался Человеком. Вы же сочли Меня более ничтожным, нежели все то, что имеете. Ибо самую ничтожнейшую вещь на земле возлюбили вы больше, чем правду Мою и веру». Так у Златоуста.

Четвертый, сопутствующий Суду признак — суровость Судии. Ведь Он не поддается страху, ибо всемогущ. Златоуст говорит: «Нет такой силы, которая воспротивится Ему, невозможно бежать от лица Его» и проч., «нельзя подкупить Его дарами, ибо нет богаче Его». Бернард же пишет: «Настанет тот день, когда чистое сердце сможет больше, чем коварные слова, когда чистая совесть будет дороже, чем полный кошель»⁵⁹. Также и Августин: «Мы ожидаем день Суда, когда придет тот справедливейший Судия, который не смотрит на лица могущественных, суд Которого не сможет подкупить золотом или серебром ни один епископ, аббат, или комит»⁶⁰.

Нельзя склонить Судию и ненавистью, ибо Он благ, и ненависть не имеет на него никакого воздействия, как говорит Книга Премудрости: *Ты ничем не гнушаешься, что сотворишь*⁶¹. Нельзя подкупить Его и любовью, ибо Он справедлив. Поэтому Он освободит братьев,

⁵⁷ Пс 149.9.

⁵⁸ Мф 24.29.

⁵⁹ Bernardi Clarevallensis Ep. I, 7 // PL. T. 182. Col. 74.

⁶⁰ Pseudo-Augustini Sermo de symbolo contra Judaeos, paganos et Arianos, IV.

⁶¹ Прем 11.25.

то есть ложных христиан, согласно словам Псалма: *Человек никак не искупит брата своего*⁶².

Нельзя ввести Судью в заблуждение, ибо Он премудр. Как говорит папа Лев: «Вот страшный взор, который проникает все твердое, для которого все тайное явно, темное светло, немое отвечает, молчание говорит, а разум беседует без слов»⁶³. Против такой и столькой Его премудрости ничего не смогут ни доказательства адвокатов, ни измышления философов, ни прекраснейшие речи ораторов, ни уловки хитрецов. Об этих четырех родах людей Иероним говорит так: о первом роде: «Сколько безъязыкие и немые тогда станут счастливее людей велеречивых». О втором: «Сколько пастухи — счастливей философов». О третьем: «Сколько крестьяне — счастливей ораторов». О четвертом: «Сколько глупцы предпочтутся остроумию Цицерона»⁶⁴.

Пятый сопутствующий Суду признак — грозный обвинитель. Ибо против грешника встанут три обвинителя. Августин пишет так: «Будет тогда присутствовать диавол, читая вслух слова нашего признания и предлагая нам все, что мы совершили: в каком месте и в каком часу согрешили, и что тогда должны были сделать доброго. Так будет говорить этот противник: «О справедливейший судья, рассуди, чтобы этот человек, который хотел быть твоим по благодати, был моим по вине. Он твой по естеству, мой по несчастью; твой ради твоих страданий, мой по искушению; тебе непослушен, мне же послушен; от тебя принял ризу бессмертия, от меня — те лохмотья, в которые он одет, твою одежду он оставил и пришел сюда в моей. Справедливейший судья, рассуди, чтобы он был моим и со мной был обречен на кару». Сможет ли открыть уста свой такой человек, который справедливо будет сопричтен к диаволу»⁶⁵? Так у Августина.

Вторым обвинителем будет собственное злодеяние. Ибо всякого человека будут обвинять его грехи, как написано в Книге Премудрости: *В сознании грехов своих они предстанут со страхом, и беззакония их осудят их в лице их*⁶⁶. Бернارد пишет так: «Тогда все вместе дела его скажут: «Ты нас сотворил, мы — дела твои, не оставим тебя, но всегда будем с тобою и вместе с тобою

⁶² Пс 48,8.

⁶³ Leonis papae Magni Sermo XLIII De Quadragesima, 1 // PL. T. 54. Col. 281.

⁶⁴ Hieronymi Regula monachorum, XXIII // PL. T. 30. Col. 388.

⁶⁵ Автор ошибочно приписывает Августину этот отрывок из сочинения Павлина Аквилейского. См. Paulini Aquileiensis Liber exhortationis, LXII // PL. T. 99. Col. 271–272.

⁶⁶ Прем 4,20.

пойдем на суд». И они обвинят его во многих и многочисленных преступлениях»⁶⁷.

Третьим обвинителем будет весь мир. Григорий говорит: «Если ты спросишь, кто обвиняет тебя, я отвечу: весь мир. Ибо оскорбляя Творца, ты оскорбляешь весь мир». Златоуст пишет в *Толковании на Евангелие от Матфея*: «В день тот нечего будет нам ответить, когда небо, земля, вода, солнце и луна, дни и ночи и весь мир предстанут пред Богом против нас во свидетельство грехов наших. И если даже все они промолчат, сами наши дела и помышления восстанут против нас перед Богом, обвиняя нас».

Шестой признак, сопровождающий Суд, — неложный свидетель. Против грешника будут свидетельствовать трое. Один из них — Бог, Который будет Судией и Свидетелем, как сказано у Иеремии: *Я — Судия и я — Свидетель, говорит Господь*⁶⁸. Другой свидетель будет внутри грешника — совесть. Августин говорит: «Всякий, кто боится судьи в будущем, исправляй совесть в настоящем. Ибо свидетельство на твоём деле будет предоставлено и твоей совести». Третьим свидетелем, находящимся возле грешника, будет Ангел, преданный ему для защиты. Этот Ангел, зная обо всем, что человек совершил, будет свидетельствовать против него, как сказано в *Книге Иова: Небо откроет беззаконие его*⁶⁹.

Седьмым признаком, сопутствующим Суду, будет обвинение грешников, как говорит Григорий: «О сколь тесны будут пути злых. Вверху — гневный Судия. Внизу — ужасающий хаос. По правую руку — грехи обвиняющие. По левую руку — бесчисленные демоны, влекущие к наказанию. Внутри — жгущая совесть. Снаружи — горящий мир. Куда побежит несчастный грешник, будучи так уловлен? Скрыться будет невозможно, быть на виду — нестерпимо».

Восьмой признак Суда — окончательный приговор. Нельзя будет отменить его или обжаловать. Обжалование не будет принято по трем причинам. Во-первых, из-за превосходства Судии. Ведь невозможно обжаловать решение короля в его королевстве, ибо в королевстве он не имеет никого выше себя. Подобным же образом нельзя обжаловать решения Императора или Папы. Во-вторых, обжалование будет невозможно из-за очевидности преступления. Ведь когда вина станет общеизвестной, ее невозможно обжаловать. В-третьих, чтобы не затягивать дело. Ибо дело не терпит

⁶⁷Bernardi Clarevallensis Meditationes de cognitione humanae conditionis, II // PL. T. 184. Col. 488.

⁶⁸Иер 29.23.

⁶⁹Иов 20.27.

отлагательства, если ход его может понести какой-либо урон от промедлений.

Так же и Страшный Суд по этим трем причинам не будет принимать обжалования. Его решение нельзя обжаловать даже у Папы. Во-первых, из-за превосходства Судии. Ибо этот Судия не имеет никого над собой, но сам превосходит всех вечностью, достоинством и властью. Поэтому решение Императора или Папы можно неким образом обжаловать перед Богом. Но решение Бога обжалованию не подлежит, ибо Он никого не имеет над Собою. Во-вторых из-за очевидности преступления. Ибо все преступления и злодеяния нечестивцев станут известными и явными, как говорит Иероним: «Настанет день, когда дела наши будут явлены, как будто написанные на картине». В-третьих, чтобы не затягивать дело. Ибо все, что творится на Страшном Суде, не терпит отлагательств, но свершается в мгновение ока.

Перевод И.И. Аникьева

Legenda Aurea LI. De Annuntiatione Dominica О Благовещении Господнем

Праздник Благовещения Господня назван так потому, что в этот день ангел принес Благоую Весть о пришествии во плоти Сына Божия. Подобало, чтобы ангельское Благовествование предшествовало Воплощению Господа: на то есть три причины. Во-первых, порядок искупления соответствовал ходу грехопадения. Ведь подобно тому, как диавол соблазнил жену и вначале привел ее к сомнению, через сомнение к согласию и через согласие к грехопадению, так и ангел принес Благоую весть Деве, чтобы тем самым подвигнуть ее к вере, через веру привести к согласию и через согласие — к зачатию Сына Божиего.

Второй причиной стало ангельское служение, ибо ангел есть слуга и раб Божий, а Пречистая Дева была избрана, чтобы стать Божией матерью. Поскольку слуга должен быть предан Госпоже, подобало, чтобы Благая весть была возвещена Пречистой Деве через ангела.

Третья причина состояла в необходимости искупить отпадение ангелов, поскольку Воплощению суждено было произойти не только во искупление рода человеческого, но и во искупление отпавших ангелов — потому и ангелы не должны быть исключены. Ведь подобно тому, как женская природа не была исключена из познания

таинств Воплощения и Воскресения, так и ангелы были призваны возвестить об этих таинствах. Господь дважды принес весть жене через посланного Им ангела, Марии — о Воплощении и Магдалине — о Воскресении.

Пречистая Дева с третьего года жизни Своей и вплоть до четырнадцати лет пребывала в храме с другими девами. Она принесла бы обет хранить девство, если бы Господь не замыслил о Ней нечто иное. Он обручил Ее Иосифу, что случилось по Божественному откровению, когда зацвела лоза Иосифа (о чем более подробно рассказано в истории о Рождестве Пречистой Девы Марии). Иосиф отправился в Вифлеем, откуда был родом, дабы перед свадьбой распорядиться обо всем необходимым, а Дева вернулась в Назарет, в дом своих родителей. *Назарет* означает *цветок*⁷⁰. Согласно Бернарду, Цветок пожелал родиться от Цветка, во Цветке и во время цветения. Там явился Ей ангел и приветствовал Ее, говоря: *Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою, благословенна Ты между женами (Лк 1:28)*. Бернард указывает, что к размышлению о приветствии, данном Марии, обращает нас пример Гавриила, великая радость Иоанна и плод, принесенный ответом Девы.

Прежде всего, следует рассмотреть, почему Господь пожелал, чтобы Его Матерь была обручена. Бернард приводит тому три причины⁷¹. Марии надлежало быть обрученной Иосифу, ибо благодаря этому таинству Она была сокрыта от демонов, Ее девство было удостоверено женихом, и целомудрие и добрая слава Девы были хранимы Иосифом. Четвертая причина состояла в том, что было снято поношение с каждого из состояний, в котором может пребывать жена — с замужних жен, дев и вдов, поскольку сама Дева как бы одновременно принадлежала к каждому из этих состояний. Пятая — в том, что Ее окружала забота мужа, шестая — что Она удостоверила благую природу брака, седьмая — что благодаря мужу была составлена родословная Христа.

Итак, ангел рек: *Ave, gratia plena! — Радуйся, полная благодати!* На то Бернард: во чреве Божественная благодать, в сердце — благодать любви, на устах — благодать ласки, в руках — благодать милосердия и щедрости. Он же: воистину, *полная*, «ибо от полноты Ее все плененные получают искупление, больные — исцеление, скорбящие — утешение, согрешившие — прощение, праведные —

⁷⁰Bernardus Claraevallensis. De Laudibus Virginis Matris. Super *Missuis est* Homiliae I, 3. PL Vol. 183. Col. 57D.

⁷¹. Ibid. II, 13. Col. 68A-B.

благодать, ангелы — радость, наконец, вся Троица — славу, Сын Человеческий — человеческую плоть»⁷².

Господь с Тобою! Бернард говорит: «С Тобою Бог Отец, Который родил Того, которого Ты зачинаешь, и Бог Дух Святой, от Которого зачинаешь Ты, и Господь Сын, Кого облакаешь Ты своею плотью»⁷³.

Благословенна Ты между женами, — и означало это, что будет вознесена надо всеми женами Дева Мать и Матерь Божия. Триедное поношение отягчало всех жен, а именно: поношение позора, на которое обречены были те, что бесплодны, ибо сказала Рахиль: *Снял Бог позор мой...* (*Быт 30:23*), поношение греха, на которое обречены были все зачавшие, ибо сказано в *Псалме*: *Вот, я в беззаконии зачат...* (*Пс 50:7*), поношение муки, на которую обречены были все, кто родит, ибо сказано в *Книге Бытия*: *В болезни будешь рождать...* и проч. (*Быт 3:16*). Лишь одна Дева Мария благословенна среди всех жен, ибо к девству Ее прибавилась чадолюбие, в зачатии к чадолюбию прибавилась святость, в рождении к святости прибавилась полнота радости.

И потому сказано: *Полная благодати*. Бернард указывает на то, что четыре чувства сияли в Ее душе, и были они благочестивое смирение, стыдливая почтительность, великая вера и страдание сердца⁷⁴. Сказано: *Господь с Тобою*, поскольку четыре дара в сиянии снизошли на Нее с небес, и были они святость, которой была удостоена Мария, приветствие, принесенное ангелом, нисхождение Святого Духа и воплощение Сына Божиего. Произнесено было: *Благословенна Ты между женами*, потому что, как сказал Святой Бернард, другие четыре дара просияли во плоти Ее, и были они печать девства, зачатие без порока, бремя без тягот и рождение без страдания⁷⁵.

Она же, увидев его, смутилась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие (*Лк 1:29*). Тем явлена хвала Деве в слушании, чувстве и размышлении. В слушании прославляется скромность, ибо слушает Она и молчит, в чувстве — робость, в размышлении — благоразумие, ибо *размышляла, чтобы это было за приветствие*. Смущена была Она речью ангела, но не обликом его, потому что и до того Пречистая Дева часто созерцала ангелов, но никогда не слышала, чтобы они обращались к Ней с речами. Петр

⁷²Bernardus Claraevallensis. Sermo in Dominica infra Octavam Assumptionis Beatae Mariae Virginis, 2. PL Vol. 183. Col. 430D.

⁷³Bernardus Claraevallensis. De Laudibus Virginis Matris. Super *Missuis est* Homiliae III, 4. PL Vol. 183. Col. 73B.

⁷⁴Bernardus Claraevallensis. Sermo in Dominica infra Octavam Assumptionis Beatae Mariae Virginis, 7. PL Vol. 183. Col. 433B.

⁷⁵Ibid.

Рис. 5. Амброджио Лоренцетти. Благовещение. 1344. Пинакотека. Сиена

Равеннский говорит: «Явился ангел, обликом светел, но грозен был он своими речами»⁷⁶. Облик его радовал взор, сказанное им потрясло слух. Бернард пишет: «В том, что смутилась Она, была девичья робость, в том, что не испугалась — сила духа, в том, что замолчала и задумалась — благоразумие и рассудительность»⁷⁷.

И тогда ангел, ободряя Ее, сказал: *Не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога (Лк 1:30)*. Бернард продолжает: «Сия благодать Божия есть мир людям, поправление смерти, возрождение жизни»⁷⁸.

И вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя

⁷⁶Petrus Chrysologus. Sermo CXL. De Annuntiatione Beatae Mariae Virginis. PL Vol. 52. Col. 576B.

⁷⁷Bernardus Claraevallensis. De Laudibus Virginis Matris. Super *Missuis est* Homiliae III, 9. PL Vol. 183. Col. 75D-76A.

⁷⁸Ibid. III, 10. Col. 76B.

Иисус, то есть Спаситель, потому что принесет Он спасение народу своему от грехов его. *Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего (Лк 1:31–32)*. На то Бернард: «Тот, Кто есть великий Бог, будет велик, и станет Он велик как Человек, велик как Учитель, велик как Пророк»⁷⁹.

Мария же спросила ангела: *Как будет это, когда Я мужа не знаю? (Лк 1:34)*, — то есть не должно Мне знать его. В словах этих Она явлена девой по духу, по плоти, по предназначению. Но ведь Мария спросила, а тот, кто спрашивает, сомневается. Тогда отчего недуг безмолвия был послан Захарии? На то Петр Равеннский приводит четыре причины, говоря: «Тот, кто судит о грехах, должен распознавать не слова, но сердца, и судить не то, о чем рассказывает человек, но то, что он чувствует. Причины, по которым вопрошали они, схожи, но надежды их различны. Мария верит вопреки природе, Захария сомневается, доверяя природе. Она искренне стремится понять, что желает свершить Господь, Захария решает, что подобное не может свершиться. Его не побуждают к вере наставления ангела, Она устремляется к вере безо всяких наставлений. Она изумляется, узнав, что может родить дева, он спорит, способна ли зачать замужняя. Мария не сомневается, что возможно то, о чем возвестил Ей ангел, но спрашивает только, как и почему может произойти подобное. Ведь есть три рода зачатия: плотское, духовное и чудесное, и жаждет знать Она, какой род зачатия дарован Ей»⁸⁰.

Отвечая, сказал Ей ангел: *Дух Святой найдет на Тебя, и Сила Всевышнего осенит Тебя (Лк 1:35)*, и от Него свершится зачатие Твое. Потому именуется оно зачатием от Святого Духа, и существуют на то четыре причины. Во-первых, зачатие произошло благодаря явлению совершенной любви, дабы было явлено то, как, по несказанной любви Бога, Слово стало плотью. Иоанн говорит: *Ибо возлюбил Бог мир... и проч. (Ин 3:16)*. Эту причину приводит Магистр сентенций⁸¹. Во-вторых, зачатие произошло через явление одной только благодати, не связанной с какими-либо заслугами. Ведь считают, что зачатие от Святого Духа было явлено потому, что произошло от чистой благодати, не снисканной заслугами людей. На эту причину указывает Августин⁸². В-третьих, зачатие свершилось через деяния добродетели, поскольку Святой Дух был зачат

⁷⁹Ibid. III, 13. Col. 77C.

⁸⁰Petrus Chrysologus. Sermo CXLII. De Annuntiatione Beatae Mariae Virginis. PL Vol. 52. Col. 581B.

⁸¹Магистр сентенций — прозвание Петра Ломбардского. Petrus Lombardus. Sententiarum Libri Quatuor III, 4. PL Vol. 192. Col. 763.

⁸²Augustinus. De Dono Perseverantiae XIX, 29. PL Vol. 45. Col. 1023.

Рис. 6. Пьеро делла Франческа. Мадонна дель парто. 1467.
Городской музей в Монтерки, Сансеполькро

в творении блага и делании добра. Эту причину приводит Амвросий⁸³. В-четвертых, благодаря цели, с которой совершается зачатие: эту причину приводит Гуго Сен-Викторский⁸⁴. Он указывает, что побуждением к плотскому зачатию является любовь мужа к жене и любовь жены к мужу. И говорит он далее, что, поскольку в сердце Девы пылала великая любовь ко Святому Духу, то любовь Святого Духа совершила чудо во плоти Ее.

И Сила Всевышнего осенит Тебя. В Глоссе этим словам дается следующее объяснение. Сень обыкновенно образуется от света и предмета, находящегося перед ним. Дева же, как и всякий чистый человек, не могла вынести полноты Божественного. Но сила Всевышнего осенит Ее, чтобы таким образом Она могла претерпеть Господа, пока в утробе Ее бестелесный свет Божества принимает

⁸³ Ambrosius Mediolanensis. De Spiritu Sancto II, 5. PL Vol. 16. Col. 749C-752C.

⁸⁴ Hugo de St. Victore. De Beatae Mariae Virginitate. PL Vol. 176. Col. 871D-872C.

человеческую плоть. Очевидно, что это объяснение имеет в виду Бернард, указывая, что поскольку Бог есть дух, мы же — лишь тень тела нашего, Он сокрыл Себя для нас, чтобы под сенью животворящей Его плоти мы могли видеть Слово во плоти, Солнце в облаке, Свет в масляном свечке, Свечу в светильнике⁸⁵. Бернард касается именно этого суждения, когда говорит: «Христос сокрыл то таинство, благодаря которому зачнешь Ты от Святого Духа, и таинственнейшим образом осенил Тебя Божественной благодатью, чтобы лишь Ему и Тебе стало оно известно»⁸⁶. Согласно Бернарду ангел мог бы сказать далее: «Что спрашиваешь Ты у меня о том, что ощущаешь в себе самой? Ты узнаешь, узнаешь — счастливо узнаешь, ведь Твоим наставником будет Тот, Кто творит это таинство. Я же послан возвестить о девственном зачатии, но не творить его»⁸⁷. Либо *осенить* означает охладить жар пороков.

Вот и Елисавета, родственница Твоя... и проч. (Лк 1:36). Вот и, возвещает он, дабы указать на то, что ныне возникло новое великое родство. По четырем причинам, как отмечает Бернард, возвещено было Марии о зачатии Елисаветы⁸⁸. Первая заключалась в бесконечности радости, вторая — в совершенстве знания, третья — в совершенстве учения, четвертая — в следовании милосердию. Ведь Иероним сказал, что Марии было возвещено о зачатии бесплодной родственницы, чтобы чудо умножилось чудом, и в радости возросла радость⁸⁹. Или же, как указано далее, Дева должна была услышать весть о свершившемся от ангела еще до того, как это известие стало достоянием молвы, дабы Матерь Божия узнала о намерениях Сына и не оставалась в неведении о том, что происходит на земле. К тому же, едва услышав о приходе в мир Спасителя, Мария узнала о явлении Его Предтечи, чтобы, удержав в памяти порядок и время, Она могла сберечь истину и впоследствии открыть ее пишущим и свидетельствующим. Ведь узнав о Своей отягченной годами и престарелой родственнице, юная Дева решила отправиться к ней, дабы младенец Пророк принял под свой кров Господа, и еще большее чудо свершилось вслед за первым чудом. Бернард восклицает: «О, Дева, дай ответ как можно скорее. О, Госпожа, ответ слово и прими Слово, произнеси Свое и прими Божественное, отпусти переходящее и приумножь Вечное, восстань, поспеши, от-

⁸⁵Bernardus Claraevallensis. Sermo in Ascensione Domini, III. PL Vol. 183. Col. 305D.

⁸⁶Bernardus Claraevallensis. De Laudibus Virginis Matris. Super *Missuis est* Homiliae III, 13. PL Vol. 183. Col. 77C.

⁸⁷Ibid. III, 13. Col. 77C.

⁸⁸Ibid. IV, 6. Col. 82B.

⁸⁹Ibid. IV, 6. Col. 82B. Цитата приведена в тексте *Гомилии* Св. Бернарда.

кройся. Восстань через веру, поспеши через посвящение, откройся через согласие»⁹⁰.

И тогда Мария, простирая руки и возведя глаза к небу, произнесла: *Се, Раба Господня, да будет Мне по слову твоему (Лк 1:38)*. Бернард говорит на то: «Следует помнить, что Слово Божие одним было дано через уста, другим через уши, третьи ощутили его через прикосновение руки. Мария обрела его в ушах благодаря приветствию ангела, в сердце — благодаря вере, в устах — через согласие, в ладони — через касание, во чреве — через воплощение, в лоне — через вынашивание, в Своих объятиях — благодаря тому, что явила Его людям»⁹¹.

Да будет Мне по слову Твоему. Бернард так объясняет слова Марии: «Не хочу, чтобы Слово Божие было объявлено Мне глашатаем, или внушено через знамение, или открыто в сновидении, но желаю, чтобы Оно было вдохновлено безмолвно, воплотилось само, возникло телесно»⁹². И тогда во чреве Ее был зачат Сын Божий, совершенный Бог, совершенный Человек, и в самый первый день зачатия Он был во чреве Ее столь же мудр и могуществен, сколь и в тридцать лет. *Встав же Мария во дни сии, с поспешностью пошла в нагорную страну (Лк 1:39)* к Елисавете. Тогда, приветствуя ее, Иоанн взыграл во чреве матери своей. *Глосса* приводит такое толкование. Поскольку младенец не мог обратиться ко Господу со словами, он приветствовал Его, возликовав душою, и тем положил начало служению Предтечи. Три месяца провела Мария в послушании у Елисаветы, пока не родился Иоанн, и Она вознесла его на руках своих над землей, о чем можно прочесть в *Книге Праведных*. В тот день — как говорят — Господь открыл пути круговращения многих времен, о чем напоминают строки прекрасных стихов:

Славься, праведный день, исцеляющий раны людские!
Ангел послан с небес, Христос предается страданию,
Создан из праха Адам и во прах повержен грехами,
Братской рукою сражен, на землю падает Авель,
Явлен Мельхиседек, Исаак приносится в жертву,
Се, мечом обезглавлен Христа блаженный Креститель,
Петр из оков изведен, принимает кончину Иаков,
Многие души Святых Христос возносит на небо,
Дарует равно Спаситель разбойнику милость прощенья.

Некий богатый и знатный рыцарь покинул мир и вступил в Орден цистерцианцев. Поскольку был он неграмотным, и монахи

⁹⁰Ibid. IV, 8. Col. 84B.

⁹¹Ibid. IV, 11. Col. 86B.

⁹²Ibid. IV, 11. Col. 86C.

стеснялись оставить столь благородного человека среди послушников, они дали ему учителя, чтобы рыцарь поскорее смог научиться всему и пребывать среди монахов. Он же подолгу занимался с учителем, но никак не смог выучить ничего, кроме звучания двух слов: *Ave, Maria — Радуйся, Мария*. Слова же эти он удерживал в памяти столь жадно, что, куда бы ни шел, чтобы ни делал, он беспрестанно повторял их. Когда же рыцарь умер, его похоронили на кладбище среди других усопших братьев — и вот, над его могилой выросла лилия чудной красоты, и на каждом ее лепестке золотыми буквами было начертано: *Ave, Maria*. Сбежались все посмотреть на столь небывалое зрелище, и начали вскапывать землю той могилы, и вдруг увидели, что корень лилии произрастает из уст покойного. Тогда стало очевидно, с каким благоговением произносил те два слова тот, кого Господь прославил честью столь великого чуда.

У некоего рыцаря был замок вблизи дороги, и он безжалостно грабил всех проходящих мимо. При этом он каждодневно славил Деву и Матерь Божию, и ничто не могло помешать ему без устали приветствовать Ее. Случилось, что тем путем проходил некий праведный и Святой муж, и помянутый рыцарь приказал напасть на него. Тогда Святой муж попросил грабителей отвести его к их господину, сказав, что ему известна одна тайна, которую он должен им открыть. Когда его привели к рыцарю, Святой попросил собрать в замке всех домохозяев и слуг, чтобы он мог обратиться к ним с проповедью Слова Божиего. Но когда все собрались, Святой сказал: «Не все пришли, кого-то нет среди вас». Тогда его стали убеждать, что все уже на месте, но он продолжал говорить: «Посмотрите внимательно, и вы увидите, что кто-то отсутствует». Тогда один из них вдруг воскликнул, сказав, что казначей до сих пор не явился. Святой сказал: «Верно, его-то как раз здесь нет. Скорее пошлите за ним и выведите на середину». Увидев Божиего человека, казначей стал, как безумный, страшно вращать глазами и трясти головой, и не посмел подойти ближе. Святой муж сказал ему: «Заклинаю тебя именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы ты поднял руку и признался нам, кто ты на самом деле и по какой причине явился сюда!». Тот ответил: «Увы, насильно принуждаем я открыться! Ведь не человек я, но демон, который принял облик человека и четырнадцать лет пребывал здесь вместе с этим рыцарем. Ибо наш предводитель послал меня сюда, чтобы я без устали ожидал того дня, когда воин не обратится с приветствием к Деве Марии: тогда бы я получил над ним власть и немедля задушил его. Ведь жизнь рыцаря протекала среди дурных поступков, и потому он тотчас стал бы нашим. И вот, день за днем я внимательно следил за ним, но он не пропустил ни

одного дня, вознося свое приветствие». Услышав эти речи, пораженный рыцарь пал к ногам Божиего человека и попросил прощения, с той поры обратившись к лучшей жизни. Святой муж сказал демону: «Приказываю тебе, о, демон, во имя Господа нашего Иисуса Христа, изыди и навсегда покинь место сие, и боле не смей вредить никому, кто призывает Преславную Родительницу Божию». Как только он отдал это приказание, демон бежал прочь и исчез, рыцарь же с почтением и благодарностью отпустил на свободу Святого мужа.

Legenda Aurea XCVI. De Sancta Maria Magdalena О Святой Марии Магдалине

Мария переводится как *горькое море*, или *светоносная*, или *озаренная*. Три имени указывают на три благие доли, которые она избрала: покаяние, внутреннее созерцание и небесную славу. Под этой тройственной долей понимается то, о чем говорит Господь: *Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее*⁹³. Первая доля не отнимется из-за цели, то есть снискания благодати. Вторая не отнимется из-за постоянства, ибо созерцание пути продолжается вместе с созерцанием Отечества, третья не отнимется из-за своей вечности.

Мария названа *горьким морем*, ведь она избрала благую долю покаяния и вкусила много горечи, ибо Мария пролила столько слез, что даже омыла ими стопы Господни. Мария названа *светоносной*, ведь она избрала благую долю внутреннего созерцания и жадно впитала то, что затем щедро расточила: она приняла свет, дабы осветить им других. Она названа *озаренной*, ведь она избрала благую долю небесной славы. Ныне в душе она озарена светом совершенного разума, и тело ее будет озарено светом чистоты.

Магдалина происходит от *tapens rea* — *пребывающая виновной*. Или *Магдалина* означает *укрепленная* или *непобедимая* или *величественная*. Эти имена указывают, какой она была до обращения, какой — во время обращения и какой стала после него. Ведь до обращения она оставалась виновной и была осуждена на вечную муку. В обращении, вооружившись покаянием, она стала *укрепленной*, или *непобедимой*. Магдалина наилучшим образом укрепила себя доспехом покаяния: сколько бы ни было в ней грехов, она принесла в себе всеожжение за эти грехи. После обращения она стала *величественной* из-за обилия благодати, ибо, *где умножается грех, там преизобилует благодать*⁹⁴.

⁹³ Лк 10:38–42.

⁹⁴ Рим 5:20.

Рис. 7. Пьеро дела Франческа. Святая Мария Магдалина. 1460. Кафедральный собор, Арреццо

больше, не зная счета своим богатствам, Магдалина блистала роскошью и красотой, тем глубже погружала тело в разврат. Погубив свое доброе имя, Мария заслужила прозвище *Грешницыцы*. Когда Христос проповедовал в разных землях, Мария, вдохновленная Божьей волей, пришла в дом прокаженного Симона, где, как ей сказали, возлежал за трапезой Господь. Будучи грешницей, Мария не осмелилась сесть среди праведных, но расположилась у ног Господа. Она омыла их своими слезами, утерла волосами и умасти-

Мария Магдалина получила имя по названию замка Магдал. Она вела происхождение от знатных родителей, потомков царского рода: имя отца было Сир, мать же звалась Евхарией. Вместе со своим братом Лазарем и сестрой Марфой Мария владела замком Магдал, находившимся в двух милях от Генисарета, Вифанией и значительной частью Иерусалима. Они поделили земли, так что к Марии отошел Магдал — потому ее и прозвали Магдалиной, Лазарь получил часть Иерусалима, Марфа — Вифанию. Когда Мария предавалась плотским усядам, а Лазарь посвятил себя воинской службе, благоразумная Марфа достойно управляла имением брата и сестры, заботясь о нуждах воинов, слуг и бедняков. После Вознесения Господня они распродали все имущество и положили вырученные деньги к стопам апостолов.

Известно, что суетным благам сопутствует жажда наслаждений. Поэтому чем

ла драгоценным миром. (Ведь люди, живущие в том краю, из-за сильнейшего солнечного жара пользуются мазями и омовениями). Тогда Симон фарисей подумал, что если Христос действительно пророк, Он никогда бы не позволил грешнице коснуться Себя. Но Господь справедливо осудил его за гордыню и отпустил женщине все грехи⁹⁵.

Она была той Марией Магдалиной, которой Господь оказал столь много благодеяний и явил столь великие знаки любви. Он изгнал из нее семь бесов и воспламенил любовью к Себе⁹⁶, приблизил ее к Себе и принимал ее гостеприимство⁹⁷. Он позволил ей заботиться о Себе в пути и всегда милостиво оправдывал ее. Господь оправдал Марию перед фарисеем, назвавшим ее нечистой, и перед сестрой, назвавшей ее праздною, и перед Иудой, назвавшим ее расточительной. Видя, как она плачет, Он не мог сдержать слез. Сострадая ей, Господь воскресил брата ее Лазаря, четыре дня пребывавшего мертвым⁹⁸. Из любви к ней Он исцелил сестру ее Марфу, семь лет страдавшую от истечения кровей. По заслугам Марии Господь удостоил Мартиллу, служанку Марфы, восклицая, произнести слова столь блаженные и сладостные: «Благословенно чрево, носившее тебя!». Ведь согласно Амвросию, то были Марфа и ее служанка. Она та, скажу я, которая омыла Господу ступни своими слезами, утерла власами и умастила миром. Она первой понесла торжественное покаяние после пришествия Благодати. Она избрала лучшую долю: сидя у ног Господних, она внимала Его слову и умастила главу Господню. Она была у Креста в день Страстей Господних и, приготовив бальзамы, пожелала умастить ими тело Его. Она не бежала от Гроба, когда удалились ученики. Ей первой явился Господь и, как апостола, послал к апостолам.

После Вознесения Господня, спустя четырнадцать лет после Страстей Христовых, иудеи казнили Стефана, а других учеников изгнали за пределы Иудеи. Тогда ученики разошлись по разным землям, дабы сеять там слово Господне. Вместе с апостолами был и Блаженный Максимин, один из семидесяти двух учеников Господних, которому Блаженный Петр препоручил Марию Магдалину. Во время того рассеяния неверные посадили на корабль Блаженного Максимиана, Марию Магдалину, брата ее Лазаря, сестру ее Марфу и служанку Марфы Мартиллу. Был с ними и Блаженный Кедоний, слепой

⁹⁵ Лк 7:37–50.

⁹⁶ Лк 8:2.

⁹⁷ Лк 10:38–42.

⁹⁸ Ин 11:1–44.

от рождения, которому Господь вернул зрение, и многие другие христиане. Неверные пустили корабль в открытое море без кормчего, чтобы все христиане утонули в пучине, но по воле Божьей корабль достиг Массилии. Не найдя никого, кто захотел бы оказать им гостеприимство, путники остановились под портиком храма, построенного язычниками той земли. Увидев, что народ начал стекаться к храму, чтобы принести жертвы идолам, Блаженная Мария Магдалина поднялась и, с кротким лицом и светлым взором, громко призвала язычников оставить служение идолам и стала убежденно проповедовать им Христа. Все изумлялись ее красоте, дару слова и сладкозвучию речей. Не удивительно, что уста, покрывшие стопы Спасителя столь благочестивыми и прекрасными лобзаниями, источали аромат Слова Божьего красноречивее прочих уст.

Тем временем правитель той земли вместе с женой пришел молить идолов о даровании потомства. Проповедуя Христа, Магдалина убедила его не приносить жертвы. Через несколько дней Магдалина в видении явилась той матроне, говоря: «Отчего, окруженная столь великими богатствами, ты позволяешь Святым Божьим умирать от голода и холода?». Мария грозно прибавила, что если женщина не убедит мужа облегчить участь Святых, ее постигнет гнев всемогущего Бога. Женщина побоялась открыть свое видение мужу. Следующей ночью Магдалина вновь предстала перед ней и произнесла те же речи, но матрона снова ничего не сказала мужу. В третий раз, в тиши ненастной ночи, Магдалина явилась им обоим. Лицо ее пылало гневом, так что казалось, будто весь дом охватил пожар. Она грозно кричала, говоря: «Ты спишь, тиран, порождение отца твоего сатаны, рядом с гадокой-женой, которая не захотела передать тебе мои слова? Ты почиваешь, враг креста Христова, и, до отвала насытив чрево многими яствами, позволяешь Святым Божьим умирать от голода и жажды? Ты покоишься во дворце, укрывшись шелковыми покрывалами, и проходишь мимо, глядя на лишенных крова странников? Но нет, враг, тебе не убежать! Ты не сделал им добра и потому не останешься безнаказанным». Сказав это, Мария исчезла. Проснувшись, дрожа и тяжело вздыхая, женщина обратилась к мужу, потрясенному тем же видением: «Господин мой, не снился ли тебе сон, приснившийся мне?». «Я видел этот сон, — сказал он, — и не перестаю изумляться и трепетать. Что же нам делать?». Жена сказала: «Лучше послушаться Марию, иначе нас постигнет гнев Бога, Которого она проповедует». Супруги оказали странникам гостеприимство и дали им все необходимое.

Однажды, когда Мария Магдалина проповедовала, правитель спросил ее: «Как полагаешь, ты сможешь защитить веру, кото-

Рис. 8. Джотто ди Бондоне. История Марии Магдалины. 1320-е гг.
Капелла Марии Магдалины в Нижней церкви Святого Франциска.
Ассизи

рую проповедуешь?». Мария ответила: «Я готова защитить ее, ведь моим учителем был Петр, римский первосвященник. Он укрепил мою веру постоянными чудесами и проповедью». Правитель и жена его сказали: «Мы готовы во всем повиноваться тебе, если ты попросишь Бога, Которого проповедуешь, даровать нам сына». «Раз вы согласны, — ответила Магдалина, — Господь не оставит вас». Блаженная Мария помолилась за них Господу, дабы Он удостоил их обрести сына. Господь услышал ее молитву, и матрона зачала.

Тогда муж захотел отправиться к Петру, чтобы убедиться, истинно ли все, что Магдалина проповедует о Христе. Жена сказала ему: «Что это ты, господин мой, задумал уехать без меня? Не бывать тому! Если ты отправишься в путь, отправлюсь и я. Ты уедешь, и я уеду, ты останешься, и я останусь». Муж ответил ей: «Госпожа моя, не следует так поступать, ведь ты в тягости, а море грозит многими опасностями: ты легко можешь попасть в беду. Лучше останься дома и смотри за нашим имением». Она же, по неизменному обычаю всех женщин, продолжала стоять на своем. Со слезами обнимая его колена, жена добилась того, о чем просила. Мария Магдалина начертала на их плече знак креста, чтобы древний враг не чинил им в пути никаких препятствий. Обильно нагрузив корабль всем необходимым и поручив остальное заботам Марии Магдалины, супруги отправились в путь.

Корабль плыл положенным курсом один день и одну ночь. Внезапно море разбушевалось, налетел ветер, так что все, и особенно матрона, ожидавшая дитя и потому ослабевшая, испытывали сильные страдания, когда суровые морские валы бросали корабль из стороны в сторону. Из-за жестокости ветров и наступивших сроков на женщину неожиданно обрушились родовые муки. Испутив последний вздох, она разрешилась от бремени сыном. Новорожденный мальчик бился, ища утешения у материнской груди, и громко кричал. О, горе! Младенец родился живым и стал убийцей матери. Но и дитя ждет смерть, ибо никто не даст ему пищу жизни. Как поступить Перегрину? Он видит, что жена мертва, а жалобно плачущий сын тянется к материнской груди. Перегрин горько плакал, причитая: «О, несчастный, что же тебе делать? Ты хотел иметь сына, но равно потерял и мать, и дитя!». Моряки же кричали, говоря: «Брось ее тело в море, иначе мы все погибнем! Буря не утихнет, пока мертвое тело лежит на корабле». Они взяли тело женщины, чтобы бросить в море, но Перегрин воскликнул: «Сжальтесь, молю вас! Если не хотите пожалеть меня и мать, пощадите плачущее дитя, подождите немного, потерпите! Что если женщина лишилась чувств от боли и еще сможет прийти в себя?».

Но вот среди моря показался некий остров. Увидев его, Перегрин решил, что лучше доставить мертвое тело и младенца на берег, чем бросить на съедение морским чудовищам. Мольбами и посулами он склонил моряков пристать к берегу. Не сумев выкопать могилу в каменистой земле, Перегрин отнес тело в отдаленную часть острова, накрыл его плащом и приложил младенца к материнской груди. При этом он со слезами говорил: «О, Мария Магдалина, ты приплыла в края Массилии мне на погибель! И зачем только я, несчастный, по твоему совету отправился в путь? Неужели это ты попросила Бога, чтобы жена моя зачала ребенка и умерла? Вот, зачала она и, родив ребенка, скончалась. Младенец зачат, чтобы умереть, ведь нет никого, кто бы его накормил. Итак, поскольку я поручил тебе заботу обо всем своем достоинии, поручаю заботам твоего Бога все, что я обрел по твоей молитве. Помяни душу матери, и если можешь, пусть Бог по твоей молитве сжалится над нею, да не погибнет ее дитя!». Накрыв плащом тело матери и лежащего у ее груди младенца, Перегрин удалился на корабль.

Когда Перегрин приехал к Петру, тот при встрече увидел на его плече знак креста и спросил, кто он и откуда прибыл. Перегрин по порядку рассказал о себе, и Петр сказал: «Мир тебе! Хорошо, что пришел, хорошо, что уверовал по доброму наставлению. Не пе-

*Рис. 9. Джотто ди Бондоне. История Марии Магдалины. 1320-е гг.
Капелла Марии Магдалины в Нижней церкви Святого Франциска.
Ассизи*

чалься, если жена твоя спит, и младенец покоится рядом с нею. Ведь Господь имеет силу одарить того, кого пожелает, отобрать дарованное, вернуть отнятое и превратить твою печаль в радость». Петр привел Пeregрина в Иерусалим и показал ему те места, где Христос проповедовал и творил чудеса, а также место, где Он страдал и где вознесся на небо. Петр старательно наставил его в вере, и спустя два года Peregрин вновь взошел на корабль, намереваясь вернуться на родину. По Божьему промыслу, во время плавания он оказался рядом с островом, на котором оставил тело жены вместе с ребенком. Мольбами и посулами Peregрин уговорил моряков причалить к берегу. Мальчик же заботами Марии Магдалины был жив и здоров. Он часто приходил на берег моря играть в камешки и раковины, как то обыкновенно делают все дети. Когда корабль причалил, Peregрин увидел маленького мальчика, как обычно, играющего в камешки на морском берегу. Не переставая удивляться, кто этот мальчик, Peregрин сошел с лодки. Заметив его, мальшш, не видевший ранее ничего подобно, испугался и убежал. Ища защиты у матери, он спрятался под плащ и припал к материнской груди.

Чтобы лучше рассмотреть все, Peregрин последовал за ребенком и нашел прекрасного мальчика, сосущего материнскую грудь. Взяв его на руки, он воскликнул: «О, Блаженная Мария Магдалина, как бы я был счастлив, если бы все закончилось благополучно! О, если бы жена моя вдруг ожила и смогла вернуться домой вме-

сте со мной! Я знаю, знаю и верю, и ни на миг не сомневаюсь, что это ты вернула мне сына и два года оберегала его на этой скале. Своей молитвой ты могла бы вернуть мне его мать, живой и здоровой». При этих словах женщина вздохнула и молвила, как бы пробудившись ото сна: «Велики заслуги твои и слава твоя, о, Блаженная Мария Магдалина! Когда я мучилась родами, ты была мне повитухой и как служанка помогала во всех нуждах». Услышав это, изумленный Перегрин сказал: «Ты жива, о, возлюбленная жена моя?». Она ответила: «Жива, и в этот миг возвращаюсь из паломничества, которое совершил и ты. Ведь когда Блаженный Петр привел тебя в Иерусалим и показал те места, где Христос страдал, умер и был погребен, и многие другие святые, и я, руководимая Блаженной Марией Магдалиной, вместе с ней была рядом с вами и сохранила в памяти все увиденное». Женщина начала подробно, не пропустив ничего, рассказывать обо всех местах, где Христос принял страдания, и о чудесах, увиденных ею. Обрадованный Перегрин посадил жену и сына на корабль, который вскоре причалил у врат Массилии. Войдя в город, они встретили Блаженную Марию Магдалину, проповедовавшую своим ученикам. Супруги со слезами припали к ее стопам и рассказали обо всем, что произошло с ними. Приняв Святое крещение от Блаженного Максимиана и разрушив в Массилии все языческие храмы, они воздвигли церкви Христовы и единодушно избрали Блаженного Лазаря епископом этого города. Затем, по промыслу Божию, они направились в город Экс, где после многих чудес привели жителей того края к вере Христовой и поставили Блаженного Максимиана епископом.

Между тем Блаженная Мария Магдалина, охваченная жадной горнего созерцания, устремилась в суровую пустынь. Тридцать лет, неведомая никому, она пребывала в пустыни, приуготовленной для нее руками ангелов. Там не струились воды, и ни деревья, ни травы не давали утешения отшельнице, ибо Искупитель наш положил ей насыщаться небесными трапезами, а не земными плодами. Каждодневно, в течение семи канонических часов, ангелы возносили ее над землей, и она телесным слухом внимала дивным созвучиям ангельского пения. Каждодневно Блаженная Мария насыщалась их сладчайшими пирами: когда же ангелы возвращали ее в пустынь, Святая более не нуждалась в телесной пище.

Некий священник захотел вести жизнь отшельника и устроил свою келью по соседству, в двенадцати стадиях от того места. Однажды Господь отверз ему очи, и священник смог увидеть, как ангелы нисходят туда, где жила Блаженная Мария, как они возносят ее в

эфирные выси и через час возвращают, слава Господа. Священник пожелал узнать, истинно ли это чудное видение. Помолившись и препоручив себя Творцу, отшельник в дерзостном благочестии поспешил к тому месту. Подойдя к нему на расстояние брошенного камня, он в глубоком страхе ощутил, как колени его подкосились и дыхание стеснилось в груди. Когда же священник повернул назад, ноги снова обрели способность идти. Но всякий раз, когда он устремлялся к тому месту, тело его слабело, и разум помрачался, препятствуя идти дальше. Муж Божий понял, что здесь воистину вершится таинство небесное, и потому несовершенство земного опыта не может быть допущено к нему. Призвав имя Спасителя, он воскликнул: «Заклинаю тебя Господом: если ты — человек или иное разумное создание, живущее в этой пещере, дай ответ и открой мне правду о себе!». Он трижды повторил свою просьбу, и Блаженная Мария ответила ему: «Войди, и ты узнаешь всю правду, которую жаждет твоя душа». Муж Божий, дрожа, приблизился к ней на половину расстояния, и Святая обратилась к нему: «Помнишь ли ты, что говорится в Евангелии о Марии Магдалине, великой грешнице, которая омыла слезами стопы Спасителя, утерла их волосами и заслужила прощение своих грехов?». Священник ответил: «Помню, но Святая Церковь исповедует это уже более тридцати лет». Она ответила: «Я — та, что тридцать лет пребывала здесь, неведомая никому. Вчера тебе было дозволено лицезреть, как ангельские руки возносили меня на небеса, где каждодневно я была удостоена семикратно внимать сладчайшим славословиям небесных хоров. Ныне же Господь открыл мне, что я должна покинуть сей мир. Отправляйся к Блаженному Максиминому и передай ему, чтобы в ближайший Воскресный день, в час, когда следует вставать к заутрене, он в одиночестве вошел в ораторий и встретил меня, перенесенную туда ангельским служением».

Священник слышал ее голос, как если бы то был голос ангела, но никого не видел. Он поспешно отправился к Блаженному Максиминому и по порядку рассказал ему обо всем. Преисполненный великой радости, Святой Максимино искренне возблагодарил Господа. Как было ему приказано, в тот самый день и час, Максимино в одиночестве вошел в ораторий и увидел Блаженную Марию Магдалину, стоявшую среди хора ангелов, перенесших ее туда: окруженная ангелами и вознесенная над землей на два локтя, она с воздетыми руками молилась Господу. Поскольку Блаженный Максимино страшился подойти к ней, Святая сказала, обратившись к нему: «Отче, подойди ближе, не беги своей дочери!». В творениях Блаженного Максимино говорится, что он приблизился к ней и увидел, как лу-

чезарен ее лик, ибо Святая постоянно и подолгу созерцала ангелов. Казалось, легче было перенести блеск солнечных лучей, чем свет, исходивший от ее лица. Созвали весь клир, пришел и названный священник. Проливая обильные слезы, Блаженная Мария приняла от епископа Святые дары. Затем она пала ниц перед алтарем, и ее Священная душа вознеслась ко Господу. После кончины Блаженной Марии повсюду разлился столь сладостный аромат, что на протяжении семи дней его ощущали все, входящие в ораторий. Умстив благовониями ее Святейшее тело, Блаженный Максимин предал его погребению и завещал похоронить себя подле Марии.

Гегесипп, или, как пишут в других книгах, Иосиф, во многом согласен с этим рассказом⁹⁹. В своем сочинении он говорит, что Мария Магдалина после Вознесения Господня, горя любовью ко Христу, испытывала отвращение к сей жизни и более не хотела видеть людей. Прибыв в земли Аквитании, она удалилась в пустынь и пребывала там неузнанной тридцать лет. Гегесипп говорит, что ангелы ежедневно возносили ее на небо в каждый из семи канонических часов, и прибавляет, что некий священник, пришедший в ту пустынь, нашел ее затворившейся в келье и по просьбе Святой подал ей свой плащ. Надев его, вместе со священником она отправилась в церковь. Там Магдалина приняла причастие и, молитвенно воздев руки, упокоилась в мире перед алтарем церкви.

Во времена Карла Великого, в лето Господне 769, герцог Бургундский Гирард и его жена не могли иметь сына. Герцог собственноручно щедро раздавал милостыню и строил многие церкви и монастыри. Когда был построен монастырь в Везеле, герцог и аббат монастыря послали в Экс некоего монаха, которого сопровождали десять человек, чтобы тот потрудился перенести в Везель мощи Блаженной Марии Магдалины. Прибыв в тот город, монах обнаружил, что храм до основания разрушен язычниками. Случай помог ему найти гробницу: мраморное изображение указывало, что здесь покоятся мощи Блаженной Марии Магдалины. На самой же гробнице с дивным искусством была представлена история жизни Святой. Ночью монах открыл гробницу и перенес мощи на постоялый двор. В ту же ночь Блаженная Мария явилась ему и приказала без страха завершить начатое дело. На обратном пути, когда монах был в полумиле от монастыря, он не смог поднять реликвии и нести их

---

⁹⁹ *Гегесипп* (от Josephus) — искаженное имя Иосиф. Под этим именем в эпоху Средневековья был известен лагинский перевод «Иудейской Войны» Иосифа Флавия, выполненный в IV в. и представлявший собой вольное переложение оригинала.

дальше, пока настоятель и братья не вышли ему навстречу, и торжественная процессия не приняла мощи Святой.

В одном сражении был убит некий рыцарь, по обету ежегодно поклонявшийся мощам Блаженной Марии Магдалины. Плача над его погребальным ложем, родители обратились к Магдалине с благочестивыми укоризнами, сетуя, что она позволила своему молитвеннику умереть без исповеди и покаяния. Немедля тот, кто был мертв, на глазах у потрясенных домашних поднялся и приказал позвать священника. Благочестиво исповедовавшись и получив отпущение грехов, рыцарь тотчас упокоился в мире.

Некий корабль, на котором плыли многие мужи и жены, терпел кораблекрушение. Одна беременная женщина, видя, какая опасность угрожает ей в море, стала громко призывать Магдалину. Женщина дала обет: если заслухами Святой ей удастся избежать смерти и родить сына, она посвятит его в монастырь. Немедля перед ней предстала жена, достойная обликом и обращением. Поддерживая женщину за голову, она невредимой перенесла ее на берег, хотя все прочие пострадали. В положенный срок женщина родила сына и благочестиво исполнила свой обет.

Также рассказывают, что Мария Магдалина была обручена с Иоанном Богословом, который ввел ее в свой дом. Но Христос призвал Иоанна с брачного пира, и потому невеста, негодуя, что Господь отнял ее жениха, покинула дом и предалась разврату. Но поскольку не подобало, чтобы призвание Иоанна стало причиной ее гибели, Господь милосердно обратил ту деву к покаянию. Он отвратил ее от плотских утех и больше, чем у других, наполнил ее душу высочайшим наслаждением, то есть любовью к Богу. Некоторые также говорят об Иоанне, что Господь одарил его сладостью Своего расположения, поскольку лишил телесных усад. Подобные рассказы лживы и суетны. Брат Ансельм¹⁰⁰ во введении к *Евангелию от Иоанна* говорит, что та невеста, от которой Иоанн был призван с брачного пира, хранила девство и пребывала рядом с Блаженной Марией, Матерью Божьей, а затем почила в мире.

Некий муж, утратив зрение, отправился в монастырь в Везеле, чтобы поклониться мощам Блаженной Марии Магдалины. Когда его поводырь объявил, что уже видит церковь, тот человек громко воскликнул: «О, Святая Мария Магдалина, если бы и я удостоился видеть твою церковь!». Тотчас к нему вернулось зрение.

---

¹⁰⁰ *Ансельм Кентерберийский* (1033–1109), Учитель Церкви, средневековый богослов и философ, один из основоположников схоластики.

Одна женщина записала на листке свои грехи и положила записку под покров алтаря Блаженной Марии Магдалины, умоляя Святую испросить для нее прощение. Позже, взяв записку, женщина увидела, что перечень ее грехов полностью стерт.

Некий человек, заключенный в темницу за растрату денег, взывал о помощи к Марии Магдалине. И вот однажды ночью ему явилась некая прекрасная жена. Она разбила оковы узника и, отворив дверь, приказала ему бежать. Почувствовав, что полностью свободен, тот человек бежал из тюрьмы.

Во Фландрии жил клирик по имени Стефан. Он впал в жесточайшую бездну греха и, погрязнув во всех пороках, не только не стремился ко спасению души, но даже не хотел слушать об этом. Однако Стефан был искренне предан Блаженной Марии Магдалине и постился накануне ее праздников. Однажды, когда клирик пребывал у ее гробницы и наполовину бодрствовал, наполовину спал, Мария Магдалина явилась ему в облике прекрасной жены с печальными глазами. Справа и слева ее поддерживали два ангела. Святая обратилась к нему: «О, Стефан, отчего за все мое попечение о тебе ты воздаешь мне недостойными делами? Почему тебя не трогают сокрушенные речи, постоянно слетающие с уст моих? Ведь ты принес мне обет, и потому я непрестанно молюсь за тебя Господу. Встань и покайся, ибо я не оставляю тебя в покое, доколе ты не обратишься ко Господу». Как только клирик пришел в себя, он ощутил столь великую благодать, что, отвергнув мир, обратился к вере и стал вести праведную жизнь. Когда он умирал, Мария Магдалина явилась к его одру вместе с ангелами и среди хвалебных гимнов вознесла на небо его душу, подобную белоснежной голубке.

Перевод И.В. Кувшинской

О.В. Смыка

«МУЗЫ» АЛЕКСЕЯ КОМНИНА *

В 1913 г. Пауль Маас¹ (1880–1964) опубликовал в *Byzantinische Zeitschrift* свою счастливую находку. Работая над каталогом греческих рукописей Э. Мартини в библиотеке *Valllicellana*², среди бумаг XIII в., которые содержали в основном новозаветные тексты и окончание последней части *Hexameron* Георгия Писиды, Маас обнаружил сочинение Алексея Комнина «Музы» в сильно поврежденном виде — почти отсутствовала вторая часть. Этот текст лег в основу публикации в венском журнале³.

В итоге перед нами — написанное двенадцатисложником произведение, озаглавленное «Μοῦσα Ἀλεξιάδης Κομνηνιάδης» и состоящее из двух частей. Первая часть озаглавлена «Алексея Комнина, матерелюбивого автократора, сыну его Иоанну, порфирородному победителю, отцелюбивому автократору, славному отцом, от отца его — последние наставления и заветы» и состоит из 420 стихов. Первые 53 стиха содержат вступление, вводящее собственно наставление императора своему сыну. Вступление обращено к покойному императору Алексею и представляет его сверхъестественно явившимся из мира иного, чтобы оставить поучение и своему сыну, и всему народу Нового Рима. Вторая часть озаглавлена «Ἀλεξιάδης μοῦσα δευτέρα Κομνηνιάς. Второе, последнее наставление Алексея Комнина, автократора». Эта часть обрывается на 80-м стихе.

В заглавии первой части употребляются слова *νουθετήματα* и *διατάγματα*, а в заглавии второй части — слово *παράνευσις*. Эти понятия сразу же относят нас к широко распространенной традиции

---

*© О.В. Смыка, 2016.

¹О П. Маасе см.: Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 4. 2011. С. 136–173. Благодаря усилиям моих коллег, опубликован русский перевод классической работы Мааса «Критика текста». А.В. Белоусов предпослал переводу содержательное вступление о жизненном пути и выдающихся работах Мааса, в котором выделяет (подтверждаемую другими исследователями) необычную способность Мааса крайне сжато и емко выделять суть, и для этого качества даже возник термин *illa Maasiana brevisitas*.

²Cod. Vallicell. 68 (E 22).

³*Maas P. Mousai // Byzantinische Zeitschrift. 22. 1913. S. 348–369.*

παιδεία βασιλική княжеских зеркал, существовавших в разнообразных формах — речи⁴, трактата — к тому же с привлечением поэтической формы⁵. «Музы» Алексея Комнина вносят в эту традицию особенные ноты. В силу обстоятельств, сложившихся в императорской семье во время предсмертной болезни автократора (о чем подробно будет сказано ниже), его послание к наследнику, сопровителю с четырех младенческих лет, горячо любимому сыну, не было закончено и вручено, и создавалось оно, вероятно, как выразился Магдалино, «with the aid of the Muses»⁶, тайно от супруги и дочери. Вполне вероятно, что доверенным лицом, знавшим о работе императора над этим посланием, был его придворный врач, знаменитый медик и известный поэт Николай Калликл⁷.

Пауль Маас — виртуозный специалист по анализу просодии и метрики, и этот анализ дает ему в руки, подобно инструментарию точных наук, ключ к решению таких тонких вопросов, как атрибуция. 53 стиха вступления, которые не могли быть написаны Алексеем Комниным, и текст самого завещания Алексея Комнина представляют казус, естественно порождающий проблему авторства, потому что «поразительно,» как пишет Маас, что «53 стиха вступительной части являются, с точки зрения метрики и просодии, полностью аналогичными всему остальному» (Op. cit. S. 365)⁸.

⁴Речи Синезия «О царстве».

⁵Поучение Агапита, адресованное императору Юстиниану, представляет собой краткие главы, составляющие акростих. См. также *Чичуров И.С.* Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М., Наука, 1990. С. 67–68.

⁶*Magdalino P.* The Empire of Manuel I Komnenos 1143–1180. New York; Cambridge University Press, 1993. P. 27.

⁷Николай Калликл имел звание архиатра, состоял на государственной службе при императоре Алексее I Комнине (годы правления 1081–1118) и его сыне Иоанне II Комнине (годы правления 1118–1143). Анна Комнина упоминает Калликла в числе трех корифеев медицины, приглашенных к больному Алексею I («Среди врачей три были главными: замечательный Николай Калликл, Михаил Пантехи, получивший прозвище по названию рода, и... евнух Михаил». Анна Комнина, «Алексиада», книга 15, раздел 11). Литературное наследие Калликла — 33 стихотворения (*Nicolaï Calliclis Carmina* / Ed. Leo Sternbach (Dissert. philol. class. Acad. Cracov XXXVI). 1903. P. 315–393; см. также: *Шестаков Д.П.* Три поэта Византийского Ренессанса // Ученые записки Казанского университета. 1906. Кн. 7–8 и издание: *Nicolaus Callicles. Carmi* / Ed. R. Romano. Napoli, Bibliopolis, 1980; о Калликле см.: *Romano R.* Sulla poesia di Nicola Callicle // *Annali di Facoltà di lettere e filosofia. Università di Napoli.* 22. 1979–1980. P. 61–75; *Garzya A.* Varia philologa XIII // *Studi in onore di Aristide Colonna.* Perugia, 1982. P. 117–122. Иосиф Ракендит (1280 — ок. 1330) в «Риторике», в главе XV «О ямбических стихах», дает канон образцовых ямбаграфов: «Пусть архетипами тебе будут Писиды и из более поздних — Калликл» (Walz C. *Rhetores Graeci.* Vol. 3. Stuttgart; Tübingen; London; Paris, 1834. S. 562). Предполагается, что Николай Калликл — автор диалога «Тимарий».

⁸Пауль Маас (Op. cit. S. 368–369), говоря о приписываемой Алексею Комнину «Мо-

Здесь Маас вводит понятие «Редактор» и предполагает, что, будучи хорошо знакомым со стилем и манерой письма императора, Редактор старался воспроизвести его манеру не только во вступлении, но и составляя воедино части поэмы, которые император не успел отделать, — ведь он писал их совсем незадолго до смерти и, вероятно, урывками⁹. Таким образом, Редактор соединял оставленные после смерти автора отрывки, не связанные императором в логически последовательные цепи.

Отец преподает сыну правила правления и дает советы, как обращаться с подданными, каких принципов придерживаться, внушая ему, что главное — Божья помощь, которая подается тем, кто постоянно имеет в душе Бога:

110   И сам ты тоже — правь, суди и будь судим,
               Во первых, Богом, во вторых — законами.
               Но, правя суд, ты помни — ежедневно сам
               Невольно ты свершаешь прегрешения —
               Так сострадай в душе чужому промаху...

и основная ценность, за которую следует бороться всю жизнь, — это добродетель:

161   Порфирородство нрава благородного
               Нетленно украшает и живет вовек,
               И только добродетель принесет тебе
               К ногам твоим сапожки цвета алого.

Человеку следует постоянно думать о том, что земная его жизнь коротка — следует рассуждение о периодах человеческой жизни и ее краткосрочности (предел — 40 лет)¹⁰. Предстоит светопрестав-

---

литве» (30 стихов из 100 опубликованы на стр. 369), на основании своего метрического анализа *отрицает* принадлежность этого текста Алексею Комнину.

⁹Здесь следует отметить, что некоторые авторы позволяют себе беглые замечания о сомнительности авторства Алексея Комнина. Пауль Маас в §5 своей работы «Алексей как писатель», анализируя поэму, ни в коей мере не подвергает это авторство сомнению. «Умение писать стихи, — пишет Маас, — с X в. было существенной частью риторического образования, и всякий образованный византиец им владел» (Op. cit. S. 366). Так что «то, что Алексей Комнин был в состоянии сочинять ямбы, само собою разумеется» (Op. cit. S. 366). Говоря об упомянутых выше неровностях некоторых частей поэмы, Маас замечает, что «даже это исключает постановку вопроса об аутентичности». (Op. cit. S. 366). Таким образом, мы полностью опираемся на авторитет Мааса и разделяющего эту позицию Магдалино (Op. cit. S. 27). Крупнейший российский специалист и переводчик «Алексиады» А. Я. Любарский в кратком примечании демонстрирует свое знание «Муз» и не выражает никаких сомнений в авторстве Алексея Комнина (*Анна Комнина* Алексиада. СПб., Алетей, 2010. С. 524; комментарий 986).

¹⁰О пределах человеческой жизни в Византии см.: *Talbot A.-M. M. Old Age in Byzantium // Byzantinische Zeitschrift. 77. 1984. P. 267-278.*

ление, когда погибнут все, кроме тех, у кого есть надежда на воскресение. Все усилия при жизни следует направить на то, чтобы приобрести эту возможность. В стихах 225–238 говорится о Страшном Суде¹¹ и дается совет сосредоточиться на познании себя:

Познай себя и с мудростью скажи себе:
 Всё суета, всё — тщетное блуждание,
 И золото — ничто, и трон — ничтожество,
 Отец пустой гордыни, суета сует.

¹¹Ср. стихотворение Николая Калликла «На второе пришествие во дворце (как бы от лица Алексея Комнина), № 24 в издании *Ibid.* (перевод наш):

Воздвиглись троны, книги вмиг распахнуты,
 Уста могил раскрыли звуки трубные,
 Животворит умерших дуновение,
 Что выдыхают духи литургически,
 5 И сонмы поклоняющихся ангелов,
 Христос, Твое являют нам пришествие.
 Вот грозный Судия, вот трон немыслимый,
 Вселенский трон Судьи — и Суд вершит сам Бог —
 Кого осудит только за деяния,
 10 Кого-то — и за промахи и помыслы.
 И вот я сам дрожу перед Судом Твоим,
 О Весовщик сердец, насквозь всё видящий!
 Я в левый ряд поставлен, пламя жрет меня,
 Ай-ай, охвачен я рекою огненной,
 15 Во мне — бессонный червь и кости ест мой,
 Да, скипетр — дым, порфира — прах, не более,
 Богатства все — ничто, венец — безделница,
 Пусть это всё горит! Но есть спасение —
 И если всё сгорает в наказание,
 20 Я всё-таки спасусь, спасусь из пламени,
 На это только глядя, свой вершите Суд!
 Не глядя на меня и сан мой царственный,
 И кару дайте в меру прегрешения,
 Да буду я судим, как сам я суд вершил!
 25 И мерою такой судите Вы меня.
 То — Слово Бога, Слову должно веровать,
 Вам это говорю, я это вам пишу,
 Я, Алексей Комнин, царь над Авзонами.

По мнению Магдалино (*Magdalino P. The Empire of Manuel I Komnenos. P. 29; см. также: Magdalino P., Nelson R. The Emperor in Byzantine Art of the Twelfth Century // Byzantinische Forschungen. 8. 1982. P. 124–126*), речь идет об изображении Страшного Суда во дворце Алексея Комнина.

В этом стихотворении Калликла речь произносит Алексей Комнин. Она написана «от лица» Алексея Комнина, что совершенно не означает, что ее автором является Алексей Комнин, — как и во всех бесчисленных произведениях византийской поэзии, когда поэт получал заказ говорить от чьего-то лица. Известно, что Николай Калликл получил заказ от вполне живого Иоанна II Комнина написать ему эпитафию (*Sternbach L. Op. cit.*). В «Музах» Алексея Комнина мы не находим упоминания о Николае Калликле.

250 Военные дела — шум веток фиговых,
Лишь тень, лишь пух, дитя земли и тления,
Материи подобья безобразные,
След корабля, промчавшего под парусом.
Одно, одно спасенье — в добродетели!

Главное, что отец хочет внушить сыну —

254 Одно, одно спасенье — в добродетели!

Далее следуют конкретные советы, полезные при осуществлении обязанностей носителя царской власти. Первая Муза заканчивается призывом к самоанализу:

Чтоб о себе подумать всестороннейше,
И на спасенье устремив все помыслы
И ум свой обратив на Первосущее
420 И на пределы устремлений жизненных.

Маас обращает внимание на контраст между гладкостью метрического единообразия и неровностью и некоторой беспорядочностью мыслей и повторами, особенно в тех частях, где трактуются темы, составляющие топоры «царских речей». Однако там, где Алексей Комнин дает сыну наставления, основанные на собственном опыте успешного 37-летнего правления и личных наблюдениях, когда он хочет передать сыну лучшее из своего индивидуального знания жизни, текст построен четко, динамично и очень ярко.

Вторая часть поэмы («Алексея Комнина вторая Муза. Второе, последнее наставление Алексея Комнина, автократора») полна горячей отеческой любви к сыну и посвящена прославлению его достоинств. Слова восхищения достоинствами сына (признаваемыми и ценимыми современниками), выражающие истинную отцовскую гордость, делают это произведение, по словам Мааса, «единственным в своем роде документом византийской поэзии» (Op. cit. S. 366).

Необходимо сказать несколько слов об обстоятельствах последних часов жизни императора Алексея. Здесь мы, по примеру А.Я. Любарского, дадим слово византийским историкам и поместим их тексты в приложении к нашей работе.

Публикуемый перевод «Муз» Алексея Комнина, выполненный нами, — первый перевод на русский язык¹².

Закончим наше вступление финальной цитатой из венской публикации Мааса: «Таким образом, «Музы» Алексея Комнина — до-

¹² Полностью «Музы» никогда не публиковались и на других языках. Известны прозаические цитирования (например, у Магдалино: *Magdalino P. The Empire of Manuel I Komnenos. P. 27-29*).

стойный памятник обоим великим императорам из рода Комнинов»¹³ (Op. cit. S. 367).

Приложение¹⁴

Zon. XVIII, 28: «...Сына императора ставят в известность, что его отец испускает дух. Он является в дом, где лежит умирающий, не с целью оплакать отходящего, а с целью лично убедиться в том, что он умирает. Удостоверившись в этом, он сразу же вышел, вскочил на коня и со своей свитой выехал из Манган. Многие ушли вместе с ним. У самой ограды Манган его встретили авасги (предки современных абхазцев. — Я. Л.) — они были присланы из Авагии вместе с девушкой, обрученной со старшим сыном кесаря. Увидев его, они подняли крик и преклонили колена. Императрица же, как рассказывают, с горечью сообщила умирающему императору об уходе сына. В ответ император не издал ни звука, или потому что не хотел, или потому что не мог. Он лишь поднял руку — не знаю, в знак благословения сына или проклятия. Другие рассказывают, что умирающий и руки не поднял, ибо, находясь при последнем издыхании, не был способен на это, а императрица несколько раз громко повторила: «*Твой сын ушел, чтобы похитить у тебя, еще живого, императорскую власть*». На это император слабо улыбнулся, может быть, смеясь над словами жены, — неужели она думает, что он заботится об императорской власти, находясь при последнем издыхании, — а может быть, выражая так свое отношение к происходящему. Ведь сам Порфирородный Самодержец (Иоанн. — Я. Л.) и другие люди утверждали, что он явился во дворец не без согласия отца и ушел он по отцовскому разрешению, в знак чего получил у него перстень. Это произошло без ведома и во время отсутствия Императрицы».

Nicet. Chon. P. 8: «У императора Алексея было три сына и четыре дочери. Из мальчиков раньше всех родился Иоанн, но первым ребенком была дочь Анна, сочетавшаяся впоследствии браком с Никифором Вриеннием и получившая титул Кесариссы. Их родитель Император Алексей из всех детей более всего был расположен к Иоанну. Он назначил его наследником императорской власти, обул в красные сандалии и провозгласил Императором. Напротив, мать Иоанна, императрица Ирина, благоволила к дочери Анне и постоянно клеветала супругу на Иоанна. Она называла его человеком увлекающимся, порицала его за изнеженный образ жизни и изменчивый нрав, в котором якобы не было ни одной хорошей черты, и изо всех сил старалась заставить Алексея изменить свое мнение об Иоанне. Иногда под разными предлогами она заговаривала о Вриеннии и очень хвалила

¹³О Комнинах см. Βασιζός Κ. Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. 2 vols. (Βυζαντινὰ Κείμενα καὶ Μελέται 20). Thessaloniki, 1984; Chalandon F. Les Comnène. Études sur l'empire byzantin aux XIe et XIIe siècles I: Essai sur le règne d'Alexis 1er Comnène (1081–1118) II, 1–2, Jean II Comnène (1118–1143) et Manuel I Comnène (1143–1180). New York, 1971.

¹⁴Цитируется по изданию: *Анна Комнина*. Алексиада / Перевод, примечания и статьи Я.Н. Любарского. 3-е изд. СПб., 2010. С. 593–595.

его как человека искусного не только в речах, но и в делах, знакомого со свободными науками, которые улучшают нравы людей и готовят к беспорочному царствованию тех, кто собирается наследовать власть. Алексей, слушая это и зная о ее материнской любви, иногда делал вид, что занят срочными делами и не обращает внимания на ее слова, а иногда уверял Ирину, что подумает и не пренебрежет ее просьбой. Но порой, всплыв, он говорил: *«О жена, делящая со мной ложе и царскую власть, перестань настраивать меня в пользу дочери, ведь ты разрушаешь этим похвальный порядок. Уж не сошла ли ты с ума? Опомнись. Подумай-ка, знаешь ли ты, чтобы кто-нибудь из прежних императоров, имея сына, вполне достойного власти, предпочел зятя и оставил ему скипетр? А если мы и встретимся с таким редким случаем, то сочтем деяние незаконным. Все ромеи стали бы громко надо мной смеяться и сочли бы меня выжившим из ума, если бы я, взявший власть с помощью отнюдь не похвальных средств, проливший кровь соотечественников и нарушивший христианские установления, выбирая наследника, отказал своему родному сыну и приблизил к себе этого македонца»* (так он называл Вриенния, который был родом из Орестиады, одного из наиболее славных и могущественных городов Македонии). Так он гневно отвечал императрице Ирине, а затем вновь начинал притворяться, что вовсе не отказывает ей в просьбе. Так он тянул с ответом жене и делал вид, что постоянно находится в раздумьях. Ведь этот муж был необыкновенно скрытен, считал, что мудрость заключена в постоянном притворстве, и почти никогда не раскрывал своих намерений.

Приближаясь к концу жизни, он лежал в роскошных палатах Манганского монастыря, испуская последние вздохи. В это время его сын Иоанн, видя, что близка кончина отца, и зная о нелюбви к себе матери, которая прочит императорскую власть его сестре, поделился своими замыслами с некоторыми родственниками, которые были к нему расположены — самым могущественным из них был его брат Исаак. Иоанн тайно от матери зашел в отцовскую комнату, как будто в слезах бросился на пол и потихоньку снял с руки отца перстень с печатью. Некоторые говорят, что он сделал это с согласия отца, и это подтверждают дальнейшие события. И вот Иоанн тотчас собрал сообщников, поведал им о своем поступке, сел на коня, взял оружие и отправился в Большой дворец. В самом Манганском монастыре и на улицах города его провозглашали самодержавным императором расположенный к нему народ и те, которые собрались, услышав о происходящем. Императрица же Ирина, мать Иоанна, утраченная происходящим, призвала к себе сына и стала уговаривать его воздержаться от осуществления своих намерений. Иоанн, однако, с головой был погружен в свои замыслы и не обратил никакого внимания на слова матери, поэтому она стала побуждать Вриенния с ее помощью взять власть. Ирина, видя, что события развиваются вопреки ее воле, подошла к Алексею, покоившемуся на ложе (отрывистое дыхание выдавало в нем еще живого), припала к мужу и как «темноводный источник», испуская потоки слез, стала громко

обвинять сына, будто тот у еще живого отца похитил царство и замыслил мятеж. Но Алексей ничего не ответил на это, ибо его мысли были заняты более серьезными вещами, перед концом жизни он, как и подобает, думал о своем скором переселении в другой мир и вперял свой взор в ангелов — проводников душ.

Императрица же, не в силах перенести действия сына, стала еще настойчивее, и Алексей с усилием на короткое мгновение улыбнулся и вознес руки к небу, как будто выражая радость по поводу услышанного и благодаря Бога...

Ирина ясно поняла, что мужа обрадовало ее сообщение, что она в своих надеждах обманулась, а его обещания были напрасны. И тогда с глубоким вздохом она сказала: *«О муж, и живой ты отличался коварством, речь твоя была двусмысленной и исполненной хитрости, и вот теперь, прощаясь с жизнью, ты держишься своих старых привычек»*. Это об Ирине.

Иоанн же, явившись к Большому дворцу, не смог сразу туда войти, так как стражи не удовлетворились лицезрением перстня, а потребовали еще какого-нибудь доказательства того, что Иоанн явился по отцовскому приказу. Но вот двери дворца, усаженные с обеих сторон широкими медными брусками, отворяются, и Иоанн входит вместе с воинами и родственниками во дворец. Хлынула туда и сопровождающая его чернь, которая стала хватать все, что подвернется под руку. Ворота снова закрыли, приток толпы извне прекратился, а тем, кто был внутри, запретили выходить, и они несколько дней провели вместе с Императором. Это произошло 15 августа. На следующую ночь умер Император Алексей, процарствовав 37 лет и четыре с половиной месяца».

Музы Алексея Комнина¹⁵

Алексея Комнина, матерелюбивого автократора,
сыну его Иоанну, порфирородному победителю,
отцелюбивому автократору, славному отцом,
последние наставления и заветы

Ты пожелал, владыка над Авзонами,
Ветав из земли, избегнув разрушения,
Что всё размыв, лишает очертания,
Явиться перед нами в теле собственном,
5 Что соткано из подвигов всепамятных.
Ведь если не дано исчезнуть доблестным,
Оставившим своим победам памятник,
То ты пришел и учишь нас воочию,
Тому, что в мире и в войне спасительно
10 Везде, где Рима власть благозаконная
Цветет благодаря установлениям

¹⁵© О.В. Смыка, 2016.

И при прекрасном управленьи множится.
Ты пожелал, уйдя, опять явиться нам,
Еще побыть среди нас, кто к смерти движется, —
15 Хоть получил ты долю, смертным общую —
Проплыть по морю жизни — ты в спокойствии
Достиг причала жизни безмятежного,
Избегнув бурь и качки утомительной,
Что воздымает страсти ветер северный.
20 Ты пожелал — и как же то спасительно! —
Из жизни среди нас уйти не полностью,
Оставив нам, сынам Авзонов-воинов,
Трудов бессмертных память нерушимую —
Ты дал нам всем пример для жизни праведной,
25 И сыну, кто отныне самодержец наш,
Ты четкий образец дал — самого себя.
Ты в нем воскрес, в нем снова воплотился ты,
Тебя бессмертным добродетель сделала —
И не отнять ее, она лишь ширится,
30 Она — вне порчи, тленью не подвержена,
Единый Ум во всех, кто в тех садах живет,
И все поют, все славят царство Господа,
Возможно, там же — ипостаси Троицы,
Став близ нее, он слышит прорицания,
35 Которыми вся жизнь и направляется.
Ты не желал от нас быть в отдалении —
В речах твоих прекрасных, приснопамятных,
Которыми, с последними дыханьями,
Ты сына наставлял с глубокой мудростью
40 И говорил — о дивный звук божественный —
Как слово подобрать мне, как мне выразить,
Как можно речь назвать мне Алексею,
Всё таинство такого наставления
Царя-отца, для слуха сына милого,
45 В час, как в наследство скипетр принимает он!
Не те ли то слова, что вечно в памяти,
Как божеский закон — их стоит так назвать,
Хотя они не на Синае сказаны,
Но здесь, на высоте Ромейской крепости,
50 С высот невыразимых и прекраснейших
Спустились к нам, снующим у подножия,
И в сердце сына, нового властителя,
Подобия отца, они записаны —
И вот что было в наставленьи сказано.
55 Пред чем все ниц — имеешь ты с рождения
И Римский скиптр, и трон благосчастливейший.

Владея полнотою престола царского,
Не отступай от правил ты отеческих,
О пифос, полный разума, дитя мое!
60 Но к должному стремись со всем старанием,
Во всём превосходя меня, родителя,
И над народом властвуя и воинством,
Будь справедлив и кроток, как родитель твой,
Ко всем, кто по-сыновнему настроены,
65 Но к тем, кто мыслит противозаконное,
Будь строг и укрощай законной силою,
Чтоб водворилось в них благоразумие,
Но, правя всем, правь силой лишь законною.
Не следуй за толпой, не подчиняйся ей,
70 Внимай лишь тем, чьи речи — во спасение
Тебе, семье, и войску, и согражданам.
Коль старики советуют — прислушайся,
Ведь их учитель — время, старцы опытны,
Но если тот тебе на счастье встретится,
75 В ком ум — седой, как в старце многоопытном,
В ком разум зрел, а плоть и возраст — юные, —
Такие скиптру твоему полезнее,
Чем сонмы старцев глухих, но с сединами —
Тебе они докажут то со временем —
80 Нетрудно молодому телу сильным быть —
Сама природа этому способствует —
Но, как у старца, мудрый ум у юного —
Вот это — Божий дар, большой, диковинный.
Так набирай в совет ты старых с юными,
85 Тебе и государству будет выгодно.
Так поступай, и вот еще запомни что:
Способности и ум считая главными,
Не оставляй и знатность без внимания, —
Стыдись принять совет от недостойного.
90 Речистому давай публично выступить,
Но помни — дело слова драгоценнее,
Нет ничего, что было б легковеснее,
Чем речи человека, если нудит он
С собою согласиться, крутит хитростно
95 И говорит (к примеру): «Други, граждане!
Так надо поступить, так сделать выгодно!»
Тогда как надо точно всё исследовать
Тому, кто жить решил во всём по мудрости.
Ты властвуешь, мой сын, должно быть, с гордостью, —
100 Да, этот трон рождает самомнение —
Не ново это и не удивительно —

Ведь смертный ум на высях благоденствия
Всегда исполнен спеси и надутости,
А кто из прежней жизни выбивается,
105 Возвысившись, беспамятным становится.
Народу ты судья и племенам другим,
И будешь править теми, кто вокруг живет,
Как я, отец твой, правил с Божьей помощью,
А ею и земля и небо держатся,
110 И сам ты тоже — правь, суди и будь судим,
Во первых, Богом, во вторых — законами.
Но, правя суд, ты помни — ежедневно сам
Невольню ты свершаешь прегрешения —
Так сострадай в душе чужому промаху,
115 И помни: Тот, Кто судит окончательно —
Бог-Слово, всюду взором проникающий —
Он и тебе судья во всё, что сделал ты —
Ретивые наездники, что с запада,
На доблесть полагались, силой гордые,
120 И полчища народов, окруживших нас,
Не пошатнули нас и не повергли ниц,
Ни отступить, ни сдаться не заставили.
Таков мой нрав! Они все уничтожены!
Но и меня, я знаю, ждет последний Суд
125 За все мои дела — и я готов предстать
Пред строгим Судией, кому всё ведомо.
Так не ликуй, не затмевайся гордостью,
Что правишь над Авзонами и воинством —
Ликуй, когда с собою можешь справиться!
130 Вот так, дитя, и царствуй, над собой царя.
Как самого себя тогда сумеешь ты
Держать и Новый Рим в повиновении
И править племенами, нам подвластными.
Ведь может так случиться — волей случая —
135 И женщинам, и детям достается трон,
Но мудро править и прожить с достоинством —
Способность править — это свойство избранных —
Не для простых мужчин и женщин с чадами —
То избранных удел, способных властвовать
140 Во имя Слова, гимнами воспетого,
Чей главный труд — о веке печься будущем.
Ни жемчуг на венце да не слепит тебя,
Ни яркий блеск камней, венец украсивших,
Но пусть твой нрав сияет светом доблестей
145 И красотой мыслей добродетельных —
Вот так, вот так и страсти одолеешь ты,

И к доброму весь пыл души направится.
Отнюдь не трон достойным мужа делает,
Хоть будь он золотой и в драгоценностях,
150 И человек, занявший трон, но с мыслями
Лишь о себе, с замашкой тиранической,
Без правил правя вопреки законности –
Лишь ненависть в своих рождает подданных –
Все их молитвы — о его гибели.

155 Когда же добрый нравом получает трон,
Кто мудро всё вершит ко благу общему –
То должно, чтоб у мужа, власть имущего,
Из уст слетали речи только зрелые,
Чтоб думал он и говорил лишь мудрое,
160 Высказываясь вольно, беспрепятственно!
Порфирородство нрава благородного
Нетленно украшает и живет вовек,
И только добродетель принесет тебе
К ногам твоим сапожки цвета алого.

165 Вот это — твой доспех, так облекись в него,
Как благородный лев, в себе уверен будь,
И одолеешь обступивших врагов.
Высоким духом укрощай противников,
И, мысля так, всегда держи правление.

170 Всегда имей в уме, что человекова жизнь,
Дитя мое, недолгая и хрупкая.
И вот что я скажу тебе, послушай-ка:
Родившись, мы три первые пятерки лет
Онаграм и быкам подобясь, жизнь ведем,
175 Питаемся, растем без смысла всякого,
А дальше мы, примерно три семерки лет,
Покуда до четвертой мы не дожили,
Кишим, бурлим, стремимся к наслаждениям,
И жар страстей горит до наступления

180 Девятки четверной — и это время всё
Нам нелегко быть умными, высказывать
Уместное и всячески полезное,
Всем — кроме тех, кто погружен в учение.
Поэтому стремись быть сведущ в мудрости –

185 Ведь крепость тела, временем подточена,
Уходит, как вода, уничтожается,
Пока что незаметно — это ход вещей,
Но мягкость и подвижность тела нашего
Коснеет понемногу, но не полностью.

190 Четырежды двенадцать лет всё держится,
А там — и седина, и о кончине мысль.

Конечно, если мы (о, неразумные!)
Не станем говорить самообманчиво,
Что спелый колос — лета наступление,
195 Но такова природа наша слабая!
Семерок десять жить — немногим выпало,
И мало тех, кто к этому приблизился.
От четырех десятков до шести порой —
Вот поле жизни, смерти пограничие.
200 И это — ах! — несчастье века нашего.
Едва ль сейчас в народе нашем сыщется,
Кто прожил шестьдесят, не то что более!
А семьдесят и восемьдесят жившие,
При всём стараньи — вообще не сыщутся.
205 Так ставь, мой сын, себе пределом сорок лет,
И жизни дням, и планов упованиям,
Надеждам, что питают их питающих,
Надеждам, что служивших Слову ревностно
К Нему приводят — в Рай, Его отечество.
210 Поистине, все беды века нашего,
Что в наше время на людей обрушились,
Свидетельствуют: жизнь, что мы ведем сейчас,
Пример прекрасный светопреставления —
Когда погибнут все, умрут до времени,
215 До наступленья смерти, что естественна.
Да, так проходит смертных жизнь текучая,
Природа всех обезобразит старостью
Погибнут даже дети нерожденные,
Теперь еще зачатые во множестве
220 В утробах материнских, все зародыши
Погибнут, не родившись, не увидев свет —
Сиянье Колесницы Солнца сладкое.
Но есть о смерти сказ еще таинственней,
Великое Писание свидетелем:
225 Наступит срок — не скоро — и послышится
Трубы железной глас всепроникающий,
Он вострубит: вторая жизнь рождается,
И долгий век, что непричастен тлению,
Как яркий свет из мрака тучи вспыхнувший,
230 Прольется на сухие кости умерших,
Что долго спят в своих захоронениях,
И все тогда воспрянут с силой юною —
И те, кто осужден за прегрешения,
И те, кого ждет радость быть средь ангелов.
235 Из праха встанут все, на суд отправятся,
Кто зло творил и жизнь прожил безумную,

Тогда восстанут получить возмездие –
Кто жил в грехе и блуде, в безобразиях –
Послушай Павла, поучись и вытверди,
240 И научи, узнав всё это, подданных, –
Поступками, словами и характером.
И от меня тебе известно это всё –
А я ведь долго жил и долго царствовал.
Преходит всё. Всё гибели подвержено.
245 Направь же на себя свои усилия,
Познай себя и с мудростью скажи себе:
Всё суета, всё — тщетное блуждание,
И золото — ничто, и трон — ничтожество,
Отец пустой гордыни, суета сует.
250 Военные дела — шум веток фиговых,
Лишь тень, лишь пух, дитя земли и тления,
Материи подобья безобразные,
След корабля, промчавшего под парусом.
Одно, одно спасенье — в добродетели!
255 Коль облачишься ею, как доспехами,
Со всех сторон закрывшись, защитишь себя,
Спокойно спи, и сон твой будет сладостным.
И если в гуще вражеской окажешься –
Они во всеоружьи, безоружен ты –
260 Уйдешь от них ты в полной невредимости –
Не дрогнешь перед войском многотысячным,
Засада не убоишься, стрел, что тучами
В тебя направит плотный строй противника,
Стрела тебя не тронет — промахнется враг!
265 А ты на них и безоружный кинешься,
Как лев — тебе не нужен шлем спасительный,
И панцирь ты надеть не озаботишься,
Большим щитом прикрыться не подумаешь,
Иные у тебя доспехи — шлем иной,
270 И ты совсем другим облекся панцирем,
И щит иной — и твой доспех — прикрытие
Такое, что и кельт трепещет в ужасе,
Дрожит норманн, познав твою разительность,
Плывут обратно восвосяи, дрогнувши,
275 Пред ними перс и скифы бесконечные
Трепещут, и народы аравийские,
Абасг и смелый кельтибер воинственный,
Народы индов, войско маврусийское
И множество за морем обитающих,
280 Где северные ветры и восточные,
И эфиопы, те, кто где-то за морем.

Задолго до того, как скипетр стал моим,
Со всех сторон нам досаждали варвары,
Пылавшие стеснить, сгубить и вырезать
285 Ромеев чада. Ведь повсюду, вглубь и вширь,
По всей земле, с востока и до запада,
Вредили скифы нам бессчетнотолпные,
Ум италийский, дерзкий силой ратною,
И та страна, что на восток простерлася
290 И к морю — зло персидского оружия.
В их власти были Родос с Митилеюю,
Они и Лесбос захватили с Хиосом
И острова, что названы Кикладскими,
И Критом овладели тиранически
295 И киприотов ввергли в беззаконие.
Но и внутри страны враги старались
Отнять ту власть, что свыше мне дана была,
Но Богоматерь и Святая Троица
Мне дали сделать всех врагов бессильными,
300 Меня спасали, помогая вовремя
И распознать врагов, и обезвредить их.
Но я тогда — да и еще и ранее —
Не обладал способностями с легкостью
Собрать свой ум в текучих обстоятельствах.
305 Но я пойму, обдумаю, и выучу
Тому, что есть в природе человеческой
Тебя, мой сын, тому, как образуется
И после распадается в движении
Четверка элементов изначальнейших.
310 Я, обратившись внутрь себя, сие постиг,
И передать спешу тебе, послушай-ка.
Считай, что город наш — источник золота.
Пока с эфира Бог наш с благосклонностью
Взирает на него, даруя милости
315 И славу, как дарит плодами яблоня.
Одних поит он золотом, от других Себе
Берет потоки золота могучие —
И вечен сей поток средь плеска шумного.
Давая и беря столь много — радуйся,
320 Живи подольше, в круге этом двигаясь,
Побольше злата положи в хранилища
И береги на черный день заботливо,
Чтоб было на какие средства сдерживать
Нас окруживших ненасытных варваров,
325 С разинутыми пастьями давно они
Хотят пожрать богатства града нашего.

Но я всегда с тобой в воспоминаниях,
Ты помнишь всё, всё в мыслях сохраняешь ты.
Что, если будет время — время тяжкое –
330 И Запад, встав, на нас войною двинется?
Бесчестье нанесет он Риму Новому,
Его величью и престолу гордому.
О сем, дитя, подумай — и коши добро!
Старайся всё сберечь от вражьих челюстей
335 Сих варварских племён, враждою пышащих,
Что, если вдруг гроза на нас надвинется,
Неся беду, их войско многошумное,
И город в окружении окажется?
Теперь скажу к тому, что было сказано
340 Тебе, о сын мой, нечто очень важное.
Подарки за труды и награждения
Пусть будут в радость тем, кто получает их!
Тем легче и спокойней сможешь справиться,
Коль кто-нибудь возропщет, возмущая всех.
345 Ведь если не радеть о награждениях,
Иль чем-нибудь задеть своих соратников,
То вскоре целый город переполнится
Хулою на тебя и поношеньями.
Не надо обещать дары заранее,
350 Наград не надо крупных не ко времени,
372 И если человек, живущий в Аттике,
На Кипре, или, может быть, во Фракии,
Был привлечен к суду за преступление,
375 Кому-то вред нанес он, но впоследствии
Он получил от власти оправдание
(И был клеймом отличен, красной грамотой) –
Он гнев питает старый свой по-прежнему.
И если обошли кого наградою,
380 То нет в таком к начальству благодарности,
Не ходит он в места, что посещают все,
Где издавна все люди Богу молятся,
Не ходит и туда, где суд справляется –
Так пусть навеки сгинет эта пагуба!
385 Вина пусть сгинет — человек останется.
По человеколюбию пусть будет то.
352 Теперь скажу тебе довольно важное,
Что я едва-едва не упустил сказать, –
Оно бы ускользнуло незамеченным,
355 Когда б Сам Бог великий (уж не знаю, как)
Не ввел меня бы в ум из неразумия,
И слов златую связь я поспешу открыть

Для всех — то пища всякой добродетели!
Так вот — узнай и помни хорошенечко,
360 Где б ни был ты и что б с тобою ни было,
Лежал бы ты, сидел, коня пришпоривал
В краю далеком, на пиру блаженствовал –
Никто пусть из Авзонов не осмелится,
Никто из всех других народов подданных,
365 Тебе сказать худое слово лживое,
А если скажет так по легкомыслию,
Пусть понесет за это наказание.
Тогда другие, видя кару строгую,
Уж точно будут впредь поосторожнее.
370 И так, когда законно наказание,
Удержишь многих ты от заблуждения.
386 И если ты добьешься исправления,
И всякий будет свой язык придерживать,
Никто уж не посмеет слово лживое
Во вред тебе, закону, Богу вымолвить.
390 Легко обрежешь тяжб хитросплетения
Ораторов болтливых, смуту сеящих,
И, если ты дурных из них повыведешь,
Что лают на законы в пустословии –
395 Спасительно поступишь и по-божески,
Избегнувши коварства неприкрытого,
И будет каждый жить в великой радости,
Законы соблюдать, уму понятные,
А ты всегда хранить их будешь в целости
От тех, кто их нарушит по безумию.
400 Знай — властвовать другими — дело малое,
Коль сам собою править не стараешься,
Умей унять свой гнев и укротить умом,
В котором мыслей гидры неусыпные –
405 А их неисчислимо количество –
Не брали б верха над умом для подлостей.
Пусть огонь ума дотла сожжет ненужное,
И этой скверне пусть поносит головы.
И если ты поймешь, что трон и власть твоя –
410 Столь малое, а жизни срок столь короток,
И если внемлешь ты словам родителя
И сможешь овладеть собою уместенно –
Тогда ты и с народами управишься,
Великим даже Богу ты покажешься.
Сам по себе познать не будешь в силах ты
415 Что в помощь, чтобы обрести спасение,
Пока от дел текущих не найдешь досуг,

Чтоб о себе подумать всестороннейше,
 И на спасенье устремив все помыслы
 И ум свой обратив на Первосущее
 420 И на пределы устремлений жизненных.

II. Алексея Комнина вторая Муза. Второе, последнее наставление Алексея Комнина, автократора

Сын — слово дорогое! — если б думал я,
 Что ты — лишь плоть моя, от плоти сущая,
 И не считал, что ты всегда, с рождения,
 Души отцовской друг и часть великая,
 5 И любишь мою душу, где, как Солнце, — ты,
 Не полагал бы я, что будет правильно,
 Пока я жив, оставить наставление
 Единственному сыну наилучшему.
 Ведь ты — мой плод, дитя мое любимое,
 10 Ты — будго бы я сам, я так зову тебя,
 Ты — как отец, и рад отцу подобиться,
 И, стало быть, тебе законом Божеским
 Положена с моею доля равная
 В речах, по нашему произносимых поводу,
 15 Чтоб ты, со мною вместе правя праведно,
 На равных получал хвалу за подвиги.
 Все видят — подает пример достойнейший
 Сын, что собою трон украсит в будущем.
 Поговорим об этом с Божьей помощью.
 Я говорю с тобою — ведь на равных мы,
 20 Со мной ты делишь власть — я право дал тебе
 Нести бойцовский труд, в доспехах бедствовать,
 Когда на нас, Авзонов, враг надвинулся,
 А вовсе не готовить снаряжение,
 Вести набор на безопасной местности,
 25 Куда атака вражья не дотянется,
 Не править в полном оснащеньи воинском
 Каким-то городком и спать, как хочется,
 Как говорится, сном Эпименидовым,
 И утопать в пирах и удовольствиях,
 В похмелье пребывать непозволительном,
 30 Как будто сан и эта власть высокая
 Даются лишь для роскоши расслабленной,
 А трон (откуда — этого не ведаю)
 И то, что он над жизнью возвышается -
 Всего лишь просто так, барыш нечаянный,
 Основа для пиров и диких выходов,
 35 И этот трон, родящий столько зависти, -

Всего лишь дар отца, наследство верное.
— Нет! Трон — священный дар Его, Единого,
Предмет забот великих, многотруднейших
(У корибов и маргитов с либетрами
40 Иначе). Но владыки над Авзонами,
Питомцы славы — все они свободные,
А высота их доблестей и подвигов
До самого эфира поднимается.
Сын, ты хорош собою, ты умом богат,
45 Прекрасен ты, мой сын, краса династии,
Трон силу придает тебе великую,
Отеческих молитв ты плод достойнейший,
И оправдал мое ты воспитание.
Кулак твой крепок, пальцы твои — сильные,
50 В лодыжках и коленях мощь сцепления,
А что за щит подьмет крепкий локоть твой —
И скифы, и норманны в том свидетели,
Отряды персов, кельтибер бестрепетный,
И грудь твоя могуча, мощен плеч размах —
55 Их ширина и сила равномерная
Способны выносить большие тяжести,
Что налагает панцирь медноблещущий —
Ты носишь их весь день без утомления —
Ты так силён! Но и отвагой ярок ты,
60 И опытен, немало битв изведавши.
Считаю я — ты так щитом орудуешь
С любой руки — как ни один из воинов!
Когда ты неся вскачь при всём оружии —
Свалился кельт с коня от изумления!
65 Ты, по уму не знающий сравнения,
Не уступаешь удальцам известнейшим,
Подвижный, быстрый, тонко восприимчивый
К тому, что ново — и умом и в действии.
А войско как огромное обучено!
70 Ты свыше одарен великой помощью,
Ты свыше дивной силой облакаешься.
А войско твое, силы необорнейшей,
Подарками собрав, ведешь в сражение.
Ты блеском затмеваешь звезд сияние —
75 Но не оружия блеск, не скорость конницы
Видны там с неба, а страданья тайные,
И, раненый, ты лучше зришь Всевышнему.
Не я, мое дитя, тому свидетелем,
А рана головы, что кельт нанес тебе
80 Копьем под Фтией...

О.В. Смыка

КОНСТАНТИН МАНАССИ. ЖИЗНЬ ОПШИАНА*

В III выпуске нашего кафедрального сборника мы поместили¹ краткий очерк творчества византийского поэта Константина Манасси (1115–1187), опубликовали большой фрагмент его основного труда, «Хроники», и несколько переводов фрагментов других его сочинений, в частности, фрагмент об Опшиане². Этому сочинению и его полному переводу и посвящена настоящая статья.

Лейпцигский профессор классической филологии Антон Вестерманн (1806–1869), которому мы обязаны критическим изданием многих авторов, а также собранием свидетельств о греческих биографах, парадоксографах и мифографах³, издал в 1845 г. книгу: *Biographoi. Vitarum scriptores Graeci minores* (Braunschweig), в которой собраны свидетельства о жизни греческих авторов в восьми книгах: эпика, лирики, трагики, комедиографы, историки, риторы-софисты-грамматики, философы и врачи. В первой книге сведения об эпиках идут в следующем порядке: Гомер, Гесиод, Аполлоний, Арат, Никандр и Опшиан. В шестой главе, посвященной Опшиану, опубликованы *vita I* и *vita II* Опшиана, рассматриваемое нами в этой статье стихотворение Константина Манасси с подзаголовком «Константина Манасси род Опшиана, изложенный в политических стихах», и свидетельство Свида (*Biographoi. I. P. 63–68*). Приведем переводы вышеупомянутых свидетельств.

---

*© О.В. Смыка, 2016.

¹Из «Хроники» Константина Манасси / Вступительная статья и перевод с греческого О.В. Смыка // Труды кафедры древних языков / Отв. ред. А.В. Подосинов (Труды исторического факультета МГУ: Выпуск 53; Сер. III. *Instrumenta studiorum*: 24). М., 2012. С. 228–239.

²*Смыка О.В.* Указ. соч. С. 232.

³Основные публикации Вестерманна: *Quaestiones Demosthenicae*. 4 vol. Leipzig, 1830–1837; *Plutarchi Vitae decem oratorum*. Quedlinburg; Leipzig, 1833; *Paradoxographoi, scriptores rerum mirabilium graeci*. Braunschweig, 1839; *Stephani Byzantii Ethnikon quae supersunt*. 1839; *Diogenis Laertii De clarorum philosophorum vitis, dogmatibus et aporphthematibus libri decem*. 1842 (часть серии: *Bibliotheca scriptorum graecorum editore A. Firmin-Didot, с другими авторами*); *Mythographoi. Scriptores poeticae historiae Graeci*. Braunschweig, 1843; *Philostratorum et Callistrati opera*. 1849 (с другими авторами); *Lysiae Orationes / Recognovit brevique adnotatione critica instruxit Carolus Hude*. 1854; и др.

Vita I. Поэт Оппиан — родом из Аназарба в Киликии. Отцом его был Агесилай, а матерью Зенодота. Его отец был человеком богатым и считался одним из первых граждан города. Его отличала высокая образованность, он вел философский образ жизни и сына своего приучал к тому же, давая ему полный круг дисциплин и особенно математику, музыку, геометрию и грамматику.

Когда Оппиану было примерно тридцать лет, Аназарб посетил римский император Север. Всем гражданам было предписано явиться встречать царя. Но Агесилай был философом, он терпеть не мог пустой траты времени и оставил это предписание без внимания. Император разгневался на него за такую гордыню и сослал на остров Мелиту в Адриатике. Сын отправился туда вместе с отцом и в этой ссылке создал свои замечательные поэмы.

Когда Север умер, поэт отправился в Рим — это происходило уже при сыне Севера Антонине. Он прочитал императору свои сочинения, и в ответ ему было предложено просить чего угодно. Он попросил о возвращении отца — и получил своего отца, но помимо этого он получил еще и по золотой монете за каждый стих своих сочинений. Отец и сын вернулись домой. Вскоре на Аназарб обрушилась чума, и поэт умер. Сограждане устроили ему похороны и воздвигли в его честь прекрасный памятник, на котором была такая надпись:

Я, Оппиан певец, достиг немеркнувшей славы,
Но завистливо мойра сгубила меня молодого
Песен слагателя — держит теперь Аид леденящий.
Если бы мерзкая зависть позволила жить мне подольше,
Верно никто из мужей не обрел бы такой же награды.

5

Поэт написал и другие замечательные произведения в пору, когда был еще совсем юным, а всего он прожил тридцать лет. Его слогу была свойственна сила и свобода в сочетании с умом и зрелостью — а это самое трудное. Особенно ему удавались сентенции и сравнения.

Vita II. Поэт Оппиан родился от отца Агесилая и матери Зенодоты, родом они были из Корики и Аназарба в Киликии — есть там вдали от побережья киликийский город Корики. Отец его был весьма богат и в городе считался среди первых граждан и сыну своему дал всестороннее образование.

Когда Оппиану было тридцать лет и отец его был еще жив, в город корикийцев приехал Север, римский император. Всем гражданам подобало явиться встречать властителя, но Агесилай счел это для себя необязательным, ведь он вел философский

образ жизни и держался в стороне от всякой суеты. Север разгневался на Агесилая и сослал его на остров, называемый Мелита. Вместе с отцом в ссылку отправился и сын. Пока он жил на острове, он сочинил превосходные поэмы в пяти книгах.

Когда Север умер, Оппиан приехал в Рим и в присутствии и сената и сына Севера Антонина прочитал свои произведения. Это вызвало такое восхищение, что ему предложили попросить что-нибудь у императора. «Я прошу отпустить моего отца с острова». И он не только получил своего отца, но и золотые монеты по числу стихов в его поэмах. Столь высоко оцененный императором, он был причислен к лучшим поэтам, а когда получил от властителя обещанное золото, переписал свои поэмы золотыми буквами.

Еще совсем юным он создал и другие удивительные произведения — Иксевтику о ловле птиц и Кинегетику о псовой охоте — каждая в пяти книгах, и в них уже тогда достиг большого успеха.

Он вернулся домой вместе с отцом в город корикийцев и умер еще при жизни своих родителей в тридцать лет. Город поставил ему прекрасный памятник и установил статую с такой надписью:

Я, Оппиан певец, достиг немеркнущей славы,
 Но завистливо мойра сгубила молодого
 Песен слагателя — держит теперь Аид леденящий.
 Если бы мерзкая зависть позволила жить мне подольше,
 5 Верно никто из мужей не обрел бы такой же награды.
 Стаи бессчетные рыб своим я выудив свитком,
 Лакомый пир воздал обильно для всей молодежи.

Перевод стихотворения **Константина Манасси** мы приводим ниже.

Словарь «Суда» сообщает следующее:

Оппиан. Киликиец из города Корики, грамматик и эпик, родился при императоре Марке Антонине, написал поэмы Галиевтика в пяти книгах, Кинегетика в четырех книгах, Иксевтика в двух книгах. Когда он прочитал свои поэмы перед императором, тот подарил поэту по золотому статиру за каждый стих, что составило двадцать тысяч монет за всё.

Меир, подготовивший лёбовское издание Оппиана⁴, проанализировал опубликованные Вестерманном *vitae*, принимая мнение Ве-

⁴Oppian, Colluthus, Tryphiodorus / With an English translation by A. W. Mair. London; New York, 1928 (The Loeb Classical Library).

стерманна, что «vita I, «*quae narrationem praebet simplicissimam*»», отмечает, что vita II — «*referta interpolationibus*». В целом vita II согласуется с vita I, но Меир выделяет на стр. XV расхождение между этими источниками, которое носит не только вербальный характер.

- 1) Vita II дает местом рождения Опшиана не только Аназарб, как vita I, но Аназарб или Корику, а затем — просто Корику. Заметим, что Свида также называет Опшиана уроженцем Корики.
- 2) Vita II сообщает, что местом ссылки отца Опшиана был остров в Италии, в то время как vita I говорит об Адриатике. Это указывает на смешение Адриатической Меледы с Мальтой, потому что в древности оба острова назывались *Melite*.
- 3) Vita I характеризует произведения Опшиана, написанные в ссылке, расплывчато, как «эти замечательные поэмы», а vita II вносит уточнение: «превосходнейшие эти поэмы в пяти книгах».
- 4) Vita I не говорит ничего конкретного о других сочинениях Опшиана, но просто констатирует «написал и некоторые другие поэмы». Vita II сообщает: «Он сочинил и другие замечательные поэмы, будучи еще совсем молодым, Иксевтику и Кинегетику, каждая в пяти книгах, и в них уже тогда достиг большого успеха.»

Мы добавим к списку Меира еще одно расхождение между текстами. Vita I сообщает, что по возвращении вместе с отцом из ссылки в Аназарб поэт умер, и ничего не говорит о жизни или смерти отца, тогда как vita II указывает, что поэт умер от чумы в Корику при живых родителях.

И vita I, и vita II, в одинаковых выражениях, сообщают о памятнике на могиле Опшиана и приводят надпись, которая расширена в vita II двумя дополнительными строчками, 6 и 7, по сравнению с надписью в vita I.

Меир отмечает, что «Вестерманн публикует «Жизнь Опшиана» Константина Манасси в политических стихах, которая является простой парафразой vita I». Первое бросающееся в глаза отличие vita I от текста стихотворения Манасси — различная огласовка названия его родного города: vita I говорит об «Аназарбе», Манасси — о «Назарбе» (строки 2 и 43 стихотворения). У Манасси расширенно говорится о визите императора в Назарб, а также указывается причина, по которой Агесилай, отец Опшиана, не пошел на встречу с императором:

16   Ведь дни и ночи напролет над книгами сидел он,
Охоту вел на лучшее, что есть во всех науках,

И сына своего, как пса, учил охоте той же.

Местом ссылки, как и *vita* I, Манасси называет остров на Адрии. Манасси сообщает, что в изгнании, куда поэт последовал за отцом, он написал поэму о рыбной ловле:

25   И там, в изгнаныи, написал он труд о рыбной ловле,
И много умных книг других, изящных, многочисленных —
Но их сумело победить всеукротитель время,
И пощадило только две — но, правда, самых лучших —
О рыбной ловле и еще — про псовую охоту.

Сведения о чтении поэтом своих поэм в Риме перед императором и награде императора в *vita* I и у Манасси совпадают.

Дальнейшее сравнение нарративной *vita* I и тончайшего поэтического рисунка концовки у Манасси бессмысленно. Сообщив об исполнении желания Опшиана,

Желанье исполняется — отца он получает,

и о щедром подарке императора,

Но получает он еще и золото в подарок —
За каждый стих кладет ему владыка по статистиру

— Манасси обрывает себя, применяя свою любимую фигуру умолчания:

40   Но здесь рассказ остановлю, да не бежит он дале.
Не стану тратить много слов, подробностей избегну.

Когда Манасси сталкивается в развитии темы с чем-то содержательно бóльшим, чем то, о чем он говорил, он использует фигуру умолчания.⁵ Внезапный обрыв повествования, нарушение развития сюжетного действия включает иной смысловой план обобщения и ощущение не вербализованного эмоционального значения

⁵Эту фигуру умолчания мы видели и в «Хронике»: «Автор резко прерывает движение поэмы и приказывает своему слову остановиться «в гавани молчания», едва достигнув времени правления Алексея I Комнина:

О песнь моя, остановись — ты в гавани молчанья.
Теперь открылась предо мной Атлантика иная,
Простор бескрайний славных дел царей высокородных,
6725 Героев — тех, кто столь велик отвагой, мощью, родом,
Что неспособна речь моя проплыть их жизни море.
Ведь было б нужно говорить о царственных Комнинах,
Пересекая океан их дел победоносных,
А это — даже самому Гераклу не под силу.
6730 Итак, покрепче укрепим канаты на причале,
Подъемем весла на корабль и паруса скатаем —
Ведь за Гадеры заплывать, как говорят, не надо».

(Смыка О.В. Указ. соч. С. 235). Фигура умолчания неоднократно встречается и в *Hodoiporikon* Константина Манасси.

сказанного. Именно поэтому Манасси элиминирует цитату реальной надписи на памятнике. Две строки —

45 Народ же после статую поставил дороую,
Поэта чтя, и надписал хвалебными стихами! —

еще сохраняют принадлежность всего комплекса мыслей и чувств Манасси сюжету жизненного плана, но концовка стихотворения совершенно органично завершает поэтический рассказ Манасси об основных ценностях жизни, а это — любовь между отцом и сыном, горячая жажда знаний, требующая истинного риска, «охота» за приобретением этих знаний (в контрасте с погоней за простыми острыми ощущениями, обретаемыми участниками бешеной забавы охоты на зверя⁶), самоотверженные усилия в работе, способной принести пользу ближнему или даже его спасти, высокая радость благотворения у тех, кто наделен царскими возможностями в обладании земными благами и, получив должное уместное и нравственное воспитание, способен наслаждаться искусством слова как истинный ценитель.

Манасси как педагог, проповедник и моралист дает очередной урок своим царственным ученикам.

Константин Манасси. Жизнь Опшиана⁷

Был киликийцем Опшиан по своему рожденью,
Из города прекрасного — Назарб его названье.
Происходил он из семьи богатой, знаменитой —
Агесилай его отец и мать Зенодота.

5 Известный мудростью, отец блистал образованием,
Обширным, основательным, он ведал толк в высоком
И процветал он в пору, как Север державой правил,
А порождением его Марк Антонин был, кесарь.
И вот, однажды, в те края, в пределы киликийцев
10 Север приехал — ведь тогда властители нередко

⁶Профессиональная жизнь Манасси была связана с двором Комнинов. Его дипломатическая, педагогическая и литературная деятельность протекала в рамках интересов этой семьи. Дважды упоминаемый в стихотворении Манасси Назарб был местом разветвления семейной кастрофы Комнинов, которая привела к внезапному восшествию Мануила на престол: трагическая смерть старших братьев Мануила, а затем и его горячо любимого отца — от раны, полученной на охоте в Аназарбе («Мануил, любивший отца больше, чем кто другой», см.: Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской Духовной Академии. Труд Иоанна Клинома «Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118–1180)», перевод под редакцией профессора В.Н. Карпова. Санкт-Петербург, 1859. Кн. 1, гл. 10). Этот мотив не имеет прямого словесного выражения у Манасси, но он создает общее минорное звучание в рассказе о любви отца и сына.

⁷© О.В. Смыка, 2016.

- Свои владенья посещать обычаем имели,
И все являлися к нему — пред очи властелина.
Так и тогда собралися все, из родов киликийских,
Пред свитой пышною его — с торжественною встречей —
15 И лишь один Агесилай великий не явился —
Ведь дни и ночи напролет над книгами сидел он,
Охоту вел на лучшее, что есть во всех науках,
И сына своего, как пса, учил охоте той же.
Впадает император в гнев и шлет к нему с приказом,
20 Чтоб сей любитель мудрости (что он считал гордыней) —
За то, что не явился он по первому же зову —
Наказан был изгнанием — и сослан был на Мальту,
На остров, омываемый прибоем тяжкозвучным.
И сын отправился с отцом — ему лет тридцать было —
25 И там, в изгнаньи, написал он труд о рыбной ловле,
И много умных книг других, изящных, многочастных —
Но их сумело победить всеукротитель время,
И пощадило только две — но, правда, самых лучших —
О рыбной ловле и еще — про псовую охоту.
30 Когда же сын приехал в Рим — в тот, первый Рим исконный —
И смог увидеться с царем ромеев Антонином
(Север с земли уже ушел, он жизнь уже покинул)
И преподнес свои труды, написанные книги, —
Такую милость этим он стяжал у властелина!
35 Велит он сыну попросить, чего душе угодно,
И просит сын вернуть отца и дать покинуть остров.
Желанье исполняется — отца он получает,
Но получает он еще и золото в подарок —
За каждый стих кладет ему владыка по статиру.
40 Но здесь рассказ остановлю, да не бежит он дале.
Не стану тратить много слов, подробностей избегну —
Как умер он, когда с отцом в родной Назарб вернулся,
Когда по городу чума свирепо пиновала.
Народ же после статую поставил дорогую,
45 Поэта чтя, и надписал хвалебными стихами!
Вот так бывает — все само собою познается,
Несчастье может показать всему и смысл, и цену —
И, как в речах всего важней прекрасная концовка,
Что проясняет смысл всего, в чем самая загадка,
50 Как соль и самый острый смысл в удачной энтимеме —
То, в чем витии не сильны и что и вправду трудно.

О.В. Смыка

**ВИЗАНТИЙСКИЙ ПОЭТ МАНУИЛ ФИЛ.
ИЗ СТИХОВ О ЖИВОТНЫХ,
АДРЕСОВАННЫХ ИМПЕРАТОРУ
МИХАИЛУ IX ПАЛЕОЛОГУ***

Мы продолжаем¹ публиковать, впервые на русском языке, произведения византийского поэта Мануила Фила (1275–1345), корпус текстов которого составляет 35000 стихов. Мы уже опубликовали несколько стихотворений, посвященных императору Андронику II Палеологу². Для настоящего издания мы выбрали некоторые стихотворения Фила, посвященные императору Михаилу IX Палеологу³. Это — вступление к большой поэме «О свойствах животных»

---

* © О.В. Смыка, 2016.

¹О.В. Смыка. Византийский поэт Мануил Фил // Труды кафедры древних языков / Отв. ред. И.С. Чичуров (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 15. Серия III: Instrumenta studiorum: 6). СПб.: «Алетейя», 2000. С. 241–255; О.В. Смыка, Мануил Фил (127–1345). Стихи на разные темы // Труды кафедры древних языков. Вып. II / Отв. редактор А.В. Подосинов (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 44. Серия III. Instrumenta studiorum: 18). М.: «Индрик», 2009. С. 242–263; О.В. Смыка. Мануил Фил. Человек, разговаривающий с душой // Труды кафедры древних языков. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Подосинов (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 53. Серия III: Instrumenta studiorum: 24). М.: «Индрик», 2012. С. 256–259. Переводы были опубликованы также в изданиях: «Numfwп antpon. Вопросы классической филологии. Выпуск XV. Сборник в честь Азы Алибековны Тахо-Годи». М., 2011 (О.В. Смыка. Византийский поэт Мануил Фил и его славословие императору. С. 547–555); «Orientalia et classica. Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XXXIII. Классика ...и не только. Нине Владимировне Брагинской» М., РГГУ, 2011 (О.В. Смыка, Мануил Фил (1270–1345). О растениях. Роза. С. 458–461) и «Ars docendi. Искусство научить. К 90-летию лаггиниста Н. А. Фёдорова», М., Издательство ПСТГУ, 2015 (О.В. Смыка, Византийский поэт Мануил Фил (1270–1345). Из поэмы «О свойствах животных» (I, 80 ст.), «Об орлах». С. 218–224).

²Андроник II Палеолог (1259–1332) — император Византийской империи в 1282–1328 гг.

³Михаил IX Палеолог (1277–1320) — император Византийской империи в 1294–1320 гг., сын и соправитель Андроника II Палеолога. По выражению Рамона Мунтанера (Рамон Мунтанер (между 1265 и 1270 — ок. 1336) — испанский каталонский историк, военный и хронист, автор хроники, см.: *Ramon Muntaner*. Crònica. Barcelona. Marina Gustà. Edicions 62, 1979), доблестный и отважный воин, «один из лучших рыцарей на свете» («Xor Miqueli... era dels bons cavallers del mon», «one of the accomplished knights of the world» в английском переводе: *Ramon Muntaner*).

(2018 стихов) и ее фрагменты. Именно эту поэму выбрал архиепископ Арсений Монеувасийский (Аристокбул Апостолес, 1468–1535) для своего первого печатного издания Фила в Венеции в 1533 г.⁴ Свой труд он посвятил Карлу V, императору Священной Римской империи, покровителю гуманистов⁵. Мы сочли целесообразным полностью привести перевод этого посвящения, ставшего образцом стиля для подобных посвящений других авторов.⁶ Сам факт избрания этой поэмы Фила для первого печатного издания, посвященного императору в качестве подарка коронованной особе, — свидетельство высочайшей оценки достоинств поэмы и большого интереса к ее тематике⁷. Мы цитируем перевод посвящения изда-

---

Chronicle / Translation by Lady Goodenough (In parentheses publications, Catalan Series). Cambridge; Ontario, 2000. P. 410). Михаил IX имел несчастье командовать византийским войском после губительных реформ армии, которые провел его отец. Потерпел поражения при Магнезии (1302), Скахиде (1304) и Апрах (1305), см.: Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской Духовной Академии. Римская История Никифора Григоры / Перевод под редакцией П. Шалфеева. Том 1. Санкт Петербург, типография департамента уделов, 1862, кн. 6,2, кн. 6,8, кн. 6,10, кн. 7,3, кн. 7,5, кн. 7,8, кн. 7,15, кн. 8,1. Михаил IX Палеолог — человек высоких нравственных достоинств и умственных интересов, любитель литературы и животных.

⁴Исследователь французской культуры XVI в. Гленн Пирс (*Peers G. Thinking with Animals: Byzantine Natural History in Sixteenth-Century France* (Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance, 68, No. 3). Paris, 2006. P. 457–482), говоря о греческом влиянии на французскую культуру после 1453 г., останавливается на фигуре каллиграфа Ангелоса Вергекиоса (1505–1569), выходца с Крита, который обосновался во Франции в 30-е гг. XVI в. и копировал многих греческих авторов; в частности, поэму Фила он скопировал 11 раз (Ibid. P. 457). Пирс указывает также, что Вергекиос содействовал распространению информации о поэме Фила: «В случае Фила, Вергекиос распространил мнение о ценности и значительности этой естественно-исторической поэмы среди узкого круга французской элиты, но настоящая популяризация этого текста — в том виде, как он есть — была достигнута только после того, как архиепископ Мосевасий Арсений опубликовал печатное издание Фила в Венеции в 1533 г. Это издание самым очевидным образом сделало Фила известным гуманистам» (Ibid. P. 473; о знакомстве гуманистов с поэмой Фила, см.: *Stickler G. Manuel Philes und seine Psalmenmetaphrase* (Dissertationen der Universität Wien, Band 229). Wien, 1992).

⁵Карл V Габсбург (1500–1558) — король Кастилии и Арагона (1516–1556), король Германии (римский король, 1519–1556), император Священной Римской империи (1519–1558).

⁶См. *Stickler G.* Op. cit. S. 39.

⁷Животные всегда представляли интерес для византийца, и нас не должно удивлять, что Пахимер (Фил называет его своим учителем) в ходе своего исторического рассказа охотно описывает подарок эфиопского царя — жирафа, диковинного для Константинополя (цитируем по изданию: Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской Духовной Академии. Георгия Пахимера История о Михаиле и Андронике Палеологах. Тринадцать книг. Том 1. Царствование Михаила Палеолога. 1255–1282. Санкт Петербург, типография департамента уделов, 1862. Кн. 3,7: «4. Между подарками был и камелопард — животное удивительное и необыкновенное, о котором я хочу сказать несколько слов — видевшим его для на-

ния поэмы Арсением Монеувасийским и введение Мануила Фила к его поэме по нашей упомянутой выше публикации в сборнике «*Ars docendi*».

Перевод текстов выполнен по изданию Ф. Лерса и Фр. Дёбнера: *Manuelis Philae versus iambici de proprietate animalium collatis codicibus emendarunt et Latinae verterunt* / F.S. Lehrs et Fr. Dübner (*Poetae Bucolici et Didactici*). Paris, 1848.

Мы также публикуем адресованное Михаилу IX Палеологу стихотворение Фила *Cod. Florent. CCXIV*, «его же, к автократору господину Михаилу Палеологу на то, что он сделал льва другом собаке» (*Manuelis Philae Carmina* / Ed. E. Miller. Vol. 1. Amsterdam: Nakkert, 1967. P. 415–419). Мануил Фил, в отличие от придворного поэта Комнинов Феодора Продрома, не имел оснований воспевать победы византийского оружия (см. примеч. 4). Он проявляет необыкновенную изобретательность и риторическое мастерство, занимая внимание адресата, отвлекая его от тяжелых фактов действительности, развлекая его интересной информацией и утешая находчивыми похвалами.

Перейдем к переводам.

поминания, а не видевшим для сведения. Тело у него небольшое, как у тех ослов, которых мы называем канфонами (*κάνφων*); кожа, как у леопардов, белая, испещренная красными пятнами; фигура тела, как у верблюдов — от задних то есть, частей его к плечам поднимаются горбы; передние ноги значительно выше задних; шея, как у журавлей, очень длинная и поднимающаяся вверх до самой головы, так что он представляется животным гордым; голова малая, [162] видом похожая на верблюжью; брюхо белое; от шеи по всему хребту до самого хвоста, который не велик, простирается весьма прямо, как бы по линейке, черная полоса; ноги тонкие, как у оленей, и с раздвоенными копытами. Нравом это животное кроткое, так что и дети забавлялись им, вода его за нос; — послушное, — веда, куда хочешь, травоядное, питающееся и хлебом и пшеницею, как овца, — вообще ручное. А для защиты от нападения (ибо природа по большей части доставила животным и это, если бы кто стал угрожать им) оно не снабжено ни таким копытом, как у лошадей, ни рогом, как у быков, (ибо не увенчано рогами), ни зубом, как у кабанов, ни когтями, как у кошек, а только одними зубами, которыми, впрочем, оно, по-видимому, кусает умеренно, лишь бы только отклонить нападения, не делая вреда, и никакого яда не заключается в его зубах, как у тех животных, которых природа вооружила зубами. Камелопарда, будто какое чудо, присланное к царю из Эфиопии, каждый день водили по площадям для зрелища и удовольствия видевших».

**Мудрейшего и ученийшего
Кир Мануила Фила
стихи ямбические
сочиненные для автократора
Михаила Палеолога
Об особенностях животных**

Набожнейшему и благочестивейшему Государю Карлу
Арсений Монеувасийский архиепископ
желает вечных триумфов над варварами.

В древности, о Тишайший Государь, Оппиан сочинил поэмы Галиевтика (о рыбной ловле) и Кинегетика (о псовой охоте) и преподнес их императору Антонину, надеясь снискать его благосклонность и прощение. Государь пришел от этих сочинений в такой восторг, что принял автора, «отца» поэм, с великолепием и щедростью, а их «деда» — отца автора — вернул из изгнания, чтобы показать свою милость к его сыну.

Гораздо позже жил на свете поэт Фил, написавший много прекрасного, в том числе и восхитительные ямбы — ему принадлежит книга «Об особенностях животных», примерно две тысячи ямбов. Он прочел ее перед автократором Михаилом — и, так же, как Оппиан, снискал от государя огромную похвалу и щедрую награду.

Однако написанное Оппианом еще до книгопечатания можно было найти во многих местах, а вот сочинение Фила существует, как говорится, в единственном экземпляре и находится у меня. Я собрал его из разрозненных и поврежденных частей, привел их в последовательный порядок, многое переставив и многое убрав, поскольку, как говорится, этот новый Пелий нуждался в новой Медее.

В конце концов я разделил книгу на листы и привел их в стройный порядок, работая с жаром, чтобы придать этому первоначальный вид и чтобы издать это и в напечатанном виде посвятить Твоей царственности. И я, с Божьей помощью, это осуществил и представляю Твоему Величеству дар полезный и приятный.

Здесь увидишь Ты, Божественный Василевс, как животные, повинуюсь общему закону природы, без царских приказаний и постановлений, умеют заботиться о собственном спасении и следуют предписанному им самой природой способу существования, как они умеют избегать того, чего им следует избегать и твердо держатся того, что для них является наилучшим, гораздо лучше нас, украшенных словом, законом и науками.

Ты увидишь, как сильно привязаны к своим родителям аисты, как они разом, словно по приказу, все как один взлетают и приземляются,

Ты увидишь, как вороны приходят друг другу на помощь, когда возникает необходимость отогнать чужаков,

Твое восхищение вызовут журавли, — как предусмотрительно готовятся они и ко сну, и к полету,

Ты узнаешь и о преображении шелковичного червя, которое приводит на ум непреложность воскресения, и Ты с еще большим презрением отнесешься к учению нечестивцев, которые его отрицают,

Ты увидишь и коршунов, как они продолжают род без соития, и с негодованием презришь насмехающихся над великой тайной, которые злобно заявляют, что невозможно и противоестественно, чтобы Дева родила Дитя и при этом сохранила девственность — как об этом поют в гимнах христиане, что они восхваляют и во что веруют, прославляя воплотившегося от нее Бога нашего,

Твое изумление вызовут и рыбы, и другие создания, живущие в мудрой и стройной упорядоченности, умея благодаря своему естественному чутью предузнавать изменения погоды. Словно по изречению Гиппократата, они исцеляют себя сами, каждый своим средством. Медведь мажет раны фломом, лисица лечится каплями смолы, змея лечит глаза укропом.

И во всех живых существах, будь то животные, птицы, бегающие на ногах, ползучие и плавающие — ты увидишь то, что дала им природа, их собственные особые свойства.

Я счел, что книга эта будет, как я уже сказал, и очень приятна и весьма полезна.

Я убежден, что второе издание будет еще более удачным — ведь оно посвящено Государю, украсившему свое царствование всем, что было почитаемо всеми предшествующими властителями.

Будь здоров.

5
Вот пред тобой, Владыка, стадо мирное –
Здесь рыбы, птицы, звери и рептилии –
И стол тебе немедля приготовлю я,
Коль разрешишь мне тот же самый промысел,
Что разрешил когда-то Достохвальному,
Чтоб угостил на славу сразу двух царей –
И Вер, и Антонин пошпировали там!
А я — твой пес, ты — мой хозяин сладостный,
И вот я лаю в целях пропитания.

10 Владыка, лев душою — покорми же пса!
Охотясь, ты сражаешь толпы варваров!

Мануил Фил. Стихи об особенностях животных

Адам, генарх великий рода нашего,
По заповеди Господа обязан был
Блюсти души пречистое достоинство
И быть владыкой тварей всевозможнейших.
5 Но он вкусил от дерева познания
И Божий дар пограл в себе немедленно.
Он образ своей власти погубил навек,
И звери тоже всякий стыд утратили,
Как от врага умчались от хозяина
10 И, закусив удила послушания,
Порвали узы, прежде столь любимые,
И стали жить в местах недосягаемых.
Я, для Тебя сплетя благоволенья сеть,
Сих беглецов привел из щай и пустошей,
15 И для Тебя, о Солнце восходящее, –
Как царь Давид сказал о Дне Творения, –
Они должны бежать в загоны слов моих,
Я нитью ритма все свяжу изящною –
Ведь я не упустил летучих сонмы птиц,
20 И обыскал умом морские пропасти,
И рыб морских словесной сетью выловил,
Всё — только для Тебя! Смотри, рассматривай,
О Автократор, изучай и радуйся!
Какой подарок поднести достойнее
25 Владыке, сыну Авзонарха милому,
Твой редкий нрав — особый, выдающийся,
Приятнейший, во всем превосходительный,
Величие души и обхождение –
Воспеть — мне слов не хватит человеческих!
30 Будь то Платон — сказал бы он, наверное,
Зачем же мошкаре тягаться с коршуном?
И, если все уста соединились бы
И все красоты речи вместе сплавились –
Всё ж не смогли бы спеть хвалу достойную!
35 Молчанием сказал бы много большее,
Кто не дерзает петь пустыми звуками.
К тому же — как сказать хоть что-то новое?
Ведь это — дар натуры многохитростной,
Чьи тайные движенья Тот лишь ведает,
40 Кто создал всё премудро, промыслительно,
И если это чудо слову свойственно,

То это лишь заслуга нашей древности –
От древних получая побуждения,
Я связываю цепь размера стройностью.
45 У мудрецов — у греков и у варваров –
Ценителей-творцов сказаний всяческих,
Приврать — и не зазорно, и простительно,
Но нам — нельзя! Мы Слову поклоняемся,
Ведь Слово — свет, потемки разгоняющий!

1. Об орлах

Орлы, Властитель, в вышине бродящие,
В питье — то видно точно — не нуждаются.
О, как я их Создавшим восхищаюсь!
5 Среди птиц нет никого с такой способностью
Спокойно выносить страданий тяготы.
Сей крылократор зорок замечательно –
Из туч способен даже моль заметить он.
Шум крыл его слышав, даже змей-дракон
От страха мигом в бегство устремляется
10 И заползает в норы потаенные,
Чтобы орел, догнав, не растерзал его.
Он и на коз, и на гусей охотится,
На зайцев, даже на телят молоденьких.
Своих птенцов, пока не оперившихся,
15 Он испытует необычным образом,
И суд вершит над ними солнце яркое,
И если есть птенец, кто немигаючи
На солнце прямо смотрит — он в любимчиках,
Он чист от подозрений в чужекровии,
20 А если кто моргнет — того немедленно
Исторгнут из гнезда, как семя чуждое.
Бывают, говорят, орлы нехищные,
Что мяса не едят, травой питаются,
А хищные к траве и не притронутся,
25 И только мясом постоянно кормятся,
Летя на сильный тяжкий запах падали.
Остатки пищи стережет он, словно лев,
И отгоняет прочих птиц безжалостно,
Когда клевать его добычу пробуют.
30 Теряет перья он, как птицы прочие,
И та стрела имеет силу страшную,
Когда она в такой колчан положена,
Где спрятал мастер и перо орлиное.
Живи, царь, как орел, жизнь столь же долгую
35 И крепни в постоянном обновлении!

2. О грифе

Гриф — птица крупная, о четырех ногах,
Крылатый, когти на ногах преострые,
С пятном на голове багряно-пурпурным,
На белоснежном теле шея черная,
5 А острый взор его пылает пламенем.
И голова его, и клюв, властитель мой,
Коль издали глядишь, совсем орлиные.
Он там живет, где местности пустынные
И горы неприступные, скалистые,
10 В местах, где из земли выходит золото,
Из золота он, молвят, гнезда делает
На самой вышине скалы отвесистой.
И не поймать, конечно, грифа взрослого,
Возможно только взять птенца бескрылого.
15 Гриф с индами, до золота охочими,
Свирепо бьется, если к гнездам тянутся,
Бойтся за птенцов, что их отнять хотят,
И страшно бьется, говорят, с пришельцами,
Когда к гнезду за золотом подбираются,
20 Ведь он подозревает, что стараются
Птенцов его схватить и унести с собой.
Индусы днем зверей остерегаются,
Таясь в уединенных чащах, прячутся
(И прячутся в густых пустынных зарослях),
25 А ночью потихоньку подбираются
К местам, где это золото находится,
И там копают с жадностью поспешною
И золотой песок собрать стараются,
И коль удастся им от грифов спрятаться
30 И избегут они большой опасности
И черной Керы — повезло им, стало быть!

3. О коршуне

Воитель коршун мертвыми питается
И, если труп найдет себе на счастье,
Пирует, словно победитель доблестный.
Имеют птицы эти дар мантический,
5 Летят за войском, что идет в сражение,
Надеясь на тела убитых воинов –
Они прекрасно помнят, где их пища ждет,
Туда летят и рвут добычу, жрут ее,
Пока, жукам подобясь, не отвалятся,
10 Жукам, что мрут, когда их миром смазали.
Их самки зачинают без соития,

Плодотворит их ветер, ввысь поднявшихся,
 От Нота зачинают, и на третий год
 Из чрева чадо в перьях появляется,
 15 Что корм добыть когтями может сразу же,
 Ища нетерпеливо, что там есть в гнезде.
 Но говорят, что есть другие коршуны,
 Что яйца могут класть, с самцами сходятся
 И берегут птенцов в гнезде заботливо,
 20 Пока они растут, еще бесперые.
 Они, как египтяне, цвета черного,
 А коль поджечь от птицы этой перышко,
 Откуда пожелаешь, змей изгонишь ты.

10. О лебеде

Свой смертный час встречает лебедь песнею
 И умирает в стройных благозвучиях –
 Ведь смерть ему надежней жизни кажется.
 5 Напрягшись, оперенье поднимает он,
 Подобно струнам, правильно натянутым,
 И плектром вмиг ему зефир становится,
 А шея, барбитон, природой созданный,
 Выводит небывалую мелодию –
 10 Панегирист, уход свой прославляющий,
 И, как вакхант, ликующий в предчувствии,
 Он с жадностью к кончине устремляется.
 Ты, смертный душелюб — взгляни на лебеда –
 Не дрогнешь пред кончиной, если в разуме.

86. О дельфине

Морской дельфин, завидя корабельщиков,
 Несется к ним и дружелюбно фыркает.
 Он то плывет вдоль борта, то вперед зайдет,
 И предвещает ветер, нужный плаванью,
 5 И волн движение, ходу неопасное,
 И чудно их прыжками волны пеняется.
 Всё время он находится в движении,
 Но отдыха природа всё же требует –
 Тогда он из пучины появляется
 10 И, лежа на поверхности, качается.
 А если сверху тяжкий вал обрушится
 Своим громадным весом — он скрывается,
 Едва ли не на дно нырнув глубокое –
 И снова на поверхность устремляется.
 15 Когда стареет лев, он обезьяну съест

(Он лучше, чем Гален, природой лечится).
 Дельфин же от болезней избавляется,
 Когда наестся рыбой «обезьяною».
 А самка у дельфина, продолжая род,
 20 Как правило, рождает двух детенышей –
 И сколь ее прекрасно чадолюбие!
 Она ни перед чем не остановится,
 Когда ее детеныши в опасности.
 Коль ей угрозы нет — но только детищу –
 25 Она к малютке мчится, смело гибнет с ним,
 Когда рыбак сразит, метнув орудие,
 Иль в сети заберет, в силки какие-то,
 Подплыв к нему поближе на суденышке.
 А кормит самка молоком детенышей,
 30 Сосцы дает, как добрая кормилица,
 Дельфин же взрослый, если в сеть попался он,
 Сперва спокойно доле покоряется
 И поедает рыбу, что вокруг него,
 А как поймет, что тащат его к берегу –
 35 Усиьем мощным сеть порвет — и был таков!
 Снабжен он от природы словно флейтою,
 И лучше всех зверей на свете прыгает,
 Сжимает он пути для входа воздуха
 Согнувшись, словно лук, стрельцом натянутый,
 40 Пускается в прыжок стрелой пронзительной,
 Через любое судно перепрыгнет он!
 Еще он от природы любит музыку
 И может слушать лиру зачарованно –
 Но грохота и стука он пугается.
 45 Обычно так они семейством плавают –
 В середине — молодняк, с ним рядом — матери,
 Вокруг же них плывут самцы фалангою,
 Их стражи, их защитники могучие.

39. О мартихоре

Зверь мартихор у индов обретается,
 Косматый, рыжий, с мордой человеческой,
 Глаза его огнем пылают светлые,
 А уши — волосатые, некрупные,
 5 Округлые, у основания гладкие,
 А пасть — на эти зубы просто жуть взглянуть,
 А в остальном он явно — совершенный лев.
 С хвостом он уродился, стрелы мечущим,
 Стрелец он от природы, дальновержец он,
 10 И умерщвляет всех, кто на него идет,

- Сколь ни было бы много нападающих.
 А если кто-то нападает спереди,
 Зверь мигом вскинет вверх свое металище,
 Отгонит всех и быстро продолжает путь.
 15 В своем движеньи порождает заново
 Чудовище орудия разящие
 И быстро подавляет всех охотников.
 Зверей у индов много страшных водится
 Прожорливых, необоримых, яростных,
 20 Но только мартихора зовется «людоед».
 Потомству мартихора инды, выловив,
 Камнями раздробляют кости вредные,
 И зверь, не порождая жал губительных,
 Тогда ручной, хоть трогай безбоязненно⁸.

⁸Для сравнения приводим свидетельство Элиана в переводе М.Л. Гаспарова (Памятники поздней античной поэзии и прозы II-V века. Сборник / Ответственный редактор М.Е. Грабарь-Пассек. Москва: Издательство «Наука», 1964. С. 285–286):

IV, 21. Об индийской мартихоре

Есть в Индии зверь, чудовищной силы, величиной с самого большого льва; шкура у него красная, подобно киновари, и покрыта шерстью, как у собаки. На языке индийцев он называется мартихора. Морда у него такая, что напоминает не звериную, а человеческую; зубы в три ряда сверху и в три ряда снизу, и такие острые, что лучше собачьих; уши по форме похожи на человеческие, но крупнее и покрыты шерстью; глаза светлые, и также похожи на человеческие. Ноги и когти, да будет это известно, такие, как у льва; а на конце хвоста находится жало, подобно жалу скорпиона, длиной больше локтя, и весь хвост покрыт жалами с обеих сторон; жало на конце хвоста при малейшем прикосновении наносит рану и убивает на месте. Когда ее преследуют, она мечет боковые жала, наподобие стрел, и разит издалека; если ей нужно жалить спереди, то она изгибает хвост, а если сзади, наподобие саков, то вытягивает его во всю длину. Летящее жало губит все, чего ни коснется, и не убивает только слона; длиной оно около фута, толщиной — как стебель камыша. Ктесий говорит (и уверяет, что все индийцы думают так же), что на месте выброшенных жал отрастают другие, как новая пагубная поросль. По его же словам, этот зверь очень любит пожирать людей и совершает много убийств, причем не подстерегает людей по одиночке, а нападает на двоих и троих сразу, и один их одолевает. Она побеждает всех остальных животных, и только льва не может осилить. О том, что она с особенным удовольствием поедает человеческое мясо, свидетельствует само ее название — это индийское слово по-гречески означает «людоед», и такое имя получила она по заслугам. Бегаёт она, как самый быстрый олень. На ее детенышей, еще не имеющих жал, индийцы устраивают охоты, и камнями раздавливают им хвосты, чтобы на них не могли вырасти жала. Голос ее больше всего похож на звук трубы. Ктесий говорит, что он даже видел в Персии такое животное, присланное индийцами в подарок персидскому царю. Если кто считает Ктесия надежным свидетелем по этой части, тот, услышав о таких достопримечательностях этого животного, пусть обратится к сочинениям книдского писателя.

47. О катоблепе⁹

Как молвят, изо всех животных злейшее
 Живет в земле Ливийской и имеет вид
 Весьма похожий на быка свирепого.
 5 Глядит оно, как будто разъяренный лев,
 Из-под бровей густых и нависающих.
 А глаз его по мере меньше бычьего,
 Налит густою кровью и притом вовек
 Не взглянет прямо, в землю потупляясь:
 Отсюда и прозвание катоблепово.
 10 С макушки зверя волосы обильные
 Нисходят гребнем и на лоб спускаются,
 И с конской гривой сходятствуют. Великий страх
 Тому, кто с этим дивом повстречается!
 Зверь кормится корнями ядовитыми,
 15 Которых больше ни одно животное
 В рот не возьмет, а коль возьмет — отравится.
 Избычившись и в землю взор уставивши,
 Он распускает гриву и вздымает шерсть,
 Как будто вебрь, свирепо ошетилившись.
 20 И если рот его приоткрывается,
 Из недр гортани мерзостный исходит дух,
 Отравного зловония исполненный.
 Тот, на кого повеет дуновением,
 Лишится языка незамедлительно
 И навзничь в корчах яростных повернется.¹⁰

⁹Мы воспроизводим перевод С.С. Аверинцева: (Памятники византийской литературы IX–XIV веков. М., Наука, 1969. С. 30–31). Это — самый первый стихотворный перевод Фила на русский язык.

¹⁰Для сравнения, приводим наш перевод отрывка из Шестоднева Писиды.

Откуда катоблеп, что жар, живущий в нем,
 960 Струей из носа испускает пламенной,
 Но направляет вниз к земле поток огня,
 И, как стрелок, далёко мечет пламя он,
 Похожее на Этны извержение,
 Что в клубах дыма испускает молнии?
 965 Но если зверь не наклонял бы голову –
 Не направлял бы вниз огонь дыхания –
 То вся земля сокрылась бы под трупами.

Далее — отрывок из Элиана, «О природе животных», XXVI, V, в нашем переводе.

Земля ливийская способна производить на свет множество самых разных зверей, породила она и так называемого катоблепа, который кажется похожим на быка, но вид у него совершенно устрашающий. Высоко поднятые густые брови, а под ними глаза крупнее бычьих, но поставлены близко и налиты кровью, и смотрит он не прямо, а косит вниз на землю, поэтому и называется он катоблеп (вниз смотрящий). Лошадиная грива, начиная расти на макушке, спускается со лба, закрывая всю морду, и делает его еще более страшным. Его пищу составляют корни, смертельно

Далее, как мы указали во введении, мы помещаем перевод упомянутого выше стихотворения Miller I, 214 к Михаилу IX Палеологу.

Перевод с древнегреческого О.В. Смыки.

I, 214. Лев и собака¹¹

Мануила Фила к автократору господину Михаилу Палеологу по случаю того, что он сумел подружить льва и собаку¹²

Как?! Ты сумел природу победить легко
 И всем явил, что дружит лев с собакою?!
 Но Авзонарх, ведь это чудо дивное —
 Как лев — собака, да и как собака — лев!
 5 Двойное чудо, Авзонарх, предивно!
 Твой рык немедля умирляет воинство
 Всех варваров, что лаем заливаются!
 В любом сраженьи меч твой появляется,
 Как когтя острие, всегда без промаха
 10 И властно от природы погружается
 Легко во всех, кто только смеет нагличать.
 Увидя скорпиона, змей пугается,
 Ведь знает его жало смертоносное,
 Что испускает яд, стрелой отравленной.
 15 А кто укусит скорпиона — гибнет сам —
 Укус его немедля мертвым сделает —
 Жизнь отнимает мигом яд проникнувший.
 Хорек, в норе поймав добычу нужную,
 Хрустит ее костями, пожираючи,
 20 А пес бежит, и в беге поворотливом,

ядовитые, и когда он, злобно сбывчившись, страшно напрягается и поднимает гриву, она встает у него дыбом, и открываются обрамляющие пасть губы, и он исторгает из гортани, со страшной силой, струю дыхания, пронзительно зловонную и ядовитую, и весь воздух вокруг его головы становится ядовитым, и кто из зверей приближается к нему, вдохнув это, тотчас бывает поражаем, теряет голос и валится наземь в смертельных судорогах. Катоблен понимает свою силу, но и другие звери ее знают, так что бегут от него со всех ног куда подальше.

¹¹© О.В. Смыка 2016.

¹²Напомним концовку вступления к поэме «О свойствах животных»:

А я — твой пес, ты — мой хозяин сладостный,
 И вот я лаю в целях пропитания.
 10 Владыка, лев душою — покорми же пса!

Император уподоблен льву, дружески кормящему своего пса-поэта. Сравнение с собакой несколько не уничижительно: ум, чутье и преданность собак ценились очень высоко, и хорошая собака считалась большой ценностью.

Поймает даже зайца быстроногого.
Индийский слон — тот змей остерегается,
К душителям питая отвращение,
Не терпит он огня, свиней с баранами,
25 Мышей не любит, в коробе таящихся.
Гиена, по ночам идя на промысел,
От пестрых леопардов робко прячется,
А львы огня не терпят, ненавидят псов,
Детеньшей пантеры новорожденных,
30 Но вот теперь — смотри, как лев с собакою
По воле Авзонарха подружились.
Любое сердце изумится этому!
Какая же в твоей натуре силища —
Саму природу может изменить она —
35 Ведь вправду подружились лев с собакою!
Едва завидит пес, что лев поблизости —
У мощных львиных лап он так и вертится,
Отважно подбегает, смело прыгает,
Ликует — удивительное зрелище,
40 Стараются коснуться зверя мощного —
И защищает лев собачьи шалости.
Повсюду вместе ходят два приятеля,
И лев как будто ниже стать старается.
Душа его тогда не знает ярости,
45 И не пугает сердца он собачьего —
И пищу дружелюбно разделяет с ним,
И рык его лишен опасной ярости,
Прижавшись тесно, лев и спит с собакою,
И шерсть он псу вылизывает тщательно,
50 Как росный луг блестит она от влажности,
Из пасти льва обильно изливаемой,
А если видит лев, что рядом нету пса —
Горюет и вздыхает, поднимает рык —
55 И так уж рад, едва лишь пес отыщется!
Он вместе с псом и ест, и забавляется,
И делит с ним он все свои занятия —
Пес ласково глядит и улыбается,
Не лает рядом с ним, своим хозяином,
60 У львиных лап ложится, расстилается
И ковриком живым лежит, раскинувшись.
Природа иногда непостигаема!
Такие в ней встречаются явления!
Ведь по природе лев — ведь это сам огонь,
65 Он весь — как будто Этны извержение
И то, что пожирает из когтей своих —

Со скоростью огня уничтожается,
И грива у него огнеподобная,
Ее природа сделала, наверное,
70 Из угля, только влажного и гибкого.
Природа псов прохладная и водная,
Охотник он, да и бегун отличнейший.
О, сколь густа у львов их грива светлая,
Но вот что ново — не боится он воды.
75 И не слабеет вовсе при смешении.
Друг друга они любят, это вижу я!
И ни на миг не терпят расставания.
Не знаем мы твоей особой властности,
Что держит толпы варваров в покорности,
80 Кладя предел собачей ненасытности.
Твой добрый нрав, спокойный и уверенный,
О лев, и ярость псов полезной делает —
Едва-едва ты до меча касаешься,
Любой противник, дрогнув, тут же прячется.
85 А на меня, на пса, глядишь ты ласково,
Даруешь, Царь, мне крохи пропитания.
Ты грозным рыком разгоняешь тяжести,
Что залегли в засаде, чтоб сгубить меня,
Беду любую, словно лань трусливую,
90 Ты, Авзонарх, немедля, прогоняешь прочь.
Ты, царь, умеешь постоянно сдерживать
На суше и на море вражьи полчища —
Твой меч, что закалился кровью варваров,
Легко до океана добирается.
95 Когда же достигаешь ты желанного,
То говоришь отцу и соправителю,
Ликуя, словно лев, рыча и прыгая —
«Царь-лев, — тебе добыча — эта мира часть!»

Н.Ю. Живлова

ГИБЕЛЬ НИАЛЛА ДЕВЯТИ ЗАЛОЖНИКОВ

Легендарный король Ниалл Девяти Заложников, основатель династии Уи Нейлов, играл ключевую роль в средневековой ирландской исторической традиции; считалось, что жил он в конце IV — начале V в. н. э. Ниалл считался предком северных династий, занимавших господствующее положение на севере и в центре Ирландии в течение всего Средневековья. Легенды приписывают ему, как правило, семь или восемь сыновей; иногда — четырнадцать или больше¹. Группа династий, производивших себя от Ниалла, обычно объединяется под названием «Уи Нейллы». Потомки Эогана, Энды и Коналла Гулбана (считалось, что у Ниалла было два сына по имени Коналл) обычно определяются как «северные» Уи Нейллы; в генеалогиях иногда утверждается, что эти три брата были сыновьями одной матери — Индиу из северного племени Дал Фиатах², в то время как другие дети Ниалла были рождены от другой жены³. «Южными» Уи Нейллами обычно назывались потомки Лоэгайре, Койрпре, Фиаху и другого Коналла; иногда назывался и еще один «южный» сын — Майне⁴.

Однако несмотря на всю значимость Ниалла, тексты, описывающие его карьеру, более чем лаконичны. Наиболее известен и хорошо изучен ряд текстов, связанных с рождением Ниалла и с тем, как он обрел превосходство над своими братьями по отцу — Фиахрой,

---

¹Corpus genealogiarum Hiberniae. Vol. 1 / Ed. by M.A. O'Brien. With introd. by J.V. Kelleher. Dublin, 2001. P. 133; Meyer K. The Laud genealogies and tribal histories // Zeitschrift für celtische Philologie. 1912. Bd. 8. P. 293.

²Connors A. Prosopography II: A prosopography of the early queens of Tara // The Kingship and Landscape of Tara / Ed. E. Bhreathnach. Dublin: Four Courts Press, 2005. P. 254–256.

³Довольно поздний текст, «Приключения Коналла Гулбана» (Eachtra Conaill Gulban), называет детьми первой супруги Ниалла, Ригнах Большеголовой (Roiscleathan) Лоэгайре, Майне, Фиахру и Коналла Кремтайне (в таком порядке). От второй жены, Индиу, первым сыном был Койрпре, затем якобы родилась тройня — Коналл Гулбан, Эоган и девочка по имени Лухра, которая по другим источникам не известна (Lehmacher G. Eine Brüsseler Handschrift der Eachtra Conaill Gulban // Zeitschrift für celtische Philologie. 1923. Bd. 14. P. 213–215).

⁴Charles-Edwards T.M. Early Christian Ireland. Cambridge, 2000. P. 15–36.

Брионом и Айлилем; прежде всего речь идет о саге «Приключения сыновей Эохайда Мугмедона» (*Echtra mac Echdach Mugmedóin*). Ниалл, рожденный от рабыни Кайренн, избежал козней злой мачехи: его воспитал друид Торна. Встретившись с отцом и получив предзнаменования будущего величия, Ниалл отправился в путешествие со своими братьями: на пути он встретил персонифицированную Власть, которая в самом буквальном смысле отдалась ему, обещав господство над Ирландией. Значительно меньше внимания привлекали до сих пор саги, связанные со смертью Ниалла. Насколько нам известно, до сих пор им было посвящено лишь одно специальное исследование — статья М. Ни Вынах⁵.

Несколько вариантов истории о смерти Ниалла были изданы в начале XX в. К. Мейером. Известно два прозаических текста, отличающихся как по объему, так и (отчасти) по содержанию. Первый, «Смерть Ниалла Девяти Заложников» (*Aided Néill Nóigíallaig*), более краткий, содержится в рукописи Stowe C. I. 2⁶. Второй, озаглавленный «Убийство Ниалла Девяти Заложников» (*Orcuín Néill Nóigíallaig*), более пространный и встречается в рукописях Rawlinson B. 502, «Желтой книге Лекана» и «Книге Баллимоута»; он также был опубликован и переведен К. Мейером⁷. Кроме того, известна отдельная версия поэмы о гибели Ниалла, которая обычно обозначается по ее первым строкам *In tan no théigmis don dáil* (в нашем переводе — «Шел со мной в собрание он») и которая приписывалась его приемному отцу, поэту и друиду Торне: текст из «Желтой книги Лекана» был издан К. Мейером отдельно⁸.

Убийцей Ниалла традиция считала Эохайда, сына Энны Кеннселаха, который занимал почетное место в генеалогии королей Лейнстера (восток Ирландии). Вторая версия саги подробно излагает причину ссоры Эохайда и Ниалла. У Эохайда возник конфликт с легендарным поэтом Лайдкенном, сына которого он убил. Поэт стал проклинать Эохайда и всех лейнстерцев и обратился за справедливостью к Ниаллу. В результате Эохайд убил Ниалла и бежал из Ирландии.

⁵*Ní Mhaonaigh M.* Níall Nóigíallach's death-tale // *Cín Chille Cúile. Texts, Saints and Places. Essays in honour of Pádraig Ó Riain* / Ed. J. Carey, M. Herbert and K. Murray. Aberystwyth, 2004. P. 178–191.

⁶*Aided Néill Nóigíallaig* / Ed. K. Meyer // *Archiv für celtische Lexikographie*. Bd. III. 1907. S. 323–324.

⁷*Meyer K.* How King Niall of the Nine Hostages was slain // *Otia Merseiana*. Vol. II. 1900. P. 84–92.

⁸*Meyer K.* Totenklage um König Niall Nóigíallach: ein altirisches Gedicht // *Festschrift Whitley Stokes zum siebzigsten Geburtstage* / Ed. E. Windisch. Leipzig, 1900. S. 1–6.

Обстоятельства смерти Ниалла рисуются в обоих вариантах примерно одинаково: саги лишь расходятся по поводу отдельных деталей и места событий. Получив девять заложников от правителей Ирландии и других стран (откуда именно эти заложники происходили — источники не сходятся), Ниалл дождался посланника от римлян, которые обещали ему заложников: это, таким образом, сделало бы Ниалла повелителем мира (или, как минимум, Европы). Пока Ниалл ожидал заложников от римлян, Эохайд убил его издаleка, выстрелив из лука. В этом ему невольно помог король Эрк, при дворе которого гостил Ниалл.

Первая, более краткая версия саги, содержит рассказ о мести за Ниалла, совершенной его сыном Фергусом Андойтом («Безруким» или «Короткоруким»). Фергус отомстил за Ниалла, убив Эохайда, но сам был убит покровителем Эохайда — бриттским королем Эрком.

Как и сага о рождении Ниалла, предание о его смерти содержит множество мифологических и сказочных мотивов. Обстоятельства гибели Ниалла близко напоминают сагу о смерти уладского короля Конхобара; скорее всего, первоисточником послужил более ранний сюжет о гибели Конхобара, возникший, скорее всего, еще в первой половине VIII в., где трагическая гибель прекрасного короля также связана с конфликтом северян и лейнстерцев⁹. Конхобар стоял у брода через реку; поскольку он отличался необыкновенной красотой, женщины попросили его раздеться и продемонстрировать им свое тело. Скрывшийся среди женщин враг Конхобара метнул в него известковый шар, некогда сделанный из мозгов убитого короля Лейнстера Мес Гегры. Шар застрял в голове Конхобара, сделав его инвалидом; через несколько лет он умер от волнения и благородного гнева, вызванного известием о распятии Христа. Весть о Распятии Конхобару также приносит посланник римлян.

Сюжет об убийстве Конхобара несколько раз отражается во втором, более пространным, рассказе о смерти Ниалла. Эохайд, враг Ниалла, привязан к стоячему камню-мegalиту (в некоторых версиях саги о смерти Конхобара место его падения отмечено стоячими камнями); он вырывается. Камень, пущенный рукой «юноши» (текст не говорит прямо, что это сам Эохайд), попадает в голову поэта Лайдкенна, застревает там, и Лайдкенн погибает. В момент самого убийства Ниалл восседает на троне, но вторая, более по-

---

⁹ *Чехонадская [Живлова] Н.Ю.* Еще раз о «Смерти Конхобара» // *Атлантика: Записки по исторической поэтике.* 2001. Т. 5. С. 81–102 (в эту статью включен перевод нескольких вариантов саги). См. также более подробно в: *Imhoff H.* The different versions of *Aided Chonchobair* // *Ériu.* Vol. 62. 2012. P. 43–99.

дробная, версия приводит и вариант с женщинами, которые хотели полюбоваться красотой короля: именно в этот момент в него стреляет Эохайд. Воспитатель Ниалла, поэт Торна, оплакивает короля и, судя по всему, даже умирает от горя.

История о гибели короля в «Альпах» близ реки «Лигурии» (Луары) встречается в саге о смерти племянника Ниалла — Нат И, который, как считалось, был после него королем Ирландии; там же есть и история о путешествии ирландцев на родину с телом короля и битвах, которые они выдержали в пути. Отметим, что поэту Торне приписывалась и погребальная песнь в честь Нат И¹⁰.

Сага о смерти Ниалла обеляет Эрка, который якобы случайно указал Эохайду на короля. В этом сюжете явственно прослеживается мотив «смерти Вальдра» — убийства, совершенного слепым, неведающим стрелком по наущению трикстера (в скандинавском мифе — Локи) или же напротив, по указанию невинного ребенка (как в апокрифической истории об убийстве Каина Ламехом)¹¹. В средневековой ирландской литературе так выглядит история о гибели короля Фергуса, который был убит слепцом по наущению короля Айлиля из-за мести за связь Фергуса с его женой Медб¹².

Несмотря на свой явно поздний и компилятивный характер, сага об убийстве Ниалла представляет большой интерес. Безусловно, ее нельзя использовать для реконструкции событий IV–V вв. (как это неоднократно пытались делать ранее). Сага демонстрирует один из этапов конструирования истории династии Уи Нейллов, какой она представлялась ирландским книжникам.

Помимо восьми сыновей Ниалла — основателей династий (Эогайн, Энда и Коналл на севере, Лоэгайре, Майне, Фиахра, Койрпре и еще один Коналл — на юге), некоторые генеалогии называют еще шестерых; список из четырнадцати сыновей содержится в Rawlinson B 502 и в Laud 610: это Энгус Улдерг (Красная Борода), Фергус Антем (или «Андойт», «Безрукий»), Фергус Матлорг («Палица»), Триан, Уатген, Коэлдуб¹³. Некий Коэлуб или Коэлдуб упоминается в ирландских анналах за V в.; несмотря на то, что

¹⁰ *Ó Concheanainn T. Aided Nath Í and the scribes of Leabhar na hUidhre // Éigse. Vol. 16/2 (Geimhreadh 1975). P. 146–162.*

¹¹ *O'Donoghue H. What has Baldr to do with Lamech? The lethal shot of a blind man in Old Norse myth and Jewish exegetical traditions // Medium Aevum. 2003. Vol. 72. No 1. P. 82–107.*

¹² *Ó hUiginn R. Fergus, Russ and Rudraige: a Brief Biography of Fergus Mac Róich // Emania. 1993. Vol. 11. P. 31–40.*

¹³ *Oengus Ulderg, Fergus Antoit nó Antem, Fergus Mátlorg, Trian, Cóeldub, Uaithgein (Corpus genealogiarum Hiberniae, p. 133); Oengus hUillderg, Fergus Antem, Fergus Matlorg, Trian, Húathgen, Cóildub (Meyer K. The Laud genealogies. P. 293).*

эти записи, очевидно, делались задним числом, не исключено, что речь идет об историческом персонаже, происходившем из пиктского племени Дал н-Арайде, который был врагом сыновей Ниалла и попал в их число по ошибке¹⁴. Уатген и Триан, сыновья Ниалла, по другим источникам неизвестны, как и Фергус Матлорг. Энгус Улльдерг в других источниках называется сыном Эогайна, сына Ниалла и предком рода Кенел н-Энгуса: его включение в число сыновей Ниалла, видимо, являлось попыткой повысить статус данного рода¹⁵.

В свете этого особенно любопытен эпизод мести за Ниалла, который до сих пор практически не привлекал внимания исследователей. Фергус Андойт погибает, мстя за отца, но умирая, привозит с собой в Ирландию дочь британского (пиктского) короля Богуйне, которая выходит замуж за одного из его братьев. Очевидно, что девушка стала прародительницей рода Кенел м-Богуйне, правившего на севере Ирландии. Основатель рода, Энда Богуйне, считался одним из трех «северных» сыновей Ниалла, однако для многих книжников такой вариант был неприемлем, и Энду называли не сыном, а внуком Ниалла, сыном Коналла Гулбана¹⁶. Составитель саги постарался придать дополнительное благородство роду Богуйне, произведя его от британской принцессы.

В последние годы предпринимались попытки определить фактическое родство потомков Ниалла, исследуя ДНК мужчин (Y-хромосома), принадлежащих к фамилиям, происходящим от рода Уи Нейллов. Одна из первых попыток такого рода вызвала мини-сенсацию в Ирландии: ученые Тринити-колледжа связали генетическую мутацию, которую они обозначали как IMH (Irish modal haplotype, «ирландский модальный гаплотип»), с потомками Ниалла¹⁷. Было установлено, что данная мутация распространена на севере и западе Ирландии (в местах, связанных с именем Ниалла и его братьев), в частности, в семьях, которые являются потомками Ниалла (Бойлы, Галлахеры, О'Доннеллы, Догерти). В настоящее время историки предпочитают говорить о том, что данный признак (в современной литературе именуемый M222) не обязательно связан именно с самим Ниаллом и его сыновьями, хотя и говорит о

¹⁴Charles-Edwards T.M. Early Christian Ireland. P. 453–454.

¹⁵Corpus genealogiarum Hiberniae. P. 134.

¹⁶Lacey B. Cenél Conaill and the Donegal Kingdoms, AD 500–800. Dublin, 2006. P. 81–82.

¹⁷Moore L.T., McEvoy B., Cape E., Simms K., Bradley D.G. A Y-Chromosome Signature of Hegemony in Gaelic Ireland // American Journal of Human Genetics. 2006. Vol. 78. No 2. P. 334–338.

генетической близости нескольких северных групп населения (исследования потомков других крупных средневековых династий, например, Эоганнахта, такой близости не показывают)¹⁸. Учитывая то, что M222 также достаточно распространен в Шотландии и на севере Англии (Йоркшир), сейчас этот признак предпочитают связывать с миграциями латенской эпохи¹⁹.

Следует отметить, что в приведенном выше исследовании Л. Мура и его коллег в основном были задействованы семьи, которые ведут свой род от северных Уи Нейллов, в частности, от Коналла Гулбана (Догерти, Галлахеры, Бойлы, О’Доннеллы). Утверждения о том, что определенные роды и династии были задним числом приписаны к потомкам Ниалла (этому в значительной степени посвящено процитированное выше исследование Б. Лейси о Кенел Конайлла), пока не проверены: исследования ДНК с целью различить отдельных сыновей Ниалла с помощью генетики, насколько нам известно, еще не предпринимались. Возможно, это дело будущего.

Смерть Ниалла Девяти заложников²⁰

Итак, Ниалл отправился за море на восток и дошел до моря Ихт туда, в другое место, и взял заложников Альбы, и саксов, и бриттов, и (был) лагерь над большой рекой. Когда он был там, увидел, что к нему (идет) один человек: на нем — пурпурный плащ, и два копья в руке, и на шее — щит, на поясе — меч, у него пышные золотисто-желтые волосы.

— Привет воину, который нам незнаком, — сказал Ниалл.

— Вот затем мы и пришли, — сказал воин.

— И зачем же? — сказал Ниалл.

— Чтобы поговорить с тобой, — сказал юноша, — от римлян, и тебе будут отданы их заложники через две недели (считая) с этого дня в дом Габрана, короля Альбы, а я до тех пор — предварительный заложник.

¹⁸ *Mallory J.P.* The Origins of the Irish. London, 2013. P. 234. Наши комментарии на эту тему см. также в совместной статье: *Веренич В., Чегонадская [Живлова] Н.Ю.* К проблеме ирландских гаплотипов группы R1b1b2 (атлантического модального гаплотипа): опыт ДНК-генеалогического исследования. Часть 2 // The Russian Journal of Genetic Genealogy. 2009. Vol. 1. No 2. P. 117–151.

¹⁹ *Manco J.* Ancestral Journeys: The Peopling of Europe from the First Venturers to the Vikings. London, 2013. P. 189–190. Проблемы, связанные с исследованием ДНК ирландских и валлийских родов, подробно рассмотрена в приложении к другой книге автора: *Manco J.* Blood of the Celts: The New Ancestral Story. London, 2015.

²⁰ Перевод сделан по изданию: *Aided Néill Nógíallai.* S. 323–324. Здесь и далее в круглых скобках вставлены слова, добавленные нами для лучшего понимания текста.

После этого Ниалл воротился назад. Когда он оказался вблизи крепости короля Альбы, Габран вышел, чтобы поприветствовать Ниалла.

— Я с тобой, — сказал Эохайд, сын Энны Кеннселаха, — посмотреть на моего короля и моего брата на его высоком царском сиденье в присутствии людей мира.

Тогда они пошли, и дошли до вершины горы, и между ними и лагерем была долина. Тогда Габран сказал:

— Вот он, король, там, — и тогда Эохайд (сын Энны) Кеннселаха вложил стрелу в свой лук — Габран не знал об этом — и выстрелил мимо него, так что она прошла через Ниалла, и убила его с одного выстрела. Тогда сразились мужи саксов с гойделами, как мы уже говорили в другом месте. Мужья Альбы сражались (вместе) с гойделами из-за родственной близости, а бритты — из-за превосходства их короля, ибо он выносил хорошие суждения. Гойделы пошли отсюда на восток, как мы уже говорили, и, вспоминая об этом, сказал филид: вот это отрывок о смерти Ниалла.

Ниалл, сын Эохайда, — высоки его битвы,
Истощены Ирландия и Британия,
Пронзен стрелой проворных саксов
Эохайдом, сыном Энны светлого.

Случилось как-то, что была встреча и собрание у сыновей Ниалла, когда они пошли через море на восток, и после того, как они разделили свои земли по завещанию отца, как они и сделали, пошла у них речь о том, кто из них мог бы пойти на восток, чтобы отомстить за отца Эохайду. Досталось идти отомстить Фергусу Андойту²¹. Он отправился на восток один, как обычный наемник и сражался за короля в течение года. Тогда дочь короля, которую звали Богуйне, отдала Фергусу Андойту свою страсть и любовь; и девушка спросила, как его имя, и какова его история. Фергус рассказал все о причине своего прихода на восток. Тогда девушка сказала Фергусу:

— Захвати, — говорит, — сегодня вечером Эохайда врасплох на пиру, поскольку будет пир у короля и знатных людей этой земли, и будет удобно, — сказала она, — тихо вернуться в твою область и на твою землю.

²¹Фергус Ан(д)ойт (Fergus An(n)oit, чаще Andóit) — один из сыновей Ниалла Девяти Заложников. Его прозвище произведено от dóit 'рука' с отрицательной частицей an-, то есть «короткорукый» или «безрукый». Следует заметить, что в древнеирландском существует другое слово andóit (от позднелатинского antitas = antiquitas), обозначающее особо древнюю, почитаемую церковь, которое к сыну Ниалла, конечно, отношения не имеет.

Этот замысел они и осуществили. Когда Эохайд, сын Энны, вышел из дома — а он был пьян, — тогда девушка сообщила об этом Фергусу, и тот напал на Эохайда. Фергус убил Эохайда и отрубил ему голову. После этого Фергус вошел в свою лодку, и девушка, то есть Богуйне, и голова с ним. Когда они вышли в море, тогда король заметил, что случилось. Он отправился вслед за ними, и выстрелил своей стрелой, и убил Фергуса. Девушка в ладье под парусом с ветром добралась до Ирландии: и с ней голова Эохайда и тело Фергуса. Донесли сыновьям Ниалла, которые сошлись и собрались над морем, что к ним приближается лодка. Они увидели, что лодка входит к ним в порт, и от этого он называется Мыс Богуйне; и поэтому сказал поэт:

Не сокрылся (?) тот муж,
Фергус Андойт, — за стеной океана,
С головой мужа, кем сражен был Ниалл,
Благородно его возвращение домой.

После этого Богуйне легла с другим сыном из сыновей Ниалла и принесла ему большое потомство, и ее потомство сейчас находится в Тир Конайлле; и это и есть по правде смерть Ниалла.

Убийство Ниалла Девяти Заложников²²

1. Гибель Ниалла Девяти Заложников, сына Эохайда Мугмедона от руки Эохайда, сына Энны Кеннселаха, который метнул в него стрелу из крепости саксов между бардов пиктов у Карн Фиэлла.

2. Однажды Эохайд, сын Энны, отправился из дома Ниалла на юг, в свою землю. Он зашел в дом филида Ниалла, чтобы попросить еды. Это был Лайдкенн, сын Байрхеда, верховный филид Ниалла. От филида юноша получил отказ в гостеприимстве²³.

3. Когда после этого Эохайд шел обратно с юга, он разорил крепость филида и убил его единственного сына — Лета, сына Лайдкенна. После этого в течение года филид сочинял сатиры на лейнстерцев и высмеивал их недостатки, и (делал ритуальные) запреты, так что не росли у них ни трава, ни пшеница, ни листва до конца года.

4. Тогда Ниалл отправился к лейнстерцам походом и сказал, что не уйдет от них, покуда жив или пока не выдадут ему Эохайда в заложники и пленники. И они вынуждены были (так сделать). И

²²Перевод сделан по изданию: *Meyer K. How King Niall of the Nine Hostages was slain.* P. 84-92.

²³Отказ в гостеприимстве является грубым оскорблением и может повлечь за собой ущерб для чести как того, кому отказали, так и для хозяина.

его отвели к Ат Фадат в (области) Фотарта Феа на берегу Слане²⁴, и оставили перед Ниаллом, и на его шее была цепь, и конец цепи был (пропущен) через отверстие в каменном столбе. Девять героев рванулись, чтобы убить его.

— Вот, действительно, горе! — сказал Эохайд. — Воистину плохо!

С этим он отпрыгнул и разорвал цепь надвое. Хватает железный посох, который был пропущен через цепь, и бьет им в лицо. Обнес он их этим посохом, и пали все девять. Люди с холма разбежались перед ним, и лейнстерцы повернули за ними. Началась резня, и они погибали.

5. Тогда Ниалл снова отправился на юг и дошел до Инис Файл²⁵.

— Пусть будет дано лейнстерцами поручительство, — сказал Лайдкенн, — и пусть придет Эохайд, чтобы мы видели его у этой реки, — только пока доится корова.

— Сделаем так, — сказал Эохайд.

У Эохайда отобрали оружие.

Тогда филид стал поносить лейнстерцев и Эохайда, так что стали они таять перед ним. Когда он так бранил их, юноша бросил камень героя, который был у него в поясе, и он вошел в середину его лба, и этот камень был в его черепе, словно умбон на щите, и от этого Лайдкенн умер. И поэтому говорятся строки:

Камень в руке героя — как известно,
Он был брошен в грязь,
Эохайд, сын Энны, бросил его
В Ладкена, сына Байрхеда.

6. Тогда Ниалл пошел разорять Лейнстер, а Эохайд был изгнан из Ирландии, пока Ниалл был у власти. Тогда Ниалл отправился в путь и дошел до дома Эрка, сына Эохайда Муинремюра.

7. Тогда Ниалл пошел искать королевской власти в Галлию и Италию, и поэтому называют его «Девяти Заложников» — то есть пять заложников Ирландии, и заложник Шотландии, и заложник от саксов, и заложник от бриттов, и заложник от франков. И поэтому говорятся:

Сын Эохайда, высокая честь,
Ниалл благородный — самый грозный крик,
Он захватил королевскую власть над династиями

²⁴Река Слане (Слейни) на востоке Ирландии; брод Ат Фадат находился, по видимому, в графстве Карлоу.

²⁵*Инис Файл* (Inis Fáil) — образное название Ирландии, а также какой-то отдельный небольшой остров. Инис Файл из этого текста К. Мейер отождествлял с островом Бегери близ Уэксфорда.

Ирландии и Британии.

5 Он получил заложников от каждой пятины,
На земле высокой Ирландии,
Взял по желанию своему нераздельно
Четырех заложников Британии.

Потому прозвали его
Среди героев боевых отрядов,
В скачке счастливых королей
Воинственным Ниаллом Девяти Заложников.

8. И когда он перешел через Альпийские горы, перед ним оказалась большая река — то есть Лигурия²⁶ Альпийских гор. Им не удалось (пересечь) Лигурию, и они остановились около нее. Будучи там, они увидели, как к ним идет одинокий юноша. На нем был пурпурный плащ в пять складок. Два острых копья в его руках. Кривой щит с отделкой и золотым умбоном на нем. На поясе — острый меч. Волосы его были заплетены в косу у него за спиной.

— Привет герою, которого мы не знаем!

— Затем я и пришел, — сказал тот.

— Зачем ты пришел? — сказал Ниалл.

— От римлян, чтобы поговорить с тобой, — сказал тот. — И я останусь здесь на две недели, покуда не придут заложники от них. Я же пока буду предварительным заложником, пока они не придут.

9. Другие говорят, что их заложники были доставлены в дом Эрка, сына Эохайда Муйнремура, короля Шотландии, и тут он был убит среди бардов племени круитни, когда показывал им свой облик. Или же это франкские девы жаждали, чтобы он показал им свой облик.

10. Тогда в собрание прибыл Эрк.

— Я пойду с тобой, — сказал Эохайд, — чтобы посмотреть на брата моего на его королевском троне перед глазами людей всего мира.

И когда они пришли —

— Вот он, — сказал Эрк.

Между ними была долина. И он выпустил стрелу из своего лука — Эрк не знал об этом — и сразил его одним выстрелом. Тогда франки бросились на гойделов, а мужи Шотландии сражались с ними из-за дружбы. И они вернулись в Ирландию, и тело их короля

---

²⁶Луара.

было с ними. И они сразились в семи битвах перед лицом его после его кончины.

11. Торна Премудрый из (племени) Киаррайге Луахра — он выкормил Ниалла. Когда он услышал роковую весть об убийстве своего воспитанника, вот что сказал он его совоспитаннику²⁷:

(строфа 1)²⁸.

И сказала его приемная мать:

(строфы 5, 4, 6, 7, 12).

12. Говорят, что скончался Торна от скорби по Ниаллу. Таким образом, он пал от руки лейнстерцев. Поэтому говорится:

Ниалл, сын Эохайда, — высоки его битвы,
Истощены Ирландия и Британия,
Пронзен стрелой проворных саксов
Эохайдом, сыном Энны светлого.

Это смерть Ниалла, сына Эохайда, и Лайдкенна, сына Байрхеда от руки Эохайда, сына Энны Кенселаха. Конец. Аминь.

Плач по Ниаллу Девяти Заложников («Шел со мной в собранье он»)²⁹

ТУРН, СЫН ТОРНЫ

1. Шел со мной в собранье он, — сын твой, Эохайд Мугмедон,
Сын Карины — с головой золотой, как зверобой³⁰.

ТОРНА

2. Славно ты сказал, сынок, и *кумал*³¹ бы подарить
Кудри царские раз смог с зверобоем ты сравнить!

3. Черны тонкие ресницы, брови черны над зеницей,
Жёлты кудри на плечах, колокольчики³² в очах.

ТУРН, СЫН ТОРНЫ

4. Щеки круглый год цвели, гладки и светлы они
Наперстянка³³, лани кровь — лес, в Белтайн зацветший вновь.

²⁷Перевод приписывавшегося Торне и его сыну (или жене) стихотворения-плача см. ниже.

²⁸Упоминание о матери Ниалла, Кайрени, в этом тексте снабжено пояснением: «То есть Кайрени Черные Кудри, дочь Сахелла Балба из Саксов — она мать Ниалла».

²⁹Перевод сделан по изданию: Meyer K. Totenklage. S. 1–6.

³⁰Древнеирландское *sobairche* переводится как «примула» или «зверобой»: и то, и другое имеет желтые цветы, с которыми сравниваются волосы Ниалла.

³¹*Cumal* — единица стоимости, равная трем дойным коровам или одной рабыне.

³²*Buga* — название яркого синего или фиолетового цветка: чаще переводится, как «гиацинт» или «колокольчик», иногда трактуется и как «василек».

³³С наперстянкой (*slán*) часто сравнивается румянец красивых персонажей.

ТОРНА

5. Зубы белы, алый рот — никого не проклянет,
Взял он — телом Аполлон³⁴, — Эрин юную в полон.

6. Словно солнце, словно месяц, блеском Ниалл ярок, светел,
Словно на волнах дракон, сын твой, Эохайд Мутмедон!

ТУРН, СЫН ТОРНЫ

7. Песня скорбная звучит, у киаррайге³⁵ всяк вопит,
Дом мой паче всех скорбит, умер добрый господин.

8. На востоке саксы грабят бриттов и ирландцев славных
Светлый Ниалл умер здесь, и ужасной будет месть.

ТОРНА

9. Сакс свирепо вопиет, с юга лангобард идет,
С часа, как король убит, гойдел, пикт — равно скорбит.

ТУРН, СЫН ТОРНЫ

10. В битву грозную вступали Эоган и Лоэгайре,
Энда, Фиаху и Майне, Коналл с Коналлом и Кайрпре³⁶.

11. В Таре светлое чело, лик — рассветное тепло,
Цвет волос ты с чем сравнишь — золото красное, ирис³⁷.

ТОРНА

12. Свет и счастье быть с тобой, милый сын приемный мой,
Эохайда сын силён, приходил в собранье он.

13. Телом белый Ниалл мил, он к народам выходил,
Каждый был им защищен, если был в собранье он.

³⁴Буквально a delb amail thétheín «его физический облик, как у титана». Судя по другим контекстам, под «титаном» (téthín) имеется в виду Солнце, то есть Гелиос; мы позволили себе перевести это, как «Аполлон».

³⁵*Kiarrayge* — группа племен, проживавших, в основном, на юге и западе Ирландии.

³⁶Перечислены восемь наиболее известных сыновей Ниалла, от которых в историческое время производились различные династии.

³⁷Белокурые волосы нередко сравнивались также с цветком ириса (ailestar).

Учебно-методические материалы

ПРОГРАММА КУРСА «ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИЙ ЯЗЫК»*

Данный курс рассчитан на 64 часа и может быть полезен студентам кафедры Истории Древнего мира, специализирующимся на изучении истории Древнего Востока, занимающимся историей иудаизма и иудео-эллинизма, студентам кафедры Средних веков, в особенности — изучающим историю средневекового еврейства, а также студентам кафедры Средних веков в целом, поскольку роль Священного Писания в Средние века была огромной. Кроме того, курс открыт для всех желающих, заинтересованных в изучении этого языка.

Цель курса — овладение основными грамматическими знаниями, необходимыми для чтения неадаптированных текстов из Танаха (древнееврейского текста Ветхого Завета), обучение студентов навыкам перевода с древнееврейского языка на русский на примере адаптированных фраз из Ветхого Завета, а также практике обратного перевода с русского на древнееврейский; знакомство учащихся с основами библеистики как науки, а также с историческими реалиями древнего Израиля.

Древнееврейский язык относится к северо-западной ветви семитской группы языков, которая в свою очередь принадлежит афразийской или иначе семито-хамитской (устаревший термин) языковой семье. К северо-западной ветви, помимо древнееврейского, относятся также угаритский, арамейский, финикийский и моавский языки. Единственным памятником древнееврейского языка, если не считать очень скудного эпиграфического материала — это календарная надпись из Гезера (X в. до н. э.), надписи из городища Кунтиллет-Аджруд (IX–VIII вв. до н.э.), строительная надпись из Силоамского туннеля (VIII в. до н. э.), остраконы из Лахиша (VI в. до н. э.) и некоторые другие — является еврейская Библия, называемая иначе Танахом¹, поэтому древнееврейский язык также часто называют библейским ивритом, хотя такое определение не совсем корректно, так как в Библии язык ни разу не назван ивритом, а

---

* Рассмотрена и утверждена на заседании кафедры древних языков исторического факультета МГУ (протокол № 7 от 9/III-2016 г.).

¹ Сокращение от евр. «tôrâ, nê'im ukô'im» — «Закон, Пророки и Писания».

данное обозначение впервые фиксируется лишь в средневековых еврейских памятниках. Библейский канон включает в себя 39 книг Ветхого Завета, созданных на протяжении многих веков³ и позднее объединенных в единое собрание.

В связи с этим настоящий курс направлен прежде всего на чтение библейских текстов. Учитывая развитость библеистики как дисциплины, необходимо подчеркнуть исключительную важность древнееврейского языка для занятий библеистикой. Кроме того, изучающим древнееврейский язык настоятельно рекомендуется знание основ древнегреческого и латинского языков в виду их также первостепенной важности для библеиста.

Основным пособием является учебник протоиерея Леонида (Грилихеса) «Практический курс древнееврейского языка Ветхого Завета». М., 1996. О литературе, которая может быть использована дополнительно, см. соответствующий раздел настоящей программы.

Общие сведения

Место древнееврейского языка среди семитских языков. Краткие сведения об истории древнееврейского языка. История изучения древнееврейского языка. Значение древнееврейского языка в мировой культуре.

Фонетика и графика

История западносемитского письма, его консонантный характер. Древнееврейский алфавит (квадратное письмо). Буквы и звуки древнееврейского языка. Система консонантизма. Дагеш сильный и слабый. Мапшик. Рафэ. Система вокализма. Обозначение гласных на письме. Масоретская огласовка. Долгие, краткие и сверхкраткие гласные. Использование ряда согласных для обозначения долготы гласных (*'imṯō haqqəri'yû, matres lectionis*). Правила чтения *šva*. Шва подвижное и шва неподвижное. Шва простое и шва составное. Камац гадоль и камац катан. Беглый патах. Особенности древнееврейского ударения. Акцентные знаки. Типы слов по ударению (*мильра и миллель*). Метег. Структура слога, слогораздел. Важнейшие фонетические законы (редукция гласных, чередования смычных и щелевых согласных, особенности гортанных согласных, изменения в огласовке перед паузой).

³ Среди современных библеистов нет единодушия по поводу того, когда были созданы книги Ветхого Завета. Самые ранние части Библии обычно датируются XIII–XII вв. до н.э., самые поздние — II–I вв. до н.э.

Морфология

Артикль. Определенный слитный артикль *ha-*. Употребление артикля. Особенности соединения артикля с именами.

Имя (существительное и прилагательное)³. Категория грамматического рода. Показатели мужского и женского рода. Важнейшие исключения. Категория числа. Единственное, двойственное и множественное число. Правила образования множественного числа имен мужского и женского рода. Исключения. Падежные отношения. Абсолютная (*status absolutus*) и сопряженная (*status constructus*) формы имени. Особенности образования сопряженной формы. Выражения падежных отношений при помощи предлогов. Реликт прасемитского аккузатива как направительного падежа. Имена с местоименными суффиксами (*status pronominalis*). Присоединение местоименных суффиксов к именам мужского и женского рода единственного и множественного числа. Особенности древнееврейских прилагательных, их ограниченное число. Согласование существительных с прилагательными.

Местоимение. Особенности древнееврейских местоимений. Личные, вопросительные и указательные местоимения. Местоименные суффиксы.

Числительное. Количественные и порядковые числительные. Абсолютная и сопряженная формы числительных. Особенности сочетания числительных с существительными.

Глагол. Система древнееврейского глагола. Категория лица. 1-е, 2-е и 3-е лицо. Родовые различия во 2-м и 3-м лице. Категория числа. Единственное и множественное число. Категория времени. Перфект и имперфект глагола. «Перевернутый перфект» и «перевернутый имперфект». Категория наклонения. Императив. Юссив. Когортатив. Инфинитив. Абсолютный и конструктивный инфинитивы. Причастие. Активное и пассивное причастия. Глаголы состояния (*verba stativa*). Присоединение местоименных суффиксов к формам перфекта, имперфекта, императива и инфинитивов. Понятие глагольной породы (биньяна). Простая активная порода (Qal). Простая пассивная порода (Niph'al). Интенсивная активная порода (Pi'el). Интенсивная пассивная порода (Pu'al). Каузативная активная порода (Hiphil). Рефлексивная порода (Hitpa'el). Редкие глагольные породы (Pō'el, Pa'lal, Pu'hal, Pilpēl, Hištaph'el). Неправильные глаголы. Основные классы неправильных глаголов и их особенно-

³В древнееврейском языке нет четкого деления именных частей речи на существительные и прилагательные, собственно прилагательных в древнееврейском языке имеется ограниченное число. Часто говорится об общей категории имени.

сти. Глаголы I-гортанного класса. Глаголы I-алеф класса. Глаголы II-гортанного класса. Глаголы III-гортанного класса. Глаголы III-алеф класса. Глаголы I-нун класса. Глаголы I-йод класса. Глаголы III-слабого класса. Пустые глаголы. Удвоенные глаголы. Четырехсогласные глаголы. Двойные слабые глаголы. Особенности спряжения глаголов *nātan*, *lāqaḥ*, *hālakh*.

Наречие. Изначальные наречия и наречия, образованные путем конверсии.

Предлог. Предлоги непроеизводные и производные. Предлоги слитные, неслитные и присоединяющиеся через маккеф. Особенности слитных предлогов *bə*-, *kə*- и *lə*-. Полуслитный предлог *min*-. Предлог 'ē как показатель прямого дополнения. Предлоги с местоименными суффиксами.

Союз. Соединительный союз *wə*-, его особенности и основные функции. Подчинительные союзы. Союз 'āšer и его функции.

Частица. Вопросительная частица *hā*-, ее особенности. Презентативная частица *hinnē*. Отрицательные частицы *lo*', *'ēn*, *'al*, особенности отрицания в древнееврейском языке. Частицы *haā* и *nā*' как показатели когортатива глагола.

Междометие.

Словообразование

Деривация при помощи трансфиксов как основная модель словообразования в древнееврейском языке. Префиксация и суффиксация в древнееврейском языке. Основные префиксы и суффиксы имен и глаголов.

Лексика

Базовый лексический запас курса составляет около 500 древнееврейских слов. Такой объем лексики необходим для чтения текстов Танаха.

Синтаксис

Порядок слов в предложении. Модель VSO как основная модель построения древнееврейского предложения. Возможные случаи инверсии.

Члены предложения: подлежащее, сказуемое, определение, дополнение, обстоятельство. Глагольное и именное сказуемое. Прямое и косвенное дополнение.

Падежные отношения в древнееврейском языке. Выражение принадлежности при помощи *status constructus*. Роль слитных

предлогов как показателей падежных отношений. Функции предлогов *bə*, *kə* и *lə*. Предлог *min*- как показатель аблативного значения и показатель сравнения. Предлог *'ē* как показатель прямого дополнения.

Согласование прилагательных с существительными. Прилагательные в функции определения и именного сказуемого.

Выражение существования/несуществования. Конструкции со словами *yēš* и *'ēn*.

Синтаксис местоимений. Указательные местоимения в функции подлежащего и определения. Выражение притяжательности при помощи объектных суффиксов местоимений.

Повествовательные и вопросительные предложения. Выражение вопроса при помощи местоимений и частиц.

Синтаксис древнееврейского глагола. Основные значения перфекта и имперфекта глагола. Функции четырех наклонений: индикатива, императива, юссива и когортатива. Функции причастий. Выражение активности и пассивности. Роль союза *wə*- как консекutiveчного маркера, являющегося индикатором изменения глагольных времен. *Waw consecutivum*. Глагольный гендиадис.

Придаточные определительные предложения, вводимые союзом *'āšer*, их основные особенности. Придаточные дополнительные. Придаточные предложения времени. Придаточные цели. Условные придаточные предложения.

Чтение текстов

Курс рассчитан на чтение библейских текстов (Танаха), поскольку крупнейшим памятником древнееврейской словесности является Ветхий Завет. Предполагается чтение фрагментов Пятикнижия (в обязательном порядке — первые 10–12 глав книги Бытия), пророческих книг (книг пророков Ионы, Амоса, отрывков из книги пророка Исайи и др. на усмотрение), исторических книг (в обязательном порядке — 15–17 главы 1-й книги Царств) и писаний (Псалтирь, Притчи Соломоновы, Песнь Песней и др. на усмотрение).

Учебная литература

Обязательная

Гриллихес Л. Практический курс древнееврейского языка Ветхого Завета. М., 1996.

Brown F., Driver S.R., Briggs C.A. A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament. Oxford, 1907.

Weingreen J. A Practical Grammar of the Classical Hebrew. Oxford, 1959.

Дополнительная

Дьяконов И.М. Древнееврейский язык и некоторые данные о финикийском (пуническом) языке // Языки Азии и Африки. Вып. IV. М., 1991. С. 122–155.

Коган Л.Е., Лёзов С.В. Древнееврейский язык // Языки мира: Семитские языки. М., 2009. С. 296–375.

Ламбдин Т.О. Учебник древнееврейского языка. М., 2003.

Holladay W.L. A Concise Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament. Leiden, 1971.

Gesenius W., Kautsch E. Cowley A.E. Hebrew Grammar. Oxford, 1910.

Jouion P.A. Grammar of Biblical Hebrew. Roma, 1991.

Koehler L., Baumgartner W. The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament. Vol. I–V. Leiden, 1994–2000.

Составил А.О. Корчагин

И.Ю. Шабага

**СВОДНЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ
ПО ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМУ ЯЗЫКУ
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)***

§ 1. Древнегреческая глагольная система

Спряжение		Глагольные				
I	II	время (tempus)	наклонение (modus)	число (numerus)	имя (nomen)	залог (genus)
Оконч. 1 sg. praes. ind. act. / med.		1. praesens* ¹ 2. imperfectum 3. futurum* 4. aoristus	1. indicativus 2. coniunctivus 3. optativus 4. imperativus	1. singularis 2. dualis 3. pluralis	1. infinitivus 2. participium 3. adiectivum verbale	1. activum 2. medium 3. passivum
ω / μαι	μι / μαι	5. perfectum* 6. plusquam- perfectum				

*Первую часть таблиц см.: Труды кафедры древних языков / Отв. ред. А.В. Подосинов (Труды исторического факультета МГУ: Выпуск 53; Сер. III. Instrumenta studiorum: 24). М., 2012. С. 383–414.

¹Времена, помеченные значком*, считаются «главными», не помеченные — «историческими». У тех и других присутствует своя система личных окончаний; при этом в формах конъюнктива присутствуют окончания главных, а в формах оптатива — исторических времен.

**§ 2. Различие в постановке ударений
в ряде форм Praesentis
и тематического Aoristi II
(на примере глагола λείπω)**

Форма		Время	
		Praesens	Aoristus II
Infinitivus	activi	λείπειν <i>оставлять</i>	λίπειν <i>оставить</i>
	medii ²	λείπεσθαι <i>оставлять себе/для себя</i>	λίπέσθαι <i>оставить себе/для себя</i>
2 sg. imperativi medii		λείπου <i>оставляй себе!</i>	λίπου <i>оставь себе</i>
Participium activi		λείπων, λείπουσα, λείπων <i>оставляющий, -ая, -ое</i>	λίπών, λίπουσα, λίπόν <i>оставивший, -ая, ое</i>

**§ 3. Место ударения в графически совпадающих
формах Aoristi I activi**

Глагольные формы	Глагольные основы			
	Односложные		Двусложные	
	λύω (λύ-)	τάττω (τάγ-)	ἄκουω (ἄκου-)	φυλάττω (φυλάκ-)
Infinitivus aoristi activi	λύσαι <i>развязать</i>	τάξαι <i>устроить</i>	ἄκουσαι <i>услышать</i>	φυλάξαι <i>посторожить</i>
3 sg. Aoristi optativi activi	λύσαι <i>если бы он развязал!</i>	τάξαι <i>если бы он устроил!</i>	ἄκουσαι <i>если бы он услышал!</i>	φυλάξαι <i>если бы он посторожил!</i>
2 sg. Imperativi aoristi medii	λύσαι <i>развяжи себя/бя/ себе/ для себя!</i>	τάξαι <i>устрой себя/ для себя!</i>	ἄκουσαι <i>услышь себя/ для себя!</i>	φύλαξαι <i>посторожи себя/ для себя!</i>

²Inf. praes. medii графически совпадает с inf. praes. passivi *быть оставляемым; быть тем, кого/что оставляют.*

§ 4. Типы образования будущего времени

I. Activum / medium

Вид будущего времени	Способ образования футуральной основы	Тип глагола	Пример	
			1 sg. praes. ind. act.	1 sg. fut. ind. act./med.
1. Сигматический футурум				
Futurum I <i>будущее первое</i>	1. Глагольная основа + суффикс σ	Глаголы с основой на гласный звук.	χρίω (χρῑ-) ³ λύω (λῡ-) νικάω (νικῡ-) κοσμέω (κοσμῡ-) δηλώω (δηλῡ-)	χρίσω / χρίσομαι λύσω / λύσομαι νικήσω / νικήσομαι κοσμήσω / κοσμήσομαι δηλώσω / δηλώσομαι
		Глаголы с основой на согласный (немой) звук:		
		1. основы на заднеязычные звуки: γ, κ, χ + σ > ξ	ἄγω (ἀγ-) ⁴	ἄξω / ἄξομαι
		2. основы на губные звуки: β, λ, φ + σ > ψ	τρίβω (τριβ-)	τρίψω / τρίψομαι

³В скобках указана глагольная основа.

⁴Некоторые глаголы могут иметь несколько основ. Например, у глагола ἄγω — основы ἀγ и ἀγαγ; у глагола λείθω — основы λειθ, λειθῶ и λειθῶ, и т. д. См. также § 5.3.

		3. основы на переднеязычные звуки: δ, τ, θ + σ, причем перед σ звуки δ, τ, θ ассимилируются с последующим упрощением.	πείθω (пейθ-)	*πείθω > πείσσω > πείσω / πείσομαι
	2. Глагольная основа + суффикс σε , причем конечный гласный суффикса ε сливается с соединительным гласным. Такой тип образования будущего времени, для которого характерна комбинация сигматизма и слияния, называется <i>Futurum Doricum</i> (дорийское будущее время) ⁵	Немногие глаголы разных типов.	φεύγω (фегу-) πίπτω (пес-) πλέω (пле-)	*φευγέομαι > φευξέομαι > φευξοῦμαι ⁶ πесоῦμαι πλευσοῦμαι
2. Неявный сигматический футурум				
Futurum II <i>Будущее второе</i>	1. Глагольная основа + суффикс σε , причем σ выпадает, вызывая слияние	Двух- и более сложные глаголы на -ίζω.	κομίζω (комид-)	*κομιδέω > κομέω > κομιῶ

⁵Для Futurum Doricum характерна медиальная форма.

⁶Некоторые глаголы имеют параллельные формы сигматического и дорийского будущего: φεῦξομαι и φευξοῦμαι.

	гласных. Такой тип образования будущего времени называется <i>Futurum Atticum</i> (аттическое будущее время)⁷ 2. Глагольная основа + суффикс εσ. Такое будущее время называется <i>Futurum contractum</i> (слитное будущее время).	Глаголы с основой на сонорный звук.	<i>βάλλω</i> (βαλ-) <i>φαίνω</i> (φαν-) <i>φθείρω</i> (φθερ-)	*κομιδ<u>σ</u>έομαι > κο<u>μ</u>έομαι > κο<u>μ</u>οῦμαι *βα<u>λ</u>έ<u>σ</u>ω > βα<u>λ</u>έ<u>ω</u> > βα<u>λ</u>ῶ / βα<u>λ</u>έ<u>σ</u>ομαι > βα<u>λ</u>έ<u>ο</u>μαι > βα<u>λ</u>οῦ<u>μ</u>αι⁸ φ<u>θ</u>ερῶ / φ<u>θ</u>ε<u>ρ</u>οῦ<u>μ</u>αι
3. Аналитические формы будущего времени				
Futurum III activi ⁹ exactum <i>Будущее третье завершённое</i>	Participium perfecti activi смыслового глагола и глагол-связка εἰμί в fut. ind. med.	Глаголы с основой на гласный звук.	<i>ἔλεγκ<u>κ</u>ῶς</i> (κυ <u>κ</u> ία, κ <u>κ</u> ς) <i>ἔσομαι</i>	
		Глаголы с основой на согласный звук.	<i>κεκο<u>σ</u>μ<u>κ</u>ῶς</i> (κυ <u>κ</u> ία, κ <u>κ</u> ς) <i>ἔσομαι</i> <i>γε<u>γ</u>ρα<u>φ</u>ῶς</i> (φ <u>φ</u> ύ <u>φ</u> ια, φ <u>φ</u> ς) <i>ἔσομαι</i>	

⁷Для *Futurum Atticum* характерна медиальная форма. Спряжение *Futurum Atticum* во всех формах совпадает со спряжением слитных глаголов на -εω в настоящем времени. Наиболее употребительные в аттическом диалекте глаголы с дорическим будущим, помимо перечисленных, суть следующие: θέω, νέω, πνέω, ρέω, κλαίω/κλάω, παίζω.

⁸Так же спрягаются глаголы βιβάζω (βιβῶ, βιβοῦμαι) и τελέω (τελῶ, τελοῦμαι). Напротив, глагол σαλπίζω образует формы сигматического будущего времени: σαλπίζω / σαλπίζομαι.

⁹Только два глагола имеют синтетические формы *Futurum III*: ἴστημι — ἐστήξω и θνήσκω — τεθνήξω.

II. Passivum

Вид будущего времени	Способ образования футуральной основы	Тип глагола	Пример	
			1 s. praes. ind. act.	1 s. fut. ind. pass.
Futurum I	глагольная основа + суффиксе θη-σ (= основа слабого пассивного аориста + σ)	Глаголы с основой на гласный звук.	λύω (λύ-) νικάω (νικη-)	λυθήσομαι νικηθήσομαι
		Глаголы с основой на согласный звук.	λέγω (λεγ-) τρίβω (τριβ-) κομίζω (κομιδ-) φαίνω (φαν-) ἀγγέλλω (ἀγγελ-)	λεχθήσομαι τριφθήσομαι ¹⁰ κομισθήσομαι φανθήσομαι ἀγγελθήσομαι
Futurum II	глагольная основа + суффиксе η-σ (= основа сильного пассивного аориста + σ).	Глаголы с основой на согласный (немой) звук всех классов.	γράφω (γραφ-) τρίβω (τριβ-) πλήττω (πληγ-)	γραφήσομαι τριφήσομαι πληγήσομαι
		Немногие глаголы с основой на сонорный звук.	φαίνω (φαν-) στέλλω (σταλ-)	φανήσομαι σταλήσομαι
Futurum III ¹¹	удвоенная глагольная основа + суффиксе σ (перфектная основа + σ).	Глаголы с основой на гласный звук.	λύω (λύ-) νικάω (νικη-)	λελύσομαι νενικήσομαι

¹⁰Некоторые глаголы имеют параллельные формы Futurum I и Futurum II passivi.

¹¹Формы Futurum III ind./opt. medii и passivi графически совпадают; медиальные формы употребляются довольно редко.

		Глаголы с основой на согласный звук.	ἄγω (ἀγ-) λέγω (λεγ-) λείπω (λειπ-) πείθω (πειθ-)	ἤξομαι λελέξομαι λελείφομαι πετείσομαι

§ 5. Типы образования аориста

I. Activum / medium

Вид аориста	Способ образования аористой основы	Тип глагола	Пример	
			1 sg. praes. ind. act.	1 sg. aor. ind. act.
Aoristus I (слабый)	1. Сигматический аорист			
	Глагольная основа + σά (= основа совершенного вида + ᾶ).	Глаголы с основой на гласный звук.	λύω (λῦ-) νικάω (νικη-)	ἔλυσα / ἐλύσάμην ἐνίκησα / ἐνικησάμην
		Глаголы с основой на согласный (немой) звук: 1. основы на гортанные (заднеязычные) звуки: γ, κ, χ + σ > ξ. 2. основы на губные звуки: β, π, φ + σ > ψ.	ἄγω (ἀγ-) τρέπω (τρειπ-)	*ἤγισα > ἤξια / ἤξάμην ἔτρεψα / ἐτρεψάμην

		3. основы на зубные (переднеязычные) звуки: δ, τ, θ + σ, причем δ, τ, θ перед σ выпадают.	λείθω (λειθ-)	ἔπεισα / ἐπεισάμην
	2. Неявный сигматический аорист			
	Глагольная основа + σᾶ , причем σ выпадает, вызывая заменительное удлинение гласного основы ¹² .	Глаголы с основой на сонорные звуки λ, ρ, μ, ν.	φθείρω (φθερ-) φαίνω (φᾶν-)	ἔφθειρα / ἐφθειράμην *ἔφανσα > ἔφηνα / ἔφηνάμην
Aoristus II (сильный)	3. Тематический аорист¹³			
	Глагольная основа, к которой окончания присоединяются посредством тематического (соединительного) гласного ῶ/ῆ , причем корневой гласный может меняться.	Немногие глаголы с основой на согласный звук, причем некоторые глаголы имеют две и более глагольные (первичные) основы. В большинстве случаев аорист образуется от основы/одной из основ с краткой огласовкой (1), иногда — с помощью удвоения (2).	1. βάλλω (βᾶλ-) λαμβάνω (ληβ-/λᾶβ) λείθω (λειθ-/πιθ-/ποιθ) 2. ἄγω (ᾶγ-)	ἔβαλον/ἐβαλόμην ἔλαβον ἔπιθον / ἐπιθόμην ἤγαγον/ἤγαγόμην

¹²Такой аорист в 1 sg. оканчивается на **-λα, -μα, -να, -ρα**. При этом корневой гласный ᾶ rigrum > ā; ᾱ impurum > η; ε > ει; ἰ > ῑ; ῖ > Ί.

¹³В изъявительном наклонении и в опативе к глагольной основе прибавляются окончания исторических времен; в остальных формах — окончания соответствующих форм главных времен.

		Глаголы на сонорные звуки встречаются редко.		
4. Корневой (атематический) аорист¹⁴				
	Глагольная основа, к которой окончания присоединяются непосредственно, без участия тематического (соединительного) гласного о/ε.	1. Немногие глаголы I спряжения, чередующие конечный гласный глагольной основы по долготе/краткости ($\bar{a}/\acute{a}$, $\eta/\acute{\eta}$, $\epsilon/\acute{\epsilon}$, $\bar{u}/\acute{u}$, $\omega/\acute{\omega}$).	$\beta\acute{\alpha}\iota\nu\omega$ ($\beta\eta$ -/ $\beta\acute{\alpha}$ -) $\gamma\iota\gamma\nu\acute{\omega}\sigma\kappa\omega$ ($\gamma\nu\omega$ -/ $\gamma\nu\acute{\omega}$ -)	$\xi\beta\eta\nu$ $\xi\gamma\nu\omega\nu$

¹⁴Наиболее употребительные глаголы I спряжения с аористом этого типа: $\acute{\alpha}\lambda\omicron\delta\iota\delta\rho\acute{\alpha}\sigma\kappa\omega$, $\beta\acute{\alpha}\iota\nu\omega$, $\phi\theta\acute{\alpha}\nu\omega$; $\acute{\alpha}\lambda\omicron\sigma\beta\acute{\eta}\nu\nu\mu\iota$, $\rho\acute{\epsilon}\omega$, $\chi\alpha\acute{\iota}\rho\omega$; $\delta\acute{\upsilon}\omicron\mu\alpha\iota$, $\delta\acute{\upsilon}\omega$, $\phi\acute{\upsilon}\omicron\mu\alpha\iota$, $\phi\acute{\upsilon}\omega$; $\acute{\alpha}\lambda\iota\sigma\kappa\omicron\mu\alpha\iota$, $\gamma\iota\gamma\nu\acute{\omega}\sigma\kappa\omega$, $\beta\iota\acute{\omicron}\omega$ (= $\zeta\acute{\alpha}\omega$); $\acute{\iota}\sigma\tau\alpha\mu\alpha\iota$ в непереходном значении. Атематический аорист образуется также у следующих глаголов II спряжения: $\tau\acute{\iota}\theta\eta\mu\iota$, $\delta\acute{\iota}\delta\omega\mu\iota$, $\acute{\iota}\eta\mu\iota$. При этом в формах sg. ind. act. эти глаголы имеют долгий гласный и расширение **к**, а остальные формы образуются от основы с кратким гласным: $\xi\theta\eta\kappa\alpha$ — $\xi\theta\epsilon\mu\epsilon\nu$, $\xi\delta\omega\kappa\alpha$ — $\xi\delta\omicron\mu\epsilon\nu$, $\eta\kappa\alpha$ — $\epsilon\acute{\iota}\mu\epsilon\nu$.

II. Passivum

Вид аориста	Способ образования аористной основы	Тип глагола	Пример	
			1 sg. praes. ind. act.	1 sg. aor. ind. act.
Aoristus I	Глагольная основа + суффиксе θη (θηε перед ι и ντ)	Глаголы с основой на гласный звук.	λύω (λύ-) νικάω (νικη-)	ἐλύθην ἐνικήθην
		Глаголы с основой на согласный (немой) звук: 1. основы на заднеязычные звуки: γ, κ перед θ > χ 2. основы на губные звуки: β, π перед θ > φ 3. основы на переднеязычные звуки: δ, τ, θ перед θ переходят в σ	ἄγω (ἀγ-) τρέπω (τρειπ-) ¹⁵ (πειθ-)	ἤχθην ἐτρέφθην ἐπείσθην
Aoristus II	Глагольная основа + суффиксе η (ε перед ι и ντ)	Немногие глаголы с односложной глагольной основой с кратким гласным ¹⁶	τρέπω (τραπ-) γράφω (γραφ-)	ἐτράπην ἐγράφην

¹⁵У этого глагола имеются формы и первых, и вторых времен.

¹⁶Исключения: ἀλλάσσω (двусложная глагольная основа ἀλλᾶγ-) и πλήσσω (глагольная основа с долгим гласным πληγ-; в сложных производных глаголах Aoristus II образуется от основы πλάγ-: καταπλάγην).

§ 6. Основы глаголов первого класса II спряжения с удвоением в презентной основе

Основа	глаголь- ная	praesentis	futuri		aoristi		perfecti	
		activi, me- dii, passivi	activi, medii	passivi	activi, medii	passivi	activi	medii, passivi
δίδωμι давать	δο-/δω-	δίδο-/διδω-	δωσ-	δοθησ-	δω(κ)-/ δο-	δοθη-	δεδωκ-	δεδο-
τίθημι класть	θε-/θη-	τιθε-/τιθη-	θησ-	τεθησ-	θη(κ)-/ θε-	τεθη-	τεθηκ-	τεθει-
ἵημι посылать	ἔ-/ῆ-	ἴε-/ἴη-	ῆσ-	ἔθησ-	ῆ(κ)-/ἔ-	ἔθη-	εἶκ-	εἶ-
ἵσθημι ставить	ἴσθᾶ-/ἴσθη-	ἴστα-/ἴσθη-	σθησ-	σταθησ-	σθησ(α)-; σθη-/σθᾶ-	σταθη-	ἔσθηκ- /ἔστα-	—

§ 7. Классы глаголов II (атематического) спряжения (глаголы на -μι)

Ко второму спряжению относятся в основном глаголы с первичной (глагольной) основой на $\check{\alpha}$, ϵ , α , а также некоторые глаголы с основой на согласный звук.

Спряжение глаголов на -μι отличается от спряжения глаголов I (тематического) спряжения только в praesens, imperfectum и aoristus II activi/medii тем, что в указанных временах окончания обычно¹⁷ прибавляются к основе непосредственно, без участия тематического (соединительного) гласного o/ϵ .

¹⁷У глаголов первого класса помимо обычных атематических форм присутствует ряд тематических форм (например, praes. ind. act.: τιθεῖς, τιθεῖ; ἴει, ἴει; διδοῖς, διδοῖ; imperat. praes. act. 2 sg.: τίθει, ἴει, δίδου), образуемых по типу слитных глаголов I спряжения на ew .

Все глаголы II спряжения по способу образования презентной основы подразделяются на *два класса*.

Спряжение	II			
Класс	Первый		Второй	
Тип глагола	Verba pura (основы на <i>ᾱ, ε, ο</i>) ¹⁸		Verba pura, а также impruga с основой на <i>γ, λ, μ</i>	
Способ образования презентной основы	Удвоение начального согласного звука глагольной основы посредством <i>ι</i>	Присоединение суффикса <i>-νῆ/νᾶ</i> к глагольной основе	Отсутствие удвоения и суффикса	Присоединение суффикса <i>-(ν)νυ</i> к глагольной основе
Пример	1. τί-θη-μι (θε-) δί-δω-μι (δο-) ὀνί-νῆ-μι (ὀνᾶ-) (ἐμ)πίμ-πλη-μι (πλᾶ-) (ἐμ)πίμ-πρη-μι (πρᾶ-) 2. ἴ-η-μι (ἐ-) < *σισεμ ἴ-στη-μι (στᾶ-) < *σισταμ	δάμ-νῆ-μι (δάμ-/δη-) ¹⁹ πίτ-νῆ-μι (πιτ-) ²⁰	1. εἶ-μί (ἐσ-) εἶ-μι (ι/εἰ-) ἦμα/κάθημαι (ἦσ-) κεῖμαι (κε-/κει-) φη-μί (φᾶ-/φη-) 2. ἄγαμαι (ἀγᾶ-) δύναμαι (δυνᾶ-) ἐπίσταμαι (ἐπιστᾶ-) κρέμαμαι (κρεμᾶ-)	ἀπόλ-λυ-μι (ὀλ-/ὀλε-) ἀποσβέ-ννυ-μι (σβε-/σβη-) δεῖκ-νυ-μι (δεικ-) ζεύγ-νυ-μι (ζυγ-/ζεуг-) ξώ-νнυ-μι (ζω-/ζωσ-) (κατ)άγ-νυ-μι (ἄγ-/ἄγ-) κερᾶ-νнυ-μι (κερᾶ-/κρᾶ-) κρεμά-ннυ-μι (κρεμᾶ-) ὄμ-нυ-μι (ὀμ-/ὀμο-) ῥήγ-нυ-μι (ῥηγ-/ῥαγ-) σκεδά-ннυ-μι (σκεδᾶ-) στρώ-ннυ-μι (στρο-)

¹⁸ Исключение составляют глаголы εἶμι *быть, существовать* и ἦμα/κάθημαι *сидеть* с исторической основой на *σ*.

¹⁹ Этот глагол встречается только в эпосе.

²⁰ Употребляется только в 2 pl. praes. и 3 pl. imp. ind., а также в 3 sg./pl. imp. med. Для остальных форм используется глагол πετάνнυμ.

§ 8. Отложительные глаголы (*Verba deponentia*)

— глаголы, не имеющие в настоящем времени активной формы, а только медиальную или пассивную с активным значением.

Вид депо- нент- ности	<i>Verba deponentia</i>	
	media (DM) (возвратно-отложительные глаголы)	passiva (DP) (страдательно-отложительные глаголы)
Тип глаго- ла	Глаголы, у которых Aoristus и Futurum по грамматической форме медиальные, а по значению активные.	Глаголы, у которых Aoristus (иногда и Futurum) по грамматической форме пассивный, а по значению активный или медиальный.
Приме- чание	1. Обычно эти глаголы изначально имеют только медиальную грамматическую форму. 2. Aoristus passivi (если он есть) этих глаголов сохраняет свое пассивное значение.	1. По большей части это глаголы чувственного восприятия. 2. Futurum medii этих глаголов по форме может быть медиальным (обычно), или пассивным, или же иметь обе формы с активным или медиальным значением.
При- мер	1. δέχομαι <i>я принимаю</i> ἐδεξάμην <i>я принял</i> 2. ἐδέχθην <i>меня приняли</i> 1. βιάζομαι <i>я принуждаю</i> ἐβιάσάμην <i>я принудил</i> 2. ἐβιάσθην <i>я был принужден</i>	1. δύναμαι <i>я могу, в состоянии</i> ἐδυνήθην <i>я смог</i> 2. δυνήσομαι <i>я смогу,</i> <i>буду в состоянии</i> 1. ἠδομαι <i>я радуюсь</i> ἠσθην <i>я обрадовался</i> 2. ἠσθήσομαι <i>я обрадуюсь,</i> <i>буду радоваться</i>
Глаго- лы	αἰτιάομαι* ²¹ ἀποκρίνομαι βιάζομαι* δέχομαι δωρέομαι* ἐντέλλομαι ἐργάζομαι* ιάομαι* κτάομαι λογίζομαι*	ἄγαμαι αἰδέομαι ἀμιλλάομαι ἀπονοέομαι ἀρνέομαι αὐλίζομαι ἄχθομαι βούλομαι δέομαι διαλέγομαι

²¹Звездочкой отмечены глаголы, Aoristus passivi которых имеет пассивное значение. Приводятся списки наиболее употребительных отложительных глаголов.

λυμαίνομαι λωβάομαι* μέφομαι μεταπέμπομαι μιμνέομαι* χειρόομαι* ψηφίζομαι* ὠνόομαι	δύναμαι ἐναντιόομαι ἐνθυμέομαι ἐννοέομαι ἐπιμελέομαι/ἐπιμέλομαι ἐπίσταμαι εὐλαβέομαι ἥδομαι ἥττάομαι οἶομαι πειράομαι προθυμέομαι προνοέομαι φιλοτιμέομαι

У ряда переходных глаголов, имеющих в настоящем времени активную форму, Aoristus (и отчасти Futurum) passivi имеет (всегда или иногда) активное или медиальное значение²²:

- 1) κινέω я двигаю; κινέομαι я двигаюсь
ἐκινήθην я (но)двинулся
- 2) κινήσομαι / κινήσομαι я (но)двинусь, буду двигаться
- 1) ἐπείγω я гоню, побуждаю
ἠπείχθην я поспешил, поторопился
- 2) ἐπέιξομαι я поспешу, потороплюсь, буду спешить / торопиться.

Список возвратно-страдательных глаголов

ἀθροίζω	εὐωχέω	πλανάω
αἰσχύνω* ²³	θυμώω	πορεύομαι
ἀνιάω	κατακλίνω/κλίνομαι*	σκεδάννυμι*
ἀπαλλάττω*	κινέω*	στρέφω
διακρίνω*	κοιμάω	συλλέγω*
διαλλάττω*	λείπω*	σφάλλω
διαλύω	λυπέω	ταράττω
διασπείρω*	μαίνω	τέρπω
διαφέρομαι	μιμνήσκω*	(δια)φέρω/φέρομαι*
ἐπείγω	ὀργίζω*	φθείρω*
ἐράω*	ὀρέγω	φοβέω
ἐσθιάω	ὀρμάω	
εὐφραίνω*	περαιόω	

²²Такие глаголы условно называются "возвратно-страдательными" (Dependentia media passiva: DMP).

²³Звездочкой отмечены глаголы, имеющие Futurum пассивный по форме (исключительно или наряду с медиальной формой) и активный/медиальный по значению.

ВВЕДЕНИЕ В РИМСКУЮ ЭПИГРАФИКУ (ПРОГРАММА)*

Преамбула

Курс римской эпиграфики рассчитан на 32 часа и имеет целью познакомить слушателей с историей и содержанием науки о римских надписях. В курсе даются основы практического чтения опубликованных римских эпиграфических памятников различных исторических периодов и развитие навыков их историко-филологической интерпретации. Курс рассчитан на студентов кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, а также студентов иных направлений, интересующихся эпиграфическими дисциплинами.

Темы

I. Общее введение. Понятие эпиграфики как науки. Специфические особенности римской эпиграфики и ее взаимосвязь с греческой эпиграфикой. Римская эпиграфика в контексте латинской палеографии и латинской папирологии. *Epigraphic habit*. Литературные и эпиграфические источники. Изучение и использование эпиграфических памятников.

II. Изучение эпиграфического наследия в античности, средневековье и в эпоху Возрождения. Занятие эпиграфикой в новое время. Корпус Яна Грутера и его наследники. *Corpus inscriptionum Latinarum*. Римская эпиграфика сегодня: единство памятника и документа. Роль эпиграфики в современной реконструкции политической и культурной истории древнего Рима.

III. История римского эпиграфического письма. Возникновение и развитие латинского алфавита. Цифры и особые знаки. Лигатуры и сокращения. Монументальный и курсивный шрифты: *scriptura capitalis quadrata*, *scriptura actuaria (libraria)*, *scriptura vulgaris (cursiva)*. *Ordinare et sculpere*. Проблемы орфографии: отклонения и норма.

---

*Рассмотрена и утверждена на заседании кафедры древних языков исторического факультета МГУ (протокол № 7 от 9/III-2016 г.).

IV. Классификация надписей: календари, фасты и списки (*fasti Romani, commentarii*). Структура календаря, *fasti Romani, fasti consulares, fasti Capitolini, acta fratrum Arvalium*.

V. Классификация надписей: instrumenta publica — **a.** законы, сенатские решения, конституции (*SC de Bacchanalibus*, структура правового текста, *lex Ursonensis, tabula Siarensis, SC de Pisone patre*); **b.** военные дипломы (*diplomata militaria*); **c.** *tabulae patronatus, tesserae hospitales*.

VI. Классификация надписей: посвячительные надписи (tituli sacri) — **a.** богам и императорам (*lapis Satricanus*, формуляр посвячительных надписей, императорский культ); **b.** *defixionum tabellae*.

VII. Классификация надписей: почетные надписи (tituli honorarii) (типы почетных статуй: *statua togata, statua loricata. Elogium*. Памятники в честь императора.), **строительные надписи** (Определение строительных надписей: *tituli operum locorumque publicorum*. Надпись на Пантеоне. Евергетизм. Формы строительных надписей) — **a.** *tituli operis publici et privati*; **b.** *miliaria* (Форма и формуляр. Итинерарии.); **c.** *termini*.

VIII. Классификация надписей: надгробные надписи (tituli sepulcrales). Римские похороны. Надгробные памятники. Алтарь, стела и надгробная надпись. *Dis Manibus et nomina*. Стихотворные надгробные надписи.

IX. Малая римская эпиграфика : дипинти (tituli picti), граффити (tituli scarifati), на воске (tabulae ceratae), instrumentum domesticum. Письмо в памятниках малой эпиграфики. Типы надписей.

X. Римская ономастика. Основные пособия по римской ономастике и просопографии. *Tria nomina. Praenomen. Nomen gentile*. Фiliation. *Tribus. Cognomen. Supernomen*. Ономастика рабов и вольноотпущенников.

XI. Императорская титулатура: имя кесаря, *Imperator, Caesar, Augustus*, победные прозвища, *tribunicia potestas*, консульство и проконсульство, *pontifex maximus. Cursus honorum*: сенаторы, всадники и декурiones; карьера сенатора, карьера всадника.

XII. Язык и стиль римских надписей. Орфография и диалектология. Региональная диверсификация латинского языка.

XIII. Датировка надписей : городские и провинциальные эры, датировка по консулам, просопография, *terminus post quem et term. ante quem*, императорская титулатура, *indictio, domus divina*, формуляр надгробных надписей и ономастика, палеография и язык.

XIV. Издание надписей: аутопсия, эстампаж, определение материала, общие принципы критического издания, структура.

XV. Римская эпиграфика в эпоху цифровых технологий: интернет, эпиграфические своды и базы данных во всемирной сети.

XVI. Древнейшие римские надписи.

XVII. Римская эпиграфика на территории Северного Причерноморья.

XVIII. Особенности латинской эпиграфики Средневековья и Нового времени.

Литература

Источники

Corpus inscriptionum Latinarum (CIL). Consilio et auctoritate Academiae Litterarum Regiae Borussicae editum. 17 Bände in zahlreichen Teilbänden. Berlin: de Gruyter (до 1925: Reimer) 1862 ff.

Corpus inscriptionum Latinarum. Auctarium. Series nova. Index numerorum. 2 u. 3 Bde. Berlin: de Gruyter, 2003.

Общие пособия

Федорова Е.В. Латинская эпиграфика. М.: МГУ, 1969.

Федорова Е.В. Латинские надписи. М.: МГУ, 1976.

Федорова Е.В. Введение в латинскую эпиграфику. М.: МГУ, 1982.

Федорова Е.В. Ранняя латинская письменность (VIII–II вв. до н.э.). М.: МГУ, 1982.

Уваров А.С. Христианская символика. Ч. I: Символика древнехристианского периода. М., 1908; (Доп. и перераб. Изд. СПб.: Алетейя, 2001).

Almar K.P. Inscriptiones Latinae. Eine illustrierte Einführung in die lateinische Epigraphik. Odense 1990.

Bérard F., Feissel D., Laubry N., Petitmengin P., Rousset D. et Sève M. Guide de l'épigraphiste: bibliographie choisie des épigraphies antiques et médiévales. 4ème édition entièrement refondue. Paris, 2010.

**Bruun Chr., Edmondson J.* (Edd.). The Oxford Handbook of Roman Epigraphy. Oxford UP, 2014.

**Buonopane A.* Manuale di Epigrafia Latina. Roma, 2009.

**Cagnat R.* Cours d'épigraphie latine. Paris, 1914 (réimpr. 2002).

Corbier P. L'épigraphie latine. Paris, 1998.

De Ruggiero E. Dizionario epigrafico di antichità romane. Rome, 1895-.

Donati A. Epigrafia romana. La comunicazione nell'antichità. Bologna, 2002.

Gordon A.E. Illustrated Introduction to Latin Epigraphy. Berkeley, 1983.

**Lassère J.-M.* Manuel d'épigraphie romaine. 2 Voll. 2. éd. Paris, 2007.

Limentani I.C. Epigrafia Latina. Bologna, 1991.

Manzella I.D.S. Mestiere di epigrafista. Guida alla schedatura del materiale epigrafico lapideo. Roma, 1987.

**Meyer E.* Einführung in die lateinische Epigraphik. Darmstadt, 1973.

Rémy B., Kayser Fr. Initiation à l'épigraphie grecque et latine. Paris, 1999.

**Schmidt M.G.* Einführung in die lateinische Epigraphik. Darmstadt, 2004.

К отдельным темам

- I. Вопрос о содержании эпиграфической науки: Новосадский Н.И. Греческая эпиграфика. 2 изд. М., 1915. О понятии Epigraphic Habit: *MacMullen R.* The Epigraphic Habit in the Roman Empire // AJPh. 103. 1982. 233-246.
- II. *Ziebarth E.* De antiquissimis inscriptionum syllogis // EE. IX. 1913. 187-332. История римской эпиграфики после Грутера до Моммзена: *Henzen W.* Die lateinische Epigraphik und ihre gegenwärtige Zustände. Theodor Mommsens Inscriptiones Neapolitani Latinae // Allg. Monatsschrift für Wiss. u. Lit. 1853. 157-184. О Моммзене: *Rebenich S.* Theodor Mommsen — eine Biographie. München, 2002.
- III. *Антонову Е.В.* Введение в римскую палеографию. М., 2009; *Hübner E.* Exempla scripturae epigraphicae Latinae. Berlin, 1885; *Wingo E.O.* Latin Punctuation in the Classical Age. Hague; Paris, 1972. Сокращения и контракции: *Hälvä-Nyberg U.* Die Kontraktionen auf den lateinischen Inschriften Roms und Afrikas bis zum 8. Jh. n. Chr. Helsinki, 1988; *Gordon A.E.* Supralineate

- Abbreviations in Latin Inscriptions. Milan, 1976. О *notae numeralium* см.: Thomasson B.E. Zu den Notis Numeralium in Lateinischen Inschriften // *Opuscula Romana*. 3. 1961. 169–178. Об *apex* и *sicilius*: Oliver R.P. Apex and Sicilius // *AJPh*. 87. 1966. 129–170.
- IV. Вообщё о римских фастах см.: *Rüpke J.* Fasti // *Der Neue Pauly*. 4. 1998. 434–439. О календарях: *Rüpke J.* Kalender und Öffentlichkeit: Die Geschichte der Repräsentation und religiösen Qualifikation von Zeit in Rom. Berlin, 1995. *Acta fratrum Arvalium*: *Sheid J.* (Ed.). Recherches archéologiques à la Magliana: Commentarii Fratrum Arvalium qui supersunt: les copies épigraphiques des protocoles annuels de la confrérie arvale: 21 av. — 304 ap. J.-C. / John Scheid; avec la collaboration de Paola Tassini et Jörg Rüpke. Roma, 1998.
- V. *O'Brien Moore A.* Senatus consultum // *RE. Suppl.* VI (1935). 800–812; *Eck W.* Die Verwaltung des Römischen Reiches in der Hohen Kaiserzeit. Ausgewählte Beiträge. 2 Bde. Basel, 1995/98. *Эк В.* Император как глава войска. Военные дипломы и императорское управление // *ВДИ*. 3. 2004. 28–57; *Иванчик А.И.* Римский военный диплом 157 г., выданный матросу Флавиёва Мезийского флота // *Древности Северного Причерноморья в античное время (Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Suppl. 4)*. Симферополь, 2007, 66–83. *К tabulae patronatus* см.: Wallace-Hadrill A. (Ed.) Patronage in Ancient Society. London; New York, 1989; *Nicols J.* Tabulae patronatus: a study of the agreement between patron and client community // *ANRW*. II.13 (1980). 535–561.
- VI. *Stibbe C.M.* (Ed.). Lapis Satricanus: archeological, epigraphical, linguistic and historical aspect of the new inscription from Satricum. Roma, 1980. *Haase M.* Votivkult // *Der Neue Pauly*. 12/2. 2002. К императорскому культу: *Herz P.* Bibliographie zum römischen Kaiserkult (1955–1975) // *ANRW*. II. 16.2 (1978). 833–910; *Fishwick D.* The Imperial Cult in Latin West. Leiden, 1991/2002; *Price S.R.F.* Rituals and power: the Roman imperial cult in Asia Minor. Cambridge University Press, 1986. К defixionum tabellae: *Solin H.* Eine neue Fluchtafel aus Ostia. Helsinki, 1968; *Tomlin R.* The Curse Tablets // *Cunliffe B.* (Ed.). The Temple of Sulis Minerva at Bath 2. Oxford, 1988. 59–277; *Blänsdorf J.* Die Defixionum Tabellae des Mainzer Isis- und Mater Magna- Heiligtums: Defixionum Tabellae Mogontiacenses (DTM). Mainz, 2012.
- VII. *Blanck H.* Wiederverwendung alter Statuen als Ehrendenkmäler

- bei Griechen und Römern. Rom, 1969. *Wesch-Klein G.* Funus publicum. Eine Studie zur öffentlichen Beisetzung und Gewährung von Ehrengräbern in Rom und den Westprovinzen. Stuttgart, 1993. *Puelmo M.* Ælogium: Probleme einer Wortgeschichte // *Museum Helveticum*. 57. 2000. 36–58. *Martin S.D.* The Roman Jurists and the Organization of Private Building in the Late Republic and Early Empire. Bruxelles, 1989; *Jouffroy H.* La construction publique en Italie et dans l'Afrique romaine. Strassburg, 1986; *Waldherr G.* Kaiserliche Baupolitik in Nordafrika. Studien zu den Bauinschriften der diokletianischen Zeit und ihre räumliche Verteilung in den römischen Provinzen Nordafrikas. Frankfurt a. M., 1989; *Saastmoinen A.* The Phraseology of Latin Building Inscriptions in Roman North Africa. Helsinki, 2010. *Kolb A.* Raumwahrnehmung und Raumerschließung durch römische Straßen // Rathmann M. (Hg.). Wahrnehmung und Erfassung geographischer Räume in der Antike. Mainz, 2007, 169–180.
- VIII. *Heinzelmann M.* et al. (Hgg.) Römischer Bestattungsbrauch und Beigabensitten. Wiesbaden, 2001. *Coarelli F.* Il sepolcro degli Scipioni. Roma, 1973. *von Hesberg H., Zanker P.* (Hgg.). Römische Gräberstraßen. Selbstdarstellung, Status, Standard. Kolloquium in München 28.–30. Okt. 1985. München, 1987. *von Hesberg H.* Römische Grabbauten. Darmstadt, 1992. *Eisner M.* Zur Typologie der Grabbauten im Suburbium Roms. Mainz, 1986.
- IX. *Diehl E.* Pompeianische Wandinschriften und Verwandtes. München, 1960. *Gigante M.* Civiltà delle forme litterarie nell' antica Pompei. Napoli, 1979. *Birley R.* Roman Records from Vindolanda on Hadrian's Wall. Greenhead, 1999.
- X. *Schulze W.* Zur Geschichte lateinischer Eigennamen. Berlin, 1904. *Solin H., Salomies O.* Repertorium nominum gentilium et cognominum Latinorum. Hildesheim; Zürich; New York, 1994. *Salomies O.* Die römischen Vornamen. Studien zur römischen Namengebung. Helsinki, 1987. *Kajava M.* Roman Female Praenomina. Studies in the Nomenclature of Roman Women. Roma, 1994. *Kajanto I.* The Latin Cognomina. Helsinki, 1965. *Salomies O.* Adoptive and Polyonymous Nomenclature in the Roman Empire. Helsinki, 1992. *Kajanto I.* Supernomina. A Study in Latin Epigraphy. Helsinki, 1966.
- XI. *Peachin M.* Roman Imperial Titulature and Chronology, A.D. 235–284. Amsterdam, 1990. *Clauss M.* Kaiser und Gott. Herrscherkult im römischen Reich. Stuttgart, Leipzig, 1999. *Vittinghoff F.* Der Staatsfeind in der römischen Kaiserzeit.

- Berlin, 1936. *Kneissl P.* Die Siegestitulatur der römischen Kaiser. Untersuchungen zu den Siegerbeinamen des ersten und zweiten Jahrhunderts. Göttingen, 1969. Cameron A. (Ed.). Fifty years of Prosopography: The Later Roman Empire, Byzantium and Beyond. Oxford, 2003. *Eck W.* Senatoren von Vespasian bis Hadrian. Prosopographische Untersuchungen mit Einschluss der Jahres- und Provinzialfasten der Statthalter. München, 1970 (также: ANRW II 1, 1974. 158–228). *Demougin S.* Prosopographie des chevaliers romains julio-claudiens (43 av. J.-C. — 70 ap. J.-C.). Rome, 1992.
- XII. *Троцкий И.М.* Очерки из истории латинского языка. М.; Л., 1953; *Троцкий И.М.* Историческая грамматика латинского языка; Общеиндоевропейское языковое состояние: Вопросы реконструкции / Под общ. ред. Н.Н. Казанского. М., 2001; *Карасева Т.А.* Историческая фонетика латинского языка. Грамматический комментарий к латинским текстам VII–I веков до н. э. Изд. 2-е. М., 2003. *Adams J.N.* Bilingualism and the Latin Language. Oxford, 2003; *Adams J.N.* The Regional Diversification of Latin 200 BC–AD 600. Oxford, 2007. *Siebert H.K.* Die Syntax der Tempora und Modi der ältesten lateinischen Inschriften. München; Würzburg, 1939; *Church J.E.* Beiträge zur Sprache der lateinischen Grabinschriften. München, 1901; *Knott B.J.* The Christian “special language” in the inscriptions // *Vigiliae Christianae.* 10. 1956. 65–79.
- XIII. *Schillinger-Häfele U.* Consules. Augusti. Caesares. Datierung der römischen Inschriften und Münzen. Stuttgart, 1986.
- XIV. *Hübner E.* Über mechanische Copien von Inschriften. Berlin, 1881.
- XV. *Соломоник Э.И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического: Тексты, перевод, комментарии. М.: Наука, 1983.
- XVI. *Kloos R.M.* Einführung in die Epigraphik des Mittelalters und der frühen Neuzeit. 2. Auflage. Darmstadt, 1992.

Составил А.В. Белоусов

In memoriam

М.Н. Славятинская

СЛОВО О СЧАСТЛИВОМ ЧЕЛОВЕКЕ: ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ФЕДОРОВА (24.08.1927–18.05.2015)

Заголовок этих заметок есть чуть измененное название книги Елены Васильевны Федоровой о ее отце¹.

Можно ли назвать счастливым человека, у которого не сложилась семейная жизнь (или, наверное, он сам сознательно ее не сложил — так будет точнее), которого в расцвете ее научной и просветительской деятельности «отлучили» без предупреждения от его alma mater, человека, которого так подвело здоровье, что последние годы она не выходила из своей квартиры, не спускалась (боясь упасть) даже до почтового ящика?.. Оказывается, можно, если этим человеком движет творчество, о котором Елена Васильевна писала так: «Все м людям, посвятившим свою жизнь творчеству, независимо от степени их дарования, свойственно особое душевное состояние. Они всегда влюблены в свое дело и всегда бывают людьми яркой энергии и острых эмоций. Они могут быть разными: экзальтированными и внешне сдержанными, талантливыми и бездарными, честными и фальшивыми, прямодушными и коварными. Они не могут только одного — быть равнодушными».²

«Все мы из детства...»

Детство у Елены Васильевны было замечательным. Гордостью дочери был отец — народный артист БССР, заслуженный деятель искусств, орденносец Василий Федорович Федоров, который первым при советской власти получил диплом режиссера за подписями А.В. Луначарского и В.Э. Мейерхольда. Частые отъезды отца только сплачивали семью, а его работа позволяла Леночке много времени проводить в театре: «...значительная часть моего детства прошла в зрительном зале; я с малых лет допускалась на вечерние спектакли, и еще до того, как пошла в первый класс, я, сидя

---

¹Федорова Е.В. Повесть о счастливом человеке. М., 1997.

²Там же. С. 4.

в ложе дирекции, начала постигать внешний облик разных стран и культур». О том, что она часто была рядом с отцом, когда шли его спектакли, говорит такой случай. Однажды в Минске проходила конференция по классической филологии. Я жила с Еленой Васильевной в одном номере, и как-то раз она предложила мне во время перерыва между утренним и вечерним заседаниями зайти в Русский драматический театр. Это было днем, но когда разнеслась весть, что в театр зашла Леночка Федорова — сбежались все, кто был свободен: здесь она была своя.

Жизнь Е.В. Федоровой протекала в незаурядной по высоте интеллекта и творческой активности семье, где царили две стихии: театрално-художественная и научно-историческая (без последней невозможно себе представить творчество В.Ф. Федорова). Эти две линии дали знать о себе и в последние годы ее жизни. Напомним о таких книгах, как «Давние века истории России»³ или трилогию о Пушкине — Есенине — Маяковском⁴, в каждой части которой автор задавала один и тот же вопрос: гибель поэта — это закономерность или случайность? Последней ее работой стал альбом «В мире театралных костюмов».

* * *

Интеллектуально-художественный мир отца своеобразно отразился на жизни Елены Васильевны. Она поступила в Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова на самое сложное, пожалуй, отделение — отделение классической филологии. Но и здесь она сумела найти интеллектуально-зрительный путь в науке — эпиграфику.

Что касается точности научных исследований Е.В. Федоровой, то она удивляла даже известных ученых. Так, однажды Ю.В. Откупщикова попросили дать рецензию на книгу Е.В. Федоровой «Ранняя латинская письменность. VIII–II вв. до н. э.» (М., 1991). При встрече Юрий Владимирович сказал мне: «Елена Васильевна так точна, что поставила меня в тупик. Как рецензент я должен был сделать какие-то замечания, но не смог найти ни одной погрешности!».

В 2005 г. Елена Васильевна выпустила книгу «Мифы и реальность Древней Греции». Это не удивительно, удивительно то, что

³Федорова Е.В. Давние века истории России. М., 2008.

⁴Федорова Е.В. Гибель А.С. Пушкина — закономерность или случайность? М., 2012; Федорова Е.В. Гибель С.А. Есенина — закономерность или случайность? М., 2012²; Федорова Е.В. Гибель В.В. Маяковского — закономерность или случайность? М., 2011.

она соединяла мифы и реальность в своей жизни. Она много путешествовала и очень часто объясняла реалии нашего мира через мифы. Как-то во время путешествия по Италии в зимнее время друзья повезли ее в горы. И там она неожиданно увидела среди пожухлой листвы и серых стволов деревьев какое-то золотое облако — это было удивительное растение — лиана-омела. Елена Васильевна, знаток истории и мифологии, сразу сопоставила золотое покрывало на дереве и золотую шкуру барана из мифа об аргонавтах.⁵

С 1958 г. в течение 48 лет Елена Васильевна работала на кафедре древних языков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В основном, она вела курс латинского языка и читала спецкурс «Латинская эпиграфика» на своей кафедре и на кафедре классической филологии филологического факультета МГУ. Что касается латинского языка, Елена Васильевна справедливо полагала, что этот курс следует читать по-разному на разных факультетах. На историческом факультете, считала она, задача курса латинского языка — погрузить студента через латинский текст в исторические события и реалии древнего Рима. Удивительно, что, будучи по образованию филологом, она часто подменяла лексико-грамматический анализ латинского текста рассказом о событиях и реалиях, связанных с этим текстом. Этим она зачастую вызывала недоумение у студентов и аспирантов (которые, за немногими исключениями, приходили на кафедру за так им необходимыми лингвистическими знаниями). Метод, которого придерживалась Е.В. Федорова, был хорош только после подробного начального лексико-грамматического анализа текста. А она, обладая многоярусной эрудицией, никак не могла отказаться от немедленного комплексного анализа любого текста, даже достаточно простого.

Что касается курса латинской эпиграфики, то, по мнению большинства слушателей, по крайней мере, филологов, он был точным по типу информации, а тем самым не только полезным, но и интересным.

Многоаспектность, многомерность, многослойность тех знаний, которыми обладала Елена Васильевна, должны были воплотиться в ее «многослойных» работах. К их числу относится ставшая в свое время бестселлером книга «Императорский Рим в лицах» (1979)⁶, посвященная «Светлой памяти Федора Александровича Петровского, тонкого знатока античности и превосходного переводчика». Во введении Елена Васильевна писала: «Тема этой книги — лю-

---

⁵Так родилась статья «Имеет ли миф об аргонавтах реальную основу?». См. ее в приложении к настоящей статье.

⁶*Федорова Е.В.* Императорский Рим в лицах. М., 2002⁴.

ди императорского Рима, как они выглядели и что собой представляли: римский скульптурный портрет дан в соединении с тем повествовательным материалом, который содержится в произведениях античных писателей и в надписях; таким образом, искусство скульптуры и искусство слова взаимно дополняют друг друга.

Римский скульптурный портрет является в высшей степени ценным психологическим документом мировой истории, так как виртуозная техника ваятеля сочетается в нем с беспощадным реализмом.

Римский портрет, как и античная литература, убеждает нас в том, что античный мир был миром очень энергичных людей с чрезвычайно богатым разнообразием характера и интеллекта, был миром людей, психология которых во многом перекликается с психологией современного человека: у древних римлян были иные социально-экономические условия, иной исторический опыт, но в принципе они были такими же людьми, как и мы»⁷.

Пронесенная через всю жизнь любовь к искусству во всех его внешних проявлениях (архитектура, живопись, скульптура) и идущая с детства «театральность», желание рассказать о нем как можно большему числу людей побудило Елену Васильевну вместе с заведующим кафедрой древних языков профессором А.Ч. Козаржевским создать при историческом факультете аудио-визуальный цикл лекций для студентов. Его охотно посещали преподаватели и студенты других факультетов. Следует сказать, что Елена Васильевна была отличным фотографом и десятки лет ездила по разным городам и странам со своим советским фотоаппаратом ФЭД, не соглашаясь променять его ни на какой другой и делая превосходные слайды и фотографии.

Елена Васильевна не обходила вниманием и свой родной факультет — филологический, охотно читая лекции для слушателей Секции классической филологии, приезжавших тогда в оплаченные командировки со всех концов Советского Союза на курсы повышения квалификации. Вот, например, тема ее лекции в 1997 г. «Памятники античного Рима» или в 1999 г. — «Античные памятники Южной Италии и Сицилии (Акрагант, Пестум, Помпеи)».

Последние годы

Уход (а вернее, неожиданное удаление) с кафедры древних языков исторического факультета обескуражило Елену Васильевну

⁷Там же. С. 5.

очень ненадолго: она придумала, как реализовать свои многолетние и многослойные знания. Елена Васильевна создала свой повествовательный научно-публицистический жанр, рассказывая о самых различных временах и людях. При этом читатели сразу отметили, что последние ее книги — это творчество не дилетанта, а скрупулезного историка, но пишущего не для узкого научного сообщества, а для широкого читателя. Заметим, кстати, что Елена Васильевна обладала великолепным слогом, а особую «изюминку» ее рассказам придавало то, что она могла высказывать свое личное мнение по поводу тех или иных событий и людей.

Очень многие люди в Москве, да и не только, специально собирали книги Е.В. Федоровой.

Дом и гости

Можно по-разному относиться к старшему поколению преподавателей. На филологическом факультете МГУ о них помнят, у них дома часто занимаются студенты, их посещают аспиранты и молодые преподаватели. А о себе Елена Васильевна сказала: «Обо мне не вспомнили ни в 80 лет, ни в 85. Свои юбилеи я отмечала только с родственниками». Жаль, что молодежь не познакомилась с Еленой Васильевной у нее дома. Видимо, молодые люди думали, что найдут неприметную дряхлую старушку в грязной квартире. Но Елена Васильевна принадлежала к типу людей с мало изменяемой с течением времени внешностью и в свои 86 лет выглядела на 60. Гостей же она всегда принимала красиво: стол со старинными тарелками и хрустальными фужерами, дорогое вино, горячая еда (ее Елена Васильевна заказывала даже к приходу одного гостя) и пр. Но главное, жаль, что молодежь не услышала ее мелодичный голос, богатую малоизвестными фактами речь. Жаль, что не услышали ее рассказов об основателе и заведующем кафедрой древних языков исторического факультета МГУ Викторе Сергеевиче Соколове (1889–1967) (правда, есть ее статья о нем, но где?)... Жаль... жаль... жаль...

Начало и конец жизненного пути Елены Васильевны Федоровой удивительным образом совпали с началом и концом ее творческого пути. С детства она хорошо рисовала, а театральный мир отца подсказал ей тему: театральный костюм. Вот как она сама написала об этом в своей последней книге «В мире театральных костюмов»: «Мой интерес к театральному костюму и познания в этой области объясняются тем, что я происхожу из театральной семьи; я выросла в окружении огромного числа превосходных книг по искусству...

Собрание моих рисунков предназначено для зрителя, который серьезно любит театр и воспринимает его как замечательную школу жизни, где значение имеет и внешность персонажей, в том числе и костюм, что в какой-то мере раскрывает характеры людей и смысл разных эпох — от древности до современности⁸.

О Елене Васильевне вспоминает ее сокурсница.

Людмила Павловна Поняева

О Елене Васильевне Федоровой

Зачисленных на 1 курс отделения классической филологии МГУ к началу 1946/1947 учебного года было более 15 человек, поэтому для занятий древнегреческим и латинским языками нас разделили на 2 группы (мы с Леной были в разных группах). Среди студентов 1 курса было несколько фронтовиков — спустя год после окончания войны у них были льготы при поступлении в университет. Эти две группы занимались с разными преподавателями, и только к началу 3-го курса, когда количество студентов (по разным причинам) убавилось, мы стали заниматься одной группой — по-гречески у С.И. Соболевского, по-латыни — у Н.Ф. Дератани.

В учебном плане нашего отделения тогда не было таких необходимых для нашей специализации курсов, как «История античного искусства» (правда, С.И. Радциг после занятий в субботу вечером водил нас в «Музей изобразительных искусств»), не было ни эпиграфики, ни диалектологии, не было много других предметов. Поскольку в те годы было трудно найти работу по специальности, мы все 5 лет обучения в университете подробно изучали русский язык и литературу; лекции нам читали профессора с кафедры русского языка и русской литературы, да и в дипломах у нас было указано, что помимо основной квалификации по классической филологии нам присвоено звание учителя средней школы. Кроме этого существовала обязательная медицинская подготовка, 2 семестра мы слушали лекции профессоров из медицинского института, сдавали экзамены и зачеты (из нас готовили медсестер). Когда мы были на 2-ом курсе, эта специализация была отменена.

Сложности в нашей студенческой жизни создавало и отсутствие большой словарей и необходимых учебных пособий (по истории латинского языка, по греческому языку); приходилось домашние задания выполнять в библиотеках (Ленинской, Исторической; Горьковка пускала в общий зал только дипломников).

⁸*Федорова Е.В.* В мире театральных костюмов. М., 2014. С. 6.

На таком фоне проходила студенческая жизнь, особенно на первых курсах. В 50-е годы издательская деятельность по выпуску учебников и словарей оживилась, появились и переводные издания (Шантрен, Нидерман, Эрну).

Лена Федорова всегда была подготовлена к занятиям, ее ответы и сообщения на учебных и семинарских занятиях всегда были глубокими, основательными. Погрузившись в мир латинских надписей, Лена написала о них две книги, подготовила лекционный курс и тем самым закрыла одну из лакун в истории латинского языка.

У нее всегда был интерес к тем странам, где античность оставила свои следы. Этот интерес она утоляла, организуя туристические поездки по этим землям. Свежие впечатления от таких поездок хорошо оживляли ее аудиовизуальный курс, который она много лет с неизменным успехом вела на историческом факультете. Эти же поездки стали первым побудительным мотивом к написанию многих книг, особенно в начале ее писательской деятельности.

Неоценимую помощь в подготовке путешествий и в написании книг Лена получала дома от тех книг, которые в большом количестве всегда окружали ее. Ее отец — Василий Федорович, успешный

и известный театральный режиссер, страстный библиофил, собирал книги по искусству всю жизнь. Ее мама, Татьяна Ивановна, в молодые годы тоже увлекалась театром; она всегда поддерживала Лену во всех ее начинаниях, вдохновляла на осуществление новых замыслов. А трудолюбия, упорства в достижении цели, таланта в исполнении самых трудных задач у Лены всегда было достаточно.

На фотографии «классики» выпуска 1951 г. в 1981г. на встрече выпускников. Слева направо: Поняева Людмила Павловна, Гололобова Элина Георгиевна, Дугина Галина Васильевна, Гринцер Павел Александрович, Левант Маргарита Львовна, Петерсон Майя Рудольфовна, Зотова Зоя Алексеевна, Федорова Елена Васильевна. Кроме них в группе учились Темчина Наталья Григорьевна, Ткачева Людмила Васильевна, Шестоперова Валентина, Товаровская Елена Борисовна, отсутствующие на фотографии.

Мы всегда будем помнить ее увлекательные рассказы о путешествиях, ее книги и ее замечательные успехи в науке.

15 сентября 2015 г.

* * *

В приложении дана статья Е.В. Федоровой «Имеет ли миф об Аргонавтах реальную основу?»⁹

Имеет ли миф об Аргонавтах реальную основу или же представляет собой целиком и полностью художественный вымысел, облеченный в более или менее совершенную литературную форму?

Слово «миф» на протяжении более чем трехтысячелетней истории кардинально изменило свой смысл. В современном мире миф означает нереальность, вымысел, преднамеренную ложь. Для древних греков миф — это «слово», сказание, реальная история, только очень-очень древняя; это память народа о тех временах, когда уже происходили значительные события, но еще не было такого письма, которым можно было бы записать связный текст; это история, которая сохранилась только в форме устного предания, со временем принявшего художественную форму в виде эпоса. Так как давняя история стала материалом для поэзии, открылись широкие возможности для переосмысления предания, для его непроизвольного или преднамеренного искажения и появления мотивов нереальных, сказочных, фантастических.

⁹Опубликовано в: Вестник Московского Университета. Серия 8. История. 1996. № 6. С. 31–35.

Миф об Аргонавтах имеет множество откровенно сказочных мотивов, начиная с самого золотого руна — золотой шерсти барана. Это фантастическое золотое руно охраняет столь же фантастичный вечно бодрствующий дракон. Корабль «Арго» обладает способностью говорить: когда плыли мимо берега Фессалии, «Арго» человеческим голосом провещал, чтобы Геракл сошел на берег, так как слишком тяжел для корабля. На побережье Фракии двое Аргонавтов, сыновья Борея Зет и Калаид, избавили слепого прорицателя Финея от мучивших его крылатых гарпий. Скалы Симплегады, движущиеся в открытом море, навсегда остановились после того, как между ними проплыл «Арго». Ясон в Колхиде сумел запрячь медноногих быков с огнедышащими пастями, которых бог-кузнец Гефест подарил царю Ээту. Ясон засеял поле зубами дракона, а из них выросли воины в полном вооружении. Волшебница Медея продемонстрировала свое искусство перед наивными дочерьми царя Пелия, разрубив на куски барана, сварив их и превратив в ягненка. Царь Коринфа и его дочь Главка сгорели в пламени, которое вспыхнуло от отравленного покрывала, подаренного Медеей. После этого фантастического преступления Медея бежала из Коринфа на колеснице бога Гелиоса, запряженной крылатыми драконами. Таковы основные сказочные элементы мифа об Аргонавтах.

Принципиальное различие между мифом и его древнем понимании и сказкой в теперешнем смысле слова заключается в том, что сказка находится вне времени и пространства. Например, в русских сказках действие происходит «в тридевятом царстве, в тридевятом государстве»; когда? — «при царе Горохе». И никому, естественно, не приходит в голову искать на карте оное «тридевятое царство», равно как и отыскивать в анналах истории «Царя Гороха».

В отличие от сказки греческие мифы о героях, даже щедро украшенные фантастическими мотивами, не пребывают вне времени и пространства. Всегда точно указано, где происходит действие. Более сложный вопрос «когда?» тоже можно решить, так как известно, в каких хронологических соотношениях друг с другом находятся мифологические персонажи, кто старше, кто моложе, кто современники. Результаты археологических раскопок последних ста пятидесяти лет подтвердили наличие исторической основы у мифов о героях — это предметы материальной культуры и остатки построек II тысячелетия до н. э., найденные именно в тех географических пунктах, о каких повествуют мифы. Гомер в VIII в. до н. э. называет Микены «златообильными», и золото найдено Генрихом Шлиманом не где-нибудь, а именно в Микенах (гробничный круг А XVI в. до н. э.).

Взглянем с этой точки зрения на миф об Аргонавтах. Хотя он и изобилует элементами фантастики, его география вполне реальна. Исследователи давно обратили на это внимание.

Отправным пунктом экспедиции Аргонавтов является город Иолк. Это отнюдь не фантастический город. Он реально существовал в Фессалии и существует до настоящего времени под именем Волос. Его современное население составляет более 70 тыс. человек. Он расположен на берегу залива Пагаситикос и является третьим по величине портом всей Греции и портом Фессалии. Современный Волос возник в XIV в. на месте древнего Иолка, существовавшего во II тысячелетии до н. э. В этой местности были селения уже в IV тысячелетии до н. э. (около деревни Сескло) и в III тысячелетии до н. э. (около деревни Димини). При выезде из современного Волоса в северо-западном направлении в сторону Лариссы с правой стороны между линией железной дороги и руслом реки находятся остатки дворца времени около 1400 г. до н. э., который сгорел при пожаре около 1200 г. до н. э. Таким образом, Иолк — не вымысел, а реальность, оставившая после себя вещественные доказательства: камни дворца можно увидеть и потрогать. Напротив Иолка на полуострове Певкеи находилось селение Нелейя. Археологи обнаружили там погребения микенского времени. Вероятно, это было кладбище Иолка.

Итак, исходный пункт маршрута Аргонавтов абсолютно реален. Столь же реален и весь их маршрут: остров Лемнос, побережье Мисии, Фракии, Вифинии, Колхида — все это реальная география. Обратный маршрут древних Аргонавтов был более сложным: они проплыли мимо земель лигий и кельтов, по Сардинскому морю, мимо Тиррении, побывали на острове Эя, у волшебницы Кирки (Цирцеи), проплыли мимо Скиллы (Сциллы) и Харибды, мимо Тринакрии (Сицилии), побывали на островах Керкире, Анафэ (близ острова Фера) и на Крите; затем миновали остров Эгину и проплыв между Эвбеей и Локридой, прибыли в Иолк. Все плавание заняло четыре месяца — срок вполне возможный, это не два дня и не двести лет, как могло быть в сказке.

В этом перечне ближе всех к фантастике стоит остров Эя, остров волшебницы Цирцеи, которая была родственницей Медеи, сестрой ее отца Ээта, т. е. приходилась Медее тетей, так что естественным было желание племянницы повидаться со своей тетей, волшебницей более могущественной. Но даже и этот мотив имеет реальную географическую основу. Древние авторы неоднократно называли полуострова островами. На западном побережье Италии почти на полпути между Римом и Неаполем есть полуостров, изда-

ли очень похожий на остров, который называется Горой Цирцеи — по-итальянски Монте Чирчео. Известно, что история дольше всего живет в географических названиях. На плоской поверхности этой высокой обрывистой горы, далеко выдающейся в море, сейчас находится городок Сан Феличе Чирчео с населением около 8 тыс. человек. У моря, у основания горы, есть пещеры, где обнаружены следы деятельности первобытного человека в течение очень долгого времени, начиная с эпохи среднего палеолита, продолжавшейся от 130 тыс. до 36 тыс. лет до н. э. Особый интерес представляет пещера Гуаттари, которая около 50 тыс. лет назад была местом магических действий неандертальцев; там сохранились следы ритуала человеческого жертвоприношения. В других пещерах Монте Чирчео обнаружены следы людей верхнего палеолита и мезолита (последний период продолжался от 10 тыс. до 6 тыс. лет до н. э.). Таким образом, эта гора и ее пещеры оставались священным местом очень долгое время. При римлянах, которые обосновались здесь в VI в. до н. э., на вершине горы находилось святилище Цирцеи, а у воды — пещера, носящая ее имя. В народной фантазии Цирцея трансформировалась в Венеру; при раскопках святилища обнаружили надписи на латинском языке — «Цирцее святейшей» — и голову Венеры, представляющую собой реплику знаменитой Афродиты Книдской Праксителя. В образе Цирцеи воплотилась традиция магии, бытовавшая здесь в продолжение десятков тысяч лет.

Что касается Сциллы и Харибды, то давно установлено, что Сцилла — это мыс в Мессинском проливе, глубоко выдающийся в море и очень опасный для мореходов, а Харибда — водоворот, недалеко от Сциллы.

Пятидесятивесельный корабль «Арго» сделан не из птичьих перьев, а из пелионских сосен и дуба в носовой части. Лучшим доказательством его действительного существования служит тот факт, что несколько лет тому назад построили корабль в подражание «Арго», и он совершил плавание по древнему маршруту из Волоса в Потти, продемонстрировав, что ничего невозможного в этом нет. Сейчас этот «Арго» XX века представляет собой один из любопытных музейных экспонатов Грузии.

Таким образом мы видим, что география мифа об Аргонавтах реальна.

Ну, а как обстоит дело с хронологией? Аргонавты принадлежали к поколению, предшествовавшему поколению участников Троянской войны. Ясон — современник Геракла и Тесея. Геракл — современник аркадийца Эвандра, который, согласно сообщению Дионисия Галикарнасского (I, 31, 33), за шестьдесят лет до Троянской

войны переселился в Лаций и обосновался на Палатинском холме. В результате раскопок установлено, что Троянская война — это исторический факт, имевший место в середине XIII в. до н. э.; следовательно, Аргонавты и их современники жили в конце XIV — первой трети XIII в. до н. э. (древние считали, что, как правило, за век проходит жизнь трех поколений).

Итак, миф об Аргонавтах не существует вне времени и пространства подобно сказке.

Теперь обратимся к характеру его героев и посмотрим, насколько реально мотивированы их поступки. Кто они такие и зачем поплыли в Колхиду?

Миф может иметь несколько достаточно распространенных версий. Будем придерживаться в основном наиболее объективного и беспристрастного изложения, которое характерно для «Мифологической библиотеки» Аполлодора, афинского грамматика II в. до н. э.

Ясон — потомок царей Фессалии, известной в древности как страна чародейства; согласно одной из мифологических версий, бог врачевания Асклепий родился именно в Фессалии (об этом сообщает Аполлодор — Библ. III, X, 3). В древнем мире магия и врачевание тесно соприкасались друг с другом. Ясон является сыном Эсона, внуком Кретея, основателя Иолка, правнуком Эола, первого царя Фессалии. Узурпатор Пелий отстранил от власти Эсона и, естественно, боялся его сына. Ясон, согласно Гесиоду (Теогония, 40), долгое время жил у кентавра Хирона в пещере леситого Пелиона и там научился искусству врачевания. В роду Ясона был человек, обладавший даром прорицания (Мелампод, его двоюродный племянник, правнук Кретея). Имя Ясон — «Иасон» — имеет корень глагола «и́а́стай» — «лечить». Живя в Фессалии около Иолка Ясон занимался земледелием и имел к этому особое расположение (это отмечено Аполлодором — Библ. I, IX, 16).

Таким образом, Ясон предстает перед нами не как могучий и отважный воин, а как мирный человек, сведущий в магии и врачевании, знающий целебные и волшебные свойства растений, на воинственного эпического героя он совсем не похож.

Мысль о том, чтобы снарядить экспедицию в Колхиду, внушил узурпатору Пелию именно Ясон. Пелий спросил у него, как бы он поступил с тем из соплеменников, относительно которого ему было бы предсказано, что тот станет его убийцей (Пелий имел в виду Ясона как мстителя за отца). Ясон, сведущий в магии, разумеется, догадался, о ком идет речь, и ответил, что послал бы его за золотым руном. Тем самым Ясон сам напросился в участники экспедиции. Следовательно, для Ясона золотое руно — вещь желанная, а Пе-

лий, не сведущий в магии, едва ли представлял себе, что это такое. Главное заключается в том, что золотое руно — это нечто смертоносное, годное для расправы с врагом.

Следует отметить, что поход Аргонавтов был акцией сугубо мирной, это был всего один корабль. Разные авторы называют различное число участников: Пиндар (Пикийская ода, IV) — 11, Аполлоний Родосский (Аргонавтика, I, 200–233) — 55, Аполлодор (Библ., I, IX, 16) — 45. Во всяком случае, одного корабля и даже пятидесяти пяти участников, во главе которых не воин, а врачеватель, недостаточно для достижения военных целей в далекой Колхиде. Это была разовая мирная экспедиция за золотым руном и только.

Что же такое золотое руно? Шкура с золотой бараньей шерстью, висящая на дереве, — явно сказочный образ. Висеть на дереве шкура может, но иметь золотую шерсть — нет.

В качестве самого простого объяснения можно предположить, что золотое руно — это художественный образ золота; правда, совсем непонятно, почему этот драгоценный металл висит на дереве, а не спрятан в сокровищнице. Кроме того, если экспедиция в Колхиду преследовала грабительские цели, то одного корабля и даже пятидесяти пяти участников было явно недостаточно; вспомним, что Пиндар определяет число участников в одиннадцать человек.

Золотое руно — золото, висящее на дереве, — может иметь и другое толкование, при котором и цвет золота, и его пребывание на дереве окажутся вполне естественными. Как золотая россыпь выглядят зимой ягоды и стебли омелы на голых ветвях дерева.

Омела (латинское название *viscum*) — это растение-паразит, которое живет высоко на ветвях деревьев во влажном климате, так как имеет воздушные корни. Многие древние народы Европы приписывали омеле сильнейшие магические и целебные свойства — якобы она уничтожает действие любого яда, помогает при эпилепсии, заживляет раны, способствует плодовитости, а также защищает от пожаров и от всякого колдовства, короче говоря, омела — это универсальное средство от всех бед.

По верованиям древних жителей Скандинавии, омела имеет огромнейшую силу: веткой омелы был убит бог Вальдер. Вспомним, что Ясон предложил Пелию добыть золотое руно именно для гибели врага, но Пелий не понял, что это оружие может быть направлено против него же самого; важно, что золотое руно фигурирует в мифе именно как орудие убийства: после возвращения экспедиции с золотым руном Пелий погиб. Омеле, этому эффектному растению, поклонялись друиды Галлии; для них не было ничего священнее, чем омела, растущая на дубе. Омелы в Галлии много,

но на дубе она растет крайне редко. Поэтому такая омела представляет величайшую ценность. Добыть ее очень трудно. Согласно древнему поверью, только жрец с соблюдением сложных обрядов может срезать ее с дерева, причем непременно золотым серпом. Если сорвать омелу рукой, она потеряет свою силу. При отсутствии золотого серпа омелу надо было камнем сбить с дерева и подхватить на лету, так как считалось, что при соприкосновении с землей она тоже теряет свою магическую силу.

Золотое руно вполне сопоставимо с омелой. Для Ясона, чародея и врачевателя, она представляла огромную ценность, но добыть ее в Греции с ее жарким, засушливым климатом было едва ли возможно; она хорошо растет в густых и сырых лесах Швеции, а также и в жаркой влажной Колхиде. Добраться до лесов Швеции для древнейших обитателей Греции было нереально, добраться же морем до Колхиды реально вполне; кроме того, Колхида богата сочными и разнообразными травами и другими растениями. Обратим внимание на то, что, согласно Аполлодору (I, IX, 16), золотое руно в Колхиде висит именно на дубе, т. е. если под золотым руном подразумевается омела, то это омела наиболее ценная. Отметим также и то, что в носовой части корабля «Арго» был укреплен ствол прорицающего дуба из Додоны, где находился знаменитый оракул Зевса (Аполлодор. Библ. I, IX, 16), значит, дуб в этой ситуации имеет особое магическое значение. Знаменательно, что золотое руно снял не Ясон, ибо он жрецом не был, руно сняла местная чародейка или жрица, Медея (Аполлодор. Библ. I, IX, 23). В дальнейшем развитии сюжета на первое место выходит роман Медеи и Ясона. Но если золотое руно — это омела, то Медея была нужна Ясону именно как жрица, знающая, как обращаться с омелой и другими волшебными-целебными растениями. Царь Колхиды Ээт, послав погоню за Аргонавтами, требовал вернуть именно Медею, а не золотое руно (Аполлодор. Библ. I, IX, 24).

Таким образом, есть основания считать, что поход Аргонавтов был единичной экспедицией за волшебными и целебными растениями в ту страну, которая ими богата. Успех экспедиции обеспечил ей славу в эллинском мире, недаром в «Одиссее» (XII,70) корабль «Арго» имеет эпитет «всем известный» — «Арго пási мѣлyса». И само собой разумеется, что древние греки забыли о роли омелы в мифе об Аргонавтах, так как она у них не росла.

* * *

Ниже публикуется список книг, написанных и опубликованных Е.В. Федоровой.

1. Латинская эпиграфика. М., МГУ, 1969.
2. Латинские надписи. М., МГУ, 1976.
3. Императорский Рим в лицах. М., МГУ, 1979.
4. Введение в латинскую эпиграфику. М., МГУ, 1982.
5. Знаменитые города Италии. Рим. Флоренция. Венеция. Памятники истории и культуры. М.: МГУ, 1985.
6. Люди императорского Рима. М., МГУ, 1990.
7. Ранняя латинская письменность. VIII–II вв. до н. э. М., МГУ, 1991.
8. Императорский Рим в лицах. 2-е изд. Смоленск, 1995.
9. Императорите на Рим. Величие и упадък. София, 1997 (на болгарском языке).
10. Повесть о счастливом человеке. М., 1997.
11. Императорский Рим в лицах. 3-е изд. Ростов-на-Дону, 1998; Смоленск, 1998.
12. Париж. Века и люди от основания города до Эйфелевой башни. М., МГУ, 2000.
13. Императорский Рим в лицах. 4-е изд. М., 2002.
14. Англия. Тысячелетия и люди от каменного века до башни королевы Виктории. М., 2002.
15. Испания. Века. Люди. Искусство. М., 2002.
16. Мальта. Тысячелетия. Люди. Тайны. М., 2003.
17. Беспокойная жизнь мастера Бенвенуто. Историческая повесть. М., 2003.
18. Люди древнего Египта. М., 2003.
19. Люди прекрасной Франции. Историческая повесть. М., 2003.
20. Малая Азия. Тысячелетия. События. Творения. М., 2004.
21. Путешествие по Узбекистану. М., 2004.
22. Мифы и реальность Древней Греции. М., МГУ, 2005.
23. Неаполь и его окрестности. Века. Люди. Искусство (в соавт. с М. Лесницкой). М., МГУ, 2005.
24. Сицилия. Века. Люди. Искусство. М., 2005.
25. Визуально-лекционный курс «Памятники мировой истории и культуры». Перечень диапозитивов и текст к ним. Ч. 1. Греция и Италия. М., 2006.
26. Исторические заметки. М., 2006.

27. Человек в истории Западной Европы. М., 2007.
28. Человек в истории Западной Европы. Ч. 2. Рим — Вечный город. М., 2007.
29. Давние века истории России. М., 2008.
30. Подлинные голоса Древнего Рима. М., 2008.
31. Знаменитые женщины мировой истории. М., 2009.
32. Гибель С.А. Есенина — закономерность или случайность? М., 2010.
33. Милан. Века и люди (Ум и глупость как движущие силы истории). М., 2010.
34. Эпизоды из жизни средневекового Рима. М., 2011.
35. Гибель В.В. Маяковского — закономерность или случайность? М., 2011.
36. Миф о царе Эдипе. М., 2012.
37. Гибель С.А. Есенина — закономерность или случайность? 2-е изд. М., 2012.
38. Гибель А.С. Пушкина — закономерность или случайность? М., 2012.
39. Слово о Владимире Маяковском. М., 2013.
40. Древние тираны, демагоги и олигархи. М., 2013.
41. Пестрые воспоминания. М., 2014.
42. Мальта. Тысячелетия. Люди. Тайны. 2-е изд. М., 2014.
43. Трагедия Вильяма Шекспира «Гамлет». М., 2014.
44. В мире театральных костюмов. Альбом. М., 2014.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории. М.
AJPh — American Journal of Philology. Baltimore
ANRW — Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Berlin; New York, 1972–
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum / Ed. Th. Mommsen u.a. Berlin, 1863–1943
CIQ — Classical Quarterly. L.
HSCP — Harvard Studies in Classical Philology. Harvard
IGR — Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. Paris
IGSK — Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Bonn
ILS — Inscriptiones Latinae Selectae: in 3 vol. / Ed. H. Dessau. Berlin, 1892–1916
JHS — Journal of Hellenic Studies. L.
JRS — Journal of Roman Studies. Cambridge
LIMC — Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. 1-8 Bd. Zürich; München; Düsseldorf, 1981–1999
MAMA — Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Manchester
PCPS — Proceedings of the Cambridge Philological Society. Cambridge
PG — Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Ed. J.-P. Migne. Parisiis
PL — Patrologiae cursus completus. Series Latina / Ed. J.-P. Migne. Parisiis
RE — Paulys Real-Enzyklopädie der classischen Altertumswissenschaft / Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll. Stuttgart
RN — Revue numismatique. Paris

ОБ АВТОРАХ

- АНИКЬЕВ Илья Игоревич*, ассистент. Работает на кафедре с 2013 г.
- БЕЛИКОВ Григорий Сергеевич*, ассистент. Работает на кафедре с 2013 г.
- БЕЛОУСОВ Алексей Владиславович*, кандидат филологических наук, доцент. Работает на кафедре с 2009 г.
- ЖИВЛОВА Нина Юрьевна*, кандидат исторических наук, ассистент. Работает на кафедре с 2002 г.
- КОРЧАГИН Алексей Олегович*, старший преподаватель. Работает на кафедре с 2014 г.
- КУВШИНСКАЯ Ирина Владимировна*, старший преподаватель. Работает на кафедре с 1981 г.
- МОСОЛКИН Алексей Владиславович*, кандидат исторических наук, доцент. Работает на кафедре с 2009 г.
- ПАРФЕНОВА Елизавета Григорьевна*, старший преподаватель. Работает на кафедре с 2012 г.
- ПОДОСИНОВ Александр Васильевич*, доктор исторических наук. Заведующий кафедрой с 2008 г.
- ПРИХОДЬКО Елена Владимировна*, кандидат филологических наук, доцент. Работает на кафедре с 1991 г.
- СЛАВЯТИНСКАЯ Марина Николаевна*, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
- СМЫКА Ольга Викторовна*, старший преподаватель. Работает на кафедре с 1972 г.
- ШАБАГА Ирина Юрьевна*, кандидат исторических наук, доцент. Работает на кафедре с 1974 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.В. Подосинов</i> Предисловие	5

Статьи

<i>А.В. Белоусов</i> Нуччо Ордине о пользе бесполезного: «ненаучная» рецензия	9
<i>А.О. Корчагин</i> О древнееврейском термине $\square\psi\aleph$ в 6-й главе I книги Царств и о его трактовке в Септуагинте	17
<i>А.В. Подосинов</i> К внешнему облику скифов в Афинах и в Северном Причерноморье	28
<i>Е.Г. Парфенова</i> Эволюция философских взглядов Аристотеля и относительная хронология его сочинений	44
<i>Г.С. Великов</i> Культ Ахилла Понтарха у Максима Тирского (Or. 9.7 Trapp)	66
<i>Е.В. Приходько</i> Оракул по пяти астрагалам из города Адады в Писидии	72
<i>А.В. Мосолжин</i> Легенда об Энее	167
<i>И.Ю. Шабига</i> Константин и Максенций: методы политической борьбы	178

Переводы, публикации, комментарии

<i>И.И. Аникьев, И.В. Кувшинская</i> «Золотая Легенда» Иакова Ворагинского: к публикации переводов	193
<i>О.В. Смьжа</i> «Музы» Алексея Комнина	235
<i>О.В. Смьжа</i> Константин Манасси. Жизнь Опшиана	254

О.В. Смыка

Византийский поэт Мануил Фил. Из стихов о животных, адресованных императору Михаилу IX Палеологу 261

Н.Ю. Живлова

Гибель Ниалла Девяти Заложников 276

Учебно-методические материалы

А.О. Корчагин

Программа курса «Древнееврейский язык» 288

И.Ю. Шабага

Сводные аналитические таблицы по древнегреческому языку (продолжение) 294

А.В. Белоусов

Введение в римскую эпиграфику (программа) 308

In memoriam

М.Н. Славятинская

Слово о счастливом человеке: Елена Васильевна Федорова (24.08.1927–18.05.2015) 315

Список сокращений 332

Об авторах 333

Научное издание

ТРУДЫ КАФЕДРЫ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ

Выпуск IV

Ответственный редактор:

А.В. Подосинов

Редколлегия сборника:

А.В. Мосолкин, Е.В. Приходько, И.Ю. Шабига

Оригинал-макет:

А.М. Крюков

Издательство «Индрик»

INDRIK publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by

e-mail: indric@mail.ru

or by tex./fax.: +7 495 938 57 15

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 60 × 90^{1/16}. Печать офсетная.

28 п. л. Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6